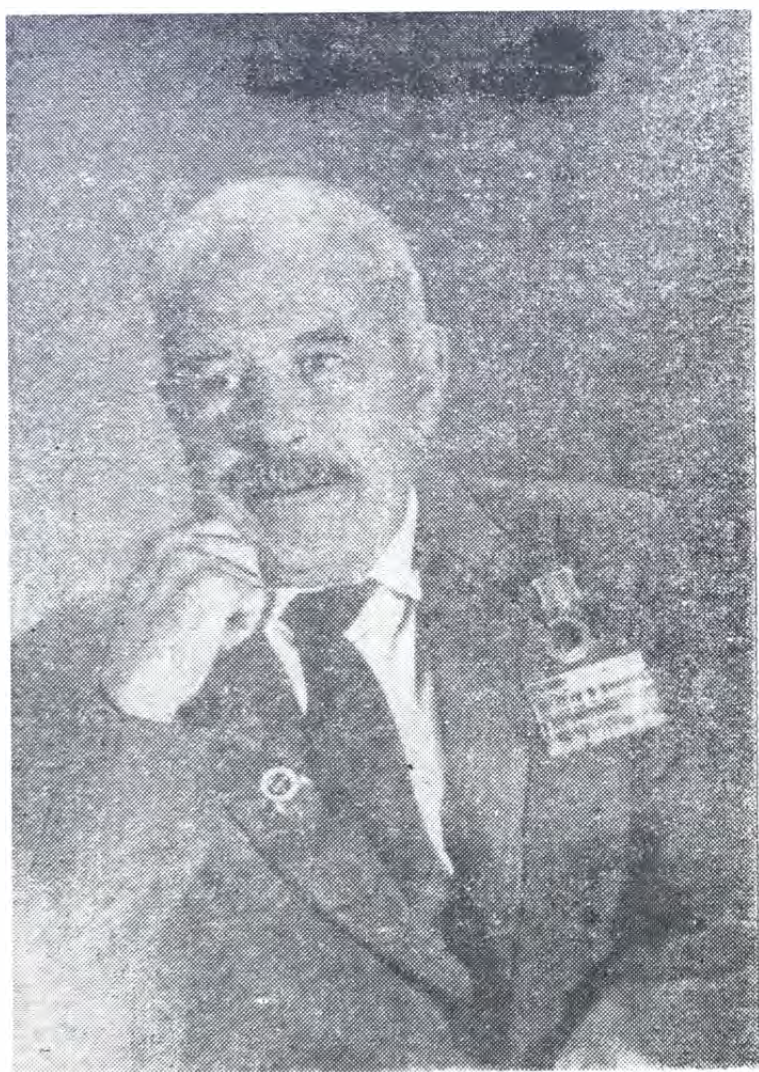

Хузун
Абмадulloб

Ростречин
у родника

Хузайр
Абтакулов

Встречи
у родника

Заветанское
книжное издательство
Махачкала

1989

Авшалумов Хизгил

А 22 Встречи у родника: Новеллы, рассказы.— Махачкала:
Даг. кн. изд-во, 1989—296 с.

В книгу известного татского прозаика, пишущего на родном и русском языках, вошли произведения, полюбившиеся дагестанскому читателю: «Встречи у родника», «Совбол», «Как я воскрес», «Новеллы о хитроумном Шими Дербенди» и др.

Они отражают жизнь и быт современных горцев, их трудовые и ратные дела, дружбу, стремление к миру. Вместе с тем во многих произведениях подвергаются критике различные отрицательные явления в нашей жизни: пьянство, мещанство, стяжательство, взяточничество, казнокрадство, очковтирательство, бюрократизм, религиозные суеверия и др.

ББК 84. Тат.

ДОРОГА БЕЗ ОСТАНОВОК

Сын немногочисленного, но древнего народа, колхозник, сотрудник районной газеты, научный работник, активный участник Великой Отечественной войны, получивший тяжелые ранения, награды, капитан запаса, журналист, многие годы партийный вожак писателей республики и консультант по творческим вопросам, лауреат республиканской ДАССР премии им. С. Стальского, заслуженный работник культуры РСФСР и ДАССР, делегат ряда съездов писателей СССР и РСФСР, член правления Союза писателей Дагестана..

Это, как говорится, послужной список, анкетные данные Хизгила Авшалумова — интересного прозаика и драматурга, пишущего на родном татском и русском языках. Но за этим перечнем большая жизнь.

Хизгил Авшалумов — автор многих книг, которые вошли в духовную жизнь нескольких поколений. Его герои воспринимаются как живые, реальные люди, которых мы узнаем и порою самого автора называем их именами. Это — счастье, которое так редко выпадает на долю писателей. Автор книг «Как я воскрес», «Невеста с сюрпризом», «Сказание о любви», «Фамильная арка», повести «Возмездие» и поэмы «Гюльбоор», большого цикла рассказов о хитроумном Шими Дербенди и других открыл читателю мир, полный тревог, борьбы страстей, светлых надежд, в котором живут люди цельные, порядочные и добродушно-наивные.

В эту новую книгу вошло далеко не все, что создано писателем, но, пожалуй, самое характерное для его творческой манеры — самообытной и по жизненному материалу, и по форме изложения. А рассказы о мудром Шими Дербенди имеют свое продолжение...

Хизгил Авшалумов — большой мастер, и его творчество ждет вдумчивого и тонкого исследователя. Я же пишу лишь штрихи к портрету.

Книги нельзя рассматривать и оценивать в отрыве от биографии и личности самого автора, ибо каждый человек имеет свое силовое поле, создает определенную атмосферу вокруг себя.

Х. Авшалумов естественен везде, в любых обстоятельствах. И в этой естественности в первую очередь меня подкупает неподдельная, природная скромность Хизгила Давыдовича. Несколько примеров. Кажется, в 66 или 67 годах я написал рецензию на его повесть «Возмездие», написал с искренней объективностью и при

этом не избегал эпитетов вроде «историческая правдивость», «психологическая достоверность», «воспитательная значимость главного героя». И не скрою, прочитав свою рецензию в «Дагестанской правде», остался доволен. Но вечером позвонил сам Авшалумов. Он поблагодарил за добрый отклик, но с присущей ему деликатностью сказал, что я его, автора, дескать, поставил в весьма неудобное положение. «Почему?» — поинтересовался я. «Слишком захвалил, — сказал он. — Весть, может, неплохая, но я не доволен ею и уже дорабатываю, и доработка идет туго. Вообще намерен перепахать и пересеять поле...» И в голосе, действительно, чувствовалась внутренняя творческая неудовлетворенность.

Я часто выезжаю с Хизгилом Давыдовичем для выступлений перед трудящимися в районы республики. Меня всегда удивляет та неизменная ответственность, которая присутствует в нем в общении с людьми. Выступает он сдержанно, не сляясь позабавить слушателя, а сказать, донести до его сердца сокровенное, чем живет сам, страна.

Мне, как литературному критику, иногда выпадает роль ведущего, то есть приходится рассказывать о жизни и творчестве своих коллег. Когда я рассказываю о произведениях Хизгила Давыдовича, о нем самом, как о фронтовике, скромном человеке, уважаемом писателе, то всегда вижу его по-детски смущенное лицо. А однажды он мне полушутливо и всерьез, но чтобы не обидеть, сказал:

— Ведь я не конь, которого во что бы то ни было надо продать, и не юноша, которому сватают девушку. Чрезмерная хвала, наоборот, вызывает недоверие..

Он очень заботлив в дороге. Никогда не сядет на переднее место в машине, последним устроится за обеденный стол и первым покинет.

Хизгил Давыдович встает рано, но так, чтобы никого не разбудить.

Пока другие поднимутся, он уже побрит, умыт, и по-военному подтянуто одет, и уже успевает совершить утреннюю прогулку по аулу или городку, где мы остановились.

Доброта Хизгила Давыдовича доходит до самопожертвования. В моей памяти навсегда остался такой случай. Возвращались мы с ним из Москвы, ехали в разных купе. Устроились, поужинали и попрощались на ночь. А утром я узнал, что Хизгил Давыдович уступил свое место мальчишке, севшему в поезд в Туле без билета, сам же простоял всю ночь у окна..

Я очень рад, что по жизни и творческой дороге многие годы шагаю рядом с таким человеком. А шагает он по этой дороге неспешно, но без остановок.

Камал АБУКОВ

Нобеллы
и хитроумном
Шиме
Дербенди

ПОЗДОРОВАВШИСЬ С ВОДКОЙ, ПРОЩАЙСЯ С УМОМ*

Однажды Шими Дербенди, получив солидный аванс в счет своих трудовней в колхозе, в самом приподнятом настроении возвращался домой. Но когда он проходил мимо винницы, ему встретились двое случайных знакомых, любителей выпить и повеселиться за чужой счет. Узнав, что Шими сегодня при деньгах, они, словно назойливые мухи, пристали к нему и чуть ли не силком затащили в винницу. Пользуясь мягкостью Шими, они принялись заказывать бутылку за бутылкой, пока не очистили его карманы до последней копейки.

Когда Шими вышел из винницы, было далеко за полночь. Он так опьянел, что уже ничего не соображал и забыл дорогу домой. Не в состоянии дальше двигаться, Шими прилег под деревом прямо на улице, положил папаху под голову и сразу заснул мертвым сном.

Проснулся Шими от холода и к ужасу своему обнаружил, что он совершенно голый: видно, уличные воры, пока он задавал храпака, раздели его догола, оставив лишь папаху под головой.

Шими поднялся с земли и, стыдливо прикрыв папахой наготу, стал торопливо оглядываться вокруг в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, чтобы послать к жене за одеждой. Как раз в это время сосед Шими с корзиной в руке спешил на базар за покупками.

— Эй, сосед! — завидев его еще издали, громко окликнул Шими. — Вернись, пожалуйста, домой и скажи моей жене, что я совсем голый: какие-то бессознательные люди раздели меня и, как видишь, оставили в чем мать родила. Пусть немедленно принесет мне одежду и найдет меня там, где следует.

А где именно найти его Шими не считал нужным сказать: сама, мол, не дура, догадается где...

Сказав это соседу, Шими бегом пересек улицу и забежал в баню, которая, к счастью, находилась неподалеку.

* Пословица

Весь день, томясь, ждал Шими в бане жену с одеждой, но так и не дождался. А жена в свою очередь, собрав в узелок одежду Шими, сбилась с ног, ища мужа повсюду, спрашивая о нем каждого встречного и поперечного.

Наконец вечером, когда совсем стемнело, Шими появился дома, закутанный в белый халат, в стоптанных чувках на босу ногу — все это он одолжил у старухи-банщицы. Узнав от жены, что она весь день искала его по городу, Шими очень возмутился.

— О женщина, да чтоб сгорел твой отец! — в сердцах воскликнул Шими. — Где это ты видела или слышала, чтобы голого человека искали на базаре или на майдане?! Сколько лет прожила на свете и не уразумела себе такую простую истину: пьяницу ищи в кабаке, голого в бане. Ей-богу не жена — одно недоразумение.

— Ай муж, да чтоб лопнуло чрево той, которая родила на мою несчастную голову такого олуха, как ты, — в тон мужу произнесла разгневанная жена. — Сколько лет ты прожил на свете и не уразумел такую простую истину: поздоровавшись с вод-

кой, прощайся с умом. Кто тебе виноват, если ты так усердно прикладывался к этому захриману* — водке, что потерял не только ум, но и штаны!.

«АЗРАИЛ» ЗА РУЛЕМ

Ранним майским утром старик Шими ехал на такси из Дербента в поселок Огни. Все вокруг цвело, благоухало и сверкало под ласковыми лучами весеннего солнца, радуя человека, настраивая его на праздничный лад. Но у самого Шими сейчас на душе было очень тяжело: у его старого кунака в автомобильной катастрофе погиб единственный сын, и он спешил к другу, чтобы выразить ему соболезнование и разделить его горе.

Кроме Шими в машине не было других пассажиров. За рулем сидел шустрый, вертлявый парень с приметным шрамом на лбу и с «мухой» в голове. Как только миновали древние городские ворота Кирхляр-капы, водитель так разогнал машину, что она у него, как метеор, понеслась по асфальту, обгоняя все другие машины, словно он совершал не обычный рейс, а участвовал в автомобильной гонке.

Шими охватило беспокойство: как бы, не дай бог, с ним самим не случилось несчастье. Водитель, заметив выражение крайней озабоченности и беспокойства на лице старика, решил развлечь его разговором. Он повернулся в сторону Шими и, обдавая его сивушным духом, шутливо спросил о том, что первым пришло ему на ум:

— Дядя Шими, скажите, пожалуйста, вы верите в существование ангела смерти Азраила, который якобы отнимает у человека жизнь, или, допустим, в существование шайтана, который может покалечить людей?

— Ай, сынок! — словно обрадовавшись его вопросу, сразу воскликнул Шими. — Если ты хочешь знать мое мнение на этот счет, то сделай милость, останови, пожалуйста, на минуту твой «аэроплан», то бишь машину!..

Недогадливый водитель решил, что старику, наверное, срочно захотелось по нужде, и он тут же направил машину к обочине дороги.

Как только машина остановилась, Шими с силой толкнул дверцу и поспешно, точно из горящего сарая, выскочил из нее. Затем спокойно приблизившись к водителю и доверительно склонившись над ним, громко, точно глухому, прокричал ему в ухо:

— Верю, сынок, верю! И в существование Азраила верю, и в существование шайтана тоже. Но с тех пор, как на больших до-

* Захриман — отравы, яд.

рогах место тихих арб, дорогих фаэтонов, петоропливых верблюдов, резвых лошадей и юрких осликов запряли для блага и удобства людей быстроходные машины, а вместе с ними на их же беду появилось немало таких безответственных лихачей, шальных голов и любителей спиртного, как ты, Азраил и шайтан ушли на покой, возложив на вас свои черные обязанности.

ЧЕЛОВЕК И ОБЕЗЬЯНА

Зимним вечером старик Шими сидел у горячей печки и попухивал кальяном, а его двенадцатилетний внук-школьник, раскрыв перед собой книги и тетради, готовил уроки.

— Деда! А дед! — отодвинув книгу, обратился внук к Шими: — А правда ли, что человек произошел от обезьяны?

— Вах! Что за чушь?! — возмущенно воскликнул Шими, сурово нахмурив седые брови. — Тогда выходит, по-твоему, что блаженной памяти мои деда и прадеды были этими самыми длиннохвостыми маймунами-обезьянами?! Как такая дурная мысль могла прийти тебе в башку, харамзаде-негодник!? По тебе, видно, палка плачет!.

— А при чем тут я?! — обиделся мальчик, чуть не плача. — Я что ли это выдумал, учитель нам говорил.

Услышав это, Шими промолчал, а про себя подумал: «Муалим-учитель, хоть ученый человек, но, конечно, спорол чушь, наверно, был под мухой, а спяну всякое может взбрести человеку на ум». Внуку Шими сказал, что завтра непременно пойдет поговорит с его учителем насчет маймуна-обезьяны..

В тот же вечер случилось Шими вместе с членами своей многочисленной семьи смотреть по телевизору выступление какой-то иностранной эстрадной певицы. Старик явно был ошеломлен ее обликом и поведением на сцене. Платье на ней было чуть ли не до пупа, грудь и спина совсем открыты, а растрепанные волосы торчали во все стороны как острые иглы на дикообразе. Свое пение гостя сопровождала разными ужимками, кривлянием и непристойными телодвижениями. Да и пение ее как-то неприятно резало слух старику. Оно напоминало Шими то рев бешеного быка, то крик лесного зверя, то мяуканье дикой кошки.

Шими приказал домочадцам немедленно выключить телевизор. А сам, отправляясь на сон грядущий, невольно подумал про себя: «Да-а-а.. Действительно, у этой женщины много сходства с бесстыжей и безобразной обезьяной — ничего не скажешь...»

Наутро внук, собираясь идти в школу, на всякий случай спросил у Шими:

— Дед, ты и вправду хочешь идти со мной к учителю?..

Шими, вспомнив вчерашнюю певицу, нахмурился, почесал затылок, потом твердо сказал:

— Нет, сынок, я раздумал. Твой учитель, видно, все-таки прав. Я теперь понимаю, каких людей он имел в виду, когда говорил вам, что человек произошел от обезьяны.

ПОДАРОК ЖЕНЕ

С годами характер у жены Шими все больше портился. Из-за пустяка она сразу выходила из себя, принималась ворчать, браниться, портить мужу кровь. И так почти каждый божий день. Как ни старался Шими заставить ее замолчать, немного придержать язык, ничего из этого не выходило.

Как-то Шими целую неделю находился на отдаленных колхозных виноградниках и там же ночевал вместе с другими колхозниками. Когда он вернулся домой, жена вместо того, чтобы обрадоваться, приветливо и ласково встретить мужа, сразу напустилась на него с упреками.

— Ай жена, какая муха опять тебя укусила?— огорченно произнес Шими.— Зачем наш светлый день превращаешь в черную ночь? Я еще не успел переступить порог, а ты опять за свое!. Скажи, чем ты недовольна, что тебе надо?

— Ай муж, ты хоть бы постыдился!— еще пуще рассердилась жена.— Ведь завтра сорок лет со дня нашей свадьбы. Другой бы порядочный, любящий муж отметил этот день, как праздник, сделал бы жене памятный подарок. А тебе, видно, даже в голову не пришло, что завтра сорок лет, как я, разнесчастная, стала твоей женой. Сразу видно, как ты меня любишь, уважаешь..

Она так разошлась, что, казалось, ее невозможно остановить.

— Моя дорогая, чего ты зря сердишься, портишь мне и себе кровь?— миролюбиво произнес Шими, желая загладить свою вину и утихомирить разошедшуюся супругу.— Если все дело в подарке, то я сейчас же побегу в магазин, куплю тебе такой памятный подарок, какой, клянусь душой твоего отца, тебе и во сне не снился.

Жена, услышав эти слова и решив, что муж действительно хочет сделать ей необыкновенный подарок, сразу повеселела. Накормив и угостив Шими вином, она ласково выпроводила мужа за подарком и стала с нетерпением ждать его скорого возвращения.

Но прошло несколько часов, пока Шими наконец вернулся, запыхавшийся, весь мокрый, держа в руке огромный тяжелый замок, покрытый столетней ржавчиной.

— Ай муж, что это?— с удивлением и досадой спросила жена, косясь то на Шими, то на диковинный замок.

— Я же обещал тебе ради такого памятного дня — сорокалетия нашей свадьбы — купить такой подарок, который тебе и во сне не снился. Вот он!— произнес Шими с довольным видом, гремя перед ней пудовым замком.— Правда, достался он мне нелегко. Я обошел все магазины в городе, но нигде такого замка, какой мне хотелось купить, не нашел. Тогда я, несмотря на усталость, на мои почтенные годы поднялся на Джалганскую гору к старинной ханской цитадели, сорвал этот замок с ее железных ворот и еле притащил домой. А ты еще говоришь, я такой и этакий...

— Зачем мне этот замок, в своем ли ты уме?— воскликнула жена, испуганно пятясь назад, думая, что муж и впрямь свихнулся.

— Как зачем? Чтобы ты вешала его на свой длинный язык и молчала хотя бы один-два часа в сутки, — с отчаянием и мольбой произнес Шими.

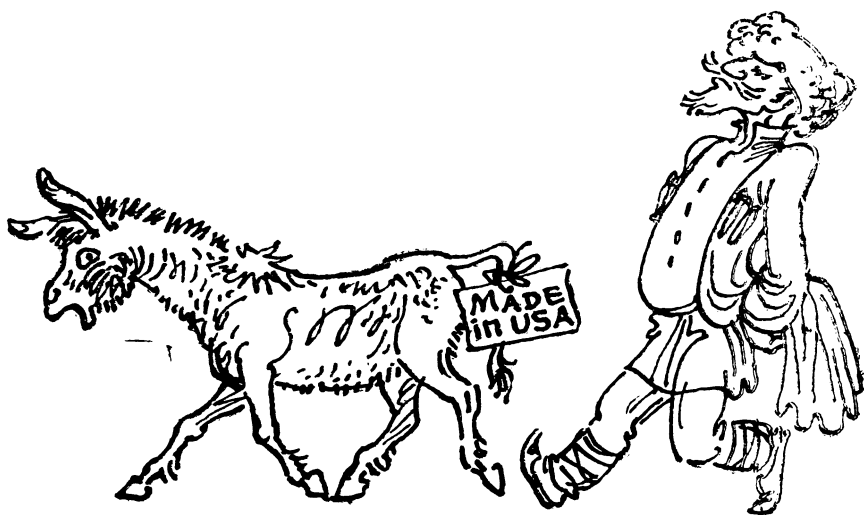
ИМПОРТНЫЙ ОСЕЛ

Осел Шими Дербенди, как и все вислоухие, был с придурью. Может, поэтому в родном языке Шими слово «хэр» — «осел» одновременно означает и «дурак». Другого слова для их обозначения нет. А что касается осла Шими, то этот, как казалось его хозяину, дуростью превзошел всех своих сородичей на свете. Своими дикими причудами он нередко доводил бедного Шими до слез. Стоило его осла одной ногой увязнуть в грязи, считай — пропало. Ты ему хоть кол на голове теши, хоть разорвись — все без толку. Скорее гору Шалбуз-даг можно было сдвинуть с места, чем в это время заставить упрямое животное шевельнуться.

В таких случаях Шими ничего не оставалось другого, как слезать с осла, покорно опускаться на четвереньки, залезать ему под брюхо и, призывая на его шальную голову тысячи бед и напастей, кое-как вызволять из грязи. А иной раз и того хуже. Вот едет Шими с кальяном во рту тихо-мирно на своем осле, не подозревая ничего худого. А его скотина, будь это в дороге за городом или на середине улицы на виду у всех, едва почуяв за версту своего собрата, особенно ослиху, тут же срывается с места и пускается в галоп. Сотрясая воздух ликующим ревом, он мчитяся во весь опор, на ходу сбрасывая с себя насмерть перепуганного хозяина.

Словом, не осел, а сущий дьявол, божье наказание!

Вконец измученный Шими дикими выходками своего сумасбродного осла, решил, пока по его милости еще не сошел с ума и не свернул себе шею, распрощаться с ним.

Как раз в то самое утро, когда Шими собирался отвезти его за город и отпустить на все четыре стороны, хоть волкам в зубы, кто-то подсказал ему, что сосед Шими, работник плодоовощной базы, хочет купить себе осла. Отказавшись от своего первоначального намерения, он привел свою негодную скотину к соседу во двор. Но едва Шими занкнулся о цели своего визита, тот с явным неудовольствием воскликнул.

— Нашел дурака! Твой сумасшедший осел мне так же нужен, как язва в печени!..

Однако категорический отказ соседа купить его осла не обескуражил Шими. Он не раз слышал, что сосед питает чрезмерную слабость ко всему импортному и что даже подштаники носит только «заграничные». И Шими, чтобы сплавить ему своего ишака, решил прибегнуть к хитрости. Он сказал, что его осел не наш, не отечественный, а импортный, которого он купил случайно у одного чудаковатого иностранца-туриста, приезжавшего в их древний город, чтобы посмотреть на его исторические достопримечательности. Но турист будто приезжал не один, а со своим четвероногим другом-ослом, к которому был так привязан, что даже во время своего недолгого путешествия не хотел с ним расставаться. А продал он его Шими потому, что ему до зарезу нужны были деньги.

Короче говоря, сосед, поверив выдумке Шими, купил у него осла. И вот с тех пор все злоключения, которые происходили с Шими по вине ишака, теперь происходят с его соседом. Бедняга и раньше не отличался крепким умом, а став, благодаря Шими, хо-

зьяном «импортного» осла, вовсе свихнулся. Когда земляки при встрече, жалея его, советуют ему расстаться со своей «безобразной» скотиной, бедняга каждый раз с бессмысленной улыбкой на осунувшемся лице ласково проводит рукой по длинной и тупой морде своего осла, а потом, заливаясь тихим радостным смешком, заученно отвечает:

— Хи-хи-хи, знаете, хоть он у меня безобразный, зато не наш, не наш, а им-порт-ный!..

МОДНАЯ НЕВЕСТА

В отсутствие старика Шими Дербенди для его младшего сына засватали какую-то модную девушку. Шими еще ни разу не видел в лицо свою будущую сноху, поэтому в один из воскресных дней он через сына пригласил ее в гости.

Невеста пришла не одна, а в сопровождении своего брата и родственника, таких же юных, как она сама. Узнав об их приходе, Шими в приятном волнении, захватив заранее приготовленный им для невесты подарок — кольцо, поспешно вышел во двор, чтобы как глава семьи первым встретить, по-отцовски обнять, поздравить ее, а затем любезно пригласить в дом.

Но Шими с первого взгляда никак не смог различить, кто из пришедших молодых людей невеста, кто брат ее и кто родственник. Все они были с одинаковой прической, в мужских брюках и рубашках, с кулонами на шее, да и лицом, как показалось старику, были очень похожи друг на друга.

Шими долго стоял перед ними в полном недоумении и растерянности, сиюсья угадать, кто же все-таки из этих троих его невестка. Он даже отодвинул на затылок папаху и водрузил на нос очки, чтобы лучше разглядеть их со всех сторон и решить: кого из них признать своей будущей снохой и вручить кольцо. А молодые люди тем временем стояли в небрежных позах перед стариком и с насмешливыми улыбками смотрели на него.

Так и не сумев отличить, кто из гостей парни, а кто девушка, в конце разозленный Шими безнадежно махнул рукой и, поглубже спрятав в карман свой подарок, не сходя с места, крикнул сыну, находившемуся в доме.

— Ай сын, разрази тебя гром вместе со мной! Какую головоломную загадку ты задал мне, старику?! Откуда мне знать, кто из этих троих, чтоб они провалились, твоя невеста, кто ее брат, кто сват, если они все на одно лицо: с одинаковой лошадиной гривой, в одинаковой одежде и с одинаково нахальной улыбкой на бесстыжих физиономиях. Не только я, клянусь небом, сам шайтан их не разберет!.

ШИМИ НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРЯ-ИМПЕРАТОРА

Когда Шими был молодым и очень бедным, он, как это нередко случалось с ним, остался без работы и без гроша в кармане. Семья его очень бедствовала. Узнав от кого-то, что дербентский полицмейстер ищет подходящего человека из местных жителей, чтобы назначить его надсмотрщиком на Фэхле-базари*, Шими, не долго думая, примчался к нему. Тот, оглядев его ладную коренастую фигуру и прочитав в глазах Шими беззаветную отвагу, остался им вполне доволен.

— Я вижу, ты подходящий для этого дела человек, — покровительственно похлопав Шими по плечу, с удовлетворением проговорил полицмейстер. И тут же, вручив Шими свисток и полицейскую дубинку, добавил: — Запомни, молодой человек, с сегодняшнего дня ты находишься на службе у его величества государя-императора. Это — большая честь, и ее надо оправдать. Вот мой наказ тебе: следи за порядком, гляди в оба и держи ухо востро. Если кто-нибудь из этого сброда, что каждый день слоняется на Фэхле-базари, будет открыто или намеком оскорблять нашего царя и нас, царевых слуг, или затеет галмагал-скандал, — немедленно волоки ко мне.

Полицмейстер обещал Шими приличное жалованье, а если он проявит должное рвение на службе, — и награду.

Шими, придя на Фэхле-базари и желая сделать своему начальнику «приятный сюрприз», решил, не откладывая в долгий ящик, сегодня же отличиться на службе у государя-императора. Заметив в одном месте скопление людей, он сразу насторожился. Крепко сжав свисток в одной руке и полицейскую дубинку — в другой, Шими ринулся туда, как бесстрашный солдат в атаку. Бесцеремонно расталкивая всех, он протиснулся сквозь толпу и вышел вперед. В середине круга Шими увидел почтенного седобородого старика с длинным кальяном во рту. Он сидел на камне и с добродушной улыбкой оглядывал обступивших его со всех сторон земляков. Шими сразу узнал в нем известного в городе старого сказителя и ашуга. Собравшиеся наперебой просили старика, чтобы он рассказал им какую-нибудь сказку или легенду.

— Ну, что ж, друзья мои! Вижу, пока не расскажу, от вас не отвяжешься, — вынув кальян изо рта, шутливо проговорил он. — Так и быть, расскажу одну сказку. Вот послушайте... Давным-давно в некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь, — начал

* Фэхле-базари — рабочий рынок в Дербенте, который существовал до революции и в первые годы Советской власти вплоть до конца двадцатых годов. Здесь всегда бывалолюдно. Сюда приходили батраки и бедняки, чтобы наняться на виноградные плантации и рыбные промыслы, принадлежавшие дербентским богачам.

ашуг.— Хотя владения царя были обширные, сокровища в казне несметные, вонны отважные, сам он был глуп, как осел, лют, как волк, и труслив, как заяц...

— Хоп! Дальше можешь не рассказывать! Все ясно как божий день,— сделав решительный шаг к старику, резко оборвал его новоиспеченный надсмотрщик.— Теперь не заставляй меня долго ждать, вставай и следуй со мной к моему начальнику — господину полицмейстеру!

Старик-сказитель, услышав это, онемел от удивления и испуга.

— А что я такого сделал, сынок, чтобы вести меня к полицмейстеру?— обеспокоенно произнес он.— Побойся бога, оставь меня, старика, в покое.

Но Шими был непреклонен.

— Нет! Ты сейчас же должен следовать со мной, пока я не применил силу!— потрясая дубинкой над головой старика, грозно предупредил Шими.

Старик был вынужден повиноваться. Но следом за ним потянулась толпа людей, возмущенных несправедливым арестом старого ашуга. Они громко кричали, ругали на чем свет стоит ретивого надсмотрщика, посылая проклятия в его адрес. И чтобы заглушить их негодующие голоса и угрожающие выкрики, Шими время от времени пронзительно дул в свисток и «грозил» всем тюрьмой и Сибирью, если они не прекратят «бунт» против действий законных властей.

Когда возмущенная толпа подошла к зданию, где находился полицмейстер, Шими с видом человека, честно выполнившего свой долг, подбежал к своему начальнику, толкая перед собой насмерть перепуганного старика.

— Вы только полюбуйте́сь на него, ваше превосходительство!— указывая на старого ашуга, гневно произнес Шими.— Он на базаре в присутствии всех людей, — то есть сброда, как вы изволили их называть, давая мне свой наказ, так поносил нашего обожаемого государя-императора, так оскорблял, что у меня язык не поворачивается повторить его мерзкие слова.

— Говори, не бойся,— приказал полицмейстер, довольный тем, что не ошибся, взяв Шими на службу, и тут же добавил:— Это нам нужно, чтобы установить степень вины этого преступника.

Шими немного помялся, а потом решительно, с готовностью произнес:

— Коли вы приказываете, мое дело — повиноваться. Он сказал, что наш царь глуп, как осел, лют, как волк и труслив, как заяц...

Но увидев, как вытянулось лицо у полицмейстера, а глаза ползли на лоб, Шими тут же стал «успокаивать» его:

— Вы, господин полицмейстер, ради бога, не волнуйтесь, не принимайте это так близко к сердцу, — произнес он, преданно глядя в глаза своему начальнику. — Пусть наш царь дурак и останется таким на всю жизнь: кривое дерево не выпрямишь, а горбатого могила исправит, зато, слава богу, вы, господин полицмейстер, я и другие царевы слуги — не дураки. И что бы не случилось, мы всегда сможем с божьей помощью и полицейской дубинки заткнуть глотку таким смутьянам, как этот старый баламут.

Говорят, по приказу господина полицмейстера, которого чуть не хватил удар от этой «ободряющей» речи Шими, ему в тот же день за «рвение» на службе у государя-императора дали «заслуженную награду» — высыпали сто горячих по известному месту, а затем «с почетом» в сопровождении жандармского конвоя отправили в городскую тюрьму.

«ПОХВАЛА» ШИМИ ВСЕВЫШНЕМУ

Однажды, когда Шими еще был бедняком, глава местной духовной общины, мужчина с косматой бородой и суровым лицом, остановил его посреди улицы и на виду у людей начал стыдить и грозить. Он обвинял Шими за то, что тот будто стал совсем безбожником: не посещает нумаз*, не молится, а самое главное — богу ничего не жертвует. И что всевышний не простит ему этот грех, непременно накажет его на этом и на том свете.

У Шими была всего-навсего одна единственная рублевая монета в кармане, на которую он собирался купить мешок муки для дома. И чтобы заработать ее, Шими целую неделю трудился в поте лица на хозяина. Но после таких тяжких упреков и страшных угроз святого отца он решил отдать эти последние деньги на пожертвование и тем самым искупить свою вину перед богом.

С таким твердым намерением Шими немедленно отправился в нумаз, но не зашел в него. Раздобыв где-то поблизости лестницу, он приставил ее к стене молитвенного дома и бойко взобрался на крышу, которая была ровная и гладкая, как летний харман.**

Вытащив из кармана рублевую монету, Шими, задрав молитвенно глаза к небу, громко произнес:

— О всевышний! Я сейчас подкину вверх эту монету, заработанную моим честным трудом. Если она упадет к тебе на небо, то я буду знать, что ты принял мое пожертвование и пусть оно будет халол*** тебе. А если же она вернется назад, упадет обрат-

* Нумаз — молитвенный дом.

** Харман — ток.

*** Халол — впрок, на здоровье.

но ко мне, то я буду считать, что ты, о боже, не нуждаешься в этом моем скромном пожертвовании.

С этими словами Шими с силой подбросил монету высоко над головой, которая тут же упала на крышу. Шими однако не спешил положить ее обратно в карман. «Может, в это самое время, когда я обращался к господу,— принялся он с сомнением рассуждать вслух,—бог, уставший от своих великих трудов, дремал тихонько на своем золотом троне или держал совет со святыми ангелами по важному делу, поэтому ему было не до меня. А, может, в этот самый момент иблис-дьявол, чтоб он сгнил, который делает все наперекор ему, отколол опять какую-нибудь дьявольскую штуку и тем отвлек его божественное внимание, и бог не расслышал мою просьбу?..»

Поразмыслив так, Шими решил еще и еще раз повторить то, что проделал только что. Но, как и в первый раз, и во второй, и в третий, подкинутаая им вверх монета не попадала к богу в небо, а неизменно возвращалась к своему владельцу.

Лишь после третьей попытки Шими довольный, улыбающийся, со спокойной совестью положил монету в карман и, не отрывая глаз от неба, взволнованно и радостно произнес:

— О всевышний! Какой ты, оказывается, умный и хороший! Как ты не в пример нашему грозному пастырю с аршинной бородой сразу догадался, что эта единственная монета мне, бедняку Шими Дербенди, куда нужнее, чем тебе, владеющему всей необъятной Вселенной?!

КАК ШИМИ БЫЛ «ПЕВЦОМ» НА «ТАЙНОЙ СВАДЬБЕ»

Однажды, когда Шими еще был батраком, он пришел за расчетом к хозяину, у которого работал весь осенний сезон на виноградниках. Тот, то ли желая подшутить над батраком (говорится же: «Голодному хлеб, богатому — причуды»), то ли решив наказать его, зная, что Шими остер на язык и любит высмеивать богачей, прогнал его, не дав ему ни гроша за его труд. А в доме у Шими не было ни горсточки муки и ни копейки денег. Но ходить жаловаться на хозяина он считал бесполезным: «Хакимы-начальники все равно будут держать сторону хозяина, хоть он и не прав,— с горечью и гневом думал Шими,— потому что у него есть чем «подмазать», у меня — нет. А пустую руку, как говорится, и собака не лижет».

Шими был так удручен, что вместо того, чтобы пойти к себе домой, пошел с горя куда глаза глядят. Вскоре он очутился за

чертой города в заброшенном саду у старого покосившегося от времени темного деревянного сарая. Шими зашел туда, устало опустился на пол, и, предаваясь своим невеселым думам, незаметно задремал. Но через некоторое время он внезапно проснулся, услышав поблизости чьи-то приглушенные голоса, которые показались ему подозрительными. А был уже поздний вечер.

В углу сарая стояла пустая бочка, без крышки, с отверстием в середине для пробки. Недолго думая, Шими влез в нее и, затаив дыхание, стал прислушиваться, прильнув глазом к дырке. Вскоре дверь в сарай отворилась и в него вошел человек, неся за плечом большой узел, который тут же опустил на пол. Вслед за ним вошел еще кто-то. В темноте Шими не мог разглядеть их, но появление этих людей в такое время сильно напугало его. «А вдруг они разбойники с большой дороги, забрались сюда среди ночи, чтобы поделить награбленное? — в тревоге подумал он. — Если они, упаси бог, обнаружат меня здесь — осиротели мои бедные дети...»

Пока Шими рассуждал так сам с собой, в сарае вдруг вспыхнул свет — ночные пришельцы зажгли свечу. И в ту же минуту Шими чуть было не вскрикнул от крайнего удивления и охватившей его бурной радости, увидев, что «разбойники» — это, да чтоб он прозалился, его окаянный хозяин и какая-то пышнотелая молодая женщина, несомненно — любовница.

Хозяин спустился на колени и развязал узел. Он сначала извлек из него небольшой коврик, постелил его на полу, потом достал четверть красного вина, закуски, яблоки, гранаты — все это разложил на нем. Затем, поднявшись, богач радостно обнял свою возлюбленную.

— Моя пери, — чмокнув ее в щеку, взволнованно произнес он, — прежде чем поужинаем, покайфую, давай-ка сначала разок потанцуем с тобой, вообразим себя женихом и невестой на свадьбе.

И вот, когда весело улыбающаяся ханум-«невеста», жеманно раскинув руки, пошла плавно кружиться в танце, радостно возбужденный «жених», несмотря на то, что был уже в почтенном возрасте и грузноват, потряхивая животом, пошел выделявать такие колена, что задрожали стены ветхого сарая.

Глядя на их веселье, Шими решил, что хотя у него голос как у человека, о котором говорится в пословице: «Верблюд по красоте, осел по пению», он сейчас непременно должен для них петь и хлопать. Какая же эта свадьба без музыки и пения?..

Чтобы его не узнали, Шими быстро переодел наизнанку свою старую дырявую шубенку и низко надвинул на глаза лохматую папаху. Поднявшись из бочки, Шими начал усердно хлопать в ладоши и горланить свадебную песню «Кейвони». Увидев его, «же-

них» и «невеста» с перепугу приняли Шими за шайтана, вылезшего из пустой бочки. Первой с криком вылетела из сарая пышнотелая «невеста». Тут же вслед за ней, сломя голову, бросился породный «жених» и, сослепу ударившись лбом о дверной косяк, уронил на ходу высокую папаху.

На следующий день Шими, едва дождавшись утра, захватил папаху хозяина и явился к нему за деньгами. Тот было опять хотел прогнать его, но увидев свою папаху, которую Шими держал под мышкой, прикусил язык, сразу смекнув, что вчерашний «певец», то бишь «шайтан» был, оказывается, его батрак. И богат тотчас же, сменив гнев на милость, вынул из кармана толстый кошелек. Отсчитав причитающиеся Шими деньги за работу на виноградниках, он отдал ему и тут же протянул руку за папашой.

— Э-э-э, хозяин, так не пойдет!..— еще крепче зажав папаху под мышкой, смеясь, шутливо пригрозил ему пальцем Шими.— Ты сперва заплати мне за то, что ночью я пел на твоей свадьбе, а потом уж верну тебе папаху.

— Ты, сынок, скажи, сколько с меня причитается, я заплачу все,— ласково, с готовностью произнес хозяин, желая, пока жена и дети не узнали о цели такого раннего визита батрака, скорее отделаться от него.

— Лишнего, хозяин, я от тебя не возьму. Заплати мне столько, сколько платят обычно певцу на свадьбе,—скромно заметил Шими, но тут же добавил:—Но поскольку твоя свадьба с ханум-госпожой была не такая, как у людей, а тайная, с тебя причитается двойная плата. Кроме того, хоть и говорят: «на голодный желудок не до песни и шуток», а мне, горемычному, пришлось петь и развлекать вас на пустой живот, когда я был так голоден, что, попадись мне в это время свиная голова, я, забыв о грехе, съел бы даже ее. И последнее,— продолжал Шими серьезно,— ты, конечно, хозяин, захочешь, чтобы я эту историю не разглашал, не говорил о ней никому. А хранить в себе долго такую тайну очень трудно, она стоит человеку здоровья..

Словом, Шими вернул хозяину его злополучную папаху лишь после того, как он получил от него, кроме платы за работу на его виноградниках, еще четырехкратное вознаграждение: за то, что он пел им на «свадьбе», за то, что она была не обычная, а тайная, за то, что пел на голодный желудок и за то, что ему придется «в ущерб своему» здоровью держать эту тайну при себе.

РАДОСТЬ ШИМИ

С тех пор как бывший батрак Шими стал колхозником, в дом его пришел достаток и он навсегда расстался с горем и нуждой.

Но одно смрачало настроение Шими — это то, что он в первые годы после вступления в колхоз все еще жил в старом ветхом домишке, который кишел клопами, блохами и прочими паразитами. Жена его, то ли по лени, то ли по беспечности, нисколько не заботилась о том, чтобы вывести насекомых и очистить от них дом. Зато каждый вечер, когда уставший за день от работы Шими, едва потушив свет, ложился спать, она будила мужа и, жалуясь на то, что они не дают ей спать, заставляла бить паразитов. И так почти каждую ночь.

Из-за этого бедняга Шими обычно приходил на работу с больной головой, сонный и вялый, и во время коротких «перекуров», как только садился, начинал тут же клевать носом. Колхозники, не зная причины такой сонливости Шими, подшучивали над ним:

— Ай Шими, ты, видно, вместо того, чтобы вовремя ложиться спать, слишком долго милуешься с женой!?

— Честное слово, никогда бы не подумал, что ты, немолодой уже мужчина, а такой женолюб!

— Хе-хе-хе, про таких, как ты, видно, говорят: «Седина — в голову, бес — в ребро!..»

Степенному Шими были не по душе эти скабрзные шутки, вгонявшие его в краску, но он молча сносил их, скрывая от товарищей свою беду.

И вот однажды перед заходом солнца Шими, усталый и понурый, возвращался с колхозных виноградников, неся на плече лопату. Вдруг на самой людной части города он увидел жену, с плачем и воплями бежавшую ему навстречу. Шими страшно испугался, думая, что дома произошло что-то непоправимое.

— Ай жена, что случилось?!.. — с тревогой спросил Шими, едва они приблизились друг к другу.

— Горе мне, о муж! По моей вине сгорел наш дом и мы остались без крова! — заголосила жена в ответ.

Услышав это, у Шими сразу отлегло от сердца. Он сбросил с плеча лопату и, шелкая пальцами, принялся на виду у всех плясать, как все равно на свадебном майдане, то и дело громко и весело восклицая:

— Охош!* Охош! Джан охош!

Изумленная жена, глядя на него, перестала причитать и накинулась на него с упреками и бранью:

— Ай муж, камень на твою несчастную голову! Что ты делаешь?! Дом наш сгорел, нам негде преклонить голову, а ты радуешься, танцуешь, словно клад нашел, «охош» говоришь?

* Охош — восклицание, выражающее чувство большого удовлетворения, радости.

— Ай жена,— продолжая шелкать пальцами и плясать, со смехом произнес Шими.— Как же мне не радоваться, не веселиться: пусть сгорел наш дом, зато вместе с ним сгорели эти проклятые клопы и блохи!..

БУДУАР ДЛЯ НЕВЕСТКИ ШИМИ

В один прекрасный день наш почтенный Шими, надев на голову новую папаху, облачившись в атласный праздничный бешмет и захватив с собой обручальное кольцо, пошел сватать невесту для младшего сына. Но на душе у старика было совсем не празднично. Родители девушки, отец который работал на торговой базе и слыл большим мошенником, а мать корчила из себя барыню, больше всего ценили в человеке хватку, умение каким угодно путем «добывать деньги». Честность, благородство, знания не ставили ни во что, деньги, мол, как одежда наготу, все прикроют: и природную тупость, и отсутствие совести, и даже душевную грязь. И бедный Шими боялся, как бы эти новые мещане дурно не повлияли на его сына, выросшего в доброй трудовой семье, где в человеке больше всего ценили добропорядочность, трудолюбие, уважение к людям. Поэтому Шими шел на это сватовство, как вол под ярмо. И шел только потому, что его легкомысленный сын, на свою беду и на горе старого отца, был безумно влюблен в их дочь.

Дом сватов, куда пришел Шими, был высокий, с садом и бассейном во дворе, с собственнй «Волгой» в гараже. Сняв обувь и оставив ее у порога, старик тихо постучался в дверь и робко вошел в дом, в котором застал одну хозяйку, полную женщину, одетую в яркий разноцветный халат с широким воротом. Накрашенная и накрученная, подстриженная под мальчишку, она, сверкая бриллиантами, сидела в глубоком мягком кресле за столиком, на котором стояла красивая чугунная пепельница, набитая окурками. Дымя сигаретой, хозяйка с увлечением рассматривала какой-то красочный журнал мод.

Когда Шими увидел эту курящую, размалеванную и по-мальчишески остриженную женщину, которую, если бы не ее выпуклые формы, с первого взгляда можно было бы принять за переодетого мужчину, первым побуждением его было, пока еще не поздно, дать задний ход. Но опять-таки из любви к сыну он заставил себя устоять на месте. Стараясь как можно меньше глядеть на хозяйку, старик учтиво поздоровался, а затем коротко поведал ей о цели своего визита, не забыв при этом наметнуть, что их дети давно знают и любят друг друга...

Хозяйке в свою очередь не понравился сват, одетый старомод-

но, «по-азиатски», наверное, с тощим карманом и, очевидно, один из тех «бедолаг», который живет на одну зарплату. Она даже не предложила старику сесть. Не скрывая пренебрежения к нему, хозяйка в ответ, горделивым жестом указывая на богатое убранство своих комнат, сказала гостю, что ее девочка привыкла к красивой жизни и она сомневается в том, что его сын сможет обеспечить ей такую же. Затем немного помолчав, она с ехидной усмешкой добавила:

— У вас, наверно, нет даже будуара для невестки? А моей дочери, знаете, нужен будуар..

Шими сроду не слышал этого слова, поэтому, понятно, не знал, что оно означает и что сказать хозяйке на этот счет. Но, чтобы не уронить себя в глазах чванливой, как верблюд, одуревший от своего мещанского счастья женщины, Шими сказал, что подумает и самое большее через два-три часа вернется с ответом.

Выйдя от нее, Шими сразу пошел искать человека, знающего это загадочное слово «будуар», которое он всю дорогу твердил, как заклинание, чтобы, упаси бог, оно вдруг не выскочило у него из памяти. Но очень скоро Шими напал на нужного ему сейчас человека — интеллигентного вида худого длинноногого мужчину средних лет в соломенной шляпе и круглых очках с двойными линзами. Он, видно, шел не то со свадьбы, не то только что побывал в виннице, поэтому был навеселе. Выслушав просьбу Шими: растолковать ему, что такое «будуар» и узнав, почему оно так сильно интересует старика, мужчина в соломенной шляпе еще больше развеселился. Покатываясь со смеху, он кое-как объяснил Шими, что «будуар» — это слово французское, которое означает отдельную, хорошо обставленную дамскую гостиную или приемную. Затем он, пьяно качаясь на длинных журавлиных ногах и сверкая двойными линзами очков, со скрытой насмешкой добавил:

— Я бы на вашем месте, дядя Шими, зная характер и вкусы вашей сватьи, пообещал бы ей не только будуар, но и писсуар*.

Шими, решив, что это тоже, наверно, нечто вроде отдельной комнаты для невесты, не стал тратить время на расспросы, и от души поблагодарив земляка за консультацию и «добрый совет», поспешил к сватье с ответом.

— Дорогая сватья! — прямо с порога громко, торжественно произнес Шими, предварительно сняв опять обувь и оставив ее за дверью. — Считайте, что в моем доме, есть этот самый... будуар для твоей дочери, то бишь моей невестки. — И широко улыбаясь хозяйке, весело добавил: — Если вы очень хотите и невеста не топчется, я выделю ей не только будуар, но и писсуар.

Как только Шими произнес это слово, к его великому изумле-

* Писсуар — франц. — раковина для туалетных надобностей.

нию, хозяйка пришла в дикую ярость. Схватив со столика чугунную пепельницу, она с площадной бранью швырнула ее в ошеломленного Шими. Старик, едва придя в себя, пулей выскочил во двор, точно из горящего сарая. От потрясения забыв про свои башмаки, оставленные у порога, он в одних носках бежал во весь дух по улице мимо удивленных прохожих, так и не поняв причину, приведшую сватью в столь яростный гнев.

Сватовство, конечно, не состоялось..

КАК ШИМИ С ЖЕНОЙ ПОМЕНЯЛИСЬ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Шими очень любил своих друзей и всегда бывал рад случаю увидеться с ними. Говорят, как-то раз, возвращаясь под вечер с работы домой, он встретил друга своей юности и пригласил к себе в гости.

— Я сегодня на ужин заказал жене хинкал с курицей,— сказал он другу, — прошу тебя, пойдем ко мне домой, тряхнем стариной, посидим, поговорим по душам, отведаем хинкала с чесноком и уксусом, опрокинем чарку вина на радостях.

Шими так усердно уговаривал друга, что тот, боясь обидеть его отказом, принял приглашение.

Предвкушая удовольствие от любимого блюда и приятного вечера в обществе друга, Шими, как только пришел домой, еще с порога весело окликнул жену:

— Ай жена, да осенит радость наши дни, к нам пришел дорогой гость — друг моей юности! Встань, расстели скатерть, подай нам горячий хинкал и еще что-нибудь на закуску.

Но когда жена с виноватым видом сообщила ему, что хинкала, к сожалению, не будет, потому что она не успела его приготовить, Шими сразу помрачнел и у него испортилось настроение. От стыда и неловкости перед гостем, которого он так настойчиво приглашал, Шими не знал куда глаза девать.

Извинившись перед товарищем и едва выпроводив его за ворота, Шими, весь кипя от злости, поспешно вернулся в комнату и сразу набросился на жену с криком и бранью:

— Ай жена, да чтоб сгорел твой отец!— в сердцах воскликнул Шими.— Что ты наделала?! Опозорила меня перед гостем!.. Весь день сидишь дома, бездельничаешь, даже хинкал на ужин тебе было лень приготовить. А я с утра до вечера тружусь в поте лица на колхозных виноградниках, копаю землю, а ты!..

— Хватит кричать на меня!— возмущенная, перебила Шими жена.— Я тоже не сидела сложа руки. Весь день вертелась дома,

как белка в колесе, и устала так, что с ног падаю, а у тебя еще язык поворачивается упрекать меня, называть лентяйкой!..

То, что жена не хотела признать себя виноватой да еще отрыгала, окончательно вывело Шими из себя.

— Хе! Да какая у тебя работа? Одно название! — с раздражением произнес он. — Всю твою домашнюю работу можно сделать, весело посвистывая, в два счета, без труда. Это не то, что моя — мужская! Трудно — так это при родах. Да и то, кто знает! Может, ваша сестра больше притворяется, чем на самом деле страдает? Говорится же: «Женское притворство положили на телегу, запряженную двумя вслами, и они не смогли потянуть ее...»

Жене Шими было обидно и больно слышать такие упрёки от мужа, с которым прожила много лет.

— Конечно, заставить тебя рожать вместо себя, чтобы ты почувствовал: испытываем ли мы, женщины, муки при родах или просто притворяемся, я не в силах, — с укором сказала жена, — но заменить своего хвастуна-муженька на работе я вполне могу. А вот ты попробуй справляться с моей женской работой, о которой так пренебрежительно отзываешься. Посмотрим, как ты запоешь!

— Давай, я согласен! — с готовностью воскликнул Шими, втайне радуясь, как ему показалось, прекрасному случаю проучить строптивую жену.

На следующий же день жена встала рано утром и принялась будить сладко храпевшего мужа.

— Эй!* Поднимайся! — приказала она. — И слушай меня внимательно. Сперва подои корову, да смотри — не опаздывай, а то не успеешь выгнать ее в стадо! Присматри за ребенком, вовремя накорми и уложи спать. Прибери в комнате, подмети пол мокрым веником. Постирай и высуши пеленки. Сбей масло, приготовь пахту, а к моему приходу с работы сварь хинкал на ужин...

Словом, перечислив по порядку все обязанности, которые надлежало выполнить Шими до возвращения ее с колхозной работы, жена, захватив узелок с чуреком и сыром, села верхом на осла и бодро подъехала к воротам. Но вдруг, вспомнив о чем-то, она остановилась и, не слезая с осла, громко крикнула:

— Ай, муж! Чуть не забыла: смотри за наседкой, не давай ей вставать с яиц, чтобы они не остыли. Иначе, сам знаешь, цыплята не выведутся. Сразу как она закудахчет — поднеси ей зерно и воду!..

* По татским семейным традициям считалось неприличным, если жена окликала мужа по имени. Она, обращаясь к нему, вместо его имени произносила: «Эй!» или «Эй, мерд!» (Эй, мужчина!), а он, обращаясь к ней произносил: «Эй, зен!» («Эй, женщина!», «Эй, жена!»)

Как только жена выехала со двора, Шими, быстро просунув ноги в штанины и захватив подойник, побежал в хлев доить корову. Едва он опустился на корточки и первые струйки молока весело зазвенели о дно подойника, как в люльке проснулся ребенок и сразу поднял крик. Боясь, что пока он будет возиться с ребенком, пастух угонит стадо, Шими, с досадой пнув животное ногой, выпустил его со двора, не выдоив у него утреннее молоко.

Кое-как успокоив и уложив ребенка, предварительно заменив ему мокрые пеленки чистыми, сухими, Шими, прежде чем взяться за другие дела, решил сначала все приготовить для хинкала: просеять муку, замесить тесто, нарезать курицу, которую жена еще перед уходом положила с завязанными ногами возле печки, обшипать и опалить ее.

С грехом пополам покончив с этим делом, Шими принялся за другое. Он принес нхре — пузатый кувшин с двумя ручками для сбивания масла, приготовления пахты и поставил его посреди комнаты возле люльки спящего ребенка. Влив в кувшин несколько крынок кислого молока и столько же воды, он, усевшись на пол, принялся, как это делала жена, обеими руками ритмично раскачивать его. Но плач ребенка опять отвлек его от дела. Тогда Шими, чтобы сэкономить время и успеть справиться одновременно с несколькими делами, привязал кувшин к спине, а люльку повесил на шею и таким образом принялся за уборку. Но не прошло и несколько минут, как наседка в сарае, сидевшая в корзине на яйцах, подала голос, громко, требовательно закудаhtала. Шими сразу оставил уборку и заспешил в сарай. Возвращаясь назад, чтобы опять приняться за уборку, он у самого порога столкнулся со своей дворовой собакой. Она, воровато и пугливо озираясь на хозяина, быстро прошмыгнула мимо него, держа в зубах ошипанную курицу, которую Шими приготовил для хинкала. От охватившего его беспокойства и ярости, забыв, что у него на спине кувшин, в котором болталась пахта, а на груди качается люлька с ребенком, Шими с криком кинулся на собаку, чтобы отнять у нее добычу, но споткнувшись, упал плашмя возле двери. Кувшин с грохотом разбился, и все содержимое его разлилось по полу. Люлька с ребенком перевернулась и малыш от испуга поднял такой рев, что его уже невозможно было успокоить. Тогда Шими занес люльку с плачущим ребенком в комнату, выскочил во двор и стал гоняться за спокойно разгуливающими курами, чтобы поймать одну из них и нарезать вместо той, которую унесла у него из-под носа проклятая собака. Но испуганные его внезапным налетом куры, хлопая крыльями, с шумом разбежались в разные стороны.

Некоторое время Шими в растерянности постоял посреди двора, не зная что делать, а потом вдруг, махнув рукой, решительно

направился в сарай. Схватив тихо дремавшую наседку, он тут же оторвал ей голову и, спустив штаны, сел вместо нее на яйца.

Вечером на закате жена вернулась с работы, веселая, довольная, точно отдохнувшая. Но едва она въехала во двор, ее изумленному взору предстала невообразимая картина. Теленок сосал только что вернувшуюся из стада корову. В люльке, всхлипывая, тихо плакал совершенно обесиленный ребенок. На веранде, залитой пахтой и измазанной маслом, лежали осколки разбитого кувшина. А куры во главе с красноперым петухом, словно собравшись на пир, окружили корыто и усердно клевали тесто, приготовленное для хинкала. Самого Шими нигде не было видно. Жена застала его в сарае, сидевшего без штанов на корзине с яйцами, с потухшим кальяном во рту и дремавшего от усталости.

— Ай муж, камень на твою голову, что я вижу?!— горестно воскликнула удивленная и расстроенная жена.— Почему такой содом в доме? И почему ты сидишь на яйцах вместо наседки?

— Ай жена, ты только, пожалуйста, не горячись и не ругайся, я сейчас тебе все объясню, — моргая сонными глазами, миролюбиво произнес Шими, не вставая с корзины.— Ты знаешь, я случайно зарезал наседку вместо курицы, которую у меня утащила наша собака, да чтоб она подавилась ею, проклятая. А потом, когда спохватился, боясь, что яйца остынут, сам сел на них вместо наседки. Ведь ты сама же, уходя на работу, предупредила меня: не давать остынуть яйцам...

— И сколько же времени ты думаешь сидеть вот этак на корзине вместо наседки?— с трудом сдерживая подступающие к горлу слезы дрожащим от гнева голосом спросила вконец расстроенная жена.

— Да уж посижу, сколько потребуется, недели две, а может и три, пока цыплята не выведутся — что делать?— с покорным видом произнес Шими, «печально» вздыхая. А потом, чтобы сколько-нибудь успокоить жену, прибавил бодрым голосом: — Зато цыплят, можешь мне поверить, я выведу обязательно. А ты за это время, моя дорогая, постарайся как-нибудь управиться за нас двоих: на работе в колхозе и дома по хозяйству..

КАК ОСЕЛ ШИМИ ОТОМСТИЛ ЕМУ ЗА «КРИТИКУ»

Как-то раз под вечер Шими с кальяном во рту верхом на своем ослике возвращался с работы домой. Накануне прошел сильный дождь, местами блестели лужи, стояла грязь.

Шими был не в духе. Еще утром, отправляясь на работу, он поссорился с женой, а потом встреча с председателем колхоза

окончательно испортила ему настроение. Дело в том, что на отчетно-выборном колхозном собрании, которое проводилось на прошлой неделе, Шими имел «неосторожность» подвергнуть его резкой, но справедливой критике. А сегодня председатель колхоза, человек мнительный и злопамятный, увидев его на работе, не только руку не подал, а прошел мимо, даже не поздоровавшись с ним. И теперь председатель при любом «удобном» случае постанется отомстить ему за критику.

Сколько раз Шими давал себе зарок: держать свой непослушный язык на привязи, не вступать в пререкание с «начальством», следовать известной поговорке: «Кто желает покоя, тот должен быть глухим, слепым и немым». Но Шими ничего не мог поделаться с собой, со своим характером.

Усталый, погруженный в свои думы, Шими незаметно начал клевать носом. Его осел, воспользовавшись этим, потихоньку свернул с прямой дороги, залез в грязь и, низко опустив голову, по примеру хозяина тоже задремал.

Когда Шими очнулся и увидел, что осел его стоит среди непролазной грязи, он с криком прищипорил его. Но животное и ухом не повело, продолжало как ни в чем не бывало стоять в той же позе. Тогда Шими вышел из себя и начал поносить и ругать своего осла и весь ослиный род на чем свет стоит.

— О, распроклятый осел! — в сердцах воскликнул Шими! — Колк уж ты решил передохнуть и немного вздремнуть, почему ты для этого выбрал такое неподходящее место?.. Клянусь могилкой своего отца, нет на свете животного глупее и безобразнее вашего брата. Не зря говорят: «Есть лекарство от всех болезней, кроме как от ослиной дурости», «Если бы осел знал, что он осел, он бы себе брюхо распорол».

Когда Шими, все больше распаляясь, продолжал распекать свою скотину, перечисляя все ее действительные и мнимые пороки, в это время под самый хвост беспечно дремавшего осла забрался злой овод и стал нестерпимо жалить его. Животное сразу встрепенулось, хвост тотчас же поднялся дыбом, напряжился, как у разъяренного льва в момент нападения. Задржав голову и оглашая округу неистовым ревом, осел начал бешено плясать на месте, то и дело высоко подбрасывая круп, яростно брыкаясь задними ногами. Перепуганный Шими сразу прикусил язык и, потеряв равновесие, тут же свалился и шлепнулся в гущу грязи.

Весь перепачканный, Шими поднялся на ноги. Решив, что осел нарочно сбросил его, разозленный Шими, не найдя ничего подходящего под рукой, схватил свой кальян с длинным чубуком и принялся колотить им осла, сердито приговаривая:

— Да чтоб злые волки загрызли твою дурную голову!.. И тебе,

проклятому, видно, не нравится, когда тебе говорят правду в глаза?!

ГОРЕ ШИМИ

У Шими в один прекрасный день околел осел, объевшись люцерной. Шими очень любил своего вислоухого, поэтому его неожиданная смерть сильно расстроила Шими. Охваченный неутешным горем, он опустилсЯ на землю в середине двора возле своего мертвого четвероногого друга и принялся бить себя в грудь, громко причитая, как плакальщица на похоронах:

— О ты, златокудрый, ясноокий и быстроногий мой джейран!.. Зачем ты так рано покинул этот белый свет?!

Соседи Шими, услышав его плач, решили, что у него, наверное, не дай бог, умерла жена или кто-нибудь из близких, поэтому сразу поспешили к нему во двор, чтобы выразить свое сочувствие, разделить его горе. Но когда они увидели, что Шими так сильно сокрушается, плачет по своему околевшему ишаку, в душе подсмеиваясь над ним и над его «безутешным горем», стали дружески успокаивать его. А один из соседей, чтобы заставить Шими перестать плакать и не делать из себя посмешище, сказал ему:

— Ай Шими, ты голову, что ли потерял? Разве можно из-за того, что подох осел, так убиваться? У меня, к добру будь помянута, недавно померла теща, я и то не плакал, крепился, как подобает мужчине, а ты распустил нюни. И не стыдно тебе?

Шими, который пуще всего на свете не любил свою тещу за то, что она ни в грош не ставила его, считала шутот, пустомелей и все время натравливала на него свою дочь, услышав слова соседа, разрыдался еще горше.

— В том-то и дело, дорогой сосед, — вытирая папайой слезы, с плачем произнес Шими.—У счастливца, как ты, теща умирает, а у несчастливца, как я, осел подыхает...

КАЖДЫЙ САМ СЕБЯ ЛУЧШЕ ЗНАЕТ

Случай, о котором мы сейчас поведем речь, произошел давно, когда еще не было должной борьбы с таким злом, как пьянство, не было также ни вытрезвителей, ни специальных лечебниц для лечения этой «бесовской» болезни.

Говорят, однажды в летний вечер после короткого, но шумного проливного дождя Шими вышел из дому прогуляться на свежем воздухе. Пройдя несколько шагов, он неожиданно натолкнулся на пьяного, который растянулся на мокром тротуаре, прямо среди

лужи и громко похрапывал во сне. Шими сразу узнал в нем известного в городе выпивоху, от которого вечно плакали его бедная жена и дети. Возле него озабоченно хлопотал молоденький милиционер. Склонившись над ним и трогая его за плечо, он просил, умолял его, чтобы тот проснулся и отправился с ним домой. Но пьяный был в таком бесчувственном состоянии, что, казалось, бухни сейчас из пушки над его головой, он и тогда не пошевелится.

— Ай сынок, зачем ты его уговариваешь?— обратился Шими к милиционеру.— Если бы этот несчастный мог подняться и пойти на своих ногах, он это сделал бы без твоей помощи. И дорогу домой сам бы нашел — не слепой и не маленький.

Милиционер выпрямился, посмотрел на Шими и растерянно произнес:

— А что делать?

— Ничего не надо делать.— твердо произнес Шими.— Как лежит, так и пусть лежит до утра. Ночь теплая, короткая, поверь мне, ничего с ним не сделается. Зато утром, когда он проснется с больной головой и увидит себя, валяющегося в луже, ему, может, станет стыдно, в другой раз он этого не сделает.

-- Может оно и так, дядя Шими, как вы говорите,— озадаченно произнес молоденький милиционер,— но все-таки, все-таки человек же он, а не, извините, хрюшка какая-нибудь.

— Ему, сынок, видно, лучше знать, кто он такой,— с грустной усмешкой возразил Шими.— Иначе разве он предпочел бы мутную лужу на открытой улице мягкой чистой постели у себя дома?..

ИСТОРИЯ С ТЕЛЕФОНОМ

Шими, говорят, очень обрадовался, когда после долгих хлопот ему дома установили телефон. Но радость его оказалась преждевременной. Очень часто стоило Шими набрать нужный ему номер, и он вместо ожидаемого отклика на другом конце провода слышал какие-то бесконечные странные звуки, похожие то на злобное шипение змеи, которой неожиданно наступили на хвост, то на сладкое чмокание мче.., мче.., то на удушливый хрип, то на тихое благодушное мурлыканье кота, греющегося зимой у печки, то еще черт знает на что..

Временами Шими казалось, что в его телефонный аппарат вселилась какая-то «нечистая сила», и она то и дело выкидывает с ним недобрые шутки. Нередко в самом начале разговора по телефону «нечистая сила» внезапно и довольно невежливо обрывала разговор, после чего телефон долгое время хранил гробовое молчание, словно впадая в летаргию. Случалось не раз, что Шими

против своей воли приходилось «подслушивать» чужие разговоры, вовсе не предназначенные для постороннего слуха.

Как-то раз Шими надо было позвонить в поликлинику, чтобы вызвать участкового врача для своей захворавшей старухи. Но, подняв трубку, он услышал голос какой-то женщины, увлеченно разговаривающей со своей близкой подругой о таких чисто женских делах, что Шими, смутившись, сразу положил трубку на рычаг и целых четверть часа не подходил к аппарату.

Когда Шими вторично поднес трубку к уху, к его большой досаде, та же женщина все еще продолжала говорить.

— О женщина!— вежливо, извиняющимся тоном произнес Шими.— Вы слишком долго говорите по телефону, я не могу из-за этого позво..

— Как вам не стыдно, нахал, подслушивать чужие разговоры?— оборвав Шими на полуслове, раздался негодующий голос женщины.— Да чтоб ты оглох на оба уха, да чтоб сгорели твои кишки! Да чтоб!

И пошло и пошло. Судя по голосу, женщина была молодая, но очень раздражительная.

— Эй женщина! Хватит, прикуси язык!—в свою очередь возмутился Шими. — Я, может, тебе в этцы гожусь, а ты меня обзываешь, оскорбляешь. Как тебя муж выносит, такую злую?.

— Ах ты, старый хрыч!—вновь разбушевалась она в ответ.—Ты еще смеешь меня, ме-ня-я-я!?

Голос в трубке вдруг запнулся, и в то же мгновение слух Шими резанул пронзительный крик, похожий на вопль, который тут же заглох.

Бросив в сердцах трубку и, уже не надеясь скоро дозвониться по телефону, Шими вышел из дому и пешком отправился в поликлинику, которая находилась почти на окраине города. Здесь, у ее ворот он неожиданно встретился со своим старым другом и его соседом. Его друг, обычно спокойный, благодушный человек с окладистой бородой, сейчас был чем-то встревожен и мрачен, как туча.

— Ай Шими! Будь к добру твой приход, случилось что-нибудь?—спросил Шими сосед его друга.

И Шими стал рассказывать, как полчаса назад он пытался позвонить в поликлинику по телефону, но напоролся на болтовню какой-то сварливой женщины.. Словом, все как было.

Едва Шими закончил свой рассказ, как вдруг лицо его друга стало багровым и он, свирепо посмотрев на Шими, как все равно на своего заклятого врага, закричал в ярости, потрясая бородой:

— Это ты был, оказывается?!.. Это ты довел по телефону мою беременную невестку до истерики, что у нее начались эти самые.. Это ты, ты виноват!.

Ошеломленный и сконфуженный Шими не знал, куда глаза

девать. Молодая женщина, с которой ему против своей воли пришлось вступить в «телефонную дуэль», как на грех оказалась невесткой его товарища, которую только что доставили сюда на «скорой». Хотя врачи заверили свекра, что ей ничего не грозит, старик никак не мог успокоиться. Но как Шими не уверял его, что он не виноват, тот, еще больше распаляясь, продолжал винить во всем случившемся только Шими. Сосед бородача, желая положить конец напрасному спору и примирить друзей, решительно встал между ними и с дружеским упреком проговорил:

— Зачем спорить зря? И ты, виноват, Шими, и твоя невестка, дорогой сосед, дай бог ей счастливо разрешиться, тоже виновата.

Шими промолчал, а потом через минуту, вдруг вспыхнув, запальчиво произнес:

— Ладно! Пусть я виноват, пусть и она виновата! Но неужели во всей этой злополучной истории наша телефонная станция ни в чем не виновата?!

БАРАН НА ШАШЛЫК

Старший внук Шими носил имя отца своей бабушки. И та питала к нему из-за этого особенную нежность и называла его всегда почтительно-ласково: «Мой Папусик». Постепенно в семье и во дворе стали называть его этим прозвищем, словно оно было его настоящее имя с самого рождения.

Но от бабушкиного Папусика, кроме нее самой, никто не был в восторге: учился он из рук вон плохо, задира в школе девочек, не слушался ни учителей, ни родителей, тайком баловался табаком, до позднего вечера пропадал на улице вместо того, чтобы сидеть за книгами, готовить уроки. А когда Шими или отец, недовольные и рассерженные его поведением, собирались дать ему взбучку, бабушка тут же заступалась за Папусика, не позволяла никому «обижать» своего любимчика.

И вырос Папусик лоботряс лоботрясом. Когда он кое-как, с грехом пополам, к большому облегчению всего коллектива учителей окончил школу, Шими решил пристроить его к себе в колхоз, приучить к труду. Но сноха—мать Папусика и жена подняли бунт.

— Вы что, хотите, чтобы мой мальчик всю жизнь копал землю, как вы?!—накинулась на него раздраженная сноха, подогреваемая свекровью.—Не будет по-вашему!

Шими, оскорбленный ее словами и тоном, с каким она позволяет себе разговаривать с ним, отцом своего мужа и главой семьи, хотел чтобы она немедленно убралась с его глаз, но сдержал свой гнев, решив по-хорошему объяснить ей и своей старухе, что всякий труд, в особенности земледельца, является почетным. Сам он, к приме-

ру, будучи рядовым колхозником, не раз бывал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, портрет его и сейчас висит на колхозной Доске почета. И что, если такие молодые люди, как его внук, не придут на смену старикам, кто же будет тогда выращивать хлеб, разводить скот, доить коров? Тем более, у их Папусяка нет ни охоты, ни способностей к умственным занятиям. От таких балбесов с дипломом, как он, бывает потом больше мороки и вреда для дела, нежели пользы..

Однако сноха и старуха не вняли разумному совету Шими. И вопреки его воле, мать Папусяка, женщина энергичная и упрямая, отвезла своего сына в другой город и сумела «протолкнуть» его в один из техникумов.

Но не прошло и полгода, как на имя Шими поступила от Папусяка тревожная телеграмма:

«Дед! Караул!.. Нахватал двоек. Могут вытурить. Возьми барана и кувшин хорошего вина, приезжай немедленно. Хочу пригласить и угостить кого нужно. Папусяк».

Сноха и старуха, узнав о содержании телеграммы, страшно заволновались, подняли такой вой, точно кто умер в доме. Они слезами и мольбой заставили старика вывести из хлева самого жирного барана, захватить кувшин вина и тотчас же отправиться в дорогу.

Через час Шими с полным кувшином вина, привязанным к спине, ведя барана за веревку, которого он надеялся поместить в «собачьем ящике» при вагоне, притащился на вокзал. В момент его прихода поезд уже стоял на перроне и с минуты на минуту ждал отправления. Старик, боясь, что не успеет на поезд, не стал заглядывать в кассу, тем более там еще толпились люди в очереди. Пинками и окриками подгоняя барана, Шими добежал к ближайшему вагону. И когда он, торопясь и волнуясь, хотел втащить в вагон вдруг заупрямившееся животное, женщина-кондуктор, угрожающе размахивая перед его носом свернутыми флажками в футляре, словно дубинкой, с возмущенным криком преградила ему дорогу:

— Вы что, дедушка, с ума сошли?!—раскричалась она.—Куда вы тащите барана?! Это вам не арба, а пассажирский поезд!.

Шими с трудом удерживая свою скотину, хотел по-доброму объяснить строгой кондукторше, что «настоящий баран» у него учится в техникуме, в другом городе, а это — просто живое мясо для шашлыка. Но только он раскрыл рот, как не на шутку взбунтовавшееся «живое мясо» неожиданно со всей силой боднуло его в самый пах так, что Шими, не удержавшись на ногах, со стоном упал на спину, как подкошенный. Оглушенный грохотом разбившегося кувшина и чувствуя острую боль в паху, Шими не смог

сразу подняться. А баран, воспользовавшись этим, сорвался с места и с громким блеянием пустился наутек во весь дух.

Как только сконфуженный и расстроенный Шими прибежал домой, обдавая по дороге всех встречных острым винным духом, который исходил от его насквозь промокшей одежды, он первым делом заглянул в хлев. Не обнаружив беглеца там, где он надеялся его застать, вконец раздосадованный и взволнованный Шими немедленно отправился на почту. Здесь он, с трудом переводя дыхание, продиктовал девушке-телеграфистке телеграмму для внука следующего содержания:

«Папусик! Караул!.. Кувшин с вином разбился.. о твою глупую разнесчастную голову. Баран для шашлыка сбежал, неизвестно куда. Беги и ты от своих злополучных двоек, но только знай куда. Дед».

КАК ШИМИ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛ СВОЮ НЕВЕСТКУ

Шими и его старуха, поживив и выдав замуж всех своих детей, сами на старости лет стали жить с младшим сыном и его молодой женой. Но сноха ничего не делала дома, жила на всем готовом и относилась без всякого внимания и уважения к старикам.

Как-то рано утром Шими вышел во двор, чтобы зайти в хлев и подложить ослу сена, но увидев жену, сиротливо сидевшую на камне, подперев рукой подбородок, подошел к ней.

— Ай жена, что с тобой? Почему ты так пригорюнилась? — участливо спросил ее Шими.

— Ай муж, как мне не горевать,—грустно промолвила жена,—привела в дом невестку, думала: вот на старости лет будет помощница мне. А она, как ты знаешь, палец о палец не ударяет: не моет, не стирает, не убирает. Вот двор захламлен, а убирать некому, все приходится делать самой.

Шими стало жаль свою старуху. Он тоже задумался, не зная что делать, а потом, точно осенный счастливой мыслью, бодро сказал:

— Ай жена, не падай духом! Клянусь прахом твоего отца, я придумал верный способ, чтобы исправить нашу невестку-бездельницу.

— Что за способ?—с сомнением спросила старуха.

— Вот послушай!—принялся Шими с воодушевлением толковать ей.—Как только наша невестка проснется и выйдет во двор, ты сразу возьми веник и делай вид, что собираешься подметать. А я в это время подскочу к тебе, схвачу веник и скажу нарочно: «Отдай мне веник! Ты старая, усталая, больная, пятое-десятое,

я сам подмету вместо тебя!..» Но ты, жена, смотри, не отдавай мне веник, а держи его еще крепче и отвечай мне: «Нет, муж, я этого не позволю! Ты—мужчина, папаху на голове носишь, мне стыдно и все такое прочее». А невестка, увидев и услышав наш спор с тобой, устыдится, волей-неволей отберет у нас веник и сама, как миленькая, вместо тебя возьмет да подметет двор. Как говорится, лиха беда начало..

Старухе пришла по душе эта идея, и она, как только невестка проснулась и показалась на пороге, тут же схватила веник, охая и вздыхая, принялась нарочно подметать двор. А Шими тотчас же подскочил к ней и ухватился за веник.

— Ай жена, ради твоих покойников, отдай мне веник, я сам вместо тебя подмету двор,—горячо, умоляющим голосом произнес Шими. — Ты женщина старая, хворая, не дай бог, свалишься с ног, что будет тогда с нами: все в доме пойдет прахом. Отдай!

Но старуха, еще крепче зажав веник в руках, громко «запротестовала»:

— Ай муж, клянусь твоей жизнью, что ни говори—не отдам, умру, но не отдам! Ты—мужчина, борода уже седая, соседи увидят—позору не оберешься. Не могу же я на старости лет осрамить честь твоей папахи. Отстань!

— Пусть говорят кому что угодно — отдай мне веник!—не унимался муж.

Одним словом, Шими и его старуха, шумно споря друг с другом, тянули веник каждый к себе. А невестка, уперев руки в бока, сначала удивленно и насмешливо наблюдала эту сцену, а потом, когда ей надоел спор старика и старухи, подошла к ним и вырвала веник из их рук. Шими и его жена радостно переглянулись, думая, что их вынужденная хитрость удалась как нельзя лучше. А невестка, держа веник в руке, искоса смотрела то на свекра, то на свекровь, что-то решая в уме. Потом она, неожиданно повернувшись к старику, энергично вложила ему в руки веник и, одобритительно кивнув головой, с ободряющей улыбкой произнесла:

— Ты, папаша, молодец, умница! Наплевать на то, что будут говорить другие, так и быть—подметай сам!

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

Говорят, в доме Шими Дербенди однажды работники горжилуправления начали делать капитальный ремонт. Но он так затянулся, что ему не видно было конца-края. За это время силами тех же людей, которые больше прохлаждались и под разными предлогами выманивали у Шими деньги на выпивку и закуску, на «не-

достающие» у них материалы, чем занимались настоящим делом, можно было выстроить целый дом в несколько этажей.

Никто не знал, что пережил, испытал Шими, пока у него происходил этот злополучный ремонт (он никому об этом не жаловался, не говорил), но зато все близко знавшие Шими люди с недоумением замечали странную перемену, которая произошла в его характере и поведении. Он потерял свой былой веселый нрав и общительность, стал раздражительным, ходил мрачнее тучи. Раньше Шими, почему-либо рассердившись на свою покорную половину, срывая на ней сердце, кричал: «Ай жена, да чтоб сгорел дом твоего отца!» Теперь после этого печального события он ругался, правда, несколько длинно, но зато по-новому: «Ай жена, да чтоб работники нашего горжилуправления произвели капитальный ремонт в доме твоего отца!»

ОСЕЛ НА КОЛОДКАХ

Однажды Шими срочно понадобилась машина, чтобы немедленно отвезти беременную сноху в больницу, у которой, по несчастью, раньше времени начались роды. И он обратился с просьбой к соседу, у которого была своя машина.

— Ах, ах, какая досада!— с притворным сожалением воскликнул сосед.— Я машину со вчерашнего дня поставил на колодки, произвожу ремонт, извини, не могу!..

Шими видел, как сосед всего час назад с шиком въехал к себе во двор на машине, но промолчал, ничего не сказал и тут же побежал искать другую машину.

Случилось так, что спустя месяц сосед, у которого на этот раз машина действительно находилась на капитальном ремонте, попросил Шими «всего на один час» одолжить ему осла, чтобы перебросить на нем мешок муки из магазина домой.

Шими посмотрел на него и, «с сожалением» покачивая головой, промолвил:

— Ах, ах, какая досада! Клянусь твоей головой, не только на час, на целый день отдал бы своего осла в твое распоряжение, но у меня третий день как он стоит на колодках, извини, не могу!

Сосед, конечно, не поверил, поэтому с нескрываемым недовольством и упреком сказал ему:

— Ай Шими, не принимай меня за дурачка! Осел не машина, его на колодки не ставят, чего ты ерунду городишь?

— Ай сосед, как ты не понимаешь,— с невозмутимым видом произнес Шими,— когда хозяин не хочет одолжить своего осла, он может и его поставить на колодки, как ты тот раз свою машину.

ШИМИ И ВЕЛИКИЙ ФИРДОУСИ

Как-то раз в руки Шими попала красиво оформленная книга с произведениями великих средневековых персидско-таджикских поэтов. Едва кое-как успев прочесть их, Шими сразу загорелся желанием тоже попробовать написать стихи. Но прежде чем призвать ~~Музу с горы Олимп~~, Шими решил вызвать из кухни свою покорную половину, где она сейчас раскатывала тесто для хинкала, и посоветоваться с ней.

— Знаешь, жена, фарсидский язык и наш татский—родственны между собой *,—начал Шими издали и в подтверждение своих слов добавил:—Вот, к примеру, когда иранцы или таджики говорят: «Занро муяш дураз, аглош кутах» **, мы эту мудрую поговорку воспринимаем и произносим почти как они.

— Ну, что из этого?—обиженно произнесла жена, которая в душе считала себя намного умнее своего странного и чудаковатого мужа.

Но Шими, сделав вид, что не заметил ее недовольства, продолжал:

— Вот послушай. Великий Фирдоуси, как пишется в книге, с которой я только что познакомился, оказывается тысячу лет назад создал знаменитый дастан *** «Шах-Наме», а он, представь себе, до сих пор жив, вернее Фирдоуси умер почти тысячу лет назад, но его доброе имя, стихи живут и поныне. Вот я сижу и думаю: если благословенный Фирдоуси на своем фарсидском языке создал чудесное ожерелье из драгоценных камней, которым до сих пор восхищается мир, то неужели я, твой верный муж, не смогу на своем родном татском языке создать что-нибудь наподобие такого ожерелья хотя бы из обыкновенного серебра.

— Ай муж, не знаю о ком ты говоришь, но я прошу тебя, не делай глупости, не твоего ума это дело,—принялась жена отговаривать Шими.—Поэтом надо родиться: «Подающий надежду птенчик и в яйце поет»****. Если ты дожил до старости и не написал ни одной строки в жизни, как же ты можешь стать поэтом?

Но Шими был непреклонен.

— Ты не права, жена,—возразил он супруге.—Неважно; что я за все свои годы не написал ни одной строки, а важно другое. Слово «ашуг», сама знаешь, на нашем языке означает и «поэт» и «влюбленный». А любовь может совсем неожиданно нагрянуть к человеку любого возраста. Вот недавно в колхозном клубе какой-то лек-

* Татский язык—диалект иранского языка.

** «У женщины волос долог, а ум короткий».

*** Дастан — поэма, сборник поэтических произведений.

**** Пословица.

тор, дай бог ему долгие годы, читал нам, аксакалам (из молодых почему-то никого не было) лекцию «О любви, семье и браке». Хотя лектор был красноречив, как соловей, половина зала постыдно дремала. Но сейчас не об этом речь. Из всего того, что рассказал нам, старикам, лектор, мне особенно понравилось и больше всего запомнилось, когда он, ссылаясь на какого-то поэта, сказал: «Люви все возрасты покорны». Учти: все возрасты! Теперь, жена, наберись немного терпения и послушай дальше. Из того, что сказал лектор, вернее, поэт, на которого он ссылался, можно заключить, что, начиная с моего годовалого внука-сосунка и кончая мной, старым дедом, каждый из нас может любить и быть влюбленным, а стало быть и ашугом-поэтом..

Шими еще что-то собирался сказать в пользу своего довода, но, заметив на лице жены откровенную насмешку и явное нетерпение, вспылil:

— Клянусь богом, не зря блаженной памяти наши деды и прадеды учили: «Чем с женой советоваться, лучше положи папаху перед собой и посоветуйся с ней»*, — накричал Шими на жену. — Иди, пожалуйста, на кухню и занимайся своей стряпней, а больше, я вижу, ты ни на что не годна!..

Отослав жену назад и немного успокоившись, Шими уселся за стол, за которым его старший внук обычно готовил уроки. Водрузив на нос очки, взяв ручку и тетрадь, он принялся строчить. И как следовало ожидать, стихи получились бестолковые, что называется, курам на смех. Хотя Шими тоже в душе сознавал это, однако назло жене решил во что бы то ни стало добиться признания своего «таланта». Для этого он, прихватив тетрадь, уже собирался было пойти к друзьям, чтобы прочитать им свои стихи, когда к нему неожиданно появились гости — главный винодел колхоза, пожилой грузный мужчина с красным лицом, крупным сине-фиолетовым носом и ветеринар колхоза, молодой человек с красивыми телячьими глазами. Оба они возвращались со свадьбы, были навеселе, но по дороге решили заглянуть к старику Шими.

Их приход был для Шими весьма кстати. Он усадил гостей за стол, а жене велел поскорее подать горячий хинкал и поставить бутылку водки.

Как только гости опорожнили содержимое бутылки и еще больше опьянели, Шими решил, что теперь в самый раз ознакомить их со своими виршами.

— О-о-о! Очень хорошие стихи, дядя Шими, — похвалил винодел, обладатель сине-фиолетового носа. — В них есть аромат муската, бархатистость кагора, медовый привкус ликера и, что безус-

* Пословица.

ловно,—прозрачность наших прославленных дербентских коньяков. Вы, дядя Шими,—истинный талант.

— Я скажу больше,—ерзая и громко икая, проговорил ветеринар с красивыми телячьими глазами.—В ваших стихах, дядя Шими, мне слышится бойкая перекличка петухов на рассвете, любовный призыв молодой кобылицы в начале весны, дружное блеяние сытых овец, возвращающихся к вечеру с зеленых пастбищ в свои кошары... Вас, дядя Шими, мало называть талантом. Вы — украшение и гордость нашего маленького народа, отец нашей поэзии.

Гордый и польщенный похвалой гостей, Шими весело крикнул жене:

— Ай жена, подавай дорогим гостям вторую бутылку!

Когда гости распили ее, они опять заговорили о стихах Шими.

— Я, знаете, получил огромное удовольствие от ваших стихов,— произнес заплетающимся языком Сине-фиолетовый Нос. — Они действуют на человека опьяняюще, как старое вино многолетней выдержки. Вы, дядя Шими, просто чудо!

С места вскочил Красивые Телячьи Глаза. Приложив руку к сердцу, он почтительно отвесил Шими глубокий поклон, точно падишаху, и, размахивая рукой высоко над головой, воскликнул:

— Я скажу больше! Как принято считать орла царем всех пернатых, вы, дядя Шими,—царь нашей поэзии.

— Ай жена, подавай третью бутылку!—крикнул торжествующий Шими, гордо подбоченившись перед женой: мол, знай наших!

Когда была распита третья бутылка, гости опять вернулись к главной теме своего разговора—обсуждению стихов Шими.

— Ни-ни-ничего подобного я не читал и не-е слышал,—еле пробормотал Сине-фиолетовый Нос, почти засыпая.—Все наши поэты, вместе взятые, не стоят и твоего мизинца. Вы, дядя Шими, одновременно и солнце и Эльбрус нашей поэзии. Ма-а-шаллах! Ма-а-шаллах!..

Красивые Телячьи Глаза упал на колени перед Шими и начал отбивать ему земные поклоны, как божеству.

— Я скажу больше!—нечленораздельно, почти с мычанием произнес он.—Царь, дядя Шими, вам и в подметки не годится. Вы—бог, бог нашей поэзии.

Удивленная, но вместе с тем обрадованная успехом мужа жена, на этот раз, не дожидаясь, пока он позовет ее, сама подошла к нему.

— Может, подать четвертую дорогим гостям?—ласково шепнула она ему в ухо.

Шими, пряча хитрую улыбку в бороду и насмешливо косясь на вдребезги пьяных гостей, тихо сказал жене:

— Ай жена, клянусь душой твоего отца, вряд ли сам великий Фирдоуси, о котором я тебе говорил, слышал в свой адрес такие

восторженные похвалы, какие я сейчас слышал от них. Поэтому хватит, зачем зря переводить лишнюю бутылку..

ВЫЛЕЧИЛСЯ ОТ «СЛЕПОТЫ»

Сына одного из близких знакомых Шими назначили каким-то начальником. Шими хорошо знал этого молодого человека. Держался он очень скромно, был уважителен к старшим, с большим почтением относился к друзьям своего отца, особенно к Шими, пользовавшемуся доброй славой у своих земляков. И Шими был рад его назначению.

Но после того, как он стал хакимом, постепенно в характере и поведении молодого человека начали происходить явные перемены. Вскоре от его прежней скромности не осталось и следа. Он стал заносчивым, ходил, не замечая никого вокруг, ступал так важно, самоуверенно, словно каждое его движение, поворот головы, «орлиный» взгляд имели для посторонних особый смысл и значение. Даже при встрече с другом своего отца, Шими, он делал вид, что не видит его, точно в такие минуты на него находила слепота. Старика Шими это крайне огорчало, возмущало, но он хранил молчание.

Зато молодой начальник сразу преображался при виде человека выше себя «по чину». Растягивая губы до ушей в подобострастной улыбке, он склонялся перед ним в почтительном поклоне, рассыпаясь в любезностях и похвалах в его адрес.

Но недолго пришлось зазнававшемуся выскочке ходить в хакимах. За какие-то неблагоприятные дела и злоупотребления по службе ему дали, как говорится, по шапке.

На второй день после этого провалившийся начальник, вновь встретив Шими, на сей раз поспешил к нему с протянутыми для приветствия руками, всем своим видом высказывая свое почтение и радость от встречи с ним, как это он делал всегда, пока не ходил в начальниках. Но старик Шими вместо того, чтобы ответить на его приветствие, тут же повернулся к нему спиной и, молитвенно воздев кверху руки и глаза, громко воскликнул:

— Слава тебе, господи, что ты вернул этому человеку зрение, вылечил его от слепоты!..

«ОСЛОМ ПОЕХАЛ, ОСЛОМ ПРИЕХАЛ...»

Один молодой парень, родственник Шими, с ветром в голове, отправился путешествовать по Европе. Когда он вернулся на родину, домой, то всех поразил своим внешним видом: на нем была

пестрая рубашка с изображением каких-то ползучих гадов и диких зверей, короткие штаны выше колен, длинные, растрепанные, как у странствующего дервиша, космы.

Старик Шими, не скрывая своей неприязни к его наряду, все же решил спросить у него, как выглядят страны, где ему удалось побывать, каковы ~~обычаи и нравы~~ населяющих их народов, что он заметил ~~там~~ хорошего, достойного внимания и похвалы, а что плохого, заслуживающего сожаления и осуждения. «Путешественник» так и не смог ответить толком на вопросы старика. Зато восторженно и многословно принялся рассказывать ему о ночных кабаре и других злачных местах, где он ел, пил, веселился, о новых тогда прическах и танцах: шейке, джерке, халли-галли—и все в этом роде. Не зря же говорится: «Умный скажет, что он видел, а дурачок—то, что ел и пил».

На следующий день один из знакомых стариков Шими, встретив его на улице, спросил:

— Ай Шими, говорят, твой родственник ездил в заморские края. Что он там интересного видел, слышал?

Шими, нахмутив брови, сердито сказал:

— Ничего не видел и ничего не слышал, ослом поехал, ослом приехал, только сбрую сменил.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Однажды в летний жаркий день Шими вместе со своими товарищами-друзьями, такими же седобородыми стариками, как он, сидел в прохладной тени раскидистой чинары и вел непринужденную беседу. Кто-то из них, вспомнив про памятное для многих жителей нашей республики землетрясение, спросил его:

— Ай Шими, как ты думаешь: а правду ли говорят некоторые, что землетрясение посылает бог, как наказание за грехи людей?

Шими подумал немного, а потом твердо сказал:

— Нет, по-моему бог тут непричем,—затем немного помолчав, добавил: — Я знаю одного большого грешника, которому никакое землетрясение не страшно. Если бы бог послал его как наказание за грехи, то этот человек должен был пострадать в первую очередь. А ему и во время землетрясения было все нипочем.

Старики, заинтригованные словами Шими, навестили уши, ожидая, что он скажет дальше.

— Во время этого землетрясения,—продолжал Шими,—я как раз находился в гостях у своего давнишнего кунака в одном из наших небольших поселков, сильно пострадавшем от стихийного бедствия. Великолепный дом этого грешника, о котором я говорю, не

дал даже ни одной трещины, тогда как рядом стоящие дома, в том числе и дом моего дорогого кунака, получили сильное повреждение или разрушились совсем.

— А что у него дом—заколдованный?—недоверчиво спросил его другой старик.

— Ну, не заколдованный, но... особенный,—пояснил Шими.— Он его построил на мощных стальных каркасах, специально изготовленных по его заказу на заводе. Пусть земля ходит ходуном, а особняк его будет стоять, как стоял, целым и невредимым. Да и он сам, должен сказать вам, друзья мои любезные, какой-то особенный.

— Хе! А может еще скажешь—волшебник?!—перебив Шими на полуслове, иронически заметил тот же старик, усмехаясь в бороду.

— Хоть и не волшебник,—возражая ему, серьезно произнес Шими,—но, живя «на одной зарплате», он купил себе машину—раз, сыну-старшекласснику—два, дочери-невесте—три, красавице-любовнице—четыре. Обстановка у него как у турецкого паши. Жена вся «горит» в бриллиантах. А кое-кто говорит даже о нем: вот, дескать, мужчина-джигит, умеет жить!.

Изумленные старики все начали возмущаться, заговорили наперебой:

— Какой он джигит-мужчина, порази его гром небесный! Наверно, вор-казнокрад!

— Или бессовестный спекулянт-торговец левым товаром, как его. дай бог памяти... «деффисстом»!

— А может взяточник-вымогатель! Да чтоб он провалился!.

А один из стариков, сидевший рядом с Шими, видно, человек очень нервный, неуравновешенный, с трясущейся головой, крайне взволнованный его рассказом, вдруг схватил Шими за ворот бешмета и, тряся его изо всей силы, закричал истошно:

— Ай Шими, скажи мне, когда до него доберется эта ихняя поселковая милиция?! Почему она его не возьмет?!..

И все присутствующие в один голос поддержали его.

Шими с трудом оторвал от себя руки вцепившегося в него соседа, обвел всех недовольным, сердитым взглядом, а потом громко сказал:

— Клянусь богом, какие вы, однако, бестолковый народ, старики?! Ведь я только что сказал вам: этого человека даже землетрясение не берет, что же может с ним сделать маленькая поселковая милиция? Ну и на-а-арод!.

КОРОВЫ НА ДВУХ НОГАХ

В доме Шими готовились к семейному торжеству — золотой свадьбе Шими и его гари-старухи. Накануне жена попросила его отправиться в магазин, если удастся, купить целую коровью ляжку для приготовления разных мясных блюд, чтобы подать гостям.

Шими, захватив мешок и деньги, вышел из дому. Возвратился он чуть ли не под вечер. За все это время жена от напряженного ожидания, беспокойства и тревоги не находила себе места, думала-гадала: не случилось ли с ее благоверным какое-нибудь несчастье? Но когда Шими наконец появился дома, таща на плечах тяжелую коровью ляжку, жена с упреком сказала:

— Ай муж, клянусь небом, тебя только за смертью посылать! Где ты так долго пропадал?

— Ай жена, зря ты на меня сердиться!—вытирая пот со лба и с трудом переводя дыхание, произнес Шими.—Я обошел несколько магазинов, где продают мясо. Но в них везде, оказывается, поступают туши животных, которые ходят на двух ногах, притом только передних, а задних у них нет. Лишь в одном магазине, расположенном на краю города, я встретил туши с четырьмя ногами—передними и задними.

Жена с удивлением и досадой посмотрела на Шими.

— Ай муж, горе мне с тобой!—с горечью воскликнула она.—Ты соображаешь, что говоришь? Откуда ты взял, что бывают коровы или бараны, которые подобно нам, людям, ходят на двух ногах?

— Откуда? Очень просто!—уверенно произнес Шими. — В тех магазинах, куда я обычно хожу за мясом, я ни разу не видел мясистые коровьи ляжки, а встречал только тощие, коровьи лопатки... А ты меня еще спрашиваешь: соображаю я или нет!

«ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО»

Старик Шими, посоветовавшись со своей старухой, решил купить для своей семьи дойную корову. И с этой целью в воскресный день вместе с женой отправился на базар. Здесь они встретили одного знакомого, немолодого уже мужчину с пышной ухоженной благообразной бородой, который продавал корову.

Шими несколько раз обошел вокруг животного, внимательно и придирчиво оглядывая его. Затем заглянул ему в зубы, потянул за рога, потрогал вымя—вроде ничего себе скотина.

— Коровушка, слава богу, добрая, нестарая и, как видишь, довольно крупная, не меньше двенадцати пудиков живого мяса... Купи—не прогадаешь,—по-дружески посоветовал ему хозяин.

— Мне корова нужна не на́ мясо,—сказал Шими.—Мне самое главное—чтобы она давала больше молока и была доброго нрава.

Услышав это, знакомый Шими схватился рукой за бороду и, зажав ее в кулак, поклялся всеми святыми, что его корова дает не меньше одного ведра молока в сутки, притом смиренная, как овечка.

Хозяин коровы слыл человеком набожным, не пропускал ни одной молитвы, соблюдал пост и все «святые праздники» и чуть ли не на каждом слове поминал имя господа. Несмотря, однако, на это, Шими не очень поверил его словам и хотел было повернуться и уйти, но старуха, угадав его настроение, незаметно дернула мужа за рукав и взволнованно прошептала ему на ухо:

— Ай муж, не упряйся! Он человек верующий, богобоязненный, врать не будет. Не выпускай из рук такую животину!

И Шими, поддавшись уговорам жены, купил корову, за которую ему пришлось заплатить почти двойную цену. Поэтому тем больше было огорчение и возмущение старика, когда он понял, что «богобоязненный» хозяин скотины крепко надул его. Она давала молока меньше, чем добрая коза, да еще вдобавок во время дойки вела себя безобразно: то и дело лягалась, хлестала старуху по лицу, точно бичом, своим длинным упругим хвостом, как мяч, швыряла под себя копытом ведро с надоенным молоком. И старуха боялась коровы пуще огня и не решалась даже подходить к ней.

Через несколько дней Шими потащил обратно корову к ее бывшему хозяину прямо во двор и стал требовать, чтобы он забрал назад свою дурную скотину и вернул ему деньги. Но тот крутил носом, отказывался. Тогда взбешенный Шими начал осыпать его упреками, всячески поносить, обзывать.

— В бога веруешь, святым прикидываешься, а ведешь себя как бессовестный обманщик!—кричал на него Шими.

— Ай Шими, чего ты так разорался?!—недовольно воскликнул бородач, а потом, словно нарочно дразня его, с ухмылкой спросил: —Скажи, я обманул тебя где, в каком месте?

— Как где?! На базаре! Век не забуду!..

— В том-то и дело—на базаре!—словно радуясь его ответу, весело произнес бывший хозяин коровы.—А базар, дорогой мой, место заколдованное. Там даже бог при всем своем всемогуществе бессилен что-либо предпринять. Там крутит и вертит сам шайтан. Поэтому на базаре бог все прощает. Простит и мой обман.

Короче говоря, околпаченный Шими, так и не добившись ничего, вернулся к себе домой, ведя за веревку ненавистную скотину назад.

С тех пор прошло больше года. Однажды Шими по какому-то своему делу опять отправился на базар и опять встретился с тем же человеком. На этот раз он продавал новую длинную шубу и папаху. Приближалась зима, а Шими собирался купить себе такую

же шубу. Он вежливо поздоровался с ним, делая вид, будто между ними ничего худого не было, а если и было когда-то, что-то он, Шими, давно позабыл и простил ему. Взяв у него папаху и шубу, Шими стал примерять на себя. Видя, что они ему как раз, он тут же заплатил хозяину за папаху, а за шубу обещал расплатиться сегодня же вечером.

Едва на улице стемнело, бородач прибежал за деньгами. Шими в это время, накинув на плечи новую шубу, в новой папахе, в самом приятном расположении духа сидел на завалинке возле своего дома и дымил кальяном. Когда тот, остановившись возле него, попросил деньги за шубу, Шими, притворившись удивленным и оскорбленным, заявил ему, что он сполна заплатил и за папаху и за шубу, поэтому он ему ничего не должен.

— Ай Шими, как тебе, при твоём почтенном возрасте, не стыдно врать?—не на шутку возмутился тот.—Не бери грех на душу, заплати мне за шубу, иначе бог покарает тебя!

— Не покарает!—с насмешкой глядя на него, твердо произнес Шими.—Ведь наша сделка состоялась на базаре. А на базаре, как ты сам говорил мне: бог все прощает...

ЛЮБОВЬ И БОРОДА

Письмо Шими автору

«Мир тебе и здравие, сын мой!

Пишет тебе твой старый друг Шими Дербенди. Должен тебе сказать, сын мой, хоть ты в своих хабарах (дай бог, чтобы твоих ушей касались только добрые хабары) и величаешь меня «хитроумным», как ты знаешь, сам я очень часто попадаю в такие скверные истории, что ни мой ум и ни моя хитрость, которой у иного ребенка больше, не помогают мне выбраться из них, как говорится, целым и невредимым. Со мной нередко случается, как в известной нашей поговорке: «Думаешь, поймал, а смотришь—сам попался».

Про свою новую беду, которая приключилась недавно со мной, я, краснея от стыда, все же решил поведать тебе. И вот почему.

Знаю (не в упрек тебе это говорю, сын мой, а в похвалу), стоит мне, Шими, где-нибудь чихнуть, тебе сразу об этом становится известно. А уж про эту скандальную историю: как я, будучи пьяным, пел любовную песню на поминках своего старого друга (мир праху его), и как из-за этого рвали мне бороду,—тебе, наверное, уже рассказали. Но я не очень хотел бы, чтобы ты написал об этом в газетах и книгах. Не хочу на старости лет выглядеть посмешищем в глазах твоих почтенных читателей (дай им бог здоровья), потерять их уважение. А для человека с намусом, сам знаешь, лучше лишиться жизни, нежели уважения добрых людей.

Но как все это произошло, лучше меня самого, конечно, никто тебе не расскажет. Вот послушай.

Несколько дней назад я был на поминках своего друга (к добру будь помянут), с которым в годы нашей молодости мы батрачили на дербентских богачей—владельцев виноградных плантаций и рыбных промыслов, а потом многие годы работали в одном колхозе.

Пришел я туда с некоторым опозданием, когда все гости уже сидели за накрытой скатертью, на которой было вдоволь и выпивки и закуски. Гости, сразу потеснившись, дали мне тоже место. Они с божьей помощью, приступив к траурной трапезе, охотно пили и закусывали, громко и оживленно переговариваясь друг с дру-

Соседом моим за скатертью, на мое несчастье, оказался сторож винзавода, известный в городе выпивоха и пустомеля, одним словом, дурак. Вот где, дорогой друг, я на своем горьком опыте узнал, почувствовал глубокую истину нашей известной поговорки: «Лучше с умным камни таскать, чем с дураком пировать».

И вот едва я уселся, как мой сосед, да чтоб у него рука отсохла, сразу налил полный граненый стакан захримана-водки и говорит мне заплетающимся языком:

— Дядя Шими, тебе полагается «штрафное» за то, что опоздал к трапезе. Если ты, как надо, чтишь память покойного, то должен выпить этот стакан до дна.

Услышав это, я сначала возмутился, хотел было как следует отчитать его: какое может быть «штрафное» на поминках, как будто здесь веселый пир или свадьба какая. Да и опоздал я, должен тебе сказать, не по своей вине. Перед тем как идти на поминки, жена хватилась козы, а ее ни в хлеве, ни во дворе нет. И она, хорошо зная, куда я собираюсь, насильно отправила меня на поиски пропавшей скотины.

Когда ей, моей дражайшей супруге, взбредет что-нибудь на ум, ты хоть лопни, возражать ей в это время так же без толку, как пытаться прошибить головой нашу дербентскую крепостную стену. Но если бы вместо ее любимой козы, пропади она пропадом, потерялся бы мой бедный осел, жена и ухом бы не повела.

Но, чтобы тебе долго не морочить голову, вернусь к моему соседу за траурной трапезой (чтоб собака его укусила). Я сдержал себя: чего, думаю, говорить глупому человеку—все равно впустую. И чтобы он не приставал ко мне, я, собравшись с духом, выпил этот захриман до дна. После этого, надо тебе сказать, я сразу опьянел, стал словно очумелый. Говорится же: «Кто пьет до дна, тот живет без ума». А когда я уже был сильно под хмельком (может, под нажимом моего назойливого, как осенняя муха, соседа —разрази его гром вместе со мной—я опрокинул «до дна» еще не один граненый стакан захримана, не помню), к несказанной радости своей я увидел... А ты не будешь смеяться надо мной, стариком?

Так слушай, что было дальше. Когда я увидел в дверях старуху Сенем—свою первую любовь—и наши взгляды встретились, у меня сразу захватило дух, и все в голове и перед глазами перемешалось. Я сразу забыл, что мы оба старые, седые, наши внуки и внучки, дай бог им счастья, ходят в женихах и невестах и что мы давно чужие друг другу. О, если бы ты знал, как я ее любил, эту Сенем! Отец ее (да простит бог ему этот тяжкий грех) не отдал ее за меня за то, что я был гол как сокол и мне нечем было заплатить ему за красавицу-дочь рэхь-пули * Да ты, по-моему, должен знать старую Сенем.. Она у нас славится как лучшая кейвони ** на свадьбах, а теперь, не рядом будь помянуто, и на поминках. Кроме того, если я не ошибаюсь, она приходится троюродной сестрой твоей теще. Да, кстати, сын мой, скажи пожалуйста, она жива еще, твоя теща, или умерла? Если умерла—царство ей небесное, если жива, скажи: старина Шими низко кланяется ей...

Да, я уже совсем забыл, на чем остановился... Ах, да! Вспомнил!.. И вот после того, как я увидел здесь эту самую Сенем, мне вдруг показалось, что я сейчас не на поминках, а на свадьбе своего друга (да простит он мне мое невольное прегрешение). И что я опять, черт меня поberi, как когда-то давным-давно, молод и влюблен, как соловей в весеннюю пору. И такое, знаешь, у меня блаженное состояние, чудесное настроение, будто я выпил здесь не это чертово зелье, а райский напиток—зем-зем, возвращающий молодость. А коли ты молод и влюблен, и пред тобой стоит она, твоя любимая, и ты не на поминках, а на свадьбе своего друга, чего же тут не дать волю сердцу, которому тесно в груди?.. И я, широко раскинув руки, как два крыла для полета, и, поедая Синем глазами, запел во все горло песню одного из наших святых пророков, который любил песню, женщины и вино: «Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих.. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви!. Сильна, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность, стрелы ее—стрелы огненные!..»

Не помню, сын мой, сейчас: долго ли я пел эту песню, коротко ли (я чувствовал себя, как уже сказал, словно в чудесном сне), но зато очень хорошо помню, как в самый разгар пения кто-то с возмущенным криком, точно жанавар***, набросился на меня и, упав на колени, обеими руками вцепился в мою бороду.

— Да чтоб отсох твой язык, греховодник и безбожник!—орал он на весь дом, дергая изо всей силы меня за бороду, как все равно разозленный хозяин (не про нас с тобой будь сказано) за хвост своего застрявшего в луже упрямого ишака.—Как можно,—гово-

* Рэхь-пули—выкуп за невесту, калым.

** Кейвони—повариха на свадьбе.

*** Жанавар—дикий зверь.

рит,—вместо заупокойной молитвы петь на поминках любовную песню, как все равно в кабаке, покарай тебя бог!?

Это, оказывается, был муж старухи Сенем. Может, он был более трезвый, чем остальные, поэтому быстро спохватился: петь на поминках любовную песню, если она даже принадлежит самому пророку, не только стыдно, но и оскорбительно для памяти покойного (мир его праху). А может, кто знает, он просто приревновал меня к своей старухе? Поистине: «лута, как преисподняя, ревность...»

Ты думаешь, на этом все кончилось? Куда там! Этот старый ревнивец, все больше распаляясь, так безжалостно рвал мою бороду, что я думал: вот-вот отдам богу душу. Поверишь ли, когда еще в мои молодые годы дербентский полицмейстер (да чтоб ему пусто было на том свете) всыпал мне сто горячих по известному месту за то, что я непочтительно отозвался о государе-императоре (ты ведь, кажется, писал об этом случае), я, клянусь тебе, ни одного стога не издал. А тут, как не стыдно признаться в этом, я взревел, как бык под ножом мясника. Если бы Сенем, спасибо ей, вовремя не подоспела на помощь, навсегда лишился бы ты своего друга, а вместе с ним и возможности писать о новых приключениях «хитроумного Шими Дербенди». Или от моей бедной бороды ничего бы не осталось, и я стал бы походить на безбородого кусе*, о котором говорят у нас: «Лучше с утра встретить обезьяну, чем безбородого человека» **

Вот, пожалуй, все, что я хотел тебе написать.

Впрочем, знаешь, сын мой, так и быть: напиши обо всем, что я тебе рассказал. Хоть твои читатели и будут смеяться надо мной, как ты, наверное, сейчас смеешься, читая мое письмо (от этого никуда не денешься), но они, надо думать, все-таки меня поймут и, может, простят, потому что, положив руку на сердце, не один я виноват во всей этой некрасивой истории. А что касается того, чтобы поминки по усопшему превращали в некую свадьбу, пир с разнообразным угощением и обильным возлиянием, с той лишь разницей, что здесь не поют и не пляшут, то этого никогда не было в обычаях наших отцов. Об этом нигде не написано и в священном писании. Поверь мне, старику, слова «коньяк» или «водка» вообще в нем не встретишь. Обычай этот, должен тебе сказать, введен у нас в последние годы, с легкой руки тех, у кого карман туго набит шальными деньгами и кто бесится с жиру. Этот безобразный обычай—не только тяжкий и разорительный для многих семей со скромным достатком, но и оскорбительный для памяти покойного. Человек навсегда, на веки-вечные ушел из жизни, из мира, лежит в сырой могиле, а тут по этому случаю пьют, пируют.

* Кусе—безбородый.

** Пословица.

И знаешь что: мне кажется, даже не надо тебе ломать голову, чтобы сочинить свой очередной хабар об этой истории. Возьми мое письмо, приложи немного руку, поправь чин чином, где надо, и, как говорится, делу конец!

Да! Смотри, не забудь передать от меня, старого Шими, поклон твоей теще, если она, конечно, еще жива, а если умерла—царство ей небесное!.

Остаюсь твой преданный друг по гроб жизни

Шими Дербенди.

ШИМИ В БОЛЬНИЦЕ

Сказать по правде, я очень сомневаюсь: был ли такой случай, о котором дальше пойдет речь, с нашим почтенным Шими Дербенди, или это всего-навсего просто хабар, выдуманный кем-то. Лично я ничего об этом не знаю, да и сам Шими, с которым я давно дружу и который, как мне кажется, от меня никогда ничего не скрывает, хранит молчание на этот счет. Но с другой стороны, многие уверяют, что случай этот, хоть и из ряда вон выходящий, все же действительно имел место. А некоторые даже божатся-клянутся, что об этой истории было написано в местной газете. Поэтому я о ней пишу не от себя, а с их слов.

И вот что рассказывают.

Хотя Шими, несмотря на свой преклонный возраст, очень редко болеет, однажды он почувствовал себя так плохо, что решил лечь в больницу: спазмы в желудке не давали старику покоя. Но в приемной ему сказали, что сейчас в больнице мест нет, пусть подождет. Огорченный и расстроенный Шими вышел из приемной, чтобы направиться домой, но один из работников больницы догнал его, сказал по секрету: если он даст сто рублей, то место ему сейчас же будет обеспечено.

И, Шими, говорят, недолго думая, согласился.

Войдя в палату, где лежало шестеро больных, Шими тепло поздоровался с ними, затем прежде чем раздеться и лечь в постель, несмотря на колики в животе, внимательно, оценивающим взглядом осмотрел свою койку, которую нашел почти новой, пощупал двойные простыни, потрогал подушку, провел рукой по мягкому шерстяному одеялу и остался вполне доволен.

Через месяц, когда Шими поправился, его выписали домой. Но перед тем как выйти из больницы, Шими велел внуку принести ему длинную веревку, на которой «бабушка вешает белье во дворе».

Когда мальчик вернулся, Шими спокойно, не спеша убрал с кой-

ки шерстяное одеяло, простыни, подушку и матрац, а затем на глазах у недоуменных больных принялся разбирать койку. Все это он сложил в кучу и крепко завязал веревкой.

Как раз в тот момент, когда Шими с помощью внука хотел взвалить себе на спину разобранную койку и постель, чтобы унести их домой, в палату вошли врачи и медсестры во главе с заведующим отделением, совершавшие обход больных. Узнав о намерении Шими, они крайне удивились, в один голос принялись упрекать и стыдить его.

— Ай Шими, как тебе не стыдно?!—произнес его лечащий врач.—Мы здесь тебя целый месяц лечили, ходили за тобой, как за ребенком, беспокоились о твоём здоровье, а ты вместо благодарности хочешь захватить больничное имущество?

Шими спокойно выслушал их, затем, почтительно сложив руки на груди, от души поблагодарил их за лечение и заботу.

— А что касается постели и койки,—добавил он,—клянусь вам, это—все мое. Я за них расплатился еще в тот день, когда меня положили в больницу.

И чтобы его не сочли неблагодарным, Шими, не ломаясь, не торгуясь, продал больнице «свою» койку и постельные принадлежности за ту же самую цену, за которую он «купил» их, поступая сюда месяц назад.

КАК ШИМИ ЗАМЕЩАЛ БОГА

Однажды, когда Шими был молодым, он, повздорив с женой, ушел из дому. Наступил вечер, а Шими все еще продолжал дуться на жену и не думал возвращаться. Бродя бесцельно по безлюдным улицам, Шими незаметно для себя очутился на окраине города возле старого нумаза—молитвенного дома с невысокими ветхими стенами и плоской крышей.

Шими взобрался на крышу нумаза, поискал себе место поудобнее и расположился спать, подложив папаху под голову. Только он было сомкнул глаза, как вдруг услышал чей-то протяжный жалобный голос, доносившийся снизу. Посредине крыши, над самым амвоном, откуда хъзон возносил страстные молитвы господу, было круглое отверстие. Шими тихонько подполз к нему и заглянул вниз. В пустом полутемном помещении молитвенного дома, на самом амвоне, перед зажженной восковой свечой стоял какой-то бо-сой человек с испитым заросшим лицом, одетый в рваное чохо и облезлую папаху.

— Внемли, о боже!.. Внемли моей мольбе к тебе!..—молитвенно простерев руки вверх, громко, со стоном произносил бедняк.

«Должно быть, у этого человека большое горе, поэтому он на

ночь глядя, пришел сюда искать у бога помощи и поддержки», — подумал про себя Шими, и ему стало от души жаль бедняка. Чтобы узнать, какая беда привела его в такое время в «божий дом» и попытаться как-нибудь утешить его, Шими решил, будь что будет, выдать себя за бога.

— Я слушаю тебя, о мое создание, говори, не бойся, что ты хочешь от меня, господу твоего, всемогущего и всемилостивого? — таинственным голосом произнес Шими сверху.

— Ах, боже! Наконец-то ты услышал голос раба твоего! — задышавшись от радостного волнения, воскликнул бедняк. — Сколько раз я отсюда взывал к тебе, а ты не откликался на мой зов. И я, грешным делом, начал было думать: ты, наверно, совсем оглох и ослеп — ничего не слышишь и ничего не видишь. И память у тебя начисто отшибло..

Бедняк на минуту умолк, чтобы немного справиться с волнением и перевести дух, а затем продолжил:

— Конечно, шутка ли сказать: годы-то у тебя какие! Ведь, когда ты сотворил нашу грешную Землю и всю Вселенную за неполную неделю, и тогда, надо полагать, ты не был зеленым юнцом. А с тех пор прошло ни много ни мало — свыше пяти тысяч лет! * Ты, наверно, теперь очень стар! Не зря же говорится (не про тебя будь это сказано): «Когда скакун старится, он становится клячей». И люди это чувствуют. Поэтому в мире, созданном тобой, царит полная неразбериха. Одному достался плов, а другому только аппетит, один с жиру бесится и нет стыда в глазах, другой принижен и задавлен горем и нуждой, белый свет ему не мил...

Слушая излияния бедняка, Шими с беспокойством подумал, что им не будет конца и края, поэтому, прервав его, заметил с мягким укором:

— О мое грешное создание! Веревка хороша длинная, а речь короткая. Чем считать мои годы и колоть мне глаза моими недостатками, ты лучше скажи коротко, что тебе от меня надо? Ведь работы у меня — непочатый край, почесаться некогда. Один этот иблис-дьявол чего стоит: без конца škодит, старается делать все мне наперекор, совсем от рук отбился, окаанный!..

Бедняк кивнул головой.

— Прости меня, о боже, если я сказал что-нибудь лишнее, а может, и ненужное, — виновато произнес он. — Сказано: «Голодный что попало ест, страдающий что попало говорит»... Я очень беден. Дома у меня куча детей. Сам знаешь: богачу везет на деньги, бедняку на детей. И вот они, мои детки, сидят дома без куса хлеба, голодные, холодные, как осиротевшие птенчики в забытом гнезде.

* Согласно религиозной версии мир сотворен богом 5748 лет назад.

Я весь в долгах. Кредиторы грозят мне судом и расправой. Дети ноют—кушать просят. Жена, как в трауре, не осушает глаз, плачет день и ночь. Прошу тебя, сжался над рабом твоим, дай мне деньги, чтобы накормить голодных детей, расплатиться с моими безжалостными кредиторами, утешить горемычную жену.

Шими, услышав просьбу бедняка, почесал в затылке. Он не знал, что ответить ему. Сам он в то время был таким же обездоленным.

— Не могу я тебе дать денег, у меня у самого в кармане ветер свистит,—забыв на какую-то минуту, что он «бог», и, словно стыдясь своей беспомощности, извиняющимся тоном произнес Шими.

Бедняк, конечно, не поверил. Он решил, что бог просто вздумал немного потешиться над ним, пошутить. А почему бы и нет? Верблюд (опять-таки не про него, бога, будь сказано), какое мрачное и надутое существо, и то, говорят, один раз в год смеется. А если сам бог изволит шутки шутить, то это очень даже неплохо: видно, он сейчас в хорошем настроении. И бедняк сразу повеселел, загорелся надеждой.

— Хе-хе, нашел дурака!—скромно засмеялся он.—Если захочешь—сможешь. Ты все можешь, на то ты и бог, царь Вселенной. Тебе только стоит произнести: «Да будет сей бедняк богатым!»—и я сразу стану таковым..

Слушая эти слова бедняка, Шими при всем сочувствии к нему, к его горю, чуть было не покатылся со смеху, но вовремя спохватился.

— О мое грешное создание!—произнес Шими, вновь обращаясь к бедняку.—Что же мне с тобой делать? В книге «Гъэгъ-хъисоб»*, куда я записываю в начале каждого года, кому в этом году быть богатым, кому бедным, кому счастливым, а кому несчастным, кто будет вознесен, а кто низвергнут, я для тебя не предусмотрел ни денег, ни счастья, ни славы. А сейчас, как ты знаешь, середина года, поэтому я тебе ничем помочь не могу. Потерпи еще немного. На будущий год я обязательно исполню твое желание.

Бедняк, услышав это, сразу сник, печально опустил голову, потом, медленно подняв ее, сказал обреченно:

— О боже, клянусь тебе, терпеть у меня больше нет сил, поэтому, прошу тебя, пришли твоего ангела смерти Азраила, пусть возьмет мою душу—я не хочу жить..

«Богу» не понравились эти слова, и он стал журить бедняка.

— О ты, мое грешное создание, я не могу выполнить и это твое желание,—произнес Шими, то бишь «бог».—В книге «Жон дефдери»**, которую тоже я составляю в начале каждого года и куда записываю, сколько в новый год родится, сколько погибнет, кто

* «Гъэгъ-хъисоб»—счет-расчет.

** «Жон дефдери»—Книга судеб.

будет жить и кто умрет, я тебе смерть не назначил, поэтому не могу отменить свое решение и раньше времени лишить тебя жизни.

Бедняк на этот раз совсем упал духом, но после короткого мучительного молчания заговорил вновь:

— О боже! Коли ты не можешь дать мне в этом году ни денег, ни смерти, то молю тебя, яви свою милость: до следующего нового года заberi меня к себе на небо. Мне страшно вернуться домой, страшнее, чем если бы неожиданно встретил меня на пути убийца с обнаженным кинжалом...

Шими немного подумал, а потом решительно сказал:

— Это можно! Забирайся ко мне.

Бедняк невольно усмехнулся, стыдливо прикрыв рукой рот.

— Я же не ангел с крыльями, и не птица, как же я могу подnяться к тебе?—робко произнес бедняк, удивленный и смущенный недогадливостью бога.

Шими понял свою оплошность, тут же поправился:

— Я знаю, что у тебя нет крыльев,—поспешно произнес Шими. —Поэтому я сейчас спущу тебе веревку, а ты, мое создание, крепко обвяжи себя вокруг пояса, и я прямехонько подниму тебя на крышу.. то есть нет! Я хотел сказать—на седьмое небо. Это опять дьявол, пропади он пропадом, старается сбить меня с толку, путается под ногами.

«Бог» печально вздохнул, но тут же бодро продолжил:

— А в награду за твои земные страдания я помешу тебя в рай. А рай у меня—чудесный сад, какого нет нигде на нашей грешной земле. Круглый год плодоносит. В раю у меня текут реки из меда, молока и вина, пленительными голосами поют мои ангелы и диковинные птицы, которые тебе и во сне не снилось. А сколько чернооких полногрудых дев-гурий в нем! И все такие—раскрасавицы—глаз не оторвешь. Я бы сам, —хихикнул «бог»,—если не был бы таким старым, охотно приударил бы за ними. Их у тебя будет ровно столько, сколько у султана Абдул-Гамида и сколько было у моего любимца царя Соломона*.

Сказав все это, Шими тут же быстро развязал веревку, которую он всегда носил с собой в расчете на то, что кому-нибудь может понадобиться его услуга: отнести ношу, деретаскать тяжести и немного заработать на этом деле. Один конец веревки он опустил через отверстие, а другой держал в руке.

Поступая таким образом, Шими решил поднять бедняка, видно, твердо верившего в божьи чудеса, к себе на крышу, а потом чисто-сердечно открыться ему, и вдвоем подумать, как подсобить его

* Султан Абдул-Гамид II (1842—1918)—один из последних султанов Турции, который имел в своем гареме тысячу жен. Столько же жен, по библейскому преданию, имел царь Соломон (Сулейман), живший в X в. до н. э.

горю. Но к большому огорчению Шими, все вышло не так, как он предполагал. Едва голова бедняка в облезлой папаше, в мыслях уже видевшего себя в раю, коснулась отверстия на крыше, веревка вдруг оборвалась, и несчастный с диким воплем полетел вниз. Шими испугался не на шутку: как бы бедняк после такого падения и впрямь не отправился «в рай». Видя, что он жив, «бог» очень обрадовался и решил вину за этот свой промах взвалить на того же дьявола:

— О мое бедное создание!—с сочувствием воскликнул Шими. —Я, честное слово, не хотел этого. Это дьявол, будь он трижды проклят, помешал мне исполнить твое и мое желание—забрать тебя к себе на седьмое небо.. Но я обязательно сдержу свое слово—дам тебе деньги на следующий год.

Бедняк, злой, мрачный, молча поднялся и неторопливо отряхнулся. Потом потирая рукой ушибленное место ниже спины, посмотрел наверх, все еще думая, что он имеет дело с богом, и голодом, полным обиды, горечи и разочарования, сказал:

— Ну тебя!. Тоже мне бог «всемогущий и всемилостивый».. Какой же ты всемогущий, если не можешь у себя под носом справиться с одним дьяволом, и какой же ты всемилостивый, если, кроме здорового синяка на заднем месте, ничего не можешь дать голодному бедняку?!

КИНЖАЛ И ХЛЕБ

Когда Шими был бедняком и жил в крайней нужде, к нему однажды ночью забрался вор. Шаря в темноте, он нечаянно зацепил спящего Шими за ногу, и тот сразу проснулся. Вор, испугавшись, пулей вылетел наружу. Шими, в свою очередь, молниеносно вскочил с постели, подбежал к нише, поспешно взял оттуда последний чурек, а со стены снял старый ржавый кинжал и, как был в одном нижнем белье, пустился вдогонку за воров.

— Стой! Стой!—кричал Шими среди ночи, гонясь за ним, одной рукой размахивая кинжалом, а другой—протягивая хлеб в сторону бежавшего во все лопатки вора.

Несмотря на то, что Шими тогда был молод и силен, но как он ни надрывал горло, ни гнался за воров, не смог догнать его. Тот оказался очень резвым. Шими с трудом переводя дух, усталый, сердитый, вернулся домой. Положив хлеб обратно в нишу и повесив кинжал на стену, лег в постель.

— Ай муж, какой ты странный! Кто бежит за воров с хлебом?—спросила жена, которая с беспокойством ждала его возвращения.

— Ай жена, ты ничего не понимаешь,—с досадой произнес Ши-

ми.—Все в городе знают, что я очень бедный человек, и не то что ночью, но и днем у меня ничего не найдешь, чтобы поживиться. Наверняка знал об этом и вор. Но он, несмотря на это, все же забрался ко мне: видно, беднягу одолел голод. И вот я хотел поймать его, накормить, а потом надавать ему пару оплеух и отпустить на все четыре стороны.

— Ну, допустим, это так,—согласилась жена. — А зачем тогда ты взял кинжал?

— А кинжал я взял, чтобы он, дурень, не отнекивался и без разговора принял мое скромное угощение: чем богат, тем и рад. Ведь нет более тяжкого греха, чем отпустить человека голодным из дома...

ВСТРЕЧА С ЦАРЕМ

Однажды в начале первой мировой войны, когда царь Николай II вместе со своей семьей совершал увеселительное путешествие из далекого Петрограда в Тифлис, чтобы погостить у своего наместника Кавказа, поразвлечься в обществе высшей грузинской знати, он изъявил свою «монаршую милость» сделать короткую остановку в древнем Дербенте.

Дербентские городские власти, тайно уведомленные об этом, решили не ударить лицом в грязь, организовать достойную встречу «обожжаемому монарху». Всю привокзальную площадь устлали дорогими коврами, усыпали розами, вокзальное здание украсили портретами «его величества» и членов царской семьи, флагами и транспорантами. Еще задолго до прибытия царского поезда привокзальную площадь заполнили представители местной власти, члены городской думы, офицеры военного гарнизона и полицейские в парадной форме, высокородные беки в элегантных черкесках, разодетые дербентские толстосумы.

В это самое время случилось бедняку Шими ехать верхом на своем осле мимо вокзала. Шими знал по слухам, что царь, этот безжалостный враг бедных, безвольный человек, находится под башмаком своей истеричной и своенравной жены. И что в его доме, точно безраздельный хозяин, распоряжается какой-то хитрый, грубый и нахальный мужик-гуляка.

Узнав, что все эти городские хакимы и знатные господа, такие счастливые и возбужденные, собрались здесь, чтобы встретить царя, Шими остановил своего ишака на почтительном расстоянии от них и, не слезая с него, решил хоть издали краем глаза посмотреть на «помазанника».

И вот, когда царский поезд под звуки бавурного марша гарнизонного оркестра медленно и торжественно подкатил к перрону и

остановился перед зданием вокзала, группа офицеров, представителей местного дворянства и купечества в радостном порыве разом устремились к салону-вагону, где находился царь с семьей. И как только они под громкие крики «Ура!» и восторженные возгласы собравшихся вынесли на руках человека в голубом мундире с золотыми погонами полковника, с короткой рыжеватой бородкой и пышными усами, осел Шими, который до сих пор вел себя очень смиренно, вдруг, словно поддавшись общему настроению, сорвался с места и галопом понесся вперед. Как ни старался перепуганный Шими удержать разошедшуюся скотину, ничего у него не вышло. Заглушая своим громким, ликующим ревом звуки оркестра и восторженные возгласы собравшихся, расталкивая и сбивая с ног всех на своем пути, осел со свойственным ему ослиным упрямством прорывался вперед к центру площадки, где в окружении шумной, радостно возбужденной толпы стоял весело и довольно улыбающийся царь. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не на шутку встревоженные полицейские вовремя не остановили очумелого осла. С трудом повернув животное назад, они стали нещадно колотить его полицейскими дубинками, а заодно и самого хозяина. Шими в свою очередь, срывая зло на своем сумасбродном осле, принялся тоже лупить его изо всех сил, громко приговаривая:

— О проклятое животное! Да чтоб ты сдохло! Сколько раз я тебе говорил: не мчись, сломя голову, каждый раз при виде своего собрата, чтобы выразить ему свою радость по этому случаю! О проклятое животное!..

СКРОМНОСТЬ ШИМИ

Когда Шими был батраком и нередко оставался без куска хлеба, пришел он однажды в нумаз помолиться и попросить у бога, чтобы он послал ему немного денег на пропитание.

— О боже, всемогущий и всемилостивый!—молитвенно воздев очи и руки к потолку, громко воскликнул Шими. — С утра у меня во рту не было и крошки хлеба. Прошу тебя, пришли мне хоть несколько грошей, чтобы я мог купить на них один чурек, пару стаканов чаю и кусочек сыра.

Рядом с Шими усердно молился какой-то разодетый богатч с огромным, как купол, животом. Услышав скромное желание Шими, обращенное к богу, он сразу прервал молитву и свирепо посмотрел на него.

— Слушай, уйди куда-нибудь подальше от меня!—набросился он на Шими.—Я тоже пришел просить у бога деньги. Но мне нужно много денег, чтобы заложить новые виноградники, построить винокуренный завод, купить новые земельные участки, четвертую

жену. А ты со своей ничтожной просьбой можешь испортить мне все дело: бог, услышав твое скромное желание рядом с моим, поскупится и не даст мне столько, сколько я сейчас прошу у него.

— Клянусь твоей жизнью, ага *, я нарочно просил у бога так мало, чтобы не повредить тебе,—сказал Шими, оправдываясь.

— Как?!—недоверчиво воскликнул богач.

— Да вот так,—промолвил Шими.—Прежде чем обратиться к богу со своей просьбой, я посмотрел на тебя и мысленно соразмерил наши животы. Я сразу понял, что ты будешь просить у бога столько, что едва ли у него, бедняги, останется денег больше, чем мне на один чурек, кусочек сыра и пару стаканов чаю.

ЗАГРАНИЧНЫЙ КУНАК ШИМИ

Однажды в чудесную весеннюю пору в древний Дербент пожаловал какой-то журналист, представляющий одну из западных буржуазных газет. Заморский гость, очень любопытный и подвижный человек, с нескрываемым удивлением и восхищением осмотрел богатые исторические памятники города, затем побывал на виноградниках колхоза, расположенных прямо за крепостными стенами. Здесь ему случилось встретиться и поговорить с нашим почтенным Шими Дербенди.

Гость был удивлен тем, что старик, несмотря на свой преклонный возраст, сохранил юношескую фигуру, выглядел бодрым и жизнерадостным.

— Не скажите ли вы, м. мистер Шими, в чем секрет вашей, так сказать, неувядаемой молодости?—шутливо спросил журналист.

— Я всю жизнь работал на свежем воздухе, часто ел мое любимое блюдо — хинкал с чесноком и винным уксусом, и у меня всегда веселое настроение,—скромно улыбаясь, произнес Шими в ответ.

— О'кей! Это очень интересно!—весело воскликнул гость. — А теперь, пожалуйста, м. мистер Шими, скажите мне: у вас давно это самое веселое настроение?

— Давно,—решиительно мотнул головой старик. — Если хотите точно знать — с тех пор, когда мы, бедняки, отобрали эти виноградники у богачей, на которых за жалкие гроши гнули спину с утра до вечера, и объединились в колхоз.

Шими, польщенный вниманием приехавшего из далекой страны интеллигентного гостя к его скромной особе, принялся с удовольствием рассказывать ему о своем житье-бытье, о том, что колхоз давно уже с почетом проводил его на пенсию, на заслуженный отдых. У него собственный дом, двор, личное хозяйство, живет, слава богу, не тужит. Но ему, старику, не сидится дома хоть и достаётся

из-за этого от старухи. Он часто приходит сюда, чтобы поговорить со своими старыми друзьями-товарищами, посмотреть, как идет работа на виноградниках, какие виды на урожай, если требуется, передать свой опыт молодым колхозникам, дать им добрый совет, наставления.

Взяв из рук у одного из молодых колхозников, копавших землю вокруг кустов, лопату, журналист передал ее Шими.

— А теперь, пожалуйста, м.. мистер Шими,—обратился с улыбкой он к старику,—покажите, как бы вы сами выполнили эту работу!

Шими широким жестом гордо оправил седую окладистую бороду и, энергично поплевав в заскорузлые ладони, принялся бойко орудовать лопатой. Журналист, тут же направив на него объектив, несколько раз сфотографировал Шими за работой.

После этого иностранец, с удовольствием приняв любезное приглашение старика отведать в его доме «экзотическое блюдо»—хинкал с чесночной приправой и крепким винным уксусом, «доброе дербентское вино», в самом хорошем настроении отправился к Шими в гости.

Расстались хозяин и гость весьма довольные друг другом.

Спустя месяц кто-то прислал старику заграничную газету, в которой был напечатан большой очерк его заморского кунака о Дербенте и самом Шими. Сверху очерка была помещена фотография весело и довольно улыбающегося автора, в середине красовалась величественная панорама древнего ханского замка, а внизу был помещен снимок Шими, на котором он был показан с лопатой в руке во время работы.

Обрадованный Шими, захватив газету, немедленно отправился к знакомому учителю, хорошо владеющему родным языком заморского кунака. Ему не терпелось узнать: что написал тот о его родном городе и лично о нем.

К удовольствию Шими, его кунак, не скрывая своего восхищения, рассказывал о замечательных памятниках далекой старины, которые довелось ему видеть в Дербенте, о древней ханской цитадели, о гигантских крепостных стенах с башнями и бойницами, тянувшихся вдоль всего города от «самой горы и до самого моря», о колоссальном подземном водохранилище, «похожем изнутри на древний храм *...» Подробно, с расчетом на вкус своих читателей, посвящал их автор в тайны гаремов давно отошедших в небытие сластолюбивых дербентских ханов..

* В последние годы некоторые историки, археологи утверждают, что он действительно является одним из древнейших христианских храмов на территории Дербента, существовавших до владычества хазар и нашествия арабов. А раньше все время считали его просто «гигантским подземным водохранилищем». (Авт. прим.)

Но Шими не дал учителю дочитать все, что рассказывалось о ханах, их интимной жизни.

— Э-э, зачем мне, старику, сынок,—перебивая учителя, произнес Шими,—слышать, какие непристойности вытворяли ханы, да чтоб им пусто было на том свете, со своими многочисленными женами и наложницами. Ты лучше опусти все это, читай с того места, где пишется обо мне: доволен ли мой кунак моим гостеприимством, понравилось ли ему мое угощение—хинкал с чесноком и укусом, наше дербентское вино?

Уверенный в том, что он сейчас услышит несколько похвальных слов о себе, старик, гордо подбоченившись, с довольной улыбкой выжидательно глянул на учителя. Но когда Шими узнал что написал о нем его «дорогой заграничный кунак», его точно кто обухом ударил по голове.

«Встреча с Шими Дербенди,—говорилось в очерке,—невольнo заставила меня с горечью подумать, о том, что со времен наместников персидских шахов, арабских халифов, ширваншахов, в течение долгих веков правивших древним городом, мало что изменилось в положении его населения, простого люда. Чтобы убедиться в этом, я приглашаю вас, любезный читатель, взглянуть на этот печальный снимок. Этот несчастный старик с седой бородой патриарха, несмотря на свой преклонный возраст, вынужден из-за куска хлеба с восхода и до заката гнуть спину, выполняя самую тяжелую работу. Если в его годы и при такой каторжной жизни он еще не отправился к праотцам, то только потому, что у мистера Шими Дербенди, как у всех прирожденных идиотов, всегда бодрое, веселое настроение. Кроме того, он ежедневно обжирается чесноком, который, несмотря на мерзкий запах, полезен как дезинфицирующее средство...»

Шими чувствовал себя как оплеванный. Вырвав газету из рук учителя, он поспешил обратно домой. Но и дома он не находил себе места. И чтобы хоть сколько-нибудь отвлечься от тягостных мыслей, вызванных вероломством его «заграничного кунака», Шими, машинально завернув в ту же самую газету мочалку, мыло и белье, отправился в старую баню с паром: авось, на душе полегчает.

Искупавшись, мокрый, распаренный, Шими вышел в предбанник. Прежде чем одеться, он, подложив под себя газету, присел немного передохнуть, отдышаться. Но когда Шими встал, промокшая насквозь страница с очерком заморского «кунака» прилипла к его голому задку. Шими безглаголиво оторвал газету и с сердцем швырнул ее в угол. Но обрывок с портретом самодовольно улыбающегося автора очерка так и остался на том же месте, словно приклеенный. Стоявший рядом со стариком Шими какой-то молодой человек, заметив это, с трудом скрывая невольную улыбку, почтительно, ти-

хо, чтобы другие не слышали, сказал ему:

— Дядя Шими, у вас, извините, на самом неприличном месте прилип кусок газеты с портретом.

Шими сразу вспылil.

— Зачем ты, дурья голова, говоришь—«неприличное место»?!— напустился он с бранью на ошеломленного парня. — И, показав пальцем на то же самое место, запальчиво добавил: — Если хочешь знать, для этого господина, который красуется у меня вот здесь,—это самое приличное и подобающее место!.

МОГИЛА ХАНА

Говорят, однажды утром старик Шими, как обычно, верхом на своем осле отправился за город в колхозные сады. Но в одном месте дорога, по которой он ехал, оказалась перетянутой веревкой. Группа каких-то молодых незнакомых людей, которую возглавлял интеллигентного вида парень в очках, вооруженная кирками и лопатами, усердно раскапывала землю прямо посреди проезжей дороги.

Шими спешился, подошел к ним и, вежливо поздоровавшись, спросил:

— Какая была нужда копать здесь дорогу?

— Мы — археологи,—произнес в ответ молодой человек в очках. — По нашим предположениям здесь на этом месте, где сейчас производится раскопка, должна находиться могила одного из дербентских ханов. Мы даже нашли кое-какие предметы, подтверждающие наши догадки.

Шими был очень удивлен. Всю жизнь он ходил, ездил по этой знакомой ему с детства дороге, но ничего подобного не помнил и не слышал. Ни отец, ни дед тоже никогда не рассказывали ему про хана. Об этом он сказал своему собеседнику.

— Ничего удивительного,—спокойно произнес тот. — Этот хан жил в такую далекую пору, когда не только вас, но и вашего отца, и вашего деда, прадеда на свете не было.

То, что сказал молодой ученый, еще больше заинтриговало Шими.

— А скажи, пожалуйста, что за человек был этот хан?—спросил Шими.—Вы, ученые, должно быть, знаете об этом?

— О, это был очень своенравный хан,—принялся объяснять молодой человек. — Казна его была полна сокровищами, а ему все казалось мало. И он, чтобы стать еще богаче, выходил во главе своих вооруженных нукеров на караванные пути, безжалостно грабил и убивал купцов, приезжавших из чужедальных стран со своими товарами на знаменитый тогда во всем восточном мире дербентский рынок. Душил подданных непосильными налогами и поборами. Имея сто жен, он, тем не менее отдавал приказ своим нукерам и

сборщикам податей хватать каждую красивую девушку или молодую женщину, которая приглянется им, и доставлять их в ханский гарем.

Шими немного задумался, вздохнул, а потом спросил вновь.

— Извини, пожалуйста, сынок, меня, старика, за такое чрезмерное любопытство и назойливость: может, вы еще что-нибудь знаете об этом хане, да чтоб черти съели его на том свете?!

— Знаю,—скромно улыбаясь, с готовностью ответил молодой ученый. — Этот хан был одержим властолюбием. Он, как и известный в истории шах Джахан*, истребивший всех своих братьев и родственников по мужской линии, кто мог бы претендовать на его трон, отца отравил, дядю сбросил с высокой башни в каменную пропасть, брата сгноил в зиндоне—подземной тюрьме, родному сыну выколол глаза, перерезал горло всем своим двоюродным братьям и племянникам, чтобы прочно чувствовать себя на троне. И вот прошли столетия, могила его сравнялась с землей, время предало его забвению, а там, где некогда покоились останки хана, образовалась дорога, и никто уже не знает о том, что здесь когда-то была его могила.

Шими несколько минут стоял молча, пораженный услышанным, а потом вдруг улыбнувшись, нежно похлопал по шее своего осла и, обращаясь к молодому человеку, весело сказал:

— То-то, сынок, я теперь догадываюсь, почему мой умница-осел, подходя к этому месту, где, как ты говоришь, погребены ханские кости, нередко останавливался, а потом прежде чем с божьей помощью двинуться дальше, как следует орошал и удобрял его.. А ты говоришь—никто не знал.

ПОЧТИ КАК У НАСРЕТДИНА

Однажды Шими со своей старухой решили навестить своих старших сыновей, дать им родительское наставление и совет. Старикам не нравилось, что у их первенца один-единственный сын, которому шел уже девятнадцатый год, и у парнишки до сих пор нет ни братика, ни сестренки. Они хотели, чтобы их сноха, пока еще не поздно, родила хотя бы еще одного ребенка.

Но когда Шими высказал это пожелание сыну, того сразу бросило в жар, он даже подскочил с места, точно ужаленный.

— Еще одного?!. Боже упаси!—вскричал он, вмахивая руками, словно отбиваясь от грозящей ему опасности.—Один уже сто-

* Шах Джахан—великий Могол (1592—1666), при котором был построен знаменитый Таджмагал. Свергнутый в 1658 г. своим сыном, до самой смерти находился в заточении в своих покаях.

ит мне колом поперек горла, появится другой—вовсе сживут со свету!.

И первенец Шими начал жаловаться на своего сына: он у него лоботряс, совсем отбился от рук, учебу бросил, работать не желает, пьет, грубит родителям и все такое прочее. Но видя, с каким удивлением и недовольством смотрит на него Шими, он еще больше забеспокоился.

— Ты, наверно, отец, думаешь, что я был недобр и невнимателен к своему сыну, поэтому он вырос у меня уродом?—угадав настроение Шими, с обидой воскликнул он.—Что только я не делал для него, негодника, при моих скромных возможностях! «Джинсы тебе, сынок? Пожалуйста! Дубленку? Дорогая штука, правда, но раз тебе хочется—будет тебе дубленка, носи на здоровье! Машину хочешь? Она мне совсем не по карману. Но я залезу в долг, куплю тебе машину, катайся в свое удовольствие...» И купил, представь себе, остался, как говорится, без рубахи, но купил. Без него, если хочешь знать, я даже не садился за стол, чтобы выпить рюмку. Самособственноручно наливал ему, думал, пусть пьет на здоровье, почувствует себя мужчиной, выработает характер... А он, э-э-эх!

Голос у первенца дрогнул, стал плачущим.

— А он, нечего сказать, отблагодарил отца, вырос свинья-свиньей, мучает нас с матерью,—шмыгая носом и крутя головой, продолжал первенец. — Бить, наказывать тоже не могу, боюсь: он выше меня ростом и шире в плечах... Нет, дорогой отец, ругай не ругай меня, а я для себя твердо решил: чем иметь еще одного такого сына-негодника, лучше для утешения души заведу у себя дома барбоса. Он хоть и животное, но признательное существо, не то что мой сукин сын..

Шими долго молчал, горестно кивая седой головой, с жалостью и укором глядя на поникшего сына. Затем безнадежно махнув рукой, с горечью сказал:

— Ты прав! Заведи барбоса!..

Опечаленные и расстроенные старики отсюда направились ко второму сыну. У того в отличие от старшего брата дом был полон детей—пятеро мальчиков и четыре девочки. Шими и его жена в душе были очень довольны этим, но в то же время, хорошо зная, как нелегко сыну и невестке со столькими детьми, решили посоветовать им, чтобы они «остановились» на этом. Но когда сын и сноха начали говорить старикам о своих детях, о том, какие они у них «все замечательные, прекрасные» и что они оба «видят смысл своей жизни, свое счастье и богатство только в детях», поэтому будут рожать пока родится, растроганный Шими пришел в большой восторг. Тяжелого чувства, с каким он пришел сюда от старшего сына, как ни бывало. И он важно, с довольной и гордой улыбкой степенно оглаживая бороду, воскликнул:

— Вы правы, дети мои! Пусть будет по-вашему...

Жена Шими, видя, что все произошло не так, как она заранее условилась с мужем, прежде чем посетить сыновей, и явно недовольная его поведением, сердито сказала:

— Ай муж, горе твоему уму! Какой ты странный человек!? Нашему старшему сыну ты сказал, что он прав, лучше ему завести барбоса, чем второго ребенка. Этим тоже говоришь, что они правы... А кто же тогда не прав по-твоему?

Шими с лукавой усмешкой посмотрел на жену, а потом негромко промолвил:

— Ай жена, клянусь могилой твоего отца, на этот раз ты тоже права!

ДУЖБА НАПОЛОВИНУ С ВОДОЙ И НАПОЛОВИНУ С УКСУСОМ

Сосед Шими каждый раз, встречая его на улице, по поводу и без повода любил уверять Шими в неизменной дружбе к нему, подкрепляя свои слова известной народной поговоркой: «Близкие соседи — лучше дальних родственников». И вот однажды у соседа Шими корова отелилась раньше, чем у него. И Шими попросил соседа, чтобы он прислал ему кувшин молока для детей, а сам обещал тому кувшин отличного вина, изготовленного им из своего винограда.

Но Шими был неприятно поражен и расстроен, когда узнал, что молоко, которое дал ему сосед, сильно разбавлено водой. Ничего не сказав, Шими, захватив пустой кувшин, зашел в погреб. Он налил его наполовину вином и наполовину уксусом и велел сыну отнести соседу.

На следующий день сосед, встретив Шими на улице, хватаясь руками за живот, бросился на него с упреками:

— Ай Шими, как тебе не стыдно?! Ведь ты обещал мне хорошего вина, а вместо этого подсунил уксус. Разве так поступают с соседом, другом, а?

Шими с грустью посмотрел на него, а потом тихо промолвил:

— Ничего не поделаешь, сосед. Пока наша дружба будет только на словах, а не на деле, она будет наполовину с водой и наполовину с уксусом.

ЧТОБЫ ПЛАКАТЬ, ТОЖЕ НУЖНО НАСТРОЕНИЕ..

В семье Шими случилось несчастье—умерла его старая теща. Жена Шими, убитая горем, безутешно плакала, рвала на себя волосы, а ее муж, в отличие от нее, вел себя очень спокойно, не проронил ни одной слезинки, словно и в ус себе не дул. И как жена ни была поглощена своим горем, это не ускользнуло от ее внимания. И она затаила обиду на мужа. Едва дождавшись конца траура, жена сказала Шими:

— Ай муж, какой ты бессовестный и бессердечный человек! Когда моя бедная мама умерла, ты не горевал, не плакал, даже слезинки не проронил. А ведь она была теща тебе, бабушка твоих детей. Так стыдно мне за твое поведение не только перед моими родными, но и перед соседями и близкими знакомыми, хоть провались сквозь землю.

Шими начал оправдываться.

— Ай жена, клянусь прахом твоего отца, ты зря на меня обижаешься,—миролюбиво произнес он.—Ты знаешь, чтобы плакать, тоже нужно настроение: или очень плохое или очень хорошее, то есть, я хочу сказать, что человек плачет или от чрезмерного горя или от чрезмерной радости. Я в тот день, когда умерла твоя мать, то есть моя бедная теща, не испытывал ни большого горя, ни большой радости. Кроме того, как ты знаешь, я был занят более важным делом—подготовкой похорон твоей матери, и у меня просто не было времени плакать.

Но жена нашла довод не только не убедительным, а восприняла его как иронию. После этого разговора она еще больше обозлилась на него, стала часто ворчать на мужа, портить ему настроение. И Шими не знал, как искупить свою вину, чтобы жена замолчала наконец. Такой случай представился. Спустя год, Шими, чтобы сделать жене приятное, решил справить ей день рождения. Он не скупился на расходы и подарки жене, пригласил в гости всех ее родственников, соседей и близких знакомых, которые почтили память его покойной тещи своим присутствием на ее похоронах. Жена была очень довольна и рада, зато Шими очень расстраивался: слишком много денег пришлось ухлопать, чтобы замазать ей рот. Но он старался не подавать виду.

И вот в разгар веселья, когда все ели, пили, поздравляли именинницу, Шими вдруг встал, сорвал с головы папаху и прикрыв ею лицо, принялся плакать навзрыд. Гости восприняли это по-своему и сразу умолкли. Они решили, что Шими, выпив лишнего, совсем расчувствовался, слушая много добрых пожеланий и похвальных слов в адрес именинницы — своей дражайшей половины.

Поэтому мужчины начали добродушно подтрунивать над ним, а растроганные женщины — всячески хвалить хозяина дома. Но Шими, слушая их и продолжая плакать, убрал папаху с лица и бия себя в грудь, произнес прерывающимся голосом:

— Нет, мои дорогие гости, я плачу вовсе не из-за того, о чем вы сейчас говорите и думаете, а — по своей покойной теще, мир ее праху.

Гости, пораженные таким признанием Шими, пожимая плечами, с недоумением переглядывались друг с другом: не рехнулся ли он, случаем? Но Шими, не обращая на это внимание, то и дело вытирая папашой слезы, продолжал:

— Вы все здесь сидящие—свидетели: год назад, когда скончалась моя бедная теща, я в тот день не плакал. У меня тогда для этого не было ни времени, ни настроения. Поскольку у меня сегодня есть достаточно и времени и подходящее настроение для этого, я, друзья мои, тяжко скорблю и, как видите, горько плачу по поводу дня рождения.. то есть смерти моей дорогой тещи, царство ей небесное..

ШИМИ НА СВАДЬБЕ

Однажды Шими пригласили на свадьбу. Когда Шими явился туда, она была в полном разгаре. В просторном дворе с небольшим, хорошо ухоженным садом сидели гости за накрытыми столами, ели, пили, веселились, а музыканты то и дело играли танцевальные мелодии. Каждый, кто танцевал, бросал музыкантам деньги—«ай шабаш» — в разноцветный поднос, лежавший перед ними на столе, по рублю, по два, а иные по три—смотря по своему карману.

Спустя некоторое время, сверкая золотыми зубами, в круг вышел пузатый, краснощекий, лупоглазый и коротконогий человек, которого Шими не знал, но о котором говорили, что он работает где-то заготовителем шерсти и что люди, знающие его, за глаза называют «денежным мешком». С видом человека, сознающего свою «силу и превосходство», «денежный мешок» небрежно запустил руку в широкий карман брюк и извлек оттуда две новенькие хрустящие сторублевые купюры. Горделиво покрутив их над головой, чтобы все видели, толстяк, потряхивая грузным животом, не прерывая танец, прошел к музыкантам и с такой же небрежностью кинул их им на поднос: мол, такие деньги для него просто—тьфу!

Щедрая подачка привела музыкантов в дикий восторг. Бубнист от переполнявшей его радости и почтения к танцору даже вскочил с места и, пожирая его глазами, принялся играть ему стоя, стараясь изо всех сил.

Но когда приятно возбужденный, потный и самодовольный заготовитель «золотого руна» покинул танцевальный майдан, никто из гостей, несмотря на все усилия серпой—распорядителя танцев на свадьбе, не решался заказать музыкантам танец. Гости, в основном люди простые, почувствовали себя неловко, словно стали вдруг свидетелями какого-то грубого и непристойного зрелища: многие из них за целый месяц честной, добросовестной работы за станком, в поле или в учреждении не получали столько, сколько этот «непойманный вор» с легким сердцем швырнул музыкантам за здорово живешь. То же самое испытывал сейчас и старик Шими. Но через несколько минут он с обычным для него спокойствием и чувством собственного достоинства первый подозвал к себе серпой и заказал популярный танец «Харц».

Шими встал, степенно оглаживая на ходу свои пышные усы и бороду, вошел в танцевальный круг. А когда серпой вывел танцевать с ним молодую и очень миловидную женщину, он, словно забыв о своих годах, заплясал с таким темпераментом, что многие юноши могли бы ему позавидовать. Люди, бывшие на свадьбе, хорошо знавшие и любившие своего чудаковатого, но замечательного земляка—хитроумного Шими, принялись дружно хлопать в ладоши, подзадоривая танцующих.

Перед тем как покинуть танцевальный круг, Шими тоже засунул руку в карман и легкой танцующей походкой подошел к музыкантам. Он на минуту остановился перед бубнистом, не спеша вынул из кармана монету в двадцать копеек. Послунявив монету, Шими торжественно прилепил ее ко лбу бубниста, как это полагалось делать танцору по старинному обычаю. Заметив на постной физиономии музыканта выражение досады и откровенного недовольства, Шими тихо наклонился над его ухом, вроде собираясь сказать ему что-то по секрету:

— Ты, сынок, не обижайся на меня, старика,—проговорил он нарочно громко, чтобы все услышали и, указывая пальцем в сторону толстяка-заготовителя, добавил:—что я пожертвовал вам не такой жирный «ай шабаш», как тот толстопузый. Но за то у меня деньги, ей богу, в отличие от его, до единой копейки честно заработанные, трудовые.

КАК ШИМИ ОПРАВДАЛСЯ ПЕРЕД ЖЕНОЙ

Жена Шими была не только некрасивая, но и чрезмерно ревнивая и вздорная. Поэтому Шими не очень благоволил к ней.

Как-то раз артисты местного театра решили поставить спектакль о похождениях своего знаменитого земляка и назвали его

«Хитроумный Шими Дербенди». На премьеру в качестве дорогого и почетного гостя пригласили Шими вместе с его женой.

Ради такого торжественного случая Шими надел праздничный бешмет, новую папаху, нацепил на грудь свои медали, долго и старательно расчесывал и распушивал перед зеркалом усы и бороду.

Когда Шими пришел в театр, зал уже был полон зрителей. Самого Шими и его старуху посадили в первом ряду для приглашенных.

Шими был явно польщен тем, что о нем, простом человеке из народа, поставили пьесу и рядом с ним сидят почетные люди города. Такое ему и во сне не могло присниться в старое время, когда он был бедняком. Однако, сохраняя степенность, старик старался ничем не выдать своего волнения и радости. Но это длилось недолго. Как только на сцене начали играть, и Шими увидел на ней «себя», свою «жену», свою «модную невестку», «соседа», помещанного на всем заграничном, которому он сбыл своего «импортного осла», «знакомых», а публика стала от души смеяться и аплодировать, старик не смог усидеть спокойно. Поддавшись общему настроению, он резким движением сдвинул на затылок папаху, начал то и дело вскакивать с места, смеяться громче всех и, хлопая в ладоши, вскрикивать:

— Ай да Шими!. Бес тебе в ребро! Ай да!..

Перед последним актом артисты и публика, усердно хлопая, стали требовать Шими на сцену. Глубоко растроганный и радостно возбужденный, Шими поднялся на сцену. Он сначала почтительно поклонился залу, а потом от избытка чувств принялся обнимать и целовать подряд всех актеров и актрис. Когда последней он целовал «модную невесту», папаха у него вдруг слетела с головы и упала на пол, что вызвало всеобщий веселый смех и новый взрыв аплодисментов.

Шими вернулся домой в тот вечер, точно со свадьбы, где вдоволь веселился с друзьями, но войдя в комнату и увидев, что у его старухи мрачный надутый вид, он сразу насторожился.

— Ай жена, ради твоих покойников, скажи, что опять с тобой?—спросил ее Шими.

— Ничего! — сердито ответила жена, демонстративно отворачиваясь от него.

— Как ничего?! По твоему лицу вижу, что ты недовольна?

Жена повернулась к нему и, глядя с укором, сердито сказала:

— Ай муж, как тебе не стыдно? Разве можно мужчине да еще в твоих летах подниматься на сцену, обнимать и целовать чужих женщин? Ты собственную жену никогда не целуешь, а тут, когда ты с жаром чмокал эту молодую артисточку, до того забылся, что даже папаху уронил на пол..

Шими, глядя на жену, тяжело вздохнул и с горечью подумал: будь она немного поумнее, не стала бы из-за этого дуться и пор-

тить, ему праздничное настроение. Но он понимал, что говорить об этом жене бесполезно. И Шими, скрывая досаду, сказал с умыш-кой:

— Ай жена, ей богу, стоит ли тебе из-за этого расстраи-ваться? Поверь мне, окажись и ты в этот момент на сцене, может, я и те-бя бы поцеловал.

«ЧЕМ ТАКАЯ ЖЕНИТЬБА...»

Когда Шими женился, к нему, как это положено по обычаю, приставили енге — человека, обязанного сообщить родственникам жениха и невесты о том, что она была целомудренной. Жених в эту ночь должен без промедления вынести окровавленный платок — доказательство девственности невесты* — и передать его енге, который ждет у дверей брачной комнаты. Если жених проявлял нерасторопность, енге имел право не только ругать, стыдить, но и наказывать его.

Шими и его невеста были еще очень юны и до свадебной ночи почти не виделись друг с другом. А енге, выполнявшему свою су-ровую, но «почетную обязанность», никакого дела до этого не бы-ло. Поэтому через полчаса, как Шими впустили к невесте, он посту-чал в дверь, требуя к себе жениха с платком.

Как только Шими вышел, енге строго спросил:

— Ну что?!

Жених низко опустил голову, робко, стесняясь, промолвил:

— Ни-че-го-о!..

Енге, недовольный и рассерженный, поругал Шими и тут же потащил его на море. Несмотря на то, что была поздняя осень, он заставил жениха раздеться и «для встряски» искупаться в холод-ной воде.

Сразу, как вернулись с моря, енге вновь впустил жениха к не-весте. Но вскоре опять постучал в дверь, вызывая Шими. И как только он показался у дверей, тот нетерпеливо спросил:

— Ну что?!

— Ни-че-го!..

Енге тут же накинулся на Шими с угрозами и упреками и дав ему пару звонких затрещин, с силой потащил отбрыкивающегося жениха опять на море.

* Если у невесты нет доказательства ее невинности, то согласно обычаю, ее должны были посадить на осла лицом к хвосту и под глумливые звуки «Об-ратного марша» («Ошгуновое гьовол») с позором отправить в дом родителей для расправы над ней.

На третий раз, не дожидаясь стука в дверь, жених, весь досиневший, у которого от холода и волнения зуб на зуб не попадал, сам вышел к грозному и неумолимому, как Азраил, енге.

— Ведите меня опять на море! — плачущим голосом сказал он ему и тут же решительно добавил: — Но имейте в виду: на этот раз вам придется вернуться оттуда без меня. Чем такая женитьба, лучше быть утопленником..

ПОМИНКИ ПО ОСЛУ

Однажды Шими повез на своем осле свежие овощи со своего приусадебного участка на колхозный рынок. Следуя мудрому наставлению предков: «Сначала привяжи осла к столбу, а потом уж поручай его богу», он, не доезжая до рынка, слез с осла и крепко привязал его к дереву.

— Ну, Длинные Уши, — ласково пошлепывая животное по тощему крупу, дружески проговорил Шими, — поручаю тебя богу. Пока я вернусь, подожди меня здесь, но смотри, веи себя прилично, смиренно!..

Как только Шими распродал свой товар, сразу заспешил к своему ослу, но, к своему удивлению, не нашел его на месте. Шими обошел все вокруг и нигде не обнаружил ни осла, ни его следов.

Усталый, расстроенный Шими, вернулся к тому месту, где он оставлял осла, уходя на рынок, присел на камень и принялся вслух рассуждать сам с собой: «Волк, конечно, какой бы он ни был нахальный хищник, не мог среди бела дня забраться сюда и на виду у всех съесть моего ишака или утнать его в лес. Но и человек не мог польститься на него: осел-то был старый, тощий, облезлый.. Но если волк его не съел, а человек не увел, куда же тогда делся мой ишак? Не мог же он провалиться сквозь землю?..»

После долгих размышлений Шими пришел к единственному, на его взгляд, верному заключению: видно, загадочное исчезновение осла — дело рук самого бога. Ведь, уходя на рынок, он поручал осла всевышнему. Вот он и забрал его к себе на небо, а зачем — кто знает? Говорится же: пути господни неисповедимы. Может быть, из-за того, что в отличие от других ослов, которые у него раньше были, это был самый смиренный, покорный и добронравный?..

Шими, конечно, был очень опечален, что его осел, который столько лет верно служил ему и к которому он привязался всем сердцем, прекратил свое земное существование. С другой стороны, ему льстило то, что всевышний оказал его вислоухому такую высокую честь, которой, не будь все же рядом упомянуты, удостоиваются разве только святые праведники?. По этому случаю он решил раскошелиться: на вырученные от продажи овощей деньги

организовать для осла поминальную молитву и дать поминальный обед.

Накупив мяса, закусок, вина, Шими первым делом отправился к хъзону молитвенного дома.

— Да продлятся дни твои, о святой отец! Бог прибрал одного из моих близких, — скорбным голосом сообщил Шими. — Хочу, чтобы в моем доме ты прочитал по нему заупокойную молитву и благословил нашу траурную трапезу.

Шими, однако, по вполне понятным причинам скрыл от него то, что его «близкий», о котором он скорбит и за упокой души которого хочет, чтобы была прочитана молитва, не кто иной, как его осел. А священник в расчете на то, что Шими хорошо заплатит ему и угостит, охотно согласился.

— Только ты даром не теряй времени, — посоветовал он Шими. — Иди и немедленно собери не менее восьми мужчин, чтобы с нами вместе было десять для кворума, а я не заставлю себя долго ждать.

К приходу хъзона Шими удалось собрать семь мужчин. Когда тот пришел и увидел, что десятого мужчины не хватает для коллективной молитвы, с недоумением посмотрел на хозяина дома. Шими начал оправдываться:

— Я обошел весь наш магал, — объяснил Шими, — но десятого мужчину так и не нашел — у каждого свои дела и заботы, а многие просто под разными предлогами отвиливают.

— Надо найти! — категорическим тоном произнес хъзон. — Иначе, сам понимаешь, молитва не действительна, бог ее не примет.

Шими боялся, пока он будет искать десятого мужчину, как бы собравшиеся у него дома люди не разошлись. Многие из них, ссылаясь на неотложные дела, очень торопились, поэтому он принялся уговаривать непреклонного слугителя бога:

— О почтенный! — сложив руки на груди, с мольбой обратился к нему Шими. — Может моя жена заменит этого самого недостающего для совершения коллективной молитвы мужчину? Женщина она богобоязненная, добрая. Если она временами делается злой, как змея, то клянусь твоей бородой, только со мной, а с чужими она как шелковая. — Но видя, что «почтенный» досадливо морщится и хмурит брови, Шими поспешил успокоить его: — Если вы считаете, что одной женщины недостаточно для того, чтобы заменить одного отсутствующего мужчину, то я велю призвать свою молоденькую племянницу и свою старую тетку. Она, можно сказать, по ошибке родилась женщиной, характер у нее, как у настоящего мужчины, — твердый, решительный, любит всеми командовать, на всех покрикивать, как фельдфебель в старой армии.

Хъззон, выведенный из себя болтовней Шими, резко оборвав его, запальчиво произнес:

— Ай Шими, делай что тебе говорят! Ни твоя богобоязненная жена, ни твоя молоденькая племянница, ни твоя старая тетя с мужеским характером и фельдфебельскими замашками, ни все женщины мира, вместе взятые, не могут заменить одного мужчину в коллективной молитве. Священная книга не считает женщину человеком, она — приспешница дьявола, губительница человеческого рода*, тогда как каждый из нас, мужчин, в отличие от женщины, есть частица бога!..

Шими ничего не оставалось делать, как опять побежать на улицу в поисках десятого мужчины. К счастью, долго искать не пришлось. Какой-то пьяный попрошайка с двойным, как у верблюда горбом, кривой на один глаз, с одной ногой короче, сидел за углом и выманивал у прохожих подающие. Шими с радостью кинулся к нему: как не говори — мужчина! Только одна деталь в наружности горбуна смутила его: он был совершенно безбородый.

— Слушай, друг! Ты, случаем не переодетая женщина? — осторожно, с сомнением спросил его Шими.

— Сам ты баба! — не на шутку разозлился горбун. — Если не хочешь или не можешь дать мне ничего, то и не оскорбляй!.. Я — мужчина!..

Шими очень обрадовался, услышав это. Он сразу ласково обхватил горбуна за плечи и стал уговаривать:

— Тогда вставай, мой хороший, мой ненаглядный, сделай доброе богоугодное дело: пойдем со мной! У меня срывается коллективная молитва по усопшему. Не хватает одной «частицы бога», то есть тебя как раз.. А за твою услугу, мой дорогой, я тебя до отвала накормлю и напою.

Горбун проворно встал, но вспомнив об оскорблении, которое Шими нанес ему, приняв его за женщину, снова сел на свое место, приняв опять обиженный вид.

— Если повезешь меня на своей спине, — произнес он, — пойду, а нет, клянусь небом, пусть даже твой дед встанет из могилы, придет просить меня, я и тогда не двинусь с места.

Скрывая досаду, Шими взвалил нахального попрошайку себе на спину и, обливаясь потом, потащил к себе домой.

Как только появился десятый мужчина, хъззон, наконец, приступил к молитве. У попрошайки, при виде накрытой скатерти с вином и закусками, сразу загорелись глаза. Не дожидаясь конца

* Согласно учению библии и корана, бог, сотворив Адама и Еву, поместил их в рай. Но Ева по наущению дьявола сорвала запретное яблоко от «древа познания добра и зла» и дала откусить своему мужу Адаму. За это бог разгневался на них, изгнал их из рая, обрек человеческий род на тяжкий труд, страдание и смерть.

молитвы и общего приглашения к трапезе, он, как голодный волк на добычу, набросился на еду, поспешно запихивая в рот самые жирные куски мяса и запивая их вином.

В середине молитвы хъэзон, как водится, должен был напомнить богу имя покойного и его отца, чтобы всевышний простил почившему его грехи и уготовил ему место в раю. Поэтому, продолжая бормотать молитву, священник знаком позывал к себе Шими и тихо спросил его:

— Скажи, как звали блаженной памяти усопшего?

— Усопшего? — озадаченно промолвил Шими, скребя в затылке. Он совсем забыл, что во время молитвы надо произносить имя покойного. — Его звали Длинные Уши, — после минутного колебания, робко произнес Шими.

Хъэзон вперил в Шими недоуменный взгляд.

— Я тебя спрашиваю не его прозвище, а настоящее имя! — тихо, чтобы другие не слышали, сказал он Шими в ухо.

— Клянусь твоей головой, я не вру: его так и звали — Длинные Уши, — шепотом произнес Шими.

Хъэзон, вдруг заподозрив подвох со стороны Шими, начал волноваться и нервничать. Он боялся, как бы Шими по своему обыкновению и здесь не выкинул какой-нибудь номер.

— Ай Шими, — повысив голос, строго произнес хъэзон, — не морочь мне голову. Длинные Уши обычно называют зайца или осла. Назови сейчас же имя твоего покойного, иначе, клянусь богом, я предам тебя анафеме!..

Рассерженный угрозой хъэзона, расстроенный всем случившимся сегодня, Шими решил не отпираться.

— Да, да, святой отец, ты прав! Мой «покойный» на самом деле — осел, обыкновенный четвероногий и длинноухий осел, — с грустью и печалью произнес он. — Но не такой глупый и зловердый осел, который выдумал, что женщина — самое прекрасное создание природы, родившая нас в муках, вскормившая своей грудью, восхищающая и пленяющая нас своей нежностью, красотой, любовью, — не человек и что все женщины в мире, вместе взятые не стоят перед богом даже такого, с позволения сказать, «мужчины»!..»

И с этими словами Шими в сердцах пнул ногой выпуклую спину безбородого попрошайки, который, не обращая внимания на окружающих, продолжал усердно поглощать вина и закуски.

ИНТЕРЕСНАЯ ИДЕЯ

Однажды жена Шими тяжело заболела, и у нее начался сильный жар. Что бы ни предлагал ей обеспокоенный и встревоженный муж, она от всего отказывалась.

— Не могу ничего есть, душа не принимает, — жалобно проговорила она. — Если бы ты принес мне арбуз с базара, я бы, наверно, поела.

— Не то, что арбуз, клянусь прахом твоего отца, если потребуется, со дна моря жемчужину тебе достану, лишь бы ты поправилась, встала на ноги, — с готовностью отозвался сердобольный муж.

Через час Шими, обливаясь потом, уставший, но довольный, возвращался с базара, неся под мышками два здоровенных арбуза. Но когда Шими зашел к себе во двор, вдруг, охваченный каким-то сомнением, остановился в раздумье прямо у порога своего дома.

— В народе говорят: «Как нельзя вместить две любви в одном сердце, так и невозможно удержать два арбуза в одной руке». А что, если я сейчас проверю на деле, насколько верна эта народная мудрость? — принялся глубокомысленно рассуждать вслух Шими. — Правда, мне уже на склоне лет не удастся испытать: можно ли две любви вместить в одном сердце, зато попробовать удержать два арбуза на одной ладони я могу прямо сейчас.

Едва Шими приступил к своему опыту, как оба арбуза, скатившись у него с руки, упали на землю и с грохотом разбились, смешавшись с грязью и пылью.

Когда сконфуженный и расстроенный Шими робко вошел в комнату к больной жене, та, увидев его с пустыми руками, спросила:

— Ай муж, где же твой обещанный арбуз? Неужели сейчас, в сезон арбузов, на базаре не было ни одного?

Шими ничего не оставалось, как откровенно признаться жене в том, что произошло со злополучными арбузами, которые он покупал для нее.

— Ой, горе мне с тобой! — простонала жена, чуть не плача. — Скажи: есть ли на свете дурнее тебя человек после этого?

Услышав такой упрек жены, Шими тоже рассердился.

— Ладно, я, допустим, такой, но ты тоже хороша, нечего сказать! — напустился он на больную жену. — Надо же было тебе заболеть и жаждать этого проклятого арбуза ни раньше и не позже, а именно в то самое время, когда мне в голову пришла такая интересная идея!..

КОГДА БЕДНЯК ПОКУПАЕТ КУРИЦУ

Когда Шими был бедняком и перебивался, как говорится, с гроша на копейку, он как-то раз купил на базаре живую курицу. Шими и его дети давно не пробовали мяса, а куриного тем более, поэтому он с базара возвращался домой, от радости не чуя ног под собой. Один из знакомых Шими, такой же бедняк-горемыка, как он, увидев его с курицей, спешившего домой, спросил:

— Ай Шими, у тебя, видно, чтоб не оглазить, завелись денежки, коли ты решил полакомиться куриным мясом?

— Нет, не поэтому, — с улыбкой возразил Шими, — Видишь ли, курица очень больная, ее хозяин, боясь, что она вот-вот подойдет, продал мне ее не торгуясь, почти задаром.

Спустя несколько месяцев тот же знакомый бедняк встретил Шими, опять возвращающегося с базара с курицей. На этот раз Шими шел очень медленно, еле передвигая ноги, поминутно кряхтя и охая, с низко опущенной головой.

— Ай Шими, ты опять курицу купил? — с нескрываемой завистью спросил тот и добавил с намешкой и осуждением: — Видно, куриное мясо пришлось тебе по вкусу, коли ты тратишь на него свои последние копейки?

— Нет, не поэтому, — слабым голосом промолвил Шими. — Я сильно заболел, чувствую себя очень плохо, меня еле ноги держат. Чтобы немного подкрепить свои силы, поправиться, доктор велел мне хотя бы несколько дней подряд есть куриный бульон.

Услышав это, знакомый Шими вдруг занялся громким смехом.

— Вот странно, — с сомнением качая головой, недоверчиво воскликнул он. — Прошлый раз ты говорил мне, что купил курицу потому, что она была больная и досталась тебе задаром, а сейчас утверждаешь: ты сам больной, поэтому купил курицу. Не пойму я тебя что-то!

Шими поднял на него печальные глаза и с горечью промолвил:

— А что тут странного и непонятного, мой друг? Разве ты не знаешь поговорку: «Если бедняк покупает курицу: или курица больна, или бедняк болен»?..

УМ И БОГАТСТВО

Однажды в ненастный осенний день Шими, ежась от холода, вместе с такими же бедняками-горемыками, как он, стоял на Фых-ле-базаре в надежде на то, что кто-нибудь из владельцев виногра-

ных плантаций или рыбных промыслов возьмет его на работу. Одежда на нем была очень худая: рваное чохо, облезлая папаха и истоптанные чарыки. Увидев Шими, к нему подошел разодетый, тучный, самодовольно улыбающийся богач, известный в городе хвастун и пустомеля. Бесцеремонно оглядывая Шими с ног до головы и злорадно хихикая, богач заметил с ехидством:

— Ай Шими, если ты такой умный, что позволяешь себе смеяться над нами, богатыми и знатными, почему же ты сам такой бедный, что даже порядочных чарыков на тебе нет?

— Ты прав: на мне даже порядочных чарыков нет, настолько я беден. — печально вздохнул Шими. Потом, пристально, с неприязнью посмотрев в самодовольное лицо богача, добавил: — Но мой ум тут не при чем. Дело в том, что ум и богатство не всегда встречаются вместе. Зачем будем далеко ходить? Возьмем нас с тобой. У меня ум есть, а богатства нет, а у тебя, наоборот, богатство есть, а ума нет.

КАК «БОГ» ПОДШУТИЛ НАД БЕДНЯКОМ ШИМИ

Однажды Шими привел своего осла пастись на зеленую лужайку, расположенную у подножия горы за дербентской крепостной стеной, у овеянного легендами знаменитого Шах-булага*. Как раз в это время, когда Шими стоял на краю лужайки и наблюдал за своим ослом, мимо него, обдавая его пылью, прокатил черный блестящий фаэтон, на котором в обнимку с молодой и очень красивой женой с шиком проехал один из местных богачей. Шими долго с завистью и обидой смотрел вслед ему, пока фаэтон не скрылся из виду, потом, подняв глаза к небу, начал жаловаться богу на свою судьбу

— О боже! — Ты хоть раз в жизни обрадовал бы меня, бедняка! — громко взмолился Шими. — Ведь как никак я тоже — твое создание, как этот богач, который только что проехал на фаэтоне с женой, подобной райской красавице-гурии. У него в самом центре города стоит такой великолепный дом-дворец, что сам султан не постеснялся бы жить в нем, а сады и виноградники его раскинуты от самой горы до самого моря. У меня же, несчастного, — продолжал свое сетование Шими, — кроме вот этого облезлого

* Существуют предания, согласно которым открытие этого источника связывают: в одних — с приездом в Дербент шаха Аббаса Первого (1571—1587), героя многих персидских, азербайджанских и татских сказок, в других — с приездом в этот город знаменитого багдадского халифа Гарун-Аль-Рашида (766—809), героя целого ряда сказок «Тысячи и одной ночи».

ишака, некрасивой, сварливой жены, жалкой лачужки и кучи голодных, сопливых детей — ничего нет. Почему мне такая участь? Где, о боже, твоя справедливость?

С такими невеселыми мыслями и думами, усталый и расстроенный, Шими подошел к своей скотине, опустил на мягкую траву и вскоре погрузился в дремоту. В это время трое гуляк-весельяков кутили возле прохладного источника и слышали, как Шими роптал на судьбу, жалуясь богу. Они решили потехи ради разыграть его. Неслышно подкравшись к его ослу, они прямо из-под его носа утащили животное и спрятали его в кустах терновника, росших близ лужайки. Крепко схватив осла за хвост и уши, чтобы тот не вздумал бежать назад к своему хозяину, они стали наблюдать за дремавшим Шими. А тому в это время приснился сон. Во сне сам бог, похожий на сказочного великана в образе человека с аршинной седой бородой (Шими представлял себе его именно таким), обращаясь к нему с неба, кричал:

— Ай Шими, я внял твою мольбу ко мне! Встань, процеди глаза, и ты увидишь, как я тебя сейчас обрадую!

А на самом деле это кричал, даваясь от смеха, один из гуляк, спрятавшихся вместе с ослом в кустах.

Шими сразу проснулся и с радостью вскочил на ноги. Но первое, что он заметил — это исчезновение его единственного достояния — осла. Забыв сразу о боге и о его громогласном обещании, он с тревогой в душе бросился на поиски пропавшей скотины.

Расстроенный и подавленный, Шими уже потерял было надежду найти осла, как вдруг из кустов терновника, мимо которых он сейчас шел, навстречу ему с ликующим ревом, задрав высоко морду, выбежал его вислоухий. У Шими от несказанной радости захватило дух. Он жарко обнял своего четвероногого друга, прижался губами к его лобастой голове, с волнением и нежностью погладил его по тощей шее, костлявой спине. Но когда волнение его улеглось, Шими, вспомнив о своей просьбе к богу и его обещании, подняв опять глаза к небу и вызывая у беспечных гуляк неудержимый хохот, голосом полным горечи и упрека воскликнул:

— Ай бог! Прости мне мою резкость: ты хоть бы постыдился своей седой аршинной бороды?! Неужели для того, чтобы обрадовать меня, бедняка, тебе надо было сыграть со мной эту некрасивую шутку: сперва спрятать моего осла, а потом помочь мне найти его?!

НОВОГОДНЯЯ ИНДЮШКА

На новый год старик Шими имел обыкновение собирать всех своих сыновей, дочерей и зятьев с детьми, чтобы провести праздник в полном сборе в семейном кругу, весело и торжественно. А в канун нового года он купил большую жирную индюшку с крашеными перьями на хвосте и поместил ее в сарае.

На следующее утро Шими, едва продрав глаза, сразу направился в сарай, чтобы зарезать индюшку к празднику. Но старик был очень удивлен и расстроен, не обнаружив ее на месте. Шими кинулся искать ее повсюду, но она точно сквозь землю провалилась.

В то самое время, когда Шими искал свою пропавшую индюшку, со двора соседа шел аромат жареного мяса. Шими подошел к забору и, приподнявшись, посмотрел что делается во дворе соседа. В середине двора его сын, парень лет двадцати, известный во всем магале лоботряс и бездельник, большой охотник лазить по чужим сараям и курятникам, довольно потирая руки и отбивая ритм ногами, весело хлопотал вокруг горящего мангала, на котором жарилась большая индюшка. По крашеным перьям, которые валялись вокруг, Шими сразу понял, что эта жарится его пропавшая индюшка.

Ничего не сказав, Шими вернулся к себе в комнату. Захватив веревку, он направился к соседу во двор. Делая вид, как будто ничего особенного не произошло, он вызвал из дому соседа и соседку, вежливо поздоровался с ними, поздравил их с наступающим Новым годом, а затем тут же направился в их сарай. Через несколько минут Шими вышел оттуда, таща на веревке их козу.

— Ай Шими, куда ты уводишь нашу козу? — в один голос спросили его изумленные муж и жена.

— Как куда? Зарезать в добрый час на Новый год, — совершенно серьезно ответил Шими.

— Ведь это наша коза, а не твоя?

— Ну и что же! — усмехаясь, спокойно произнес Шими. — Зато индюшка, которую сейчас жарит на мангале ваш милый сыночек, — моя. Считайте, что мы с вами обменялись новогодними подарками: от меня вам индюшка, от вас мне — коза. — И Шими, немного помолчав, со сладкой улыбкой на лице добавил: — Чтo я говорить: очень приятно, когда соседи на Новый год делают друг другу такие подарки...

ПЕТУХ-БУДИЛЬНИК

Незадолго до начала массовой уборки урожая в колхозных садах и на виноградниках, когда дорог каждый час, Шими, чтобы вставать с рассветом, купил часы-будильник. Но не прошло и недели, как будильник перестал работать. Шими не особенно огорчился, поскольку часы были с гарантией на год. Но, побывав в ремонте, часы вскоре опять забарахлили: стрелки на них то ползли с невероятной медлительностью, то бежали, точно резвый конь на скачках. Поэтому они звонили и поднимали Шими на ноги то слишком рано, среди ночи, то слишком поздно, когда люди давно на работе. Тогда вконец разозленный Шими, мысленно послав ко всем чертям и гарантийный лист и часовщика-бракодела, решил купить новый будильник. Взяв у жены деньги, он вышел из дома. Но не прошло и часа, как Шими вернулся, держа под мышкой здорового петуха.

— Ай муж, что ты за человек? Ходил за будильником, а купил петуха! — воскликнула удивленная жена. — Ты уж купил бы тогда курочку. Мясо у нее нежнее, вкуснее, а зачем нам петух?

Шими, услышав слова жены, недовольно нахмурился.

— О женщина, почему ты в петухе видишь только мясо для бульона, перья для перин или производителя для кур, а не видишь другие его природные качества и способности? — с упреком проговорил Шими. — В далекую старину, если хочешь знать, когда еще и в помине не было часов, военачальники, говорят, отправляясь в поход со своими войсками, всегда брали с собой петуха. Привязав за ногу, они держали его в походной палатке возле своей подушки. Видно, они были не глупее, чем мы с тобой, коли поступали так?

— Ай муж, горе мое на твою голову! — в сердцах воскликнула жена. — Я охотно верю, что они были намного умнее тебя, но скажи на милость, причем тут древние военачальники и ты со своим злополучным петухом?

Шими, глядя на жену, осуждающе покачал головой, а потом сказал:

— Когда мы будем держать этого петуха ночью у себя в комнате, сама убедишься, что лучшего будильника, чем петух, на свете нет. Он не нуждается ни в заводской гарантии, ни в ремонте таких недобросовестных мастеров-бракоделов, которые чинили наши часы. Притом петух своим громким криком точно возвещает, когда полночь, когда рассвет и когда раннее утро. А ты еще говоришь: зачем нам петух?..

ШИМИ-ОХОТНИК

В один из воскресных дней Шими решил поразвлечься охотой. Благо, по соседству жил известный охотник. Одолжив у него ружье и патроны, Шими верхом на осле рано утром отправился за город в лес.

Привязав осла к дереву на опушке, Шими углубился в чащу. Весь день он с ружьем в руке, перевязанный патронташем, бродил по лесу, но нигде не встретил ни одного зверя.

Когда уже день клонился к закату, Шими, усталый, измученный, вернулся к опушке, где оставил осла. Но на том месте, где стояло животное, лежали лишь одни его обглоданные кости: пока он рыскал по лесу, волки напали на осла и разодрали его.

Перекинув ружье через плечо, Шими понуро побрел обратно в город без добычи, без осла, как говорится: «Пошел за бородой, лишился и усов». Но прежде чем пойти к себе домой, Шими сперва завернул к соседу. Вернув ему ружье и патроны, он как и в

чем не бывало сердёчно поблагодарил его за оказанную услугу и, тепло попрощавшись, хотел было уйти, но сосед, видя, что все патроны целы, с улыбкой спросил Шими:

— Ай Шими, ты что... не убил?

Шими, не желая уронить себя в глазах бывшего охотника и обиженный, как ему показалось, его насмешливой улыбкой, гордо воскликнул:

— Конечно, убил! Хм, зря что ли охотился целый день!

— А кого же ты убил? — недоверчиво спросил сосед.

— Кого? Своего осла! — произнес Шими и тут же хвастливо добавил: — Притом, клянусь твоей головой, без единого выстрела, даже не прицеливаясь!.

Оставив соседа в крайнем недоумении, Шими с важным видом вышел от него. Но когда возле своего дома у ворот он увидел жену, ожидающую его, Шими сразу заволновался. «Если она узнает, что осел пропал из-за моей беспечности, мне от нее житья не будет», — с беспокойством подумал он, и сразу прикинулся больным. Хватаясь рукой за бок, и сильно прихрамывая, незадачливый охотник принялся громко охать и стонать на всю улицу.

Увидев мужа в таком бедственном состоянии, жена в тревоге бросилась к нему навстречу.

— Горе мне, о муж! — воскликнула перепуганная женщина. — Ты же сегодня утром уходил из дому бодрым, здоровым, что вдруг с тобой стало? И почему ты идешь пешком, где твой осел?

— Ай жена, заклинаю тебя памятью твоих покойных родителей, не напоминай мне сейчас о нем, не сыпь соль на мои раны, — страдальчески морщась, жалобным голосом проговорил Шими, а затем, застонав еще громче, добавил:—Это проклятое животное чуть было не отправило меня на тот свет, а тебя не сделала черной вдовой: оно лягнуло меня в бок, сломало ребро и сильно покалечило ногу.

Услышав это, жена в гневе принялась вовсю ругать и проклинать осла:

— Да чтобы ему боком вышли все наши заботы о нем, тварь неблагодарная! Да чтобы злые волки загрызли его дурную голову! Да чтобы.

Шими, видя, что хитрость удалась и жена поверила его выдумке, тут же «успокоил» ее.

— Ай жена, не расстраивайся. Бог внял твоей мольбе: злые волки не только загрызли его дурную голову, клянусь прахом твоего отца, даже хвоста от него не оставили.

СРЕДСТВО ОТ ОЖИРЕНИЯ

Сноха Шими так раздалась, что называется, лопалась от жиру. Поскольку она приходилась родной племянницей жене Шими, свекровь очень жалела ее и носилась с ней, как курица с яйцом. Она не только не пускала свою племянницу на работу в колхоз, но даже дома сама все делала за нее. А сноха, избалованная чрезмерным вниманием и заботой сердобольной тетушки, только и знала: за троих ела, пила и, ссылаясь на одышку и ломоту в пояснице, дрыхла целыми днями.

Но Шими, человек работающий и нетерпящий безделья, смотрел с неприязнью на сноху-лежебоку. Вдобавок, жена заставляла его водить нелюбимую сноху по разным врачам, чтобы они дали ей лекарство от ожирения и сняли боль с поясницы. Сколько раз Шими пытался убедить жену в том, что самое лучшее и действенное средство растряссти ее жирок и вылечить поясницу — заставить сноху-лентяйку работать дома по хозяйству, на колхозных виноградниках на свежем воздухе — все напрасно. Да и бесконечные, бесполезные хождения по врачам порядком надоели старику, и он не знал, как от всего этого избавиться.

И вот однажды после очередного визита к врачу Шими, как только вернулся домой, тотчас же пригласил в отдельную комнату жену и сына для тайного разговора. Но прежде чем произнести слово, Шими, сняв с головы папаху, принялся бить себя в грудь, громко плакать навзрыд. Сын, почувствовав что-то неладное и тревожное, сразу побледнел, а жена, схватившись руками за голову, горестно воскликнула:

— Ай муж, горе нам! Скажи, какое несчастье обрушилось на наши головы?!

— Да еще какое несчастье — непоправимое! — вытирая папхой слезы, произнес Шими, подливая масло в огонь. — Я сейчас был с нашей дорогой снохой у самого лучшего врача. Он сказал мне по секрету, что у нее очень тяжелая неизлечимая болезнь, поэтому ее, беднягу, так и раздуло. И что она, о горе нам, не протянет даже и трех месяцев. Вот я и вызвал вас, чтобы предупредить: водить ее больше никуда не надо, — никакие лекарства ей теперь не помогут. Об одном только прошу вас: держите эту тайну про себя, ни словом, ни намеком никому, а ей тем более не говорите об этом.

Не зря же говорится: «Тайна, известная троем, уже не тайна». Как ни старались скрыть от снохи ее роковую болезнь, она каким-то образом узнала об этом. И от страха, что она скоро умрет, сноха потеряла сон, аппетит и стала таять на глазах, как свеча.

По истечении трех месяцев, когда Шими увидел, что сноха заметно спала с тела, очень похудела, он вновь пригласил к себе

сына — ее мужа и свою жену для «тайного разговора». Шими, хитро и самодовольно улыбаясь, сначала молча и торжествующе посмотрел на них, а потом, что называется, поразил их в самое сердце своим неожиданным сообщением.

— Хочу обрадовать вас, мои дорогие, приятной новостью, — смеясь, весело произнес Шими, — нашей снохе, слава богу, ничего не грозит. Это все я выдумал!..

Старуха, услышав это, несколько минут не могла вымолвить ни слова, точно язык прилип к гортани, а потом, едва придя в себя, накинулась на мужа, как разъяренная:

— Ай муж! Огонь на твою безумную голову! Кто такими вещами шутит?! — с плачем произнесла жена. — О боже! С кем света меня судьба, разнесчастную?!..

Шими видит, что дело принимает плохой оборот, начал усовещать разошедшуюся жену.

— Ай жена, почему ты так несправедлива ко мне? — произнес Шими, с обидой посмотрев на нее. — Вместо того, чтобы похвалить, поблагодарить, ты распустила язык, ругаешь меня?

— За что же тебя, окаянного, хвалить и благодарить?! — еще пуще разозлилась жена. — За то, что ты своей дурацкой выдумкой чуть было не загнал на тот свет мою бедную племянницу, а нас едва не свел с ума?!

— А за то, моя дорогая, — сурово посмотрев на жену, запальчиво произнес Шими, — я этой, как ты говоришь, «дурацкой выдумкой» помог растряссти жирок нашей невестке. А чтобы ее опять не раздуло, как бурдюк, пусть не гоняет лодыря, а трудится. Это — самое лучшее средство от ожирения.

ШИМИ В КОМАНДИРОВКЕ

Как-то раз Шими поехал по делам своего колхоза в командировку в один небольшой городок, расположенный в двух часах езды от Дербента. Поскольку здесь у него не было знакомых, он остановился в гостинице. Комната, которую ему отвели, оказалась очень запущенной: стены и потолок обшарпаны, доски на полу местами прогнили, между ними образовались широкие щели, абжур над тусклой лампочкой весь загажен мухами. Шими сразу почувствовал себя в ней очень неуютно и тоскливо. Да вдобавок она кишела клопами и блохами. Стоило Шими потушить свет и улечься спать, как они целыми полчищами лезли к нему со всех сторон, кусали его безжалостно, не давали сомкнуть глаз. Так всю ночь, без сна и отдыха, ожесточенно воюя с проклятыми насекомыми, Шими встретил утро.

На следующий день Шими, закончив свои дела, поскорее рас-

платился за ночлег и уже собирался уходить, когда в номер к нему вошел сам директор гостиницы. Он при Шими начал проверять наличие простыней, одеял, полотенец и других вещей. Не обнаружив никакой пропажи, директор на всякий случай предупредил его:

— Вы извините меня: если случайно, по ошибке захватили что-нибудь из номера, пожалуйста, верните.

Как раз в этот момент у Шими нестерпимо зачесалось на спине и на животе. Запустив руку за рубашку, он, точно человек, страдающий от чесотки, принялся неистово скрести себя.

— Поверьте, мне, почтенный, — произнес Шими, продолжая яростно чесаться, — если я захватил что-нибудь из вашей гостиницы, то только ваших клопов и блох, которых я охотно вернул бы вам, если бы мог.

И ОНА ЧЕРНАЯ..

Однажды Шими купил баранью ляжку и решил приготовить шашлык. Он разжег во дворе мангал, принес вертела и, вооружившись ножом, только собрался нарезать мясо на куски, как его черный дворовой пес, вертевшийся в это время возле Шими, улучив удобный момент, прямо из-под носа хозяина утащил ляжку.

Бросив нож, Шими тут же схватил палку и погнался за собакой. Но пес, крепко зажав в зубах добычу, выбежал со двора на улицу и помчался так, что и пуля не догнала бы его. Усталый, запыхавшийся и злой, как черт, Шими вернулся назад. Но увидев

возле ворот своего дома другую собаку, такую же черную, как его, набросился на нее с палкой, срывая на ней сердце. Жена Шими, увидев это, подбежала к нему и стала кричать:

— Ай муж, что ты делаешь? Не она же унесла мясо, зачем ты ее бьешь?

— Ай жена, ты всегда лезешь не в свое дело! — с досадой в голосе произнес Шими. — Разве ты не видишь, что она тоже черная?!

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ

Председатель колхоза, в котором с первого дня его организации работал наш почтенный Шими, неожиданно заболел и по совету врачей поехал в санаторий поправить свое пошатнувшееся здоровье. На время его болезни колхозники на общем собрании возложили обязанность председателя на Шими.

Став за председателя, Шими первым делом решил разделаться с двумя его родственниками — племянником и шурином. Они оба работали бригадирами и, пользуясь тем, что председатель — их родственник, держались с людьми заносчиво, на собраниях часто затыкали рты всем, кто высказывал критические замечания в адрес председателя. Многие колхозники были недовольны ими. Но как ни старался Шими найти подходящий предлог, чтобы наказать их, устранить от бригадирства, пока вернется председатель, это ему не удавалось. Но вскоре, к большому удовлетворению Шими, совсем неожиданно подвернулся, как ему показалось, подходящий для этого случай.

В то время в городе вели кампанию против совбола, как вредного пережитка прошлого, которые иные предприимчивые люди превратили в своего рода средство для наживы. В расчете на «большой совбол» они с купеческим размахом играли пышные свадьбы для своих сыновей и дочерей. Нередко эти свадьбы устраивались в рабочие дни, на них приглашались по шестьсот и более людей. Об одной такой свадьбе был напечатан хлесткий фельетон в местной газете. Шими каким-то образом узнал, что оба родственника председателя были на той свадьбе и дали большой совбол.

Не откладывая это дело в долгий ящик, Шими на следующий же день созвал внеочередное заседание правления и вызвал на него обоих бригадиров. Первым стали обсуждать племянника председателя.

— Ты на свадьбе был, о которой писали в газете «филейтун»? — спросил его Шими.

— Был, а что?!

— Совбол давал?

— Все давали, и я дал, а тебе какое дело? — огрызнулся председательский племянник. — Не из твоего же кармана дал, а из своего.

Шими довольно усмехнулся и, не обращая внимания на его грубый и заносчивый тон, спокойно сказал:

— Но ты же знаешь, что у нас ведется борьба против совбола как вредного пережитка. А ты, наоборот, поддерживаешь этот старый обычай. И как можно после этого держать тебя на должности руководителя и воспитателя целой бригады, если ты сам подаешь другим дурной пример?

И правление колхоза по предложению Шими единогласно решило: освободить председательского племянника от бригадирства за то, что он дал совбол.

Затем приступили к обсуждению председательского шурина. Тот, быстро смекнув в чем дело и чем все это пахнет, не стал отрицать, что был на свадьбе, поскольку многие видели его среди гостей. Но то, что он давал совбол, — категорически отрицал, а доказать что он говорит неправду, было трудно. И председательский шурин, уверенный в том, что оставил «лукавого старика» с носом, словно хвастаясь, продолжал:

— Если хотите знать, хозяину этой свадьбы я сто рублей должен. Он приносил их мне на свадьбу моей дочери как совбол. А я, будучи на свадьбе его сына, должен был по праву вернуть ему его долг, но не вернул.

— Почему? — вяло спросил Шими.

Бригадир криво усмехнулся.

— Чтобы потом не упрекнули и меня в том, что я поддерживаю этот, как вы здесь говорите, вредный пережиток.

Озадаченный Шими почесал в затылке. Он чувствовал, что бригадир хитрит, дурачит его, в душе посмеивается над ним, над его бессилием разделаться с ним. Но Шими все же не растерялся. Он вдруг вскочил с места и гневно стукнул кулаком по столу.

— Ах ты, бесстыдник! Ах ты, нахал! Нашел, чем хвастаться! — накинулся он на председательского шурина. — Где же твой мужской намус, ехь*? Был на чужой свадьбе, ел, пил за троих и не вернул человеку, кто бы он ни был, ему долг, присвоил чужие деньги?! И как можно тебя после этого держать на должности руководителя и воспитателя целой бригады, если ты сам подаешь другим дурной пример?!

Словом, по предложению Шими председательского шурина тоже освободили от должности бригадира, но за то, что он не дал совбол.

* Е х ь — честь, совесть.

НЕ ВСЯКУЮ ПРАВДУ МОЖНО СКАЗАТЬ ЖЕНЕ

Однажды, когда Шими был бедняком и терпел крайнюю нужду, он, печальный и усталый, закутавшись в свою старую шубенку, сидел у себя дома у тлеющего очага, предаваясь невеселым думам. Во дворе лил дождь, через прохудившуюся глиняную крышу вода текла в комнату, заливая пол и стены. В углу ежась от холода сидела беременная жена. Ей скоро рожать, а у Шими нет денег, чтобы купить немного муки, масла и меду для хашила*. И он не знал, что делать.

Попруженный в свои думы, Шими незаметно заснул, и в это время ему приснился чудесный сон: копая лопатой землю в саду хозяина, он вдруг наткнулся на большой старинный кувшин, полный золотых монет... И первое, что он сделал, став богачом, обзавелся второй женой, более молодой и красивой.

Шими видел себя, как он живет в великолепном дворце, спит на высоких пуховых перинах в объятиях юной красавицы, одевается как заправский бек в белые черкески из тонкой шерсти с золотыми газырями, подпоясывается дорогим кинжалом в серебряных ножнах, а его голову украшает лихо заломленная каракулевая папаха. Ездит он на собственном фаэтоне по городу, и все с почтением и завистью смотрят на него. Сам полицмейстер, человек свирепый и надменный, который не так давно публично порол его розгами, теперь, щелкая каблуками и звеня шпорами, вытягивается перед ним в струнку, отдает честь. Городской голова, важный, чопорный господин, который еще вчера не знал даже о его существовании, сегодня вежливо и почтительно кланяется ему. Видные дербентские тузы Овроом Дадашев, Сефтер Ахундов, Ханух-ага**, на которых он с утра и до вечера гнул спину за жалкие гроши, чтобы не околесть с голоду, принимают его у себя с почетом и лаской, как равного.

И все, что видел и испытывал сейчас Шими во сне, переполнило его таким восторгом, что он разразился громким смехом.

Встревоженная жена, быстро поднявшись со своего угла, кинулась к нему и принялась тормозить все еще спавшего мужа. Шими с трудом открыл глаза и тупо посмотрел на жену и вокруг себя.

* Хашил — традиционное блюдо, приготовленное из поджаренной муки, жира и меда. Им обычно кормили роженицу в течение семи дней после родов, чтобы поддержать ее силы.

** Крупные дербентские садовладельцы, богачи-толстосумы.

— Ты, наверно, видел дурной сон, дьявол смешил тебя*?.. — с беспокойством и сочувствием спросила жена.

Только сейчас, глядя на жену и слушая ее слова, Шими понял: все, что приключилось с ним минутой назад, — был лишь сон. И вдруг почувствовал себя во сто крат несчастнее и печальнее, чем до того, как ему приснился этот сон. Шими тяжело вздохнул, а затем, грустно улыбаясь, сказал ей:

— Ай жена, то был не дурной, а чудесный сон, поэтому я так радостно смеялся. Дай бог мне наяву сотую долю того, что я видел и чувствовал в этом сне.

Услышав это, жена пристала к Шими, чтобы он непременно рассказал ей про свой «чудесный сон». Она, как и многие суеверные люди, верила в то, что иногда сны сбываются. А может и на их счастье, обудется сон, который только что видел муж.

Прямодушный и чистосердечный, Шими привык говорить всегда правду, чтобы ни случилось. Но про свой сон он все же не хотел рассказывать жене, боясь расстроить и обидеть ее. Но в конце концов уступив ее настоянию, Шими без утайки рассказал ей все, что видел во сне.

— И ты, бесовестный, называешь это «чудесным сном»?! — возмущенно воскликнула жена, едва Шими закончил свой рассказ. — Стоило тебе на миг стать богачом, и ты сразу обзавелся второй женой, — я стала не нужна?..

Вне себя от ярости, она с ревом накинулась на мужа, стала как кошка царапать его, бить кулаками. Шими, спасаясь от ее гнева, поспешно вскочил с места и, сломя голову, выбежал на улицу под холодный проливной дождь. Промокший до нитки и продорогший от холода, он вскоре был вынужден вернуться, но не решился войти в дом. Шими прошел в хлев и лег спать на сырой, провонявшей навозом и ослиной мочой соломе, возле своего ишака, а вместо одеяла накрылся его грязной попоной.

Вспомнив, как всего час назад во сне он был богат и знатен, жил во дворце, лежал на пуховых перинах с молодой красавицей-женой, а сейчас, лишившись даже своей убогой постели, вынужден провести ночь в вонючем хлеву рядом со скотиной, Шими, тяжело вздыхая, принялся в сердцах ругать себя:

— Так мне и надо, ослу безголовому! — чуть не плача от досады и обиды на самого себя, воскликнул Шими. — Сколько лет живу с женой, а до сих пор не понял, что не всякую правду можно говорить жене!.

* Суеверные таты верили в то, что, если человек во сне смеется, то это его смешил дьявол своими проказами. Встреча с ним ничего хорошего не сулит человеку, кроме бед и грехов.

КАК ШИМИ ДАВАЛ «ВЗЯТКУ»

Директор автотранспортного предприятия, где работал таксистом один из внуков Шими, был нечист на руку: вымогал деньги у подчиненных водителей, занимался разными махинациями, жил на широкую ногу. Все это не только сходило ему с рук, но он еще слыл за человека «делового и уважаемого», мечтал о более высокой должности и был весьма доволен жизнью. Единственно, что омрачало его настроение — это то, что был он чрезмерно худ и не вызывал с первого взгляда особенного почтения своим видом, т. е. не «внушал». Поэтому директор серьезно опасался: как бы такой, казалось, пустяк не послужил препятствием на пути его продвижения по служебной лестнице. Да и жена была, как на грех, под стать мужу — гремела костями. Несмотря на то, что катались они как сыр в масле, каждый год ездили на лучшие курорты, муж и жена так и оставались «фараоновыми коровами», несколько не прибавляя в теле. Это крайне огорчало и расстраивало супругов, особенно ее.

Узнав об их беде, старик Шими решил прийти «на помощь», но небескорыстно. Машина, на которой работал его внук, была очень старая. На ней даже не безопасно было везти пассажиров.

Сам директор не раз с пренебрежительной ужимкой называл ее «старым драндулетом», но упорно не хотел закрепить за водителем новую, ждал, пока тот «подмажет колеса»...

Узнав об этом от внука, Шими крайне возмущился вымогательством его начальника, но потом решил сам, не подавая виду, «полюбовно» договориться с ним.

На следующий день Шими, прежде чем отправиться к директору, взял небольшую плотную картонную коробку, вышел во двор, где у него между аккуратно выбеленных известью стволов цветущих яблонь, груш и черешни было расставлено несколько ульев. Подойдя к одному из них, в котором содержался особый вид медоносных пчел, именуемых в научной литературе по пчеловодству «пчелами крупными, злобными...», он осторожно вынул из него раму. Переложив из нее в коробку около ста насекомых этой породы и плотно закрыв ее крышкой, Шими бодро отправился к начальнику своего внука.

Встреча состоялась (как это водится еще по старинке в таких случаях между тем, кто дает взятку и тем, кто ее берет) с глазу на глаз, без свидетелей, в кабинете директора. Показав на коробку, Шими без обиняков, сказал ему, что, зная об их нужде, он раздобыл для него и его супруги «чудодейственное лекарство» от худобы у одного замечательного «народного врачевателя». И что больные, которые пользуются им, прямо на глазах начинают поправляться, полнеть. И он, Шими, конечно, надеется, что и «уважаемый

директор» со своей стороны ответит добром на добро — даст его внуку новую машину вместо «старого драндулета».

Как и ожидал хитроумный Шими, директор клюнул на его удочку.

Несказанно обрадованный услугой Шими, он тут же при нем позвонил своему заместителю, чтобы сегодня же внуку Шими выделил новую машину. Но как, в каких дозах следует принимать это «чудодейственное лекарство», от волнения он забыл спросить у Шими. Директор вспомнил об этом, когда его уже не было в кабинете. Тем не менее, как только он приехал домой в обед, прихватив с собой подарок Шими, быстро скинув с себя пиджак и обувь, директор прежде чем приняться за еду, решил посмотреть, что собой представляет «чудо-лекарство» и хоть чуточку попробовать его на язык.

Едва он в радостном нетерпении снял крышку с коробки, как из нее с сердитым и угрожающим жужжанием вылетел рой больших свирепых пчел, которые как звери набросились на директора и его жену, хлопотавшую за столом.

Муж и жена, спасаясь от пчел, как ошпаренные, выскочили из дома на улицу. Вскрикивая от боли и страха, отчаянно размахивая руками, они бежали так, точно состязались в беге. Чем быстрее они удирали, тем яростнее преследовали и немилосерднее жалили их злые пчелы. И бежала супружеская чета, не сворачивая никуда, прямо к морю, чтобы хоть там, в воде найти спасение от этих проклятых насекомых.

Несмотря на то, что было только начало весны, а вода в море еще почти ледяная, директор и его жена, опухшие с головы до ног от множества пчелиных укусов, с раздутыми сине-багровыми лицами, едва достигнув берега, бросились в ледяную воду..

Шими был доволен. Внук наконец получил новую машину, а директору и его жене, как обещал, своим «чудодейственным лекарством» «помог» за какие-то считанные минуты «вылечиться» от худобы...

КАКИЕ АРБУЗЫ — ТАКИЕ МОНЕТЫ

В сезон фруктов по соседству с домом Шими открыли новый овощной ларек. Но почему-то фрукты и овощи, продававшиеся в нем, за редким исключением бывали всегда некачественными, почти негодными к употреблению, поэтому хозяйкам поневоле приходилось идти на базар и покупать на рынке, у частных или у рыночных спекулянтов-перекупщиков намного дороже.

Однажды рано утром у ларька выгрузили полную машину арбузов, которую привезли из какого-то дальнего совхоза. Продавец,

молодой человек с богатырским телосложением только «открыл торговлю», но уже все арбузы до единого оказались мелкие, невзрачные и кособокие, а большие загадочно исчезли неведомо куда, по всей видимости, перекочевали к рыночным перекупщикам-спекулянтам.

За неимением выбора Шими, скрепя сердце, взял полмешка этих арбузов, но рассчитывался с продавцом очень и очень долго, поскольку всю сумму за них он решил оплатить только однокопеечными монетами, которыми нарочно запасася заранее для этой цели. Выведенный этим из терпения, продавец принялся возмущаться, кричать на Шими:

— Слушай, неужели в твоём кармане для расплаты со мной нет ни одной более крупной монеты, чем эти «дрянные» копейки?!

— Слушай! — в тон ему ответил разозленный Шими. — Неужели на том поле, где вырастили эти злополучные арбузы, не оказалось ни одного крупного, кроме этой дряни? Какие у тебя арбузы, такие у меня и монеты!

ТРИ КОВАРНЫХ СВОЙСТВА ВИНА

Как-то раз один из друзей Шими, такой же седобородый старик, как он, пришел к нему поделиться своим горем, пожаловаться на своих непутевых сыновей

— Ай Шими, у меня три сына, и все они трое, вместе взятые, не стоят в моих глазах одной некрасивой, но умной и скромной девушки — вот какой я разнесчастный отец, — произнес старик, чуть не плача.

Шими с недоумением посмотрел на друга, а потом спросил:

— Чем же они уронили себя в твоих глазах, что ты так дурно отзываешься о них?

Старик низко опустил голову, потом, глубоко вздохнув, начал так:

— Они, мои сыновья, будь то дома у себя или в гостях, когда начинают прикладываться к этому захриману-вину, совсем теряют голову, будто их подменили. Самый младший мой — заика от рождения, поэтому он обычно молчит при людях, старается без нужды не вступать в разговор с посторонними. Но как только вино ударяет ему в голову, у него сразу развязывается язык, он делается чересчур болтливым, надоедливым и не дает никому рта раскрыть. И люди не знают потом, как от него избавиться. Другой, средний, сам маленький, щедедушный, притом очень смирный и робкий. В трезвом виде, поверь мне, он и муху не обидит. Даже собственная жена его не боится. А вот видел бы ты его, дурня, во хмелю — ого-го! Сатанеет на глазах, бушует, грозит каждому кости пере-

ломать. Один раз, будучи сильно пьяным, полез драться с известным пехливаном-борцом. Видно, про таких, как мой глупец, говорится: «Напоили зайца вином, а он пошел со львом драться». А самый старший, — продолжал гость свое сетование, — франт, чистоплюй. Но стоит ему напиться допьяна, он тут же валится под стол и ведет себя, извини, как настоящая свинья. На чужих сыновей смотрю — радуюсь, на своих смотрю — плакать хочется, — с отчаянием в голосе заключил старик.

— Много они пьют, твои сыновья? — спросил Шими.

— Как тебе сказать, — произнес старик, вздыхая, — младший мой — зайка не очень, пьет всего один кубок вина, второй, щедушный и робкий, тот самый, который во хмелю пошел драться с силачом-борцом, пьет самое большее два кубка, а старший-чистоплюй не меньше трех.

Шими чувствовал, что друг пришел к нему не столько для того, чтобы рассказать о своей беде, излить душу, сколько, чтобы получить от него совет, что делать, как образумить своих сыновей-негодников..

— Я не знаю, как и чем помочь тебе, — сказал Шими другу, — мне известна одна старинная притча, в которой словно о твоих сыновьях речь идет. Может, если они узнают, о чем в ней говорится, устыдятся своей дурной привычки, будут себя вести, как нормальные люди, перестанут пить.

Гость, с надеждой схватив Шими за рукав бешмета, принялся умолять его:

— Случается, мудрое слово помогает лучше, чем самое сильное лекарство. Расскажи, пожалуйста, мне эту притчу.

И Шими, уступив просьбе друга, начал рассказывать.

— Говорят, первый человек, который посадил виноградную лозу, был пророк Ной*. И чтобы она хорошо прижилась на новом месте и дала желанные плоды, он сначала окропил почву вокруг лозы кровью соловья, потом оросил ее кровью быка, а в третий раз щедро полил кровью свиньи. И вот с тех пор, — продолжал Шими, — у того, кто пьет один кубок вина, изготовленного из виноградного сока, развязывается язык и он становится «красноречивым», как соловей, у того, кто пьет два кубка, появляется самонадеянность и буйство быка, а тот, кто пьет три и больше — ведет себя как свинья. Вот и вся разгадка: почему твои сыновья, будучи в нетрезвом виде, один уподобляется неугомонному соловью, другой — разъяренному быку, а третий, как ты говоришь, — безобразной свинье...

* Ной (по корану — Нух). Согласно библейскому сказанию, он первым из людей начал выращивать виноград и изготавливать вино. Он нередко напивался до такой степени, что, как утверждает библия, «валялся обнаженным в шатре своем...»

КАК ШИМИ ЕХАЛ НА ОСЛЕ ЗАДОМ НАПЕРЕД

Однажды земляки Шими, возвращавшиеся на закате с работы домой, встретили его на дороге. Он ехал на своем осле, но почему-то сидел лицом к хвосту, опустив голову на грудь. И вид у него был мрачный и надутый. Люди, глядя на него, объясняли эту выходку Шими его странностями и от души хохотали над ним. Один из них подошел к нему и спросил нарочно:

— Ай Шими, ты что это взял за моду — ехать на осле задом наперед? Люди смотрят — смеются..

Шими, не подымая головы и не оборачиваясь, выкинул руку назад и, указав пальцем туда, где находилась голова осла, сердито пробормотал:

— Не хочу видеть его противную морду — я зол на него.

КАПКАНЫ ШИМИ

Некоторое время Шими Дербенди работал заведующим колхозной птицефермой. Местность, где находилась ферма, была живописная. Вокруг сплошной зеленой стеной стоял лес, а на краю изумрудной поляны сверкал зеркальный пруд.

Шими был очень доволен своей работой. Единственное, что причиняло старику беспокойство, — это воровские вылазки шакалов и лис. Незаметно подкрадываясь к птицам, они внезапно нападали на них и похищали каждый день по несколько кур и петухов.

Чтобы обезопасить птиц, Шими расставил повсюду железные капканы. Многие хищники, попадая в них, расплачивались из-за любви к курятине своей шкурой. Постепенно они перестали охотиться за колхозными курами. Зато не проходило и недели, чтобы председатель или его заместитель, оба большие любители хорошенько поесть и выпить, не заглянули на ферму «отдохнуть» на лоне природы и полакомиться птичьим мясом. Нередко они привозили с собой за компанию и своих кунаков.

Как-то раз Шими узнал, что сегодня на закате председатель опять собирается к нему в гости со своими друзьями. Недолго думая, он заранее расставил несколько железных капканов прямо посреди дороги, перед воротами фермы, где обычно останавливалась председательская машина, и тщательно замаскировал их.

Как только наступил вечер, старик загнал птиц в помещение, а сам стал ждать гостей. Но гости почему-то задерживались. Уставший, Шими прилег на топчане и едва забылся сном, как был разбужен громкими криками и воплями: люди за воротами фермы кричали так, словно с них заживо сдирали кожу, и на чем свет стоит ругали и поносили Шими.

Старик, охая и зевая, медленно встал и не спеша направился к воротам. Как только он приблизился к непрошеным гостям, они, корчась от нестерпимой боли, стали в один голос орать на Шими:

— Кто на середине дороги ставит капканы, осел старыйй?

— Куда твои глаза смотрели, слепец?!

— Спятил что ли на старост лет?!

Шими молча выслушал их, а потом сказал:

— Клянусь вашей жизнью, почтенные, я установил капканы на дороге не потому, что я осел, слепой или сошел с ума на старости лет, как вы думаете. Дело в том, что четвероногих любителей даровой курятины я отвадил охотиться за колхозными курами. Теперь я решил испытать мои капканы против двуногих.

СЕРДЦЕ

Жена Шими как-то раз, отправляясь на базар, спросила мужа:

— Иду на базар покупать мясо. Какое мясо купить: говядину или баранину?

— Раз ты меня спрашиваешь, то купи, пожалуйста, сердце. Неважно какое: коровье ли, баранье, козлиное, лишь бы — сердце.

Жена в тот день, как того хотел Шими, принесла с базара сердце, приготовила из него отличный соус и угостила мужа. Но после этого случая каждый раз, когда она ходила за мясом, Шими наказывал ей купить только сердце. Наконец, она однажды не выдержала и сказала ему:

— Ай муж, какой ты странный человек! Чего ты так пристрастился к этому сердцу? Неужели оно нравится тебе больше, чем обычное мясо?

— Нет.

— В чем же дело тогда?..

— А в том, моя дорогая, — со вздохом сказал Шими, — что ты своими вечными попреками, придирками по поводу и без повода до того извела меня, что мое сердце стало совсем никудышным. И я решил почаще употреблять в пищу сердце в надежде на то, что оно хоть сколько-нибудь поможет мне укрепить мое.

КАК ШИМИ СТАЛ НАПОЛОВИНУ МУЖЧИНОЙ И НАПОЛОВИНУ ЖЕНЩИНОЙ

Дочь Шими была замужем за одним колхозником и жила в селении. Шими и его жена решили съездить к дочери и зятю, поглядеть внуков. Недалеко от того селения, где жила их дочь, протекала небольшая, но быстрая речка. Чтобы не промочить штаны, Шими предусмотрительно снял их и положил под мышку. Лишь после этого он вошел в воду.

Но надо же было случиться такому: когда Шими дошел до середины реки, он вдруг поскользнулся и упал, выронив при этом штаны. Течение сразу подхватило их и унесло, и Шими не смог угнаться за ними. Вышел он на противоположный берег в одной рубашке, огорченный, раздосадованный. Но вспомнив, что в мешке, который несла жена за спиной, кроме подарков и гостинцев, были ее запасные юбки и платье, немного успокоился.

— Ай жена, при моей почтенной бороде, я, конечно, не могу появиться в чужом селении без штанов, как все равно двухлетний карапуз с открытым срамом, — сказал он супруге. — Достань, пожалуйста, из мешка твою красную юбку, я надену ее вместо штанов.

Жена стала возражать:

— Ай муж, люди, увидев тебя в таком странном одеянии — в красной женской юбке и папахе, — будут смеяться над тобой, примут тебя за сумасшедшего. Ты в такой одежде будешь выглядеть наполовину мужчиной и наполовину женщиной, и все селение сбегится глазеть на тебя, как на шута. Лучше уж одевайся во все

мое, а на голову повяжи платок и спрячь бороду. Тогда все подумают, что ты тоже женщина, не будут обращать на тебя внимание, — посоветовала жена.

Шими, который гордился тем, что он — мужчина, носит на голове папаху, услышав слова жены, очень оскорбился.

— О женщина, горе на голову отца твоего! В своем ли ты уме?! — сердито воскликнул Шими. — Пусть уж лучше я буду наполовину мужчиной, но с папахой, чем целиком женщиной и без пахаи!

ЧУЖОЙ ПОКОЙНИК СПЯЩИМ КАЖЕТСЯ

Однажды, когда Шими был бедняком, накануне какого-то праздника отправился он на базар купить немного требухи, несколько пучков зелени, пару чуреков к праздничному столу, а на большее денег у него не было. Но, не доходя до базара, невольно остановился, увидев, как дюжий полицейский гонит перед собой худого, оборванного подростка с разбитым в кровь бледным лицом, подталкивая его пинками и ударами дубинки. Подросток упирается, плачет, кричит, повторяя одно и то же:

— У меня мама больная, отпусти меня! У меня мама больная!..

Шими подошел к полицейскому и вежливо спросил:

— Скажите, уважаемый, чем провинился этот несчастный мальчик?

Полицейский неохотно остановился и, схватив на всякий случай подростка за руку, чтобы тот вдруг не вздумал бежать, когда он будет разговаривать, хмуро произнес:

— Он — вор! Веду его в полицейский участок.

Шедшие на базар и возвращающиеся оттуда люди, привлеченные криками мальчика и фигурой полицейского, собрались вокруг них, образовав толпу. Мальчик при виде столпившихся людей, точно затравленный зверек, пугливо оглядываясь по сторонам, стал кричать еще отчаяннее:

— Я не для себя украл!.. Не для себя украл! Мама у меня больная!..

Из сбивчивой речи дрожащего от страха и волнения плачущего подростка Шими и другие поняли, что отца у него нет, а мать лежит тяжело больной. Дома который день нет ни куска хлеба, ни копейки денег. Подгоняемый отчаянием, он, чтобы спасти больную мать от голодной смерти, решил стащить в хлебной лавке чурек, но его поймали, избили и отдали в руки полицейскому.

— Побойтесь бога, какой он вор?! Отпустите мальчика! — прознес расстроенный Шими, обращаясь к полицейскому.

Толпа дружно, многоголосо загудела, присоединяясь к просьбе Шими.

— Он — вор! — повторил упрямый и неумолимый страж порядка. — Все равно: «Украдший верблюда и укравший иголку — оба воры». Поэтому он должен быть доставлен в участок. — И полицейский, окинув сердитым взглядом собравшуюся толпу, грозно предупредил: — А ну-ка, прочь с дороги! Дайте пройти!..

Но люди, точно по молчаливому уговору, не двигались с места. И это вывело из себя полицейского. Забывшись от охватившей его ярости, он на какую-то минуту выпустил руку мальчика из своей и принялся кричать и размахивать дубинкой. А мальчик, воспользовавшись моментом, сразу шмыгнул в толпу, как мышонок в норку, а потом со всех ног пустился бежать, сверкая пятками.

Это зрелище так развеселило всех, что вызвало всеобщий хохот. Вконец взбешенный полицейский, желая сорвать свое зло, кинулся с дубинкой на Шими, как на главного виновника этого происшествия. Но Шими, тогда молодой и очень крепкий, сумел вырвать из руки ретивого полицейского дубинку и с сердцем обрушить ее на его же голову. Тот, как куль, упал на мостовую, а испугавшиеся люди быстро разбежались в разные стороны.

Шими понял, что его дело табак, тюрьмы или Сибири теперь не миновать, от сильного расстройства он уже не пошел на базар, а направился прямо в духан, чтобы утопить свое горе и тревогу в вине.

Вернувшись домой пьяным, Шими коротко рассказал жене о случившемся и предупредил: если за ним придет из полиции, то пусть она скажет им, что муж внезапно скончался.

Сказав это жене, Шими сразу кинулся в комнату. Собираясь «умереть», он первым делом зажег лампу, поставил ее в угол, а его завесил простыней. Потом быстро сбросив с себя всю одежду, забрался за занавес и растянулся нагишом на голом полу, предварительно поставив лампу у себя в изголовье*.

Не прошло и часу, как во двор стремительно ворвался, точно с цепи сорвавшись, полицмейстер в сопровождении того самого дюжего полицейского, которого Шими бабахнул по башке. Голова сейчас у того была повязана большой, как чалма у хаджи, белой повязкой.

Услышав от безутешно плачущей «вдовы» Шими о том, что ее муж, как только вернулся с улицы, лег и тут же отдал богу душу, полицмейстер не поверил ей. Грубо оттолкнув ее, он вихрем влетел

* По обычаю татов, покойного до того, как его обмоют, зашьют в саван, разденут, кладут на голый пол, у изголовья ставят зажженную лампу. Угол с покойником завешивают простыней.

в дом. Подойдя к углу, где лежал Шими, он резким движением сорвал занавес и сразу приступил к осмотру «покойного». Убедившись, что перед ним не покойник, а живой знакомый ему молодой мужчина с завидным здоровьем, которому по его приказу уже однажды всыпали хорошую порцию горячих, и от него разит как от бочки, полицмейстер пришел в ярость.

— Со-бака! Разбойник!—зло выругался он, в сердцах ударив Шими острым носком сапога в голый бок. — Натворил, набезобразничал, а теперь спит как ни в чем не бывало, нализавшись как свинья!

Шими, поняв, что просчитался, и боясь, как бы эти разъяренные господа не выволокли его за ноги в таком неподобающем виде на улицу, если он сейчас же не «воскреснет», сразу открыл глаза. Поднявшись со своего «смертного одра», он искоса посмотрел в знакомое ему свирепое лицо полицмейстера. Несмотря на свое трагическое положение, он, желая подшутить над своей неудачной попыткой притвориться мертвецом и над словами самого полицмейстера, с горькой иронией промолвил:

— Э-эх, господин полицмейстер, господин полицмейстер! Будь я на самом деле покойником, вы все равно приняли бы меня за спящего: ведь как чужое горе рассказывается навеселе, так и чужой покойник спящим кажется..

КАК ШИМИ ИСПЫТАЛ СВОЕГО СЫНА

Как-то Шими косил траву в колхозном саду. Его сын, подросток, которого он взял с собой, в это время, взобравшись на высокое черешневое дерево, лакомился спелыми ягодами. Вдруг Шими услышал душераздирающий крик мальчика. Он сразу понял, что сын упал с дерева, и, наверное, разбился.

Шими в сильном волнении, бросив косу, быстро прибежал на место происшествия. Увидев распластанного на земле мальчика без сознания, Шими от потрясения и горя чуть не лишился рассудка. Вскоре, к бесконечной радости отца, мальчик очнулся, пришел в себя, но стонал и плакал от боли и обиды. Шими осторожно поднял его, взвалил себе на спину, решив, что больному будет легче, если он понесет его на себе, чем будет везти на осле, который находился рядом.

Всю дорогу до дому, несмотря на жару и усталость, Шими, не подавая виду, утешал, подбадривал сына, говорил ему ласковые слова, чтобы вызвать у него улыбку, облегчить этим его страдания.

С тех пор прошло лет шесть — семь. Теперь его сын, чтоб не

сглазить, был выше отца и шире в плечах, крепким, цветущим молодым человеком.

И вот однажды случилось Шими с сыном работать в том же саду в период созревания черешни. Может, это случайное совпадение и навело отца на мысль испытать сына.

И чтобы осуществить задуманное, Шими, нарочно отлучившись, направился к тому самому дереву, откуда некогда упал его сын. Он лег на спину под деревом, и, раскинув руки в стороны, принялся истошным голосом кричать, призывать сына на помощь. Тот сразу прибежал на его крик и очень испугался, увидев стонущего отца с закрытыми глазами.

— Отец! Отец! Что с тобой? — в волнении спросил он.

Шими, «с трудом» открыв веки, указал пальцем вверх на дерево.

— Хотел, сынок, немного полакомиться спелыми черешнями, но не втрок пошло мне это — упал с дерева. А-ах-ах!..

Сын осуждающе покачал головой.

— Э-эх, отец! Отец! Тебе ли в твоём возрасте лезть на дерево, как мальчишке-сорванцу?! — произнес он с укоризной, а затем тяжело вздохнув, добавил: — Ладно уж, потерпи немного, посажу тебя на осла, повезу прямо в больницу.

Шими, услышав это, сразу страдальчески искорчил лицо и застонал еще сильнее.

— Ой, сынок, не надо! На осле не смогу, — жалобно взмолился он. — Я, видно, позвоночник себе повредил. Неси меня лучше на спине.

Юноше ничего не оставалось другого, как посадить отца себе на спину и двинуться в путь.

Дорога была длинная. Шими все время охал, стонал, а сын, тяжело сопя, угрюмо молчал, но покорно нес свою ношу.

— Сынок, ты бы или рассказал или спел бы мне что-нибудь, чтобы отвлечь меня от мучительной боли, которую я сейчас испытываю, — попросил старик.

Сыну это очень не понравилось.

— Да ты бы хоть помолчал, отец! — не на шутку рассердился он. — Мало того, что я тащу тебя, как ишак, ты еще хочешь, чтобы я развлекал тебя сказкой или песней!.. А может еще прикажешь для твоего удовольствия сплясать лезгинку посреди дороги?! Вот ты даешь, отец, честное слово!..

Шими тотчас же велел сыну остановиться, сославшись на то, что ему уже хорошо, он выздоровел. Когда Шими опустился на землю, сын, вытирая пот с лица, недоверчиво, но с тайным облегчением спросил:

— Хм, как это ты ни с того ни с сего вдруг выздоровел?

— Почему «ни с того ни с сего?» — пряча горькую усмешку,

сказал Шими. — Ты сам, сынок, своим ответом вылечил меня лучше, чем любой врач. Спасибо тебе за это!..

О Б И Д А

Во время какой-то повальной эпидемии куриной чумы у Шими подошли все куры в курятнике. Выжила самая маленькая рыжая курочка, которая приносила яйца чуть больше голубиных. Но как только курочка сносила очередное яичко, она тут же взбиралась на забор и высоко задрав голову, целый час без передышки кричала на весь квартал: ко-ко-ко!.

Однажды рано утром, когда рыжая курочка Шими снесла яйцо и уже начала по этому случаю драть горло, у соседа как раз буйволица родила буйволенка. Шими узнал об этом лишь тогда, когда буйволенок во дворе соседа, поднявшись на длинных раскачивающихся ножках, жадно потянулся к материнскому вымени. Шими стало разбирать зло на овою курочку. Он схватил палку и в сердцах швырнул ее в птицу.

— Посмотри-ка на нее, паршивку! — с возмущением произнес он. — У соседа буйволица произвела на свет пудового буйволенка, и никто об этом не знает, она и звука не издала, а эта бессобестная снесла одно ничтожное яйчишко величиною с орех и теперь будет целый час шуметь на всю округу!.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

В течение ряда лет у Шими рождались одни дочери, поэтому он считался «хьомолом» — бездетным. И Шими, согласно обычаю своих отцов, стал носить красный кушак — «кушак бездетности» и отращивать бороду, чтобы бог обратил внимание на его «печальную» участь и даровал ему сына. Родственники, друзья или просто знакомые в разговоре с ним говорили ему, как это было принято в обращении к хьомолу: «Да будет счастливым твой конец!», что означало пожелание, чтобы у него родился сын.

Так прошло несколько лет. И вот однажды Шими появился на улице без красного кушака и без бороды. Обрадованные друзья, знакомые Шими, решив, что у него родился сын, кинулись к нему с вопросом:

— Ай Шими, тебя можно поздравить со счастливым концом?

— Друзья мои, если считать «счастливым концом» то, что моя жена вообще перестала рожать, можете поздравлять меня, сколько вам угодно, — с горькой усмешкой проговорил Шими.

Однажды в весенний день Шими пришел на базар покупать овцу к празднику. Какой-то молодой человек, узнав об этом, подошел к нему, волоча по земле тяжелый мешок, крепко завязанный сверху веревкой.

— Дядя Шими, если вы в добрый час пришли покупать овцу, я могу продать вам, — произнес он, а потом, (беспокойно оглядываясь по сторонам, тихо добавил. — Только товар свой я не могу показать вам: я его утащил из нашего сарая тайком от отца, а он сейчас ходит по базару и ищет меня.

Шими не хотел покупать овцу, предварительно не осмотрев ее, а тем более украденную. Но услышав совсем недорогую цену, он не устоял. Опустившись на корточки, Шими, не раскрывая мешка, на всякий случай принялся ощупывать овцу. И она показалась ему вполне подходящей: достаточно упитанной, крупной и шерстистой.

Заплатив стоимость овцы, Шими, обрадованный удачной покупкой, взвалив мешок на спину, сразу поспешил домой. Но не успел он отойти и ста шагов, как его покупка начала проявлять явное беспокойство: дрыгать ногами, кувыряться и, что самое странное, — грозно рычать по-собачьи. А еще минуты две спустя «овца», с громким захлебывающимся лаем, вырвавшись из мешка, как разъяренный тигр, прыгнула через голову ошеломленного Шими и пустилась наутек. Как говорится: и теленок сбежал, и веревку унес.

Любопытные прохожие, невольные свидетели этого необыкновенного зрелища, среди которых было немало молодых людей, сразу окружили Шими и стали расспрашивать его, что, мол, ему, старому человеку, была за нужда таскать на себе с базара такого здорового пса в мешке?

Сконфуженный и расстроенный Шими, не оправдывая ни себя, ни свой поступок, открыто, с горечью рассказал им, как его бессовестно надул какой-то молодой человек, видно, базарный мошенник, всучив ему пса вместо овцы.

Собравшиеся, выслушав эту историю, наперебой стали высказывать старику свои замечания и советы:

— Ай Шими, как все-таки вы могли при вашем уме и возрасте дать себя так легко одурачить: соблазнившись на дешевку, купить «овцу» в мешке?

— Ни в коем случае, дядя Шими, это дело так нельзя оставить. Сегодня этот пройдоха, невзирая на вашу почтенную седину, надул вас, завтра он с такой же легкостью то же самое выкинет с другим человеком!..

— Если вы простите ему это, люди перестанут уважать вас. Возмущаясь наглостью обманувшего Шими пройдохи, никто,

однако, из присутствующих не выражал ни желания, ни готовности помочь старику разыскать его. Зато советы, упреки и наказания так и сыпались со всех сторон на голову Шими, как горох из торбы. И он уже был не рад, что рассказал им правду, и не знал, как от них избавиться. Неизвестно, сколько ему еще пришлось бы выслушивать их бесполезную и надоедливую болтовню вокруг этой злополучной покупки, если бы один самый молодой из присутствующих не высказал самое «верное» предположение. Недаром же говорится: «Ум заключается не в возрасте, а в голове».

— Вы, дядя Шими, не принимайте это дело так близко к сердцу. Этот молодой человек, о котором вы говорите, мне, кажется, вовсе не мошенник а просто шутник, — уверенно произнес юноша. — Ведь сегодня первое апреля. А на первое апреля, вы наверно слышали, существует обычай: в шутку разыгрывать друг друга...

Шими, услышав это, сразу почувствовал облегчение, у него словно камень свалился с души.

— Видимо, так оно и есть, сынок, — ухватившись за эту удачную мысль, с готовностью согласился он, и, потрясая кулаком, с притворным гневом добавил: — Иначе, клянусь вам, если бы эта история превращения овцы в пса не была «первоапрельской шуткой», он черта с два ушел бы от меня безнаказанно!..

ШАЙТАН

Жена Шими была женщина суеверная и очень мнительная. Как-то раз ей приснился шайтан. Задрав козлиную бородку и бойко вертя волосатым, длинным, как у мартышки, хвостом, он долго крутился у них во дворе: паясничал, танцевал, строил гримасы. Но самое ужасное было то, что ее благоверный, сбитый с толку проклятым шайтаном, несмотря на свой почтенный возраст и седую бороду, тоже не отставал от него, кривлялся, паясничал, подражая ему во всем. А между ним и шайтаном, подняв хвост трубой, радостно взвизгивая, прыгала дворовая собака.

Проснувшись, жена долго не могла успокоиться. Она разбудила мужа и рассказала ему о том, что ей снилось.

— Как бы этот дурной сон не принес нам беды, не произошло бы с тобой несчастья, — сказала она с тревогой.

— Э-э-э, чепуха... — скребя подбородок, сонно пробормотал Шими и тут же повернулся на другой бок.

— Нет, пока я не пойду к фолчи* и он не истолкует мне этот сон, пока не напишет своей рукой талисман и не отведет от тебя

* Гадальщик или гадалка.

беды, я не успокоюсь,—продолжала она твердить свое, а потом, вздохнув, прибавила, точно рассуждая вслух:

— Но к фолчи с пустыми руками не подъедешь, придется пожертвовать нашей индюшкой: жалко, конечно, но что делать?

Как только Шими услышал об индюшке, которую он купил недавно и сам собственноручно откармливал, чтобы потом зарезать на праздник, у него сразу пропал сон.

— Ай жена, клянусь памятью твоих усопших родителей, все эти сны сами по себе ничего не значат, — принялся он увещевать и вразумлять жену. — Сны видят не только люди, но и птицы и животные. Курице, например, обычно снится зерно, кошке — мышь, собаке — кость, а моему ослу — его подруга: у кого что на уме. А с чего тебе приснился шайтан — ума не приложу? Прошу тебя, не делай глупости — не ходи к этому шарлатану, не губи зря нашу индюшку.

Но жена не вняла доброму совету мужа. Встав с постели, она оделась на скорую руку и, прихватив из сарая индюшку, поспешно отправилась за «спасительным» талисманом.

Часа через два жена вернулась, довольная и веселая. Увидев Шими, дожидавшегося ее во дворе, она с радостной улыбкой протянула ему талисман, зашитый в пестрой тряпке.

— Надень его себе на шею, чтобы шайтан, да чтоб он сгинул, не приставал к тебе, — произнесла жена.

Шими, не сказав ни слова, взял талисман и тут же поймав дворовую собаку, привязал его ей на шею.

— Ай муж, побойся бога, что ты делаешь?! — закричала жена. — Кто вешает собаке на шею талисман с заклинанием, за который я заплатила целую индюшку? О горе! Скажи, где ты пропадал, когда бог раздавал людям ум-разум?

— Ай жена, зря ты кипятишься, ей-богу, — возразил Шими. — Этот талисман ей, собачке, нужнее, чем мне. В отличие от меня она все время во дворе. Если шайтан вздумает еще раз пожаловать к нам, то собака первой увидит его. И он, заметив талисман у нее на шее, сразу убежит за версту. А что касается того, где я пропадал, когда бог раздавал людям ум-разум, то, наверно, был занят тобой, поэтому и лишился этого божьего дара. Будь я, несчастный, с умом-разумом, разве я женился бы на такой дуре, как ты!

КАК ШИМИ СТАЛ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Шими, осуждая пьянство, не раз наставлял других:

— Пьянство — это зло, а пьяный — сродни сумасшедшему. Он может, сам того не ведая, натворить такое, что никогда бы не сделал будучи трезвым. Да и с ним самим может произойти что угодно. Поэтому мой совет вам: держитесь подальше от греха — не употребляйте хмельного!.

Но случилось так, что однажды вскоре после такого нравоучения Шими сам оказался сильно под мухой и как рассказывают, потерял не только своего любимого осла, но и сам едва не распрощался с жизнью.

Как-то ранней весной Шими по заданию своего бригадира отправился верхом на осле в лес, чтобы изготовить таркалы для виноградных кустов, шесты и подпорки — для сторожевых шалашей.

Когда Шими подъехал к лесу, на опушке он встретил двух незнакомых людей, которые только что приступили к трапезе. На разостланной перед ними маленькой скатерти стояла еще непочатая бутылка не то с самогоном, не то с водкой, лежали хлеб и закуски. Поравнявшись с ними, Шими вежливо поздоровался* и, пожелав им приятного аппетита, хотел было проехать дальше, но те сразу вскочили с места и начали всячески просить, уговаривать его оказать им «честь», разделить с ними «хлеб-соль».

Шими благодарил, но всячески отнекивался, ссылаясь на неотложные дела. В конце-концов, не желая показаться неучтивым, уступил их настойчивым просьбам.

Они посадили Шими как почетного гостя между собой и, «от чистого сердца» поднося ему чарку, попросили выпить «за знакомство». Сотрапезники показались Шими очень приятными людьми, поэтому, когда они предложили ему вторую чарку, на этот раз за «дружбу», он счел неудобным отказать. Но после второго бокала, быстро охмелевший Шими, потеряв над собой контроль, пил уже безотказно, сколько бы его не угощали.

Когда Шими, горячо обнимаясь, расставался со своими новыми друзьями, он едва держался на ногах./

Как только Шими въехал в лес, он, не слезая с осла, уронив голову на грудь, сразу заснул. А новые «друзья» Шими, оказавшиеся просто мошенниками, только этого и ждали. Бесшумно подобравшись к нему, они осторожно подняли его вместе с седлом и также осторожно посадили на лежавший рядом толстый ствол поваленного грозой дерева, а животное увели с собой.

* По обычаю первым должен приветствовать встречного тот, кто едет верхом.

Через некоторое время Шими проснулся, но продолжал еще находится под винными парами. Уверенный в том, что сидит на осле, он открыл глаза и тут же обмер, увидев себя верхом на стволе. Хмель сразу выскочил у него из головы, и он тотчас же кинулся искать своего вислоухого. Думая, что он бродит где-то неподалеку и если услышит ослиный крик, то сейчас же отзовется и прибежит на голос, Шими начал изо всех сил реветь по-ослиному.

В то время, когда Шими, надрывая горло, оглашал лес «ослиным криком», стая голодных волков, рыскавших в поисках добычи, прибежала на его голос и окружила Шими со всех сторон. Увидев хищников, Шими онемел от ужаса.

Неизвестно, чем бы все это кончилось для Шими, если бы по счастливой случайности в это время не оказался по близости охотник. Увидев попавшего в беду старика, он выстрелами из ружья разогнал зверей, а потом, обратившись к Шими, спросил:

— Скажите, пожалуйста, это вы кричали здесь по-ослиному?

— Да, я, — нехотя признался Шими, пряча глаза и скорбно вздыхая.

— Честное слово, вы так естественно и неподдельно подражали ослиному реву, — со скрытой улыбкой произнес охотник, — что не только волки, но и я, извините, прешным делом, думал, что это действительно ревет ишак...

— Э-эх, сынок, не надо извиняться, — грустно промолвил Шими, — не будь я, разрази меня, настоящим ослом, разве стал бы так бездумно и легкомысленно пренебрегать добрым советом, который я давал другим, чтобы потом на весь лес кричать по-ослиному?!

«БОГ — ВЕЛИК...»

Давно, когда Шими был бедняком, он однажды в ненастный осенний день сидел дома у печки, задумчивый и печальный.

— Ай муж, ты чего так загоревал, повесил голову? — с ласковым участием спросила его молодая жена.

— Ай жена, как мне не горевать, — грустно промолвил Шими. — Денег у нас нет, муки дома нет, работы тоже нет, а долгов столько, что голова пухнет, когда об этом думаю.

И Шими начал перечислять имена тех, у кого он взял деньги в долг, но еще не возвратил. Оказалось их довольно много. Но жена, желая подбодрить упавшего духом мужа, сказала:

— Ай муж не изводи себя напрасно. Бог — келе*, как-нибудь расплатишься с долгами.

* Келе — большой, великий, но Келе означает и мужское имя.

Шими, едва, выслушав жену, тотчас же воскликнул:

— Ай жена, я совсем забыл сказать, этому проклятому Келе тоже я должен!

КАК ШИМИ ПРИНЯЛИ ЗА СУМАСШЕДШЕГО

Однажды правление колхоза в торжественной обстановке вручило Шими за хорошую работу бесплатную путевку в один из лучших кисловодских санаториев. От нарзанных ванн и целебного горного воздуха старик за время приятного отдыха заметно поспешил и помолодел. И он в самом лучезарном настроении уже собирался было выехать домой, как с ним приключилась удивительная история, которую трудно даже себе представить.

..Поезд, на котором должен был ехать наш курортник, опаздывал. В ожидании его Шими бесцельно слонялся по перрону, дымя трубой и томясь ожиданием. В конце перрона в одном из покурортному красивых и нарядных киосков продавали лотерейные билеты. Шими никогда не интересовался лотереей — он не верил в лотерейное счастье, по крайней мере, для себя. Но от нечего делать подошел к столпившимся возле киоска людям и с легкой усмешкой стал наблюдать со стороны.

Билеты, как заметил Шими, продавались здесь какие-то необычные. Они были закрытые, свернутые в маленькие тоненькие прямоугольнички, с крохотной пломбой и ниточкой. Самое интересное то, что кто приобретал билет, мог тут же, не сходя с места, узнать, выпал ли на его билет выигрыш или нет. Для этого надо было лишь дернуть за ниточку, развернуть билет и прочесть, что в нем написано. Заинтригованный этим, Шими, вопреки своему убеждению, с озорной улыбкой подошел к маленькому окошку, за которым сидела симпатичная девушка, и тоже купил у нее лотерейный билет. Заранее уверенный в том, что рубль, заплаченный за него, — выброшенный на ветер, Шими тем не менее с интересом развернул и... не поверил глазам своим: он выиграл! Притом выиграл не какую-нибудь безделицу, а — целую машину — «Волгу»!..

Присутствующие, разбираемые любопытством, окружили Шими и принялись дружно поздравлять его с выигрышем. Тесня друг друга, каждый старался хоть краешком глаза взглянуть на счастливый билет. А один, косматый, подвыпивший парень, без одного переднего зуба во рту, весело визжа и громко восклицая, радостно обнимал Шими, точно отца родного, то и дело хлопал его по груди, спине и бокам.

Наконец, когда подошел поезд, Шими, счастливый и радостно возбужденный побежал искать свой вагон. Билет на поезд он купил заблаговременно, когда еще отдыхал в санатории, и заранее

сообщил домой: в какой день, каким поездом выезжает и в каком вагоне следует встречать его. Подойдя к своему вагону, воле которого стоял толстый, огромного роста кондуктор со строгим начальственным видом, Шими полез в карман за кошельком, где должен был находиться билет, но к своему удивлению и огорчению, ничего не обнаружил. Косматый парень без переднего зуба во рту, горячо обнимавший его в толпе людей, просто-напросто оказался карманщиком. И Шими пришлось рассказать кондуктору о своей беде — пропаже билета.

— Ничего, дед, — вдруг став приветливым, успокаивающе проговорил кондуктор, — не волнуйся, заплатишь — повезем, не оставим...

— В том-то и дело, товарищ начальник, — старик всех, кто носил форменную фуражку, независимо от чина, из уважения к их службе почтительно называл «начальником», — билет-то у меня пропал вместе с кошельком..

И Шими тут же, не без гордости, начал объяснять ему, что пусть, пожалуйста, «товарищ начальник», не думает, что он какой-нибудь бродяга или непутевый человек. Он — честный, порядочный гражданин, заслуженный колхозник, отец большого семейства. Его на вокзале будут встречать сыновья и внуки, которые знают, что он должен сегодня выехать этим поездом, этим же вагоном. И что сразу по приезду на место он заплатит ему да еще душевно отблагодарит.

Пока Шими ждал согласия кондуктора, лицо которого вновь приняло строгое и важное выражение, пассажиры, спеша и толкаясь с чемоданами и узлами, а иные с детьми, стали подходить к вагону. Кондуктор, грубо отстранив Шими рукой, недовольно предупредил:

— Не загораживайте дорогу пассажирам, гражданам, не мешайте работать!..

Шими не знал, что делать. Как только последний пассажир вошел в вагон, он сделал еще одну попытку уговорить кондуктора. Шими обещал отдать ему в качестве залога свою папаху. Правда, она у него простая, овечья, и далеко не первой свежести. Но она дорога ему: ведь мужчина носит папаху не для того, чтобы предохранить голову от жары или холода, а как символ мужской чести и достоинства.

— Да убирайся ты к чертям собачьим со своей па-пахой! — раздраженно крикнул на него кондуктор. — Вот еще! Пристал, как банный лист...

Шими с тяжелым сердцем отошел в сторону. До отправки поезда оставались считанные минуты. Он торопился скорее попасть домой, увидеть детей, обнять внуков, по которым за месяц в разлуке успел сильно соскучиться, и обрадовать их приятной вестью

о выигрыше. И вот вместо этого он вынужден топтаться тут и глядеть, как твой поезд уходит перед носом, оставляя тебя здесь, среди незнакомых людей, без гроша в кармане.. Кроме того, что подумают старуха, дети, если не встретят его этим поездом?

Подгоняемый отчаянием, Шими, улучив момент, когда внимание кондуктора было отвлечено каким-то делом, с несвойственным для его лет проворством прыгнул на подножку и быстро проскочил в вагон. Спеша и волнуясь, он зашел в первое попавшееся купе, где сидели седая старушка с маленькой внучкой и молодой мужчина в очках, с книгой в руке. Шими, кряхтя, с трудом взобрался на верхнюю свободную полку и, положив под голову папаху, притворился спящим.

Не прошло и минуты, как поезд тронулся. Вскоре в купе вошел кондуктор. Удивленно взглянув на Шими, он сразу подошел к нему и стал его тормозить. Но Шими нарочно начал громко храпеть, будто спит без задних ног. Кондуктор, разгадав его хитрость, все же заставил его подняться. Он предложил ему немедленно освободить полку и следовать за ним. Шими, не двигаясь с места, посмотрел на него со страхом и ненавистью, как на самого Азраила. Он боялся, как бы этот черствый и безжалостный человек не высадил его, старика, среди дороги. Рука Шими, помимо его воли, потянулась к нагрудному карману за лотерейным билетом. Мучаясь и страдая, словно вытаскивая из кармана не билет, а отрывая от себя живой кусок, он протянул его кондуктору, чтобы тот отстал от него. Несмотря на то, что у Шими в эту самую минуту на сердце скребли кошки, он все же заставил себя мужественно улыбнуться и с деланной бодростью и великодушием сказал ему:

— Возьми, начальник!.. Дарю тебе «Волгу»! — пишкеш!

Кондуктор, ничего не понимая, несколько раз изумленно посмотрел то на лотерейный билет, то на Шими, а потом вдруг, покраснев, как рак, закричал, потрясая перед носом ошеломленного старика его лотерейным билетом:

— Ты что это, старый плут, мошенник?!.. Посмеяться надо мной вздумал?! Одурачить?! А ну слезай сию же минуту!.. Я тебе покажу этого «пиш-пиш»!.

Недоумевающие пассажиры в купе, узнав от разгневанного кондуктора, что старик вместо проездного билета подsunул ему «фальшивый» лотерейный билет с «Волгой», посмотрели в свою очередь на Шими с удивлением и осуждением. На возмущенный голос кондуктора, гремевший теперь по всему вагону, прибежали люди из соседних купе.

Мужчина в очках, отложив книгу и поправив очки, с медлительной важностью поднялся с места. Он взял у кондуктора лотерейный билет, внимательно осмотрев его со всех сторон, загадочно

улыбнулся. Затем с видом всезнающего оракула, обращаясь к набившимся в купе пассажирам, глубокомысленно изрек:

— Я, товарищи, как юрист и психолог, могу по этому поводу дать следующее авторитетное заключение. Если этот билет, который я сейчас держу в руках, поддельный, фальшивый, то предъявитель его, — он ткнул пальцем, точно копьем, в сторону Шими, — безусловно мошенник, притом закоренелый и очень опытный, поэтому подлежащий самому строгому наказанию по известным статьям уголовного кодекса о взломщиках, фальшивомонетчиках и других наиболее социально опасных преступниках... Но если он у него настоящий и, несмотря на это его обладатель вместо обычного железнодорожного билета с легким сердцем решил отдать лотерейный билет такого достоинства, то он вне всякого сомнения — сумасшедший, которого ради безопасности окружающих следует как можно скорее...

Старуха не дожидаясь, пока юрист закончит свое «авторитетное заключение» и скажет, что в таком случае следует делать с этим странным стариком-пассажем, быстро схватила внучку за руку и поспешно покинула купе. А сам Шими весь покрылся холодным потом. Оставив в чужих руках свой счастливый, вернее, злосчастный билет, Шими быстро схватил свою папаху и, прижав ее руками к животу, сделал вид, что ему позарез нужно сейчас выйти по нужде, иначе не миновать греха. Выбравшись из купе, он почти бегом направился в конец вагона. И как только поезд остановился на ближайшем полустанке, Шими через тамбур бросился в соседний вагон и, прыгнув на землю, пустился бежать во весь дух, точно от смертельной опасности. Лишь когда поезд тронулся и скрылся из виду, он немного успокоился, пришел в себя, а потом, заново переживая только что случившееся с ним в поезде, сокрушенно спрашивал себя:

— Кто же в конце концов из нас троих действительно сумасшедший? Верзила-кондуктор, мужчина в очках, назвавшийся юристом, или я сам, разрази меня гром вместе с ними?!

ВЕРЬ ГЛАЗАМ, А НЕ УШАМ

Однажды поздно вечером сосед Шими, вернувшись домой на взводе, учинил скандал с женой. Она принялась громко кричать, что муж бьет ее, и звать на помощь. Шими, услышав ее крики, проснулся, быстро встал с постели. Но пока Шими впотьмах искал брюки, одевался и выбежал во двор, драка между супругами, видно, прекратилась: не было уже слышно ни плача, ни крика соседки, ни тем более ее призыва о помощи. Шими, успокоившись, вернулся к себе домой.

Но вскоре по жалобе соседки состоялся суд. И Шими вызвали свидетелем. На суде Шими подтвердил, что он действительно слышал, как сосед избивал жену и как она звала на помощь.

Но судья приходился родственником ответчику. И он тоном выговора сказал Шими, что для суда достоверно не то, что слышал свидетель, а то, что он видел своими глазами, поэтому, мол, и говорят: «Верь глазам, а не ушам».

Шими, сконфуженный и огорченный, вернулся домой и рассказал жене, как судья выставил на посмешище его свидетельские показания.

Через несколько дней случилось тому самому судье выступить с лекцией в колхозе, где работал Шими, на тему «Человек и закон». Как и все другие колхозники, Шими был заранее предупрежден об этом. Перед тем как пойти на лекцию, он попросил у жены, чтобы она дала ему темные очки, которые летом носит их младший сын.

— Ай муж, на что тебе, старику, темные очки? — поинтересовалась жена. — Ты их никогда в жизни не носил, тем более на дворе сейчас не лето, а осень? Да и от людей как-то неудобно, смеяться будут над тобой.

— Ты, конечно, права, — согласился Шими. — Но дело в том, что сегодня вечером наш уважаемый судья собирается читать нам лекцию. Не знаю, может, как судья он толковый, но как лектор, говорят, никуда не годится. Если верить хабарам, на его лекциях бывает так скучно, что многие просто спят. Уткнувшись в бумагу, он не видит никого и ничего вокруг себя и бубнит себе под нос.

— Может, все это так, но причем тут темные очки? — сказала жена.

Шими с досадой посмотрел на нее, а потом произнес:

— Коли ты такая несообразительная, я сейчас тебе объясню. Во время его лекции, как я почувствую, что начинаю клевать носом, так я тут же надену эти очки для маскировки, и судья не узнает, что я сплю.

Жена, поняв наконец, почему мужу понадобились темные очки, всерьез забеспокоилась.

— Ай муж, неужели ты не знаешь, что тебе стоит смежить глаза, как ты сразу начинаешь так громко храпеть, что покойник, не про нас будь оказано, и то проснется. Судья сразу догадается, что ты постыдно дрыхнешь на его лекции и, не взирая на твою седую бороду, сделает тебе выговор перед джамаатом.

Шими, хитро усмехаясь в бороду, принялся успокаивать жену.

— Ай жена, ей богу, ты зря волнуешься. Пусть только он посмеет сделать мне замечание, я, клянусь могилой твоего отца, тут же осажу его.

— Как? — усомнилась жена.

— А вот так. Я ему скажу: «Вы, почтенный судья, своими глазами не видели да и не могли видеть, что я сплю — на мне темные очки. Вы только слышали мой храп. Не вы ли сами мне говорили на суде, отвергая мои показания по делу моего соседа — вашего родственника: «Верь глазам, а не ушам?..» Не хорошо, тем более, народному судье, говорить одно, а делать другое.

ШИМИ НА ЮБИЛЕЕ

Как-то раз Шими узнал, что сегодня работники горжилуправления чествуют своего начальника по случаю его пятидесятилетия. Последнее время Шими не раз ходил к нему с просьбой, чтобы в его доме произвели ремонт: перекрыли прохудившиеся полы, заменили старые пришедшие в негодность трубы, поставили новые двери, рамы — и все без толку. Начальник горжилуправления под разными предлогами: то людей не хватает, то досок нет для перекрытия полов, то трубы еще не поступили — отказывал ему в просьбе. Иной раз, Шими стоило раскрыть рот, чтобы напомнить ему о своей нужде, как он сразу же, несмотря на почтенный возраст Шими и его седую бороду, грубо обрывал старика и отгонял прочь.

И вот, узнав, что начальника горжилуправления собираются чествовать, Шими, быстро захватив свое заявление, помчался туда.

Когда Шими, запыхавшись от быстрой ходьбы, пришел в горжилуправление, то увидел, как за столом, покрытым ярким зеленым сукном и заставленным хрустальными вазами с благоухающими букетами роз, важно, точно шахиншах на троне, сидит начальник горжилуправления — плотный мужчина с большой и круглой, как футбольный мяч, бритой головой и неприветливой высокомерной физиономией. Празднично одетая секретарша, молодая бойкая женщина со звонким голосом громко и торжественно читала с трибуны текст приветственного письма начальнику «от имени коллектива», в котором перечислялись его «заслуги и достоинства».

Как только оратор под жидкие аплодисменты присутствующих сошел с трибуны, его место сразу занял Шими. Начальник, увидев его, вытаращил глаза и беспокойно заерзал на месте, боясь, как бы Шими своими выпадами против него не испортил ему юбилей.

Но вопреки опасению юбиляра, Шими принялся хвалить и превозносить его. Закончив свою речь, он тут же подошел к юбиляру и положил перед ним свое заявление о ремонте. Тому ничего не осталось другого, как наложить резолюцию — «удовлетворить!..», тем более, старик не ругал, а хвалил его. И вот, когда Шими, нарочно задерживаясь на месте, с довольным видом неторопливо засовывал бумагу в карман, один из работников горжилуправления,

молодой человек, возмущенный выступлением Шими, сказал ему:

— Дядя Шими, я все время считал вас честным, порядочным человеком, но вы меня разочаровали. Судя по тому, как вы сейчас безбожно хвалили и превозносили нашего начальника, зная, кто он такой, вы, извините меня, порядочный лгун и подхалим.

Шими, однако, не обиделся на запальчивую критику молодого человека.

— Я, сынок, честно говоря, ожидал что кто-нибудь из вас бросит мне такой упрек, — произнес Шими, — поэтому я заранее приготовился дать на это нужный ответ.

— Не надо! — махнув рукой, сердито произнес парень — Все ясно, как божий день.

— Нет, не все ясно, — возразил Шими. — Я сейчас объясню, почему я только что выступил с похвалой в адрес вашего начальника... Видите ли, когда мы с вами бываем на овадыбах, если даже невеста не красива собою, да и жених не ахти какой из себя, мы все равно говорим из приличия: «Пусть здравствуют наша прекрасная роза и влюбленный в нее соловей», иначе свадьба — не свадьба.

— А наш начальник не жених, а тем более не невеста! — громко посмеиваясь, с иронией заметил кто-то из сидящих в заднем ряду.

Шими, который сам любил шутку и острое слово, тоже засмеялся, а потом сказал:

— Правильно, ваш начальник — не жених и не невеста, но, к сожалению, он юбиляр, именинник. А об имениннике на именинах, как и о женихе на свадьбе, каким бы нехорошим он ни был, не принято говорить плохое, иначе юбилей — не юбилей..

«НЕ ВСЯКИЙ ВЫПАЧКАВШИЙСЯ МУКОЙ — МЕЛЬНИК»*

Один из близких кунаков Шими, проживающий в селении, пригласил его на свадьбу своего сына. Чтобы сделать приятное кунаку, Шими купил жениху в подарок дорогую каракулевую палатку с красным бархатным верхом и, взяв с собой сына, поехал на овадыбу. Как только Шими вступил в селение, какой-то молодой человек неожиданно налетел на старика и, чуть не сбив с ног, выхватил свадебный подарок, который он держал под мышкой, и пустился наутек.

Шими и его сын, возмущенные наглой выходкой вора, погнались за ним. Похититель, заметив за собой погоню, перебежал через все село, спустился в лошину, где стояла мельница, и скрылся в

* Пословица.

ней. Папаху спрятал в бункер с пшеницей для помола, а сам выпачкался с ног до головы мукой, чтобы преследователи не узнали его. Но Шими, как только увидел вора, сразу разгадал эту хитрость и схватил его за шиворот.

— Или ты вернешь сейчас же мне папаху или, клянусь небом, я вышибу из тебя дух вон! — замахнувшись на него кулаком, вне себя от ярости закричал Шими.

Но сын, сразу подскочив к отцу, удержал его руку.

— Отец, не бей его! Разве ты не видишь, что перед тобой не вор, а мельник?!

Вор, воспользовавшись замешательством Шими, вырвался из его цепких рук и — поминай как звали. Потеряв надежду вернуть папаху, взбешенный Шими кинулся на сына. Срывая на нем зло, он принялся колотить его, сердито приговаривая:

— Вот тебе, дурья башка, за то, что ты до сих пор не знаешь такой простой вещи: не всякий вымазавшийся сажей — кузнец и не каждый выпачкавшийся мукой, как этот проходимец, укравший у нас папаху, — мельник!.

ЖЕРТВЕННЫЙ ПЕТУХ

Был канун праздника жертвоприношения. Как только Шими вернулся с колхозных садов, где он работал целый день, его набобная жена, с нетерпением ожидавшая возвращения мужа, сказала ему:

— Ай муж, пока еще не совсем поздно, отправляйся немедленно на базар, купи одного жертвенного петуха для тебя и одну жертвенную курицу для меня, покрутив их над нашими головами, как этого требует священный обряд, перенесем на них наши грехи и будем чистыми перед богом.

Шими сейчас до смерти не хотелось отправляться на базар. Он очень устал и порядком проголодался, а на плите варился хинкал, распространяя по комнате аппетитный запах.

— Ай жена, клянусь памятью твоих усопших, никакого греха или вины я за собой не чувствую, — принялся он растолковывать ей. — Я, например, никогда никого не обманывал ради своей личной выгоды, как это делает твой милый братец-мясник, выдавая покупателям козлятину за баранину, третий сорт мяса за первый, чтобы набить себе карман. Всю жизнь я добывал себе хлеб насущный честным трудом. Это раз. А во-вторых, что это за порядок: почему бедный петух должен подвергаться такому шельмованию и позорной смерти за мои или чужие грехи? Я еще мог бы понять, если бы священный обряд, допустим, потребовал наказать его такой смертью за безнравственное поведение — многоженство.

Но многоженцами были и святые пророки, халифы, султаны, которые считали себя наместниками бога на земле. Столько жен, сколько было, например, у любимца бога даря Соломона — семьсот жен и триста наложниц — даже самому любвиобильному петуху никогда не снилось..

Шими собирался привести и другие доводы о нелепости этого обряда, лишь бы не идти на базар и поскорее приступить к ужину, но жена, не на шутку разозленная богохульством мужа и тем, что он так нелестно отзывался о ее братце, закатила ему такую сцену, что Шими, сразу прикусив язык, скорее схватил корзину и побежал на базар.

Вскоре Шими вернулся, неся в корзине петуха и курицу. Он молча поставил корзину в угол. Затем, взяв из нее курицу, сел посредине комнаты. Держа птицу за ноги, он начал крутить ее над головой, промко произнося слова молитвы-заклинания.

Жена, видя, что Шими вместо петуха крутит над головой курицу, сразу подскочила к нему и схватила за руку.

— Ай муж, побойся бога, что ты делаешь? — в сердцах крикнула она. — Почему ты крутишь над головой курицу, а не петуха, нарушаешь обряд? Ты же, разрази тебя, как-никак мужчина, а не женщина?!

— Ай жена, ради твоих покойников отстань от меня. Сам знаю, что делаю! — в тон ей произнес разозленный Шими, с трудом удерживая в руке курицу, которая, испугавшись перепалки между женой и мужем, начала тревожно кудахтать и неистово хлопать крыльями так, что от нее летели перья во все стороны. — Какой я мужчина! Будь я действительно мужчиной, разве я послушался бы такой полоумной женщины, как ты?!

КАК ШИМИ ОТБЛАГОДАРИЛ БОГА ЗА ЕГО «ПОМОЩЬ»

Когда Шими женился, у него в течение ряда лет рождались одни девочки. Он очень расстраивался и сердился на свою супругу. Вина в этом только жена, думал Шими: у нее и мать была такая же — рожала одних девочек, яблоко от яблони недалеко падает. Теперь по ее милости, как говорится, «арба с девочками опрокинулась у дверей его дома». И Шими очень печалился, что из-за этого, как ему казалось, врожденного недостатка супруги, он может остаться на всю жизнь «хьомолом».

А жена считала, что в их беде виноват только муж. Он не почитает бога, не посещает божий храм, не молится, поэтому и бог немилостив к нему. Говорится же: «Как слепой смотрит на бога,

так и бог смотрит на слепого». Она много раз пыталась «вразумить» своего мужа, но все без толку.

Однажды Шими решил хоть раз последовать совету жены. Как-то поздно вечером, за несколько часов до того, как жена должна была разродиться, Шими пришел в молитвенный дом, когда в нем никого не было, кроме хромого служки, одновременно выполняющего и обязанности сторожа. Шими сразу взобрался на амвон и, молитвенно воздев очи и руки, громко произнес:

—О, господь наш, Царь Вселенной, прошу тебя: яви свое чудо, сделай так, чтобы ребенок, который у нас должен вот-вот родиться, если он девочка — превратился бы в мальчика. Ведь тебе, сотворившему прародителя нашего Адама «из праха земного», а его жену — Хеву — из ребра адамова, — это суший пустяк, раз плюнуть.. Если ты, о боже, — продолжал Шими, — осчастливишь меня сыном, я обещаю твоему храму принести в жертву свою дойную корову.

Случилось так, что пока Шими возвращался обратно, его жена в добрый час благополучно разрешилась сыном.

Шими чувствовал себя на седьмом небе. Но проходили дни, недели, а он не торопился исполнить свое обещание всевышнему. И лишь спустя месяц Шими, захватив веревку, зашел в сарай, чтобы отвести корову на пожертвование молитвенному дому. Но, взглядев на свою скотину, хорошо ухоженную, упитанную, покорную и ласковую, притом единственную в хозяйстве, заколебался. К тому же в душе, в отличие от набожной суеверной жены, он не очень-то верил в божьи чудеса.

После недолгого раздумья, решительно отбросив веревку, Шими для очистки совести захватил вместо коровы петуха и бодро направился в молитвенный дом. Петуха ему было не жалко, тем более, он был худой и очень старый, давно уже не бегал за курами, не кукарекал, сидел целыми днями в углу в сарае на соломе и дремал от слабости.

Служка, наслышанный о том, что у Шими родился сын, был очень рад его приходу, но увидев, что тот пришел без коровы, крайне удивился.

— Ай Шими, где твоя обещанная жертва? — с недоумением спросил он.

— Вот она! — показывая на петуха, которого он держал под мышкой, с серьезным видом произнес Шими.

Услышав это, служка пришел в негодование.

— Ай Шими, как тебе не стыдно?! — закричал он. — Ведь ты обещал, если твоя жена с помощью бога родит сына, то пожертвуешь корову, а вместо коровы ты притащил какого-то дохлого петуха?!

— Слушай, почтенный! — с веселой усмешкой проговорил Шими. — Без меня моя жена, клянусь твоей головой, не то, что сына, и дочку бы не родила. А ты кричишь как на базаре: «бог ей помоги!» Если хочешь знать, за такую, с позволения сказать, «помощь», такая жертва, как этот петух, — и то много...

КАК ШИМИ «РАЗВОДИЛСЯ» СО СВОЕЙ СТАРУХОЙ

Второе письмо Шими автору

«Мир и здравие тебе, сын мой!

Не знаю, как и с чего начать — голова кругом идет. Такая беда со мной стряслась — хоть караул кричи! Виновата во всем моя старуха, да чтоб ее трясла болотная лихорадка. Сказано же: «От жены начало греха и через нее все мы пропадаем...», пропади она пропадом. Но я постараюсь взять себя в руки и рассказать тебе как можно покороче и по порядку. Вот послушай.

Последние два года, как ты знаешь, я работал заведующим колхозной животноводческой фермой. Хотя я по закону давно — пенсионер и, казалось бы, чего мне, старому надо? Сиди дома, копайся потихоньку в своем огороде, забавляйся с внуками, дай бог им здоровья, болтай со своей старухой о всякой всячине и не суй свой нос куда не следует. Но мне не сидится дома, точно бес во мне сидит. Знаешь, с другой стороны меня тоже понять надо. Всю жизнь привык на работе с людьми, а со старухой я и раньше не находил общего языка. Люди мы совсем разные, хоть столько лет муж и жена. Но не об этом сейчас речь. Я хочу сказать, что пенсионером я числюсь только на бумаге, а все эти годы продолжаю работать наравне с другими.

Ты, наверно, про себя думаешь: ну, что, мол, тут плохого? Причем тут твоя старуха, болотная лихорадка и все такое прочее?.. А я, сын мой, не говорю, боже упаси, что это плохо. Наоборот, я рад, что у меня, несмотря на мои преклонные годы, есть еще, как говорится, порох в пороховницах. А что касается ее, моей старухи, будь она трижды неладна, сейчас о ней я и поведу разговор.

Позавчера утром приезжаю верхом на своем осле с фермы домой, чтобы прихватить табак для кальяна, сменное белье и еще кое-что необходимое, поцеловать своих милых внуков и тут же в добрый час вернуться обратно на ферму. Открываю калитку, смотрю: что за черт?! Никак старуха моя взбесилась или сошла с ума? Одной рукой размахивая железным вертелом, точно шпагой, а другой, извини, — своей просторной юбкой, она в сильном возбуждении гоняется за нашим красным теленком по двору и кричит как оглашенная.

Я подхожу к ней, с трудом останавливаю и спрашиваю:

— Ай жена, что все это значит? Почему такой харман* устроила во дворе?!

Старуха моя, еле переводя дух, указывает вертелом на взмокшего тельца, у которого от долгого бега бока заходили как кузнечные меха, и со слезами в голосе говорит:

— Да чтоб он сдох! Не теленок, а сущий разбойник! — и потрясая перед моим носом, извини опять, своей юбкой, добавляет: — повесила свою новую праздничную юбку, а он, проклятый, половину ее съел...

Я только сейчас заметил изжеванные и изорванные края, извини, жениной юбки. Но не успел я рта раскрыть, как она, моя благоверная, поставила мне, как сказали бы в таком случае вы, ученые люди, «ультиматум»: или же я сейчас пойду в магазин купить ей подходящий материал для ее новой, извини опять, юбки, или

* Харман — ток, где по кругу гоняют одну или несколько лошадей с молотильными досками для обмолота зерна.

же она убьет эту «зловредную скотину», то есть нашего красного теленка.

С моей старухой, ты знаешь, лучше не спорить — жизни рад не будешь. Наши женщины, обычно, такие послушные, стоворчивые. А эта!.. Именно мне должно было выпасть «счастье» стать ее мужем..

В это самое время пастух собирался вести стадо на водопой. У него вдруг неожиданно схватило живот. День был жаркий, хоть пеки хлеб на солнце. Истомленные жаждой животные, не дождавшись пастуха, сами без него, следуя друг за дружкой, ползлись к ручейку, что течет неподалеку от фермы. Поистине: «Когда волк забредает в отару, чабана тянет по нужде»*. А перед этим, как на грех, на винзаводе соседнего совхоза из огромной цистерны хлынул, как вино из прорвавшегося бурдюка, коньячный спирт прямо в ручей, из которого животные пили воду.

Не знаю, одни говорят, что это произошло по чистой случайности, а другие — наоборот: содержимое в цистерне оказалось, мол, лишним, ни в каких документах не зарегистрированным. Поскольку в это время в совхоз нагрянули ревизоры, оказавшиеся в отличие от иных своих коллег на редкость честными и неподкупными, работники винзавода решили любым путем избавиться от этой «лишней» цистерны: подвели к ней пожарный шланг и весь спирт, содержащийся в ней, тайком, без шума вылили в ручей.

И вот мои бедные животные после такого «водопоя» стали как очумелые. Козел сразу, возомнив себя бог знает кем, пошел драться с буйволом. Быки в ярости сцепились между собой и начали с грохотом ломать друг другу рога, а коровы сбились в кучу и, задрав сверху пьяные морды, затеяли такой хоровод, что их разноголосое, но дружное мычание я услышал еще за версту, не доезжая до фермы.

Как раз в разгар происшествия и принесла нелегкая на ферму нашего председателя, который зол на меня, как сатана, а почему — потом узнаешь.

Приехав на ферму и увидев воочию такие чудеса, он сразу кинулся искать пастуха — пастуха нет, ищет меня — и меня нет. Тогда председатель взялся сам один на свой страх и риск наводить порядок. Схватив большую палку, он данай без разбору колошматить «пьяных дебоширов», пытаясь загнать их в коровник и запретить там, пока они протрезвеют, тем более, некоторые из животных, воспользовавшись отсутствием пастуха, изрядно потоптали кукурузное поле, находящееся рядом с водопоем. А они в свою очередь то ли под винными парами, то ли, вспомнив свою кровную обиду на председателя (а что за обида — узнаешь потом),

* Пословица.

оставили свои затеи и, выставив рога, с угрожающим ревом кинулись на него. А председатель, понятно, испугавшись (не на шутку взбунтовавшихся быков и коров, бросил палку и дай бог ноги.

Теперь самый раз рассказать тебе, почему председатель, да чтоб он провалился, еще раньше, до этой «пьяной свалки» животных на ферме, не взлюбил меня, как своего врага, и что за обида у животных на него, о которой я только что упомянул.

Но сначала для этого я должен, сын мой, поставить тебя в известность, что надоев от наших коровушек кот наплакал. Откуда же быть высоким надоям, если бедная скотина круглый год питается одним подножным кормом: ни тебе силоса, ни комбикормов. Который год силосная яма на ферме совершенно пустует, как, извини, желудок правоверного в дни святого поста. А разговоров о силосе хоть отбавляй. Редко проходит у нас собрание, чтоб наш председатель не заговорил о сочных кормах, о том, как надо поднять надой и тому подобное. Но наш председатель говорит одно, а делает другое. Хозяйство у нас, как ты знаешь, садово-виноградарское, а животноводство вроде — сбоку прилеку.

Я обо всем этом, как есть, рассказал недавно на районном совещании животноводов. Наверно, там были люди и из газеты. Вскоре в ней появилась эта самая «каркатура» на нашего председателя, как он, стоя на краю огромной пустой силосной ямы, засучив рукава, железными вилами швыряет в нее вороха бумаг со своими речами и решениями правления о заготовке силоса, увеличении надоев... А тут не прошло и двух недель после этого, как случилась эта самая пьяная свалка моих коров и быков, во время которой наш председатель едва спасся бегством.

В тот день, вернувшись к себе в контору, он первым делом распорядился отстранить меня от должности завфермой и обязать возместить ущерб, нанесенный колхозной кукурузе.

На следующее утро я выехал домой очень расстроенный и злой. Но больше всех я был зол на свою старуху, пропади она со своей, извини, выходной юбкой. Ведь приди я в тот день хотя бы на час раньше, вся эта кутерьма могла бы не произойти.

Чтобы облегчить душу и утешить свою старуху, я решил наконец дать ей «тологъ»* по обычаю. Для мужчины дать жене тологъ по нашему обычаю, сам знаешь, такое же пустячное дело, как выпить стакан воды. Объяснил ей «тологъ» или написал от руки разводное письмо, передал ей сам или через другого — и делу конец. Только, чтобы не забыл указать: «Ты доселе была моей женой, но теперь я увольняю, оставляю, удаляю тебя...». А она, моя старуха, женщина набожная, признает браки и разводы только по обычаю.

* Тологъ — развод по религиозному обычаю.

Когда я передал ей это самое «разводное письмо» и сказал, что там написано, она, представь себе, и ухом не повела. А я то ли по своей наивности, то ли по глупости думал, что жена испугается и тут же попросит у меня прощения и все такое. Но куда там! Едва выслушав мой «приговор», старуха уперла руки в бока, как гъуччи*, и как пошла честить да бранить меня.

— Кого, — гозорит, — это ты хочешь «увольнять, удалять...», рожа твоя бесстыжая?! Я не прислуга в этом доме, а — хозяйка! Коли, — говорит, — пришла тебе такая блажь в голову или на старости лет вздумал взбеситься — взять себе молодую жену, сам убирайся на все четыре стороны!.

И она тут же бесцеремонно выставила меня за дверь и с того дня близко на порог не пускает. Одним словом, чего тут долго тянуть, со мной и на этот раз получилось как в известной поговорке: «Думаешь — поймал, а смотришь — сам попался».

Прошу, молю тебя, ради нашей многолетней дружбы, как получишь это письмо, оставь все свои дела и примчись сюда, как на пожар, помирить жену со мной. Старуха никого не слушает, а тебя она уважает, любит как родного, — что правда, то правда. Может тебе удастся уговорить, уломать эту строптивую женщину. Вся надежда на тебя.

До скорой встречи. Остаюсь твой преданный по гроб жизни

Шими Дербенди.

КРОВЬ ЖЕНЫ

Однажды с нашим достопочтенным Шими Дербенди приключилось большое несчастье: машина, на которой он ехал, потерпела аварию. Сам Шими сильно пострадал. Жена его, узнав, что для спасения мужа нужно срочно сделать ему переливание крови, попросила врача разрешить ей дать Шими свою кровь. Но Шими, который все время страдал от вздорного и несносного характера своей жены, несмотря на то, что сейчас находился в полуобморочном состоянии, услышав ее просьбу, оразу привстал на койке и громко запротестовал:

— Ни в коем случае! Боже сохрани! — закричал он на всю палату — Пусть лучше я умру, чем ее кровь потечет в моих жилах!..

* Гъуччи — сорви голова, храбрец, задира.

НЕТ ЛЕКАРСТВА ОТ ГЛУПОСТИ

Однажды Шими как обычно рано утром зашел в хлев проводить своего осла и подложить ему корм в кормушку. Но увидев, что осел открыл мешок с ячменем, стоявший в углу сарая, просунул в него голову и за обе щеки уплетает зерно, Шими кинулся отстранять его от мешка. Но осел, разозлившись на хозяина, повернулся к нему задом и с силой лягнул его копытом в бок. Шими, едва успев крикнуть, упал, потеряв сознание. На его крик прибежала встревоженная жена. Увидев лежащего без чувств мужа, она побежала к ветеринарному фельдшеру, который жил у них неподалеку, по соседству.

— Горе мне!.. Беда!.. Осел!.. На помощь! — только смогла выкрикнуть с плачем взволнованная и растерявшаяся женщина.

Сосед, услышав ее голос, решил, что с ослом Шими случилось какое-нибудь несчастье и бедное животное нуждается в его срочной помощи. Быстро захватив свои ветеринарные принадлежности, он бегом поспешил во двор к соседям. Но увидев, что с ослом все в порядке, а в помощи нуждается его хозяин, ветеринар беспомощно развел руками и сказал жене Шими:

— Сестрица, я бессилен помочь твоему мужу. Ослу его — пожалуйста, если бы с ним случилась беда, а ему, к сожалению, не могу. Пока не поздно, давайте вызовем «Скорую помощь».

Жена Шими, не выслушав ветеринарного фельдшера до конца, принялась в отчаянии рвать на себе волосы и громко причитать:

— Ой, горе нам! Для осла и то есть лекарство, чтобы вылечить его, а для моего бедного, несчастного мужа нет ничего! О горе!

Шими как раз в это время пришел в себя. Услышав причитание жены и узнав, чем они вызваны, произнес с горечью:

— Ай жена, да чтоб сгорел твой отец! Осла-то, если он заболит, действительно можно вылечить, но глупость твою, как я вижу, излечить невозможно, если даже с того света придет сам Лукман-хаким.

КАК ШИМИ КУПАЛСЯ В БОРЩЕ

Однажды Шими со своим сыном пришлось вместе побывать в чужом городе. Когда наступило обеденное время, сын повел отца в ближайшую столовую. По его заказу на первое им подали борщ. Шими (то ли до этого никогда не ел борща, то ли просто притворялся), с брезгливой миной помешивая ложкой в тарелке, в которой среди мелко нарезанной капусты с морковью плавал тонкий кусочек черного обезжиренного мяса, спросил:

— Сыну, что это за кушанье?

— Это, отец, борщ.

— И сколько он стоит? — любопытно спросил старик.

— Один рубль, — ответил сын.

Шими, услышав это, очень удивился.

— Слушай, сын! Как им не стыдно?! — громко, с недовольством произнес Шими, демонстративно отодвигая от себя тарелку. — Пусть они придут к нам в Дербент, клянусь могилой своего отца, я тех, кто приготовил это блюдо, искупаю в этом, как его... борще.

Сын, заметив, что люди оглядываются на них, смутившись, сказал Шими:

— Отец, прошу тебя, не говори так. Люди, слушая тебя, подумают, что ты впал в старческое слабоумие, поэтому несешь всякий вздор!

— Какой вздор!? Я истинную правду говорю! — еще больше распаляясь, воскликнул Шими. — Как будто ты не знаешь, что наш прославленный Дербентский консервный завод, который стоит на берегу моря, целыми потоками сливает в него такой борщ, притом ни где-нибудь, а прямо там, где находится городской пляж. Я сам тоже не раз купался в этом борще. Но справедливости ради, сынок, надо сказать, — продолжал Шими, — никто из руководителей завода, дай бог им еще больше ума и сообразительности, ни у кого ни копейки не потребовал за это, несмотря на то, что предприятие их несет большие убытки. А тут за тарелку такой жижи хотят содрать с нас по целому рублю!

ОЧКОВТИРАТЕЛИ

В окрестностях животноводческой фермы, на которой работал наш почтенный Шими, появилась стая волков. Нередко они забегали на ферму и причиняли немалый урон колхозной скотине. Чувствуя безнаказанность, хищники до того обнаглели, что перестали бояться даже людей. Однажды один из них, видно, самый матерый, напал на председателя колхоза, когда тот, выезжая с фермы, садился в машину. Правда, председатель вовремя успел захлопнуть за собой дверцу и дать, как говорится, тягу, но все же от пережитого потрясения заболел и лег в больницу. Находясь там, он дал указание выделить на две недели специальную группу из трех человек для уничтожения хищников в районе расположения фермы. В «спецгруппу» вошли Шими, его звеньевой и бригадир.

Но за две недели «охотники» смогли выследить и убить лишь одного волка. Прежде чем вернуться, они решили написать нечто вроде письма-рапорта председателю, все еще находящемуся в больнице. Составить его попросили Шими.

В первых же строках он от имени своей группы пожелал председателю «скорого и полного выздоровления», а затем указал, что за две недели удалось уничтожить одного волка. Звеньевой взяв у Шими письмо, прежде чем поставить под ним свою подпись, добавил к цифре «1» нуль.

— Пусть будет десять, — сказал он. — Зачем жалеть этих серых и притом признаваться в своей неудаче.

Когда письмо перешло к бригадиру на подпись, он к нулю, представленному звеньевым, добавил еще один.

— Пусть будет сто, — сказал он. — И председателю — приятно, что мы уничтожили столько волков, и нам — польза: будем на хорошем счету у своего руководителя, а может, даже премию получим, — весело прибавил он.

Шими, выражая свое категорическое несогласие, с язвительной насмешкой заметил:

— Хорошо, что с нами нет заместителя председателя колхоза, а то и он прибавил бы к моей единице еще один нуль во имя тех же «благих целей...»

ОСЕЛ С ДИПЛОМОМ

Племянник Шими был ленивым и глупым юношей. В школе он не вылезал из «двоек». Ругая его, Шими иногда называл племянника ослом. Поэтому он очень удивился, когда в один прекрасный день узнал, что «осел» попал в институт и учится в каком-то далеком городе.

Приехав на первые летние каникулы, племянник сразу же, едва повидавшись с родителями, заспешил к дяде не столько для того, чтобы проведать старика и выразить ему свое почтение, сколько — показать себя: вот, мол, гляди каков я!. Пришел он не один, а со своим земляком-однокурсником.

Шими радушно принял гостей, усадил за стол, потом, обращаясь к племяннику, спросил, как ему живется на новом месте, как дается учение? Тот точно ждал такого вопроса и, тотчас же приняв горделивый, самодовольный вид, сказал:

— Хорошо!.. Двоек по крайней мере у меня нет и не будет!.

Шими был приятно удивлен.

— Ого! — весело воскликнул Шими. — Если это так — ты молодец! Я очень рад за тебя.

Земляку-однокурснику, знавшему племянника Шими как плохо успевающего студента, не понравилось, что тот бесстыдно хвастается перед стариком, скрывая правду. И он, не удержавшись, сказал:

— Не он молодец, дядя Шими, а тот, который под видом обес-

печения стопроцентной успеваемости, запретил преподавателям ставить студентам «двойки».

— А если студент не занимается, лоботрясничает или ему просто не дается учение, как тогда?

— Все равно, — произнес юноша, — за двойку у нас несет ответственность не студент, а преподаватель. Хочешь-не хочешь тот вынужден поставить ему «тройку» во имя, так сказать, «обеспечения стопроцентной успеваемости».

Племянник Шими, несколько не смущенный «разоблачением» товарища, с вызовом в голосе произнес:

— Неважно, как я учусь, а важно, что получу диплом.

Шими, услышав это, даже расстроился. Он грустно посмотрел на племянника, а потом промолвил:

— В таком случае, сынок, ты диплом действительно получишь, но от этого ты не перестанешь быть ослом, разве только будешь дипломированным!..

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Сосед Шими Дербенди решил продать свой дом с большим двором, а сам с женой жить у одного из своих детей, которые давно были семейными, самостоятельными.

Шими было очень жаль расставаться с соседом. Они знали друг друга смолоду, много лет работали в одном колхозе, пока не ушли на заслуженный отдых, и теперь часто коротали время вместе.

Соседу тоже не очень хотелось расставаться ни с Шими, ни с домом, в котором прожил весь свой век. И потом, кто знает, как обернется у него жизнь со старухой в семье сына, где будет хозяйничать не она, а сноха: жизнь полна неожиданностей. Но старик был вынужден пойти на это. Его женатый внук и замужняя внучка не имели своей квартиры, жили у родителей, у которых были еще младшие дети. И дед ради внуков решил продать свой дом, чтобы внести необходимый взнос для получения двух квартир в строящемся кооперативном массиве.

Будущий сосед Шими, собиравшийся купить дом его друга, хотя был родом из этого же города, давно не жил здесь. Он еще совсем молодым выехал отсюда и в течение многих лет работал на заготовке шерсти где-то в ставропольских и калмыцких степях, где с середины осени и до разгара весны пасутся многочисленные колхозные и совхозные отары. Как поговаривают, на этом занятии, вернее, на проделках с шерстью он так разжился, набил такую кошу, что денег у него теперь куры не клюют.

Из рассказа соседа Шими знал, что предприимчивый заготовитель намерен прежде чем переселиться сюда, снести дом, который

он купит, а на его месте построить на свой вкус и размах великолепный особняк с гаражами и разными пристройками во дворе. Правда, он еще не полностью заплатил за дом, а внес пока в виде задатка только сумму, до зарезу необходимую другу Шими для уплаты за кооператив. Но между ними был уговор: если заготовитель в течение месяца почему-либо раздумает, откажется от покупки дома, то сосед Шими имеет право не возвращать задатка.

Шими не хотел, очень не хотел, чтобы этот хапуга, к которому он заранее питал отвращение и ненависть, оказался его соседом.

И вот однажды на закате Шими сидел на завалинке перед его домом, когда возле него резко затормозила новенькая легковая машина, поблескивая красным лаком. Из нее неторопливо вышел грузноватый рыжеволосый мужчина с самодовольным и самоуверенным выражением на веснушчатом лице, которому, как говорится, и море по колено и сам черт не брат.

Подойдя к Шими, он поздоровался едва заметным кивком головы, но тут же, взглянув на дом соседа Шими, расплылся в довольной улыбке, обнажив полный рот блестящих золотых зубов. Его открытая рыжая голова, круглые розовые щеки, просторная рубашка кирпичного цвета, как и вся его упитанная фигура на фоне красной машины в свете вечерней зари казались отлитыми из золота. Он, видимо, не знал Шими в лицо, как и сам Шими его. Но у старика сразу екнуло сердце: это он!..

— Ты не знаешь, кто живет справа от этого дома? — показывая глазами на соседний дом справа, обратился он с вопросом к Шими.

Шими нарочно немного помедлил, а потом вместо ответа спросил сам:

— А кто тебя интересует?

— Видишь ли, — после минутного молчания произнес «золотая фигура», — я собираюсь купить этот дом, где ты сидишь. Но в народе говорят: «Прежде чем купить или строить дом, узнай, кто твои соседи...»

Шими одобрительно кивнул головой в знак согласия, а потом, не моргнув глазом, соврал, сказав, что в доме, о котором он спрашивает живет.. милиция.

— То есть не сама милиция, — тотчас же поправившись, уточнил он «для ясности», — а офицер милиции, смелый, толковый и неподкупный, дай бог ему здоровья. А такому человеку как ты, прямо скажу, будет неудобно и небезопасно жить с ним по соседству.

Шими был уверен, что, услышав такое, он побойтся и откажется от намерения купить дом его дорогого соседа, и от этого обоим друзьям будет только хорошо. И, пряча довольную ухмылку, Шими заранее торжествовал в душе.

Шерстовед действительно помрачнел лицом, узнав про такую

неприятную новость, невольно задумался, но уже через минуту, махнув рукой, вызываясь весело глядя на Шими, с привычной для него самоуверенностью произнес:

— Ничего, старик. Я третий калач. До сих пор никто меня за руку не поймал и, думаю, не поймают, а по закону: не пойманный — не вор. — И он, указав на дом Шими, добавил: — Теперь скажи, кто живет слева от меня?

Шими, видя, что просчитался, сильно расстроился. Разочарованно махнув рукой и не глядя в его сторону, он с досадой на себя и на весь свет сердито сказал:

— Да этот самый старый чудака Шими Дербенди, пропади он пропадом!

К великому изумлению Шими, преуспевающий заготовитель «золотого руна», услышав это, вдруг вздрогнул, словно над его головой неожиданно грянул гром, и глаза его округлились.

— Ши-ми Дербенди?! — после короткого молчания испуганно воскликнул он. — Избавь меня бог от такого соседства!

— Почему же? — вновь воодушевившись надеждой, весело спросил Шими. — Чем он вам не нравится?

— Говорят, этот старый плут любит не только совать везде свой длинный нос, но и заглядывать, извини, под чужое одеяло: с кем ты спишь.

Шими было неприятно, что его недоброжелатели и бесчестные люди распространяют о нем такие вздорные слухи. Но в то же время он был рад и доволен, видя, как «тугая мошна» успеет забраться в свою красную машину, чтобы удрать от такого опасного соседства, где с одной стороны — «милиция», а с другой — этот старый насмешник и возмутитель спокойствия — хитроумный Шими.

ВЗГЛЯД НА БУДУЩЕЕ

В один из воскресных дней Шими вышел погулять со своим тринадцатилетним сыном. Мальчик все время увлеченно, без умолку говорил, жестикулируя руками, забывая при этом глядеть себе под ноги. Из-за этого он то и дело спотыкался, а один раз угодил прямо в придорожную канаву, испачкав себя с ног до головы, а в другой — чуть не угодил под колеса проезжавшей машины. Шими сердился на него, но молчал.

Когда отец и сын подошли к городскому скверу, куда направлялись, они встретили дряхлого старика. Он шел медленно, опираясь на палку, с трудом передвигая непослушными ногами и тяжело дыша. Лицо старика было серым, все в морщинах, воспаленные, выцветшие глаза все время слезились, словно он шел

и беззвучно плакал над своей старческой немощью. Шими при виде его охватило глубокое волнение и, застыв на месте, он долго смотрел ему вслед погрузневшим взглядом. Шими хорошо помнил этого старика — некогда знаменитого пехлевана-богатыря, притом одного из самых красивых мужчин, каких ему довелось видеть за всю свою жизнь. Тогда его черные глаза горели радостным блеском и отвагой, а когда он ступал, казалось, земля звенит под ногами.

— Пап, ты чего засмотрелся на этого старикана? — нетерпеливо дернув отца за рукав, спросил мальчик, которому хотелось поболтать еще. — Пойдем!

Шими вздохнул, а потом печально промолвил:

— Я, сынок, смотрю на свое будущее, если, конечно, доживу до возраста этого старика.

— Нет, пап, ты не прав! — весело возразил мальчик. — Будущее человека — это холмик с надгробным камнем, а за этим будущим есть еще другое будущее — ни холмика, ни надгробного камня — ничто.. — с умным видом, как бы хвастаясь своими знаниями, заключил мальчик, видно, повторяя у кого-то услышанные или где-то вычитанные слова.

Шими очень не понравилось то, что сказал сейчас сын. И не на шутку рассердившись, он дал ему сгоряча крепкий подзатыльник.

— За что?! — плачущим протестующим голосом воскликнул обиженный мальчик, потирая рукой горевшую от удара шею.

— За что?! Ты лучше смотри себе под ноги чтобы не спотыкаться на каждом шагу, не упасть в канаву и не угодить под машину, чем смотреть так далеко вперед!. — ответил на это разозленный отец.

«НА БРЫКАНЬЕ ОСЛА НЕ ОБИЖАЮТСЯ»

В одно ясное летнее утро Шими прогуливался в городском саду, дымя кальяном. Наслаждаясь свежим утренним воздухом, он с блаженной улыбкой на лице прислушивался к веселым птичьим голосам, раздававшимся в чаще деревьев, предаваясь возвышенным мыслям. В это самое время он вдруг почувствовал, как кто-то грубо толкнул его ногой в зад и услышал чей-то громкий смех. От неожиданного удара у него изо рта выпала трубка, а сам Шими едва удержался на ногах и чуть не откусил себе язык. Чудесное настроение, в котором он только что пребывал, сразу покинуло его. Удивленный и рассерженный, Шими повернулся назад и увидел перед собой какого-то подвыпившего, весело хохочущего молодого человека. Но тот, взглянув на Шими, сразу обомлел и принялся просить у него прощения.

— Дядя Шими, не обижайтесь на меня, пожалуйста, — проговорил он, обдавая Шими овиушным перегаром, — я это не нарочно, а по ошибке: сзади принял вас за своего дружка-приятеля. Не обижайтесь.

— А мне показалось, что меня брыкнул осел, — произнес Шими, скрывая досаду — А на брыканье осла, сам знаешь, не обижаются.

ШИМИ И ЕГО КУНАК

К Шими однажды поздней ночью приехал его старый кунак из района. После горячих приветствий, сердечных объятий и взволнованных расспросов о здоровье, детях, житье-бытье кунак, сняв с плеча хурджины с гостинцами, уселся на предложенное ему хозяином доме почетное место. После короткого молчания, гость, покачивая головой, сказал:

— Ай Шими, если бы ты знал, что со мной приключилось, когда я с вокзала шел к вам домой. До сих пор не могу успокоиться.

И кунак Шими с возмущением начал рассказывать, как он, проходя мимо городского рынка, неожиданно наткнулся на какого-то грабителя, спрятавшегося в темном углу. Вокруг не было ни души. Сорвав у него с плеч хурджины с гостинцами, а с головы — папаху, вор пытался скрыться, но к счастью, вовремя подоспевшие на крики о помощи дружинники поймали налетчика и вернули хозяину все его вещи в целостности и сохранности, а самого грабителя увели в милицию.

Услышав рассказ кунака, Шими на минуту задумался, а потом вдруг начал смеяться. Кунаку очень не понравилась эта странная выходка Шими, и он с недовольным, обиженным видом спросил его:

— Ай Шими, да чтоб мне было стыдно за тебя: почему ты смеешься? Разве то, что я тебе рассказал — повод для смеха?

— Ай кунак, как мне не смеяться? — произнес Шими в ответ. — Тебя какой-то проходимец пытался ограбить среди ночи около рынка в переулке, и ты сразу поднял шум, закричал «караул!». А меня, старого дурня, чуть ли не каждый день там, на рынке, среди бела дня на виду у всех грабят базарные перекупщики-спекулянты и я молчу, точно воды в рот набравший, никого не зову на помощь, как будто так и надо.. А ты еще удивляешься: почему я смеюсь!..

ШИМИ И ЕГО СОСЕД

Как-то раз в осенний ветренный день Шими, зажигая спичкой свою трубку, нечаянно спалил бороду. Произошел этот несчастный случай, когда он сидел на завалинке перед своим домом. Шими, сразу выпустив из рук трубку, принялся ладонями гасить огонь. Стоявший в это время рядом сосед Шими, желая «сострить» и потешиться над ним, стариком, быстро подскочил к нему и, протянув руки к его бороде, весело произнес:

— Ай Шими, подожди чуть-чуть, дай мне немного погреть руки!

Шими очень не понравилась неуместная шутка соседа и в душе он затаил на него обиду. Случилось так, что месяц спустя после этого происшествия у соседа Шими однажды ночью загорелся сарай. Шими в это время крепко спал, но, услышав крики соседа о помощи, сразу вскочил с постели и как был в одном нижнем белье, выбежал к нему во двор. Оттолкнув плечом соседа, собравшегося выплеснуть воду из ведра на горящий сарай, Шими, протянув руки к пылающему огню, громко взмолился:

— Ай сосед, я совсем озяб. Ради твоих покойников, не бери грех на душу, не мешай мне погреться у твоего огня!

«ПОКОЙНИК» С ЛОШАДИНЫМ ХРАПОМ

Дочь Шими Дербенди в добрый час выходила замуж. Когда до свадьбы оставался всего месяц, жена Шими решила отправить его в один из больших городов, чтобы купить дочери-невесте дорогой импортный гарнитур в приданое. Шими пытался отговорить жену, убеждая ее в том, что в этом нет никакой необходимости. У них самих нет заграничного гарнитура, но они обходятся и несколько не страдают от этого. Зачем нужно залезать в долги, чтобы купить его для дочери и зятя? Разве его отцовская любовь и забота о дочери измеряется этими «лакированными импортными досками» или от них зависит ее будущее счастье с мужем? С него, старика, достаточно, что он воспитал хорошую дочь, дал ей специальность. Да с, конечно, кое-что необходимое для дома и хозяйства. А чего еще? Пусть молодые сами потом купят то, что им нужно или нравится на свои собственные трудовые деньги. Но жена, как всегда, заупрямилась: поезжай за импортным гарнитуром для дочери и все тут!

Вдобавок ко всему жена настояла на том, чтобы в этой поездке Шими сопровождал ее брат, пьяница, дебошир и бездельник. Шими его терпеть не мог и всегда старался держаться от него подальше, как от смертного греха.

— Ты старый, рассеянный и бестолковый, — говорила она, —

тебя любой запросто обманет. А мой брат, хоть и пьющий, но молодой и себе на уме. Он никому не даст обвести себя вокруг пальца.

Как Шими ни убеждал жену в том, что братец ее будет лишь помехой, обузой в дороге, не дай бог, спяна натворит что-нибудь, она твердо стояла на своем.

— Он дал мне страшную клятву: пока не вернется из этой поездки и капли в рот не возьмет, — сказала ему жена в ответ.

Шими скрепя сердце был вынужден согласиться и на это.

Зять и шурина сразу же по приезде на место первым делом устроились в гостинице, а покупкой решили заняться на следующий день, тем более время было уже вечернее. Шими, уставший с дороги, разделся и лег отдохнуть, а шурина, сославшись на то, что у него «кончилось курёво», ушел за табаком, пообещав быстро вернуться.

Вскоре усталый с дороги Шими уснул так крепко, что проснулся лишь к утру. Не увидев в номере ни шурина, ни его одежды, он понял, что братец жены как ушел вчера вечером, так больше не появлялся.

Старик начал волноваться: что с ним? Куда он запропастился? Искать его в этом большом незнакомом городе, все равно что иголку в стоге сена.

Одевшись на скорую руку, Шими уже собирався идти на поиски шурина, как в номер к нему вошел милиционер. Он вежливо поздоровался со стариком и попросил его пройти с ним в участок. Шими сразу понял, что неожиданный визит милиционера в такую рань связан с «загадочным» исчезновением брата жены. Он послушно, даже с некоторым облегчением последовал за милиционером.

Здесь, в участке Шими, сгорая от стыда и кипя от злости, узнал о вчерашнем приключении своего непутевого родственника. Нарушив свою «страшную клятву», он вчера, как только вышел из гостиницы, сразу же отправился в винницу, где просидел до позднего вечера, пока не пропил все денежки, которые дала ему сестра на «карманные расходы». Возвращался он последним трамваем, переполненным пассажирами. Он стоял, еле держась на ногах. Рядом сидела, прикрыв глаза, очень пышная, румянолицая женщина с широкой грудью. У одной остановки трамвай вдруг резко затормозил и пьяный, покачнувшись, как подкошенный упал на колени пышнотелой дамы. Уронив лохматую голозу на ее грудь, он в то же мгновение погрузился в глубокий сон. Испуганная женщина, едва успев крикнуть, упала в обморок, а пьяного так и не смогли добудить.

Наутро, когда «весельчак» очнулся в отделении милиции и его

спросили, кто за него может поручиться и заплатить штраф, если его выпустят отсюда, он с готовностью назвал имя Шими...

Заплатив штраф и поставив свою подпись под поручительством, Шими, не задерживаясь нигде, привел шурина в гостиницу и больше от себя не отпускал ни на шаг. От волнения и расстройства у Шими окончательно пропала охота заниматься покупкой импортного гарнитура. И он в тот же день выехал из города вместе со своим ненадежным спутником.

В вагоне Шими старался не спускать глаз с брата жены, чтобы он опять не напился и не выкинул еще что-нибудь. А тот, чувствуя свою вину перед зятем, держался как раскаявшийся грешник: молчал, опустив глаза, шумно вздыхал и почти не слезал с полки.

На второй день брат жены преподнес Шими новый сюрприз. Выждав, когда зять уснет, он бесшумно слез с верхней полки и тихо подкрался к нему. Запустив руку в карман его бешмета, он осторожно вытащил оттуда кошелек с деньгами и тут же с радостным нетерпением устремился в вагон-ресторан. Вернулся он оттуда уже не на своих ногах — его принесли на руках в бесчувственном состоянии. А до места прибытия оставалось всего несколько часов. Зная, что теперь шурина до следующего утра не добудишься, Шими на первой же большой станции дал жене следующую телеграмму-молнию: «Вместо импортного гарнитура везу тело твоего брата. Не забудьте прихватить носилки. Поезд такой-то, вагон такой-то. Шими».

Получив такую телеграмму, потрясенная жена Шими решила, что ее брат на самом деле отдал богу грешную душу и стала сильно убиваться. Кроме того, теперь хочешь-не хочешь надо откладывать замужество дочери на целый год, поскольку обычай запрещает играть свадьбу в течение года после кончины кого-нибудь из близких родственников.

Одетая в траур, она вместе со своими сестрами, родственниками и родственницами, захватив погребальные носилки и черное покрывало, с громким плачем и воем пришла на встречу поезда. Но когда из вагона вынесли на свежий воздух носилки с «мертвецом», тот, к изумлению всех, надувая щеки, как пузырь, принялся храпеть, громко, по-лошадиному.

— Ай муж, горе твоему уму! — воскликнула жена Шими, не зная, смеяться ей от радости, плакать или возмущаться. — С чего это ты взял, что он — покойник?! Если он покойник — почему храпит?..

Шими, нахмурив брови, сердито посмотрел на жену, а потом запальчиво произнес:

— Ну и что?! Разница, что храпит... А в остальном он что ни на есть — настоящий покойник, только не погребенный..

«СОВЕСТЬ» НА ПОЧИНКУ

Когда старика Шими Дербенди провожали с почетом на заслуженный отдых, ему преподнесли памятный подарок — транзисторный приемник с трогательной надписью: «Ветерану труда, старейшему колхознику, всеми нами уважаемому Шими Дербенди...»

Шими очень дорожил этим подарком и почти не расставался с ним. Пил ли он чай на веранде, копался ли в своем дворовом садике, старик всегда держал его при себе, слушая новости и наслаждаясь музыкой. Кроме того — это самое главное, — подарок всегда напоминал ему о родном колхозе, коллективе, где он трудился не один десяток лет, о друзьях и товарищах, об их тепле и уважении к нему. Поэтому Шими привязался к этой «чудной штуке», как он уважительно-ласково называл приемничек, как к близкому живому существу.

Но как это нередко случается, беда приходит, когда ее совсем не ждешь. Как-то в ясный майский день Шими, поливая в своем садике грядки с огурцами и помидорами, поставил дорогой подарок под цветущей яблоней и с удовольствием слушал песню. Но вдруг голос в транзисторе зафальшивил, захрипел, а потом и вовсе умолк. Шими понял, что с его «чудной штукой» случилось что-то неладное. Тут же отбросив лопату, он схватил транзистор и точно мать заболевшего малыша, прижав его к груди, с тревогой и надеждой побежал в ателье к мастеру.

Длинноволосый парень в потертых джинсах и рубашке с какими-то газетными полосами на иностранном шрифте, спереди и сзади, дымя сигаретой и покачиваясь в такт «рок-музыке», раздававшейся за тоненькой перегородкой в мастерской, прежде чем взять у Шими его транзистор, бросил на незнакомого ему старика в папаше и старомодном бешмете быстрый изучающий взгляд. Затем, сняв с транзистора крышечку, мельком взглянул в его «внутренности» и, с минуту поколебывая в нем отверточкой, еле внятно процедил сквозь зубы:

— Сделаем! Гони десятку!

Шими облегченно вздохнул и вытер папашой взмокший лоб, но на всякий случай решил спросить:

— А что, сынок, у него испортилось?

— Совесть! — после короткого молчания со скрытой усмешкой небрежно бросил молодой человек, продолжая копаться в транзисторе.

Это неожиданное сообщение поразило старика что называется в самое сердце. Прожив долгую жизнь на «грешной земле», он до сих пор был твердо уверен в том, что совесть бывает только у человека. Другое дело, что встречаются и такие люди, у которых совесть нечиста или же они ее потеряли. Но чтобы транзистор или,

допустим, стиральная машина имела совесть? «А впрочем все может быть! — принялся Шими уверять себя. — Казалось бы, что общего между земными сутками, месяцами и разными зверями? А вот поди говорят, что в некоей азиатской стране один месяц называется свиньей, другой — крысой, третий — волком, четвертый — тигром... Кто знает, может, эту самую деталь, которая испортилась в моем транзисторе, ученые и мастера, гораздые на всякого рода выдумки, условно называют «совестью?»..»

Пока Шими предавался таким «философским» размышлениям, мастер вернул ему исправный транзистор с гарантией на три месяца. И Шими в самом наилучшем настроении вернулся домой со своей «чудной штукой».

Но радость Шими длилась недолго. Едва кончился гарантийный срок, транзистор опять умолк. И Шими во второй раз пришлось пойти к тому самому парню, вручить десятку, чтобы он вновь починил «испорченную совесть» его транзистора. Когда вскоре он вновь вышел из строя, Шими понял, что длинноволосый парень, щеголяющий в диковинной импортной рубашке-газете, просто дурачит его, вымогая таким бессовестным образом его трудовые деньги. И что, если чья-либо совесть и нуждается в починке или капитальном ремонте, то прежде всего у этого наглеца и жулика. Поэтому, придя в ателье к мастеру и делая вид, что не раскусил его плутни, Шими, отдавая ему транзистор, ласково сказал:

— Ты, сынок, пожалуйста, на этот раз постарайся как следует, надежно починить эту самую «совесть» моего транзистора, а я тоже, поверь мне, старику, в долгу не останусь, отплачу тебе по совести, вдвойне...

Когда молодой человек через каких-нибудь полчаса вернул Шими его исправный транзистор в приятной надежде получить от «старика-простофили» как он обещал, двойную оплату, Шими мановением пальца велел ему подойти к нему поближе. Затем он, словно желая сказать по секрету что-то очень серьезное, важное, тихо прошептал парню на ухо:

— Вот что, голубчик, благодарн бога, что я сейчас опять в добром настроении, не такой злой, каким я был, когда пришел сюда, не то, клянусь небесами, надавал бы я тебе от души пару эстонских затрещин в виде двойной оплаты за твой «гарантийный ремонт совести», вернее, за то, что у тебя самого, сукина сына, испорченная совесть...

РАЗБЕЖАЛСЯ МАГАЗИН

Продовольственный магазин, что находился в махале*, где живет старина Шими, пользовался в городе дурной славой, был у его жителей, как говорится, «притчей во языцех». Его работники, уверенные в своей полной безнаказанности, беззастенчиво обманывали покупателей, обвешивали и обсчитывали их. Больше всех отличался работник мясного отдела, недавний выпускник торгового училища, молоденький паренек с красивым простодушным лицом, ясными, невинными, как у младенца, глазами, насмешливо прозванный посетителями магазина «ангелочком».

Получив мясо, сей «труженик прилавка» обычно не спешил с его реализацией. Он с тем же невозмутимым благодушным ангельским видом, скрестив руки на груди, ждал, пока соберется больше народа. Делал это он далеко не с ангельским намерением: в толкотне и давке длинной и шумной очереди усталого, затолканного и запарившегося покупателя будет легче надуть, объегорить.

Но после бесконечных жалоб граждан руководство горторга решило в порядке эксперимента установить в этом печально знаменитом магазине имевшиеся в его распоряжении единственные, недавно изобретенные электронные весы, напроцъ исключающие обвес и обмер. Они в отличие от обычных торговых весов с резко колеблющейся стрелкой на шкале, отчетливо и ярко, точно на экране, высвечивали на табло не только вес покупки до единого грамма, но и стоимость ее до единой копейки.

Частые посетители магазина, в том числе старик Шими, были в восторге от нововведения, чего нельзя было говорить о продавцах. Оно вызвало у них тревогу и страх, закипая гневом, они в сердцах называли новые весы «электронным дьяволом».

Готовят, в первый же день, когда в магазине были установлены электронные весы, его работники, охваченные паникой, проклиная на чем свет стоит эту «бесовскую штуку», больно ударившую по их карману, разбежались до единого, не дожидаясь даже конца рабочего дня. Первым, оказывается, дал деру «ангелочек» с ясными, невинными глазами младенца, сбрасывая с себя на ходу замызганный калат, а за ним — вся компания.

Когда Шими узнал о бегстве работников магазина и чем оно вызвано, он, говорят, особенного удивления не выразил, но многозначительно воскликнул:

— Побольше бы в наших магазинах таких «дьяволов» и поменьше бы таких «ангелов», как эта продувная бестия — мясник и ниже с ним, гром и молния на их грешные головы!

* Махала — квартал, часть городского района.

ШИМИ НА СУДЕ

Случилось так, что однажды наш почтенный Шими предстал перед судом. И вот как это произошло.

У соседки Шими, пожилой, доброй женщины, работавшей гардеробщицей при городском клубе, тяжело заболел брат, который жил в районе. Обеспокоенная болезнью родного человека, она решила на недельку съездить к нему, побыть возле больного. Но как нарочно через пару дней у них в клубе должно было состояться выступление популярного певца из соседней республики, красочные афиши с портретом которого почти месяц как уже были развешаны по городу, а билеты на все три дня его гастролей проданы вперед.

Несмотря на горячее время, директор, уступив мольбам гардеробщицы, согласился отпустить ее, если она срочно найдет подходящего человека, который заменит ее на работе в течение недели.

С такой просьбой соседка обратилась к Шими, давно находившемуся на пенсии. Желая оказать ей добрую услугу, Шими с готовностью согласился. Да и сама работа — принимать от посетителей пальто и шапки (дело было зимою), выдавать им номерки — казалось ему сущей безделицей.

Однако в первый же вечер, перед представлением Шими, вопреки его предположению, пришлось изрядно побегать и попотеть, пока он принял у шумно толпящихся возле гардероба многочисленных посетителей сотни пальто, полупальто, шуб, курток, дубленок и прочей одежды.

Наконец, когда публика прошла в зал и у гардероба не осталось никого, в вестибюле воцарилась полная тишина. Шими, усталый, весь взмокший, едва опустился на стул, чтобы перевести дух, как, распространяя вокруг себя аромат тонких духов, спеша и волнуясь, вбежала полная женщина средних лет в сопровождении породного мужчины, державшегося с горделивой важностью. Она была в новой с иголочки блестящей норковой шубе, а он — в красивой коричневой дубленке и высокой черной ондатровой шапке.

Шими лично не был знаком со спутником дамы, но знал многое о нем из разговоров земляков: что работает он небольшим начальником, но на очень «доходном месте». И что еще лет десять назад до того, как ему удалось занять эту должность, он ничего не имел за душой и мало кому был известен. А за это время так разбогател, что зажил, как говорится, на барскую ногу: отстроил себе огромный особняк, в котором можно разместить не менее пяти семей, обзавелся великолепной дачей на берегу лазурного моря, двумя «Волгами», содержал двух красоток, которые нигде не работали. И в доме у него не хватало лишь «птичьего молока».

За глаза все его называли «миллионщиком». Большинство — с

ненавистью, некоторые с завистью, иные — с уважением. А он, зная об этом, гордился таким прозвищем, как бы оно ни звучало в устах людей в его адрес.

Незольная встреча с этим человеком, а тем более при таких обстоятельствах, была очень неприятна Шими. Но бедный старик в ту минуту не мог даже представить себе, что эта неприятность — сущий пустяк по сравнению с той, которую ему еще предстоит испытать в результате этой встречи, словно она состоялась не с человеком, а с самим шайтаном, что никогда не приводит к добру.

И вот, как только Шими принял у «миллионщика» норку и дубленку, повесил их на вешалку и из переполненного зрителями зала донеслось чарующее, но несколько притупленное пение приезжего гевца, возле гардероба неожиданно, точно из-под земли, выросли фигуры трех небритых молодых парней, которые, как показалось Шими, были на взводе и неизвестно как пробрались сюда. Вдруг двое из них принялись громко ругаться между собой, а потом, как два рассерженных, взъерошенных петуха, размахивая кулаками, с яростью кинулись друг на друга. Третий же, видимо, не желая вступаться в их потасовку, сразу исчез.

Шими, не сходя с места, начал сердито покрикивать на парней, чтобы те немедленно прекратили безобразничать и не мешали культурному отдыху людей. Но когда это не возымело действия, возмущенный старик, оставив свой пост, подскочил к ним. Стыдя и ругая дебоширов, он насили вытолкал их вон за дверь.

Часа через два, когда кончился концерт, зрители, довольные, веселые, шумной толпой вновь хлынули к гардеробу, и Шими с трудом поспевал выдавать им одежду. А когда подошел «миллионщик» с женой, то к изумлению Шими, норковой шубы не оказалось на вешалке, точно ее королева слизнула.

Трезвожная догадка обожгла старика. Он понял, что пропажа норковой шубы дело рук тех небритых парней. Двое из них, видимо, нарочно затеяли «драку», чтобы отвлечь его внимание на себя и дать этим возможность своему «исчезнувшему» товарищу незаметно пробраться в гардероб и утащить шубу.

Переживая и волнуясь, Шими рассказал обо всем этом «миллионщику». Но тот решил, что старик морочит ему голову: шуба — не иголка, так просто без его согласия и участия ее не утащить из-под носа. Поэтому разбушевавшийся «миллионщик» пригрозил Шими, что это дело так не оставит, подаст в суд и взыщет с него стоимость норки — пятнадцать тысяч рублей.

Вот так Шими, оказавшись без вины виноватым, предстал перед судом.

Старик был очень зол на воров, которые ловко облапошили его. Но не меньше, чем на них, он злился на этого хапугу и взяточника — «миллионщика». Не приди он, чтоб ему пусто было, в тот вечер

в клуб со своей благополучной женой, специально нарядившейся в норку, чтобы вызвать зависть и любопытство у других женщин, всего этого не случилось бы. Поэтому на суде, ругая и понося на чем свет стоит проклятых воров, которым удалось обвести его, старика, вокруг пальца, Шими обрушил свой гнев и на «миллионщика», подавшего на него в суд.

— Он, хотя не из их компании, но тоже—вор, притом, большой руки, по которому плачет тюрьма, — произнес Шими, показывая в сторону «миллионщика», сидевшего несколько поодаль от него в самоуверенной позе, воинственно выпятив грудь.

Услышав такое в свой адрес, истец, разыгрывая благородное негодование, потребовал от суда считать заявление Шими, как попытку отвести от себя вину за пропажу норковой шубы и как клевету и публичное оскорбление личности, караемые советскими законами. Но упрямый старик во имя все тех же «советских законов» требовал, чтобы судили не его, невинную жертву, а воров и разбойников, к которым он относил и «миллионщика» — самого истца. При этом он ссылаясь на то, что злополучная норка, за которую он требует с Шими пятнадцать тысяч рублей, равна почти семилетней зарплате истца. Если бы вместе с семьей в течение семи лет он ничего не употреблял, а питался, как чистокрылые божьи ангелы, одним воздухом, то и тогда едва ли смог бы на одну свою зарплату сделать такой сногшибательный подарок жене. И что не с помощью волшебной палочки «миллионщик» построил особняк, напоминающий княжеский дворец с богатым убранством, великолепную дачу, не добрые джины из чудесной сказки подарили ему две дорогостоящие машины и не с неба сыплются для него, точно манна небесная, деньги на содержание двух бесстыжих, как и он, красоток-любовниц...

Пока Шими выступал, судья несколько раз бесцеремонно перебивал его, делал предупреждения, что он говорит не по существу, отвлекает суд от слушания дела, а прокурор, присутствовавший на заседании, согласно кивал судье головой. Но все же Шими удалось высказать все, что было у него на душе, а под конец, обращаясь непосредственно к судье и прокурору, со скрытой иронией добавил:

— Не знаю, уважаемые, говорю ли я по существу или нет, но то, что у нас развелось много халуг и воругов, как мой истец, с волчьей алчностью обкрадывающих и объедающих нас, есть, извините, меня, старика, большая доля и вашей вины. Еще блаженной памяти деды наши наставляли: «Там, где кошки не ловят мышей, крысы поднимают голову».

Говорят, судья, у которого после речи Шими голова распухла, поспешил закрыть заседание, ссылаясь на то, что за «недостаточностью улики» оно откладывается на «неопределенное время».

Когда Шими вернулся домой и рассказал своей старухе чем кончился суд, она спросила:

— Ай муж, я все-таки беспокоюсь: кто знает, что означает решение суда отложить твоё дело на «неопределенное время?»

— Ай жена, клянусь душой твоего отца, теперь можешь совершенно не беспокоиться, — уверенно произнес Шими и тут же с лукавой усмешкой добавил: — Я старый человек, мне недолго жить. Пока наступит это «неопределенное время», или я умру, или мой истец — проклятый «миллионщик» отправится к праотцам, или же нашему судье вместе с прокурором, лягши на спину, дадут по шапке, отправят на... незаслуженный отдых..

ШИМИ В РОЛИ «ГЛУХОГО» И «СЛЕПОГО» СТОРОЖА

Говорят, в годы печально знаменитого застоя, прозванного некоторыми нашими согражданами с мрачным юмором — «застольным», с почтенным Шими Дербенди произошла вот такая удивительная история.

Кто-то из друзей Шими рассказал ему, что одно из крупных автотранспортных предприятий города приглашает на работу в качестве ночного сторожа мужчину, умеющего обращаться с ружьем, но который ничего не видит и ничего не слышит, то есть слепого на оба глаза и глухого на оба уха. И что такой сторож (а ему будет назначен приличный оклад) требуется для несения караула при профилактории предприятия, расположенного в живописной местности у самого моря.

Вначале Шими, конечно, не поверил этому хабару, считая его неудачной шуткой какого-нибудь насмешника и зубоскала. Да и в самом деле: кому нужен слепой и глухой стражник, у которого на конце ствола ружья, как на заборном коле, может сидеть себе преспокойно нахальный ворон и каркать во все горло, а он его не увидит и не услышит. Быть этого не может!

Трудно передать словами, каково же было изумление Шими, когда он узнал, что этот хабар — вовсе не праздная выдумка какого-то насмешника, как ему казалось вначале, а сущая правда. И, можно сказать, что именно это поразило его в самое сердце.

Двое стариков-пенсионеров, знакомых Шими, соблазненные обещанным «приличным окладом», уже пытались устроиться на эту работу, однако оба получили вежливый, но категорический отказ. Один из них, будучи глухим на оба уха, был все же зрячим на один глаз, а другой — при полной глухоте страдал только куриной слепотой, называемой в науке гемаралопией.

Принимал обоих претендентов на должность ночного сторожа заместитель директора предприятия, молодой парень лет двадцати шести с гладким симпатичным лицом, которое немного портила заячья губа, и с рано обозначившимся брюшком. В беседе с ними он довольно убедительно объяснил (в письменном виде, разумеется), почему ни тот ни другой не подходит ему для этой работы.

— Знаете, уважаемый, — писал он в ответ глухому, но зрячему на один глаз, старику, — иной человек с одним глазом видит больше, лучше и дальше, чем многие люди с двумя глазами. Это как раз о таких говорят, что они видят на три аршина в землю..

В подтверждение своего довода он привел в пример такие выдающиеся исторические личности, как сиятельный князь фаворит императрицы Екатерины Второй Потемкин, знаменитый английский адмирал Нельсон, фельдмаршал Кутузов. А другому претенденту он написал, что куриная слепота — это неполная слепота. Человек, страдающий этой болезнью, не видит только при ночном мраке и сразу «прозревает», как куры, спешащие слететь с насеста, едва наступает рассвет. Ему же требуется сторож, который, будучи абсолютно глухим, ничего не видит не только ночью, но и днем.

Заячья Губа произвел на удрученных стариков впечатление циничного, но вместе с тем отчаянно «смелого» человека, который никого и ничего не боится. Но при этом они понимали, что такую смелость придает этому «храбрецу» то, что его папаша занимает одну из ведущих должностей в городе и слывет чуть ли не самым богатым человеком в нем. А таким людям многое прощалось и многое сходило с рук. Но для Шими было очевидно и другое: при всей своей «смелости» Заячья Губа, будучи себе на уме, не мог взять ночным сторожем совершенно слепого и глухого человека. Он считал, что тут кроется какая-то тайна. И когда хитроумному Шими после долгих размышлений показалось, что он все-таки разгадал его тайну, на следующий же день явился к Заячьей Губе наниматься на работу. Тот, увидев Шими, который, несмотря на свои почтенные годы выглядел довольно бодрым, имел хороший слух, и у которого глаза блестели как у молодого, сразу хотел дать ему, как говорится, от ворот поворот, но старик вовремя остановил его:

— Не спешите, любезный, отказывать мне, чтобы вам потом не пожалеть! — многозначительно предупредил Шими и тут же добавил: — Я как раз тот человек, который вам нужен.

— Как? — невольно вскочив с места, вопросительно уставился на него «работодатель».

— Вот так, — уверенно произнес Шими. — Будучи не слепым и не глухим, я буду делать вид, что ничего не слышу, и ничего не вижу, что бы там у вас не происходило.

Заячья Губа был в восторге.

— Значит, по рукам? — воскликнул он, весело и довольнo глядя на Шими.

— По рукам! — с готовностью произнес Шими, пряча хитрую улыбку.

Во так Шими был зачислен ночным сторожем с приличным окладом при профилактории автотранспортного предприятия, расположенном в живописном месте у самого моря.

Но Шими при всей своей выдержке не смог больше недели выполнять роль глухого и слепого стража. Каждый вечер с наступлением сумерек в одно и то же время, точно по заведенному графику, к профилакторию подъезжал служебный автобус. Из него с шумом высыпали какие-то развязные молодые косматые парни и девушки-хохотушки с короткими мальчишескими прическами. Тут же следом из машины выгружались бараны туши, ящики с водкой, минеральной водой, консервами, рыбой и другой снедью. Каждую ночь до утра парни и девушки под усиленные звуки магнитофона предавались разнузданному веселью, напоминавшему шабаш ведьм.

Шими догадывался, что расходы на все эти гульбы с возлиянием и обильной закуской производятся за счет «левых» рейсов, взятков и разных махинаций. Возглавляет все это Заячья Губа, чувствующий за своей спиной коренастую начальственную фигуру своего отца. «Какие же из этих разгульных парней без намуса и ехъ* да чтоб они провалились, — будущие отцы семейств, творцы жизни? Как такие девицы, лишённые девичьей стыдливости и гордости, могут быть потом верными женами, хранительницами семейного очага, воспитательницами своих детей?» — в сердцах сокрушался Шими. Кроме того, их поведение в глазах старика было явным оскорблением для той части молодежи, которая честно трудится, вносит свой посильный вклад в общий труд народа.

На седьмой день поздним вечером Шими, оставив «охраняемый им объект», немедленно отправился в город, откуда вскоре вернулся инспектором милиции, молодым лейтенантом атлетического телосложения.

Неожиданное появление «слепого и глухого» сторожа вместе с лейтенантом в самом разгаре веселья вызвало шоковое состояние у всей компании. Но первым пришел в чувство Заячья Губа.

— Ай Шими, как тебе не стыдно?! Где твоя совесть?! — закричал он на старика. — Что я вижу? Почему ты нарушил наш уговор?!

— Слушай, какой ты странный молодой человек? — поправляя ружье за плечом, с «дружеским» укором произнес Шими. — Я целую неделю притворялся, делая вид, что не слышу и не вижу, что ты здесь вытворял со своими бражниками. Неужели же и ты хоть

* Е х ъ — честь, совесть.

один раз не можешь сделать вид, что не слышишь и не видишь, как я нагрянул к вам с этим молодцом-милиционером?..

«ОДИН ЛАЕТ, ДРУГОЙ КУКАРЕКАЕТ...»

Шими и его сосед по дому, как положено близким соседям, жили в дружбе и добром согласии, делились между собой своими радостями и печалью, нередко оказывали друг другу разные услуги. Но с некоторых пор между ними пробежала кошка, и этой злополучной «кошкой» оказалась собака, которую сосед завел у себя во дворе. В отличие от прочих дворовых собак, она как с вечера начнет лаять, так продолжает до утра. Больше того, пес взял за привычку по ночам забираться к Шими во двор и под самым окном его спальни протяжно выть, точно в доме находился умирающий больной или покойник. Разбуженный среди ночи, Шими как ужаленный вскакивал с постели и метался по комнате, не зная ни сна, ни покоя, а потом весь день чувствовал себя усталым, разбитым и ходил словно в воду опущенный.

Несколько раз Шими жаловался соседу на его собаку, но тот, видимо, не желая расставаться с ней или просто считая сетования Шими обычным старческим брюзжанием, пропускал это мимо ушей.

Один раз ночью Шими, окончательно выведенный из себя очередной собачьей «серенадой» под своим окном, вскочил с постели, быстро схватил на кухне швабру и, несмотря на стужу во дворе, выбежал на улицу в одном исподнем. В гневе он замахнулся шваброй, чтобы ударить пса, но пес ловко увернувшись от удара, забежал ему за спину и, ошетилившись, с грозным рычанием набросился на Шими, укусив его (извините) за неприличное место.

Сосед Шими на следующий день, узнав об этом происшествии, вместо того, чтобы извиниться перед ним, выразить свое сочувствие, хихикал во всю, да еще в разговоре с другими, не боясь греха, преподносил это дело так, будто в этой злополучной истории виноват Шими, а не его полоумный пес.

После этого Шими, затаив обиду на соседа, перестал с ним разговаривать.

Случилось так, что однажды, когда Шими пошел на базар купить кое-что для дома, он увидел там молодого человека, державшего под мышкой какого-то диковинного петуха. Размером он был небольшой, но с удивительно красивым, ярким оперением, точно разноцветная тропическая птица.

— Это что у тебя за петух? — спросил Шими его владельца. — Я такого огrodu не видел.

— Вполне может быть, — скромно произнес молодой человек. —

Он из породы «японских петухов». Красивый, любоваться им можно, но врать не буду, у него есть один серьезный недостаток: из-за этого я и продаю его.

— Какой? — любопытствовал Шими, невольно усмехаясь.

— Видите ли, у этой небольшой птицы очень громкий и пронзительный голос, — начал объяснять хозяин «японского петуха». — Это еще полбеды, если бы не другое. В отличие от наших домашних петухов, он как начинает с полуночи кукарекать, так до самой зари не переставая дерет горло. От него нет покоя не только мне, но и моему соседу по двору.

К удивлению молодого человека, то что он считал недостатком своего заморского петуха, старик Шими признал за «большое достоинство», и с готовностью, не торгуясь, купил у него птицу.

Вернувшись домой, Шими первым делом построил из фанеры небольшой «курятник» и в виде скворечника прикрепил его на ветке дерева, которое возвышалось над домом соседа у самого забора, разделявшего их дворы. Как только наступали вечерние сумерки, Шими водворял в него своего «самурая» и тот, заглушая лай и завывания пса, пронзительно кричал над крышей соседа с полуночи до самого утра, не давая ему спать.

В один из летних дней между друзьями Шими, коротавшими время в городском сквере за непринужденной беседой, как-то зашел разговор о соседях. Каждый говорил что-то хорошее, приятное о своем соседе. Один Шими сидел молча, точно воды в рот набрал.

— Ай Шими, что ты молчишь, не скажешь, какой твой сосед, как живете с ним, довольны ли вы друг другом?

— Как живем? — недовольно перееспросил Шими. — Жили когда-то как нормальные люди и добрые соседи, а сейчас живем так: один до утра лает, другой до утра кукарекает!..

РАКЕТЫ И «РЭКЕТЫ»

Однажды вечером старина Шими пришел на городской вокзал встречать родственника своей жены, ехавшего к ним в гости из какого-то дальнего города. Но, как это нередко случается у нас, поезд с гостем опаздывал. Всю ночь Шими проторчал на вокзале, томясь в ожидании поезда, а он все не прибывал. И никто не знал, даже работники местной железнодорожной станции, где, на каких путях-дорогах он застрял, надолго ли.

Недалеко от вокзала, рядом с перроном, находилась ныне не примечательная с виду чайхана. Когда наступило утро, и она начала работать, сонный, усталый и злой Шими, по-стариковски

кряхтя и охая, поплелся в чайхану. В этот ранний час он оказался первым посетителем.

Чайханщик, мордастый молодой мужчина с широкими воловьими бедрами и грудью колесом, принес маленький чайничек, миниатюрный грушевидный стаканчик с золотистой каймой и молча поставил перед Шими.

Чайник был так мал, что, казалось, мог уместиться в кулаке, поэтому его содержимого хватило Шими лишь на два стаканчика.

Пока Шими, борясь с одолевавшей его сонливостью, неторопливо попивал горячий чаек, объявили, наконец, о скором прибытии долгожданного поезда. Он сразу вынул кошелек из кармана и тут же подозвал чайханщика, чтобы расплатиться.

— С вас рубль пятьдесят три! — приближаясь к Шими, на ходу произнес мужчина.

Шими недоуменно взглянул на него.

— Почему так дорого? — спросил его Шими. — В чайхане, даже в вагоне-ресторане за такие деньги можно выпить почти целый самозар...

Чайханщик, от волнения надув круглые щеки, отчего они стали походить на тугой резиновый мяч, в свою очередь обиженно уставился на придиричивого старика.

— Во-первых, у меня кооператив, а не государственная чайханка или там вагон-ресторан, понимаете, ко-о-оператив! — после шумного выдоха произнес хозяин чайханы, то бишь кооператор. — Во-вторых, я вам подавал не обычный стакан к чаю, а изящный, «армуд-стакан». В-третьих, заварив чайнике, из которого вы пили, был приготовлен не из нашего отечественного чая-безвкусицы, а из импортного, дефицитного, индийского! В-чет...

— А я, — перебил его Шими на полуслове, — представь себе, никакой разницы не почувствовал.

— Зато я почувствовал, — вспыхнул толстяк, — переплачивая за него продавцу магазина, который не всякому продает его из-под прилавка.

Шими уже не рад был, что затеял с ним этот спор и готов был расплатиться за чай и бежать встречать поезд, когда чайханщик, удержав его за руку и опасливо оглядываясь по сторонам, понизив голос, таинственно прибавил:

— В-четвертых, в нашем деле есть большой риск. Да, да! Это возможный налет — рэкет. От этого, к сожалению, мы не застрахованы.

Услышав это, старик на минуту остолбенел и даже забыл, что ему надо спешить. Он до этого никогда не слышал слово «рэкет» и не знал, что оно означает. По незнанию, а еще больше по наивности, потрясенный Шими решил, что речь, очевидно, идет о трозной ракете-снаряде. Поэтому когда он пришел в себя, его изумление

сразу сменилось крайним, возмущением. Тотчас же вложив обратно кошелек в карман и, сверля негодующим взглядом расплывшуюся фигуру чайханщика, Шими закричал вне себя от ярости:

— Валлах, в таком случае, ты от меня не получишь ни копейки! Харам, грешно платить человеку, который ради того, чтобы набить карман потуже, готов подвергнуть и себя и ни в чем не повинных окружающих его людей опасности нападения страшной ракеты. Провались ты вместе со своим «импортным» чаем!

«ПОХВАЛЬНОЕ» СЛОВО ВЗЯТОЧНИКУ

Внучка Шими Дербенди, в добрый час, окончив среднюю школу, хотела поступить в институт, но не прошла по конкурсу. Девушка, как большое горе, переживала свою неудачу, ходила как потерянная. И чтобы вывести ее из такого состояния, вернуть душевное равновесие, решили по совету Шими устроить девушку на работу: на людях, мол, и горе — не горе.

На другой день отец девушки пришел в швейную мастерскую, где работали одни женщины. Ее директор, рано облысевший мужчина лет сорока, с аккуратно подстриженной густой смолистой бородкой и строгим начальственным взглядом, едва выслушав просьбу посетителя, энергично покрутил головой и громко воскликнул:

— Нет, нет, не могу взять вашу дочь на работу! У меня и так больше людей, чем полагается. Не могу — и все!

Сказав это, он, как будто тут же забыв о просителе, погрузился в чтение какой-то бумаги, лежащей перед ним на его рабочем столе.

Обескураженный и расстроенный категорическим отказом, отец девушки с минуту постоял в раздумье, с тоской и обидой глядя на гладкую, как полированная доска, лысину директора, не зная, что делать. Потом, медленно запустив руку в карман и также медленно, страдальчески морщась и напрягаясь, точно вытаскивая что-то непомерно тяжелое и совсем безопасное, вынул сторублевую ассигнацию и нерешительно положил на край стола. И тут же стыдливо накрыв сотню широкой ладонью, он начал робко и осторожно, покрываясь испариной, придвигать ее все ближе и ближе к директору, с волнением и тревогой думая только об одном: «возьмет — не возьмет?!»

У посетителя точно гора свалилась с плеч, когда он, к несказанной радости, заметил: взял!..

Спустя месяца три после того, как внучка Шими была принята на работу, она познакомилась с хорошим парнем и дала согласие выйти за него замуж. Поскольку жених был из другого города, то по уговору родителей парня и девушки на второй же день после

свадьбы она должна была уехать вместе с мужем к месту его жительства. Поэтому за день до свадьбы отец девушки-невесты прибежал к директору. Теперь он просил его, чтобы тот сегодня же освободил дочь от работы по семейным обстоятельствам и выдал ей трудовую книжку.

— Нет, нет, не могу, — покрутив головой, решительно произнес директор. — У меня сейчас на производстве не хватает рабочих рук. А мы только что обучили вашу дочь специальности, приставили к делу, а вы — увольняйте, да еще выдайте трудовую книжку. Подождите немного!

«Как «подождите», если милая дочь завтра же после свадьбы выпорхнет из родного гнезда и улетит со своим муженьком!?» — готов был вскричать нетерпеливый отец, но промолчал: бесполезно! Он, как и во время своего первого посещения, молча положил перед директором сотню, но на этот раз без какого-либо опасения и страха.

Шими узнал обо всей этой истории, когда сын с довольным торжествующим видом вернулся домой с трудовой книжкой дочери, в которую была занесена благодарность ей «за ударный труд...»

— Почему ты с самого начала не устроил ее на другое место, а пошел, осел этакий, на поклон к этому вымогателю?! — с упреком и бранью напустился на сына рассерженный Шими.

— Что делать, если у меня не было другого выбора, — начал оправдываться отец девушки. — В другом месте за прием на такую же работу берут, говорят, не меньше трехсот. Еще спасибо скажи, что он взял с меня всего лишь сотню...

Шими, услышав это, промолчал, а потом, вроде бы соглашаясь с ним, сказал примирительно:

— В таком случае, сынок, извини меня, старого глупца. Завтра пригласи этого директора на свадьбу как почетного гостя, а я — как уж и быть — обязательно скажу ему при всех мое «спасибо».

На следующий день среди приглашенных на свадьбу на самом видном месте сидел за накрытым столом директор. После первого традиционного тоста за здоровье молодоженов красноречивый, как майский соловей, тамада первым представил слово главе семьи — почтенному Шими Дербенди.

Сначала старик поблагодарил всех гостей за их участие на свадьбе его любимой внучки. Затем, обращаясь лично к директору, выразил ему особую благодарность за то, что в трудное для его внучки время он принял ее на работу, несмотря на то, что в мастерской тогда не было лишних рабочих мест. А спустя три месяца, после того, как она начала работать, опять-таки, несмотря на то, что на производстве сейчас не хватает людей, он по просьбе отца невесты в тот же день, вчера то есть, не только освободил ее от

работы по семейным обстоятельствам, но и выдал трудовую книжку с благодарностью «за ударный труд...»

Развеселившиеся после первой чарки спиртного празднично настроенные гости начали дружно, преувеличенным энтузиазмом кричать один голос:

— Молодец, директор! Баркалла, директор! Дай тебе бог, директор!

Польщенный словами Шими и единодушной похвалой присутствующих на свадьбе людей, довольный, сияющий директор встал с места и принялся раскланиваться перед гостями, как актер перед восторженным зрительным залом.

Шими подождал немного, пока утихли возгласы и аплодисменты в адрес директора, а потом, как бы выражая свое полное согласие с ними, произнес:

— Конечно, молодец, конечно, баркалла, если учесть то, что другой начальник за прием на такую же работу берет, оказывается, не меньше трехсот, а этот взял за устройство моей внучки всего лишь сто рублей и столько же — ни рубля больше — за увольнение...

Теперь гости одни начали громко возмущаться, другие — визжать от смеха, третьи, потупив глаза, — загадочно молчать.

У директора лицо и вся лысина вдруг стали пунцовыми, на которых заблестели крупные капли пота. Он вновь вскочил с места и открыл рот, чтобы не то возразить Шими, не то запротестовать, но так и не смог выговорить ни слова — язык онемел во рту.

Говорят, он по сей день так и ходит с открытым ртом: все пытается что-то сказать, но не может.

СТРАШНЕЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Рассказывают, что когда в 1970 году в некоторых городах и районах Дагестана произошло сильное землетрясение и тревожная весть об этом сразу разнеслась по всей стране, один из старых кунаков Шими, живущий в соседней республике, послал ему срочную телеграмму. Выражая сочувствие по поводу постигшего наших людей стихийного бедствия и беспокоясь за жизнь и здоровье друга, он просил и настаивал, чтобы Шими немедленно приехал к нему и переждал стихийное бедствие у него на родине.

Шими, говорят, не поехал, однако счит своим долгом написать, почему все-таки он решил остаться у себя дома.

«Дорогой кунак, поистине друг познается в беде, — писал Шими в письме. — Спасибо за приглашение, но воспользоваться им, к сожалению, не могу. Дело в том, что происходящее сейчас у нас

землетрясение не больше сотрясает стены моего дома и угрожает моей жизни и здоровью, чем моя строптивая и глупая жена. По причине этих своих врожденных «достоинств», она каждый раз по поводу и без повода закатывает мне такие умопомрачительные сцены, что, поверь старому Шими, не только земля дрожит у меня под ногами, но и небо над головой. Так что, дорогой друг, бежать мне от землетрясения нет смысла, оно всегда со мной. Как говорится в нашей старинной пословице: «От трона своего могу бежать, от судьбы своей куда мне бежать?..»

ГНЕВ ЦАРЯ АНУШИРВАНА

Сосед Шими Дербенди, слывший самонадеянным хвастуном, возглавлял как специалист группу каменщиков, которая под его руководством производила реставрационные работы по восстановлению одних из раннесредневековых крепостных ворот, расположенных у входа в знаменитую ханскую цитадель—Нарын-кала. Когда работы были завершены, он попросил Шими, как одного из старожиллов древнего города, посмотреть на результаты реставрации, ожидая от него одобрения и похвалы.

Но Шими, глядя на старинные ворота, на возвышающиеся над ними каменные бойницы, упрямо молчал. В отличие от других сохранившихся старых бойниц, стоящих рядом друг с другом, точно неусыпные стражи над гигантскими стенами, окружающими бывший дворец-крепость наместников иранских шахиншахов, багдадских халифов, местных ханов «шахристана», вертикальные отверстия на вновь созданных бойницах были сделаны с такими грубыми отклонениями, которые явно не соответствовали их назначению. Бросались в глаза халтура, небрежность, неуважение гореставраторов к неповторимым и величественным памятникам седой старины, овеянным легендами и составляющим украшение и гордость родного города и края, одного из чудес света.

Видя, что Шими молчит, сосед заговорил первым, беззастенчиво расточая хвалу в свой адрес.

— Э-эх! — мечтательно закатив глаза вверх, громко воскликнул он. — Если бы могущественный, грозный и вместе с тем великодушный, царь царей Хосров Ануширван, по велению которого тысяча пятьсот лет назад были построены этот неприступный для своего времени замок, эти прагдиозные стены с множеством сторожевых башен и великолепными воротами, воскрес, он в отличие от моего уважаемого соседа, стоящего сейчас со мной рядом, непременно похвалил бы меня, да еще вдобавок по-царски щедро наградил бы сокровищами из своей несметной казны.

Шими подумал, а потом решительно сказал:

— Нет, сосед, ты ошибаешься. — Если бы царь Ануширван, о котором ты говоришь, воскрес бы из мертвых, он тут же без лишних слов повесил бы тебя под этими самыми воротами и еще кое-кого за компанию с тобой. Твое счастье, что он никогда не воскреснет...

பாக்கி

ВСТРЕЧА У РОДНИКА

Омар, прижимая к бокам пустые ведра и боязливо озираясь, осторожно спускался по тропинке в ущелье, где из-под черной каменной скалы с веселым журчаньем, точно радуясь, что удалось вырваться на свободу, пробивался родник.

Была ночь. На темно-синем небе крупными жемчужинами горели яркие звезды. Полная луна заливала мягким сиянием притихшую землю. При свете луны прозрачная вода в роднике отливала серебром, а на дне его, точно мелкие монеты, блестели белые, круглые обкатанные камешки. Недалеко от источника росли сплошные зеленые кусты, откуда сейчас слышалось громкое щелканье одинокого соловья. Наверху, за ущельем, на фоне высокой горы, упиравшейся в близкое небо, отчетливо виднелись темные очертания саклей с редко освещенными в это позднее время ночи окнами.

Подойдя к роднику, Омар поставил ведра на землю. Еще раз посмотрев по сторонам и убедившись, что ему удалось добраться сюда никем не замеченным, он облегченно вздохнул и, почесав в затылке, смущенно улыбнулся. Но вспомнив, как жена только что, почти насильно, со скандалом выпроводила его за водой, он сразу посуровел, нахмурился. Омар медленно опустился на замшелый камень у источника, задумался и перед глазами его отчетливо встала неприятная картина сегодняшней ссоры с женой.

Еще утром его жена, Сакина, уходя в школу, сказала:

— Омар, дорогой, я приду поздно, сходи, пожалуйста, за водой. Прошу тебя!

Он потупил взор и сердито буркнул:

— Ладно, уже слышал! — Но чувствуя на себе осуждающий взгляд жены, поднял на нее глаза и, мученически улыбаясь, добавил: — Ну сказал же — пойду, чего пристала?!

Проводив жену, Омар взял ведра и по узкой каменной лестнице спустился во двор. Он открыл калитку и вышел за ворота, но тотчас же, громыхая ведрами, вбежал обратно: невдалеке в высокой, лихо заломленной палахе стоял сосед — председатель сель-

ского Совета Мехти Бабаев и будто нарочно смотрел в его сторону, с важной медлительностью покручивая пышные седеющие усы.

Омар быстро прикрыл калитку, крепко прижав ее спиной. Сердце его бешено заколотилось, а на лбу выступила испарина. Он чувствовал себя как человек, которому по счастливой случайности удалось избежать большой опасности. Отдышавшись, Омар опять осторожно приоткрыл калитку, но тут же остановился в нерешительности. Ему представилось, как он идет с пустыми ведрами по улицам аула, а люди, показывая на него пальцем, зубоскалят, отпускаяют вслед ему язвительные шутки:

— Глядите-ка на него, ха-ха!

— Ему остается теперь вместо папахи надеть на голову платок и доить корову!

— Они с женой, видать, поменялись ролями!

— Всегда так: дай жене волю, заведет молодца в неволю!

В душе Омара поднялась жгучая обида на жену. Пора бы ей

привыкнуть к аульским обычаям. Мало ли, много ли, уже полтора года, как она приехала из города в их аул, девять месяцев как они поженились, а она все еще не перестает удивляться и возмущаться: как может, мол, мужчина считать для себя позором нести пошу вместо матери-старухи, сходить раз-другой за водой вместо жены, работать серпом?

Это все, конечно, так. Но попробуй пойти наперекор обычаю — не только мужчины, но и женщины засмеют тебя, мужчиной считать перестанут.

Правда, до последнего времени жена только сокрушалась, но ни разу не принуждала мужа выполнять «женскую работу», потому что его мать была дома. Она, по обыкновению, вставала раньше всех, разжигала огонь в очаге, доила корову, приносила воду. Но недели две назад старуха уехала в соседний аул, чтобы присмотреть за больной сестрой. Теперь вся тяжесть разнообразной и многотрудной домашней работы легла на плечи невестки, которая к тому же была беременна. Ей было тяжело после дня, проведенного в школе с детьми, хлопотать еще и по хозяйству, а потом до поздней ночи проверять тетради, готовиться к занятиям. Омар все это понимал, но по-прежнему стыдился помогать жене.

Вечером Сакина, вернувшись домой и увидев пустые ведра, пришла в отчаяние.

— Омар, ты так и не сходил по воду?! Дома же ни капли воды нет, даже руки помыть нечем. Какой же ты, однако!

Голос ее дрогнул, и она боясь, что вот-вот заплачет, замолкла. Грузно подойдя к столу, Сакина молча, с сердцем швырнула на него кипу тетрадей, которую держала под мышкой. Но когда она, тяжело опустившись на стул, горестно обхватила голову руками, то вдруг не сумев совладать с собой, заплакала громко, навзрыд.

Омар вместо того, чтобы успокоить жену, нахмутив брови, угрюмо смотрел на нее, на ее вздрагивающую и расплывшуюся от беременности фигуру. Резким движением он отодвинул от себя настольную лампу, сердито захлопнул книгу, лежащую перед ним, встал и возбужденно зашагал по комнате.

Когда Сакина подняла голову и ее взгляд упал на обложку книги, которую только что читал муж, она пришла в негодование.

— Читаешь «Горянку» Расула, а ведешь себя по отношению к горянке, как столетний дед, напичканный предрассудками? И не стыдно тебе?! А еще комсомолец, зоотехник, интеллигент вроде!..

На минуту в комнате воцарилась тягостная тишина. Потом вдруг жена с выражением злой решимости на лице вскочила с места и, схватив пустые ведра, подошла к мужу.

— Если ты сейчас же не пойдешь за водой, я уйду из этого дома — и навсегда!

Омар, хмурый и сердитый, молча, не глядя на жену, взял у нее

ведра и поспешно вышел во двор. На небе ярко светила луна, поэтому он не отважился выйти за калитку: вдруг кто-нибудь увидит? Особенно он боялся встречи со своим соседом, председателем сельсовета Мехти Бабаевым, который, наверно, еще утром заметил его пустыми ведрами. И он решил подождать у ворот, пока луна не скроется за тучами. Но луна, будто угадав его намерения, казалось, нарочно застыла на месте, продолжая заливать потоками света плоские крыши саклей, кривые узкие улицы, дорогу, ведущую к роднику.

Наконец, к несказанной радости Омара, со стороны большой горы, над которой начали громоздиться тучи, отделилась лохматая, словно распростертая чабанская бурка, большая черная туча. Она, точно подгоняемая попутным ветром, поплыла прямо навстречу луне. Задев ее, туча отбросила на землю густую тень, и все сразу потонуло во мраке. Омар мигом выскочил на улицу и во весь дух побежал к роднику. Но когда он подошел к источнику, луна вновь выглянула из-за тучи и озарила все вокруг своим ослепительным сиянием.

Набрав воды, Омар опять опустился на тот самый замшелый камень — после ссоры с женой он не очень торопился домой, — но вдруг увидев чью-то приближающуюся фигуру, очень испугался. Мигом вскочив с места, он оставил полные ведра и стремглав кинулся в кусты. Соловей, который продолжал выводить свои трели, сразу умолк.

К своему немалому удивлению, в спускавшемся к роднику человеке молодой зоотехник узнал секретаря сельского Совета Эмина Гайдарова, худого хмурого мужчину лет сорока с узкими плечами, длинной журавлиной шеей и острым кадыком. В левой руке он держал ведро, а в правой — медный кувшин с узким изогнутым горлышком. Он шел спокойно, в полной уверенности, что в этот поздний час его никто не увидит. Но, подойдя к роднику и наткнувшись на ведра с водой, Эмин сразу остановился и украдкой посмотрел по сторонам. Когда до его настороженного слуха донесся неясный шорох из кустов, он, встревоженный этим, сразу опустился на корточки. Загородившись кувшином и ведром, затаив дыхание и втянув голову в плечи, он уставился напряженным взглядом в сторону подозрительного куста.

Прошло несколько томительных минут. Кто-то хихикнул, повергая Эмина в трепет. Омар понял, что они могут так прождать до утра, хоронясь друг от друга, поэтому встал во весь рост и, продираясь через кустарник, на ходу бодро крикнул ошеломленному Эмину.

— О, салам алейкум, дорогой секретарь сельсовета! Какая приятная встреча?!..

Эмин, еще глубже вобрав голову в плечи, испуганно прсшептал что-то похожее не то на проклятье, не то на молитву.

Подойдя к Эмину, Омар бесцеремонно похлопал его по плечу. Тот медленно поднялся, посмотрел растерянно и враждебно на бесстыдно смеющегося молодого человека.

— Ну, скажи дорогой Эмин, только честно, — с трудом сдерживая разбиравший его смех, сказал Омар, — давно ли ты ходишь за водой по ночам вот так, точно на темный промысел или на тайное свидание?

— Замолчи ради аллаха! — вдруг вскипел Эмин, с олаской оглядываясь вокруг. — Чего ты хсхочешь как сумасшедший, чему ты так вдруг обрадовался?

— Нет, ты все же скажи: давно?

— Вай аллах! — шумно вздохнул Эмин, досадой хлопнув себя по бедрам. — Ты бы лучше помолчал. Первым же сюда пришел ты, а не я. — И добавил с язвительной усмешкой: — Да еще прятался как заяц в кустах...

Омар притворился обиженным.

— Ты что, Эмин, на самом деле шутки не понимаешь? — произнес он укором и тут же дружелюбно добавил: — Ну ладно, не надо сердиться и расстраиваться, давай немного посидим, покурим.

Несколько минут они сидели молча, дымя сигаретами, прислушиваясь к петушину перепеву и тьяканью собак, доносившимся из аула. Встреча была настолько неожиданной и нежелательной для обоих мужчин, что за время «перекура» ни у кого из них не возникло желание даже перемолвиться словечком друг с другом. Первым нарушил тягостное молчание секретарь сельсовета. Резким движением бросив окурки, он вдруг с выражением крайнего беспокойства и озабоченности на лице повернулся к Омару и, схватив кончиками пальцев свой острый кадык, произнес с мольбой:

— Омар-джан, я тебя очень прошу, умоляю: не разболтай никому, даже своей жене, что ты видел меня, как я ночью ходил к роднику за водой. Знаешь пословицу: «Не передавай тайну другу, ибо у друга тоже есть друг», то есть я хочу сказать, что у жены тоже есть подруга, а у подруги тоже подруга есть. Ты меня понимаешь?

Эмин скорбно вздохнул, выжидающе глядя на молодого человека. Но, зидя, что Омар ничего не говорит, а только смеется, еще больше встревожился. С трудом подавляя вспыхнувшее в нем раздражение и досаду, Эмин, однако, заставил себя через силу улыбнуться.

— Да! Ты же недели две назад просил у меня ружье для охоты на туров, — ласково произнес Эмин, — но я тогда был вынужден отказать тебе — сам собирался на охоту. — И секретарь сельсовета, заюкиваяще глядя в хитроватые глаза Омара, с деланным ве-

ликодушнем добавил: — Заходи, дорогой, завтра, возьми ружье и держи его у себя сколько тебе надо.

Омар невольно вспомнил с обидой, как тогда свой отказ на просьбу одолжить ему на пару дней ружье Эмин объяснил не очень деликатной поговоркой: «Ружье, коня и жену не доверяй никому». Но сейчас он не стал напоминать об этом. И чтобы успокоить его, сказал:

— Не волнуйся, Эмин, не скажу никому, даже жене не скажу. Слово мужчины!

У Эмина точно камень свалился с души. Успокоенный клятвенным обещанием Омара, он с довольной улыбкой встал и не спеша подошел к роднику, держа в руке кувшин. Он только что собрался погрузить его в воду, как Омар мигом подскочил к нему сзади и резко шлепнул по худой костлявой спине.

— Эмин, гляди, еще кто-то из нашего брата направляется сюда, — чуть слышно произнес он, показывая в сторону аула.

И они, стоя рядом, напряженно и с любопытством стали следить за приближающимся человеком.

— Вах! — с радостным удивлением воскликнул Эмин. — Это же мой начальник, твой сосед, почтенный Мехти Бабаев! Я его по папахе узнаю...

Председатель сельсовета шел медленно, поминутно оглядываясь по сторонам. Но вдруг, заметив людей у родника, он сперва застыл на месте, а потом, быстро повернув назад, бросился бежать, громя ведрами. Эмин сразу пустился за ним вдогонку. Но Мехти, несмотря на то, что был человеком полным, к тому же в годах, продолжал бежать, как медведь, преследуемый роем разозленных пчел.

— Постой, Мехти, постой!.. Чего ты бежишь как лань от охотника? — наконец догнав его, сдавленным голосом произнес Эмин у него за спиной. — Это — мы, мы!..

Председатель остановился, с грохотом выронив ведро, медленно и не совсем уверенно повернулся на знакомый голос. Но видя, что встретил действительно своего подчиненного, а не кого-нибудь другого, облегченно вздохнул, снял с головы папаху и старательно вытер ею мокрое от пота лицо.

— Ух, жарко как! — проговорил он, шумно отдуваясь и тут же, к еще большему удивлению Эмина, принялся негромко и сочувственно окликать кого-то.

— Эй, выходи, дорогой, выходи, не бойся! Свои тут, свои!

Из-за толстого ствола раскидистой чинары, росшей неподалеку, вынырнула долговязая фигура Селима, секретаря партийной организации колхоза.

Омар встретил их чуть ли не с восторгом.

— О, добро пожаловать, почтеннейшие люди аула! — с преуве-

личным энтузиазмом произнес он, и тут же, указывая рукой в сторону родника, добавил: — Только чур! Давайте отныне ходить по воду днем!

— Да ты в своем ли уме, Омар?! — испугался председатель сельсовета, который еще не совсем справился с волнением.

— А почему бы и нет? — поддержал Омара парторг. — Видите, сама жизнь заставляет нас идти наперекор этому нелепому обычаю.

— Не сама жизнь, дорогой Селим, а наши с вами жены, будь они неладны! — запальчиво произнес Эмин, сердито вращая круглыми глазами. — Больно они хвост задрали! Надо бы им немного поприжать его, накрутить.

Председатель покачал головой и невесело усмехнулся.

— Смотри, Эмин, легче на поворотах! Как бы нам с тобой за это самое дело хвосты не прижали, — заметил он своему подчиненному, быть может, вспомнив в эту минуту, как жена, страдающая мигренью, не считаясь с его возрастом и высоким положением в ауле, с боем вытолкала из дому, отправляя за водой. Поэтому он, безнадежно махнув рукой, наставительно добавил: — Лучше не связываться!..

Пока председатель сельсовета, его секретарь и парторг колхоза, не спеша, набирали воду и продолжали жарко спорить друг с другом, Омар стоял и смотрел на бархатно-синее небо в золотой россыпи бесчисленных звезд, на ясную луну. Все, что произошло с ними, четверьмя мужчинами, здесь, у родника, показалось ему сейчас очень смешной и несуразной историей. Он невольно засмеялся, вспомнив свои недавние сомнения и страхи, поведение каждого из этих людей, когда они украдкой пробирались сюда, точно шли не за водой, а на какое-то святотатство.

Как бы в ответ на игривое веселое настроение Омара, в кустах вновь раздалась соловьиная трель. С улыбкой оглядев застывшие у родника фигуры мужчин, молча ожидавших его с полными ведрами и кувшинами, он, энергичным жестом указывая рукой на бескрайнее звездное небо и сияющую луну, с чувством воскликнул:

— Не правда ли, друзья, чудесная ночь?!

КАК Я ПИСАЛ ДИССЕРТАЦИЮ

— Почему бы тебе, мой дорогой, не написать диссертацию, не стать кандидатом наук? А там, как говорится, бог даст, и доктором будешь, — говорит мне жена ласково.

Мы сидим дома одни за вечерним чаем. Вопрос жены показался мне настолько неожиданным, что я даже поперхнулся. Поставив стакан на блюдце, я с полным недоумением посмотрел на свою draжайшую половину.

— А с чего это вдруг пришло тебе в голову, что я должен написать диссертацию? — спросил я ее. — Зачем?

— Как зачем? — теперь уже не ласково, а с упрямыми, раздражительными нотками в голосе произнесла жена, нахмурившись. — А что толку от того, что ты пишешь свои смешные хабары, особенно про этого странного и полоумного старика, шута горохового, которого ты величаешь — хитроумным Шими?!. Знаю, люди читают, смеются, а мне, скажу тебе, не до смеха, плакать впору.

— Почему?

— Сама знаю — почему! — вдруг ожесточается жена, пускаясь

в длинные рассуждения. — С тобой почти невозможно по-человечески ни посидеть, ни поговорить, ни посмеяться. Вечно сидишь в своем углу, как надутый индюк, и думаешь, пока в твоей сумасбродной голове не сложится какой-нибудь хабариска. А если и разговариваешь, то сам с собой, как помешанный, — порою даже дети пугаются тебя. Если мы и видим улыбку на твоей вечно озабоченной угрюмой физиономии или слышим твой смех, так только тогда, когда ты пишешь эти свои злосчастные хабары, 'будь они неладны! Клянусь, житья в этом доме нет. Не будь у меня детей — сбежала бы в родительский дом! — со слезами заключает жена:

Между прочим, эту песню я от нее слышу не в первый раз. Но насчет диссертации — это что-то новое. Чтобы она на самом деле не расплакалась (у женщин, сами знаете, глаза на мокром месте), я как можно мягче говорю ей:

— А что мне делать, если у меня профессия такая?

— Что делать?! Перемени профессию, стань кандидатом, доктором! Брось свою проклятую писанину! Она у меня сидит вот тут, в печенке!

Мне очень обидно, что жена, самый, казалось бы, близкий человек, с таким неуважением говорит о моей трудной, но почетной профессии. Мне тоже хочется сказать ей в ответ что-то обидное, колкое, но бросив взгляд на ее перламутровую коробочку на серванте с набором разных склянок, пузыречков, таблеток от нервов, головной боли, давления, бессонницы и прочего, сдерживаю себя, пытаюсь как-то объяснить ей, что у меня нет никакого призвания к профессии ученого, что написать диссертацию для меня — все равно что иглой вырыть колодец в пустыне.

— Чепуха! — громко и решительно возражает жена и тут же, понизив голос, добавляет другим тоном: — Конечно, среди тех, кто пишет и защищает диссертации, наверное, много, очень много умных, талантливых людей, дай бог им здоровья. Но кто не знает, что встречаются и такие, которых не назовешь ни умными, ни талантливыми.

И в подтверждение своих слов она ссылается на какого-то своего дальнего родственника, глупее и бестолковее которого она якобы никого еще не встречала в жизни.

— А вот, поди, защитил кандидатскую, — с завистью и обидой, гозорит жена. — Глядишь, скоро и доктором станет. А ты что, хуже его?

Не скажу, что жена убедила меня, но я тем не менее призадумался: с одной стороны, мне до смерти надоели вечные сетования жены по поводу мсей профессии, а с другой, — я поневоле вспомнил с грустью, сколько боли и огорчений доставляют мне порой мои «смешные хабары». Некоторые люди в моих героях узнают себя и при встрече косятся на меня, как бык на красный лоскут, а

инные даже открыто бранятся. Сталкивался я и с такими, которые ничего не смыслили в том, что скрывается за той или иной шуткой, а принимались толковать мои «хабары» вкривь и вкось.

Пораскинув умом, я решил, правда без особого энтузиазма, последовать совету жены. Но передо мной тут же встал вопрос: какую тему избрать для своей диссертации, какую область научной мысли, так сказать, обогатить своим вкладом? Я долго думал, но все напрасно. Какую бы тему я себе ни называл—тут же отвергал, чувствуя, что это мне не по зубам.

— А скажи, пожалуйста, на чем защитил кандидатскую твой этот самый бестолковый родственник? — озадаченно спрашиваю жену.

— На каких-то насекомых, — с готовностью отвечает жена и улыбается, видимо, решив, что благодаря ее настоянию, я, хотя и поздновато, но все-таки наконец надумал взяться за ум, то бишь за диссертацию.

Не скрою: услышав ответ жены, я почувствовал облегчение, можно сказать, почти обрадовался. Что-что, а уж насекомых-то, слава богу, я хорошо знаю. Мое детство и юность прошли в глухом лесном селении. Наш дом всегда кишел комарами, мухами, блохами, клопами, тараканами и множеством всяких шевелящихся и копошащихся существ. Помню, однажды наш сосед, поздоровавшись с моим отцом возле нашего дома, спросил его:

— Ай Дозуд! Как живешь-можешь?

— Валлах, сосед, живу клопотливо и блоховато, — с грустной усмешкой ответил мой отец, в этот самый момент прихлопнув на своем черном от загара, заросшем затылке блоху, неосмотрительно выползшую из его шубы.

И вот я тоже, как и родственник моей жены, решил написать о насекомых, точнее, об одном из самых распространенных видов насекомых — комнатной мухе. Но когда я стал интересоваться нужной мне литературой, то оказалось, что о жизни, строении, биологии, вреде комнатной мухи написано немало трудов и среди них довольно солидных. Прочитав их, я даже изумился: у иного черствого человека или высокомерного чинуши и не угадаешь, где там сердце, душа или есть ли они у него вообще, а ученые, оказывается, точно определили, что у малюсенькой ничтожной мушки и сердце на месте и нервная система в полном порядке.

Но наличие богатой и разнообразной литературы о мухе не обескуражило меня и не поколебало мою решимость писать о ней. Наоборот, наука, как и Вселенная, не имеет границ. Я избрал себе тему, никем не исследованную: «Отличие характера городской мухи от сельской и главная истребительная мера борьбы с той и другой».

Чтобы придать больший вес и значительность моей работе в

глазах будущих моих оппонентов, я во введении, ссылаясь на авторитеты, не преминул указать, какую большую опасность представляет комнатная муха, будь она городская или сельская, для жизни и здоровья граждан. И что поскольку она — один из основных переносчиков возбудителей многих заразных болезней (я насчитал их более сорока) и распространена во всех обитаемых районах земного шара, любая новая работа о домашней мухе и средствах борьбы с ней, в том числе и моя, само собой разумеется, является ценной и полезной для науки, а стало быть, и для всего человечества.

Перейдя к изложению одного из основных вопросов моей темы «Отличие характера городской комнатной мухи от сельской», я напомнил, что хотя по своему строению, образу жизни, биологическим признакам городская муха ничем не отличается от сельской, в их характерах все-таки наблюдается известное различие, которое благодаря эволюционному развитию, смене бесчисленных поколений этого вида насекомых, приняло устойчивое генетическое свойство, то есть признаки наследственности. Городская муха более шустрая, подвижная, импульсивная, впечатлительная. У нее быстрая реакция, она более назойлива, если не сказать — нахальна. Когда гонишь ее через дверь, она без всякого стеснения влетает тут же через окно. Пытаешься прогнать ее в окно, она липнет к стеклу и бежит по нему с виртуозностью канатоходца, будто знает опытная, что как из-за блохи шубу не сжигают, так из-за мухи ни один человек, будь он даже круглый идиот, не станет бить стекла в окнах, тем более сейчас, когда спрос на него очень высок.

Сельская же муха обладает более спокойным нравом. Она сонлива, малоподвижна, склонна к меланхолии, созерцанию, застенчива и не так надоедлива.

Я на обширном материале показал, что отличие характера городской мухи от сельской обусловлено социально-экономическими факторами, вернее, существенной разницей между обстановкой и условиями городской и сельской жизни.

Наличие шума, постоянные сигнальные гудки, оглушительные сирены красных пожарных машин, раздражающая трескотня бесчисленных мотоциклов, всевозрастающая интенсивность транспортного движения, многоэтажные жилые дома, задымленная атмосфера и, конечно, нехватка легкого «подножного корма» — все это наложило определенный отпечаток на характер и поведение городской мухи. В то время, как чистый деревенский воздух, покой и тишина, обилие разнообразной пищи вокруг и т. д. делают сельскую муху более спокойной и уравновешенной.

Но главным достоинством диссертации и своей несомненной заслугой перед отечественной и мировой наукой я считал по праву то, что первым среди ученых указал на возможность использования

бесчисленных воробьиных стай как самого мощного и эффективного в перспективе средства полного уничтожения этого древнего врага — домашней мухи, хотя и не отрицал некоторых достоинств ныне применяемых профилактических и истребительных мер борьбы с ней.

Почему я остановил свой выбор на воробье, а, допустим, не на ласточке, соловье или чижики, несмотря на то, что все они принадлежат к семейству воробьиных, то есть произошли, как надо полагать, от одного «праотца» и одной «праматери», как и все человеческие расы — от библейских Адама и его легковерной жены Хевы? Дело в том, что в отличие от этих птиц, которые, едва почуяв запах холода, сломя голову, удирают в жаркие страны, а возвращаются лишь в разгар весны, воробей — птица оседлая. Но от него человеку больше вреда, нежели пользы. Он наносит огромный ущерб садам и посевам. Ежегодно в ненасытных воробьиных зобах исчезают сотни тысяч тонн зерна, содержащегося на токах, элеваторах и зерноскладах. В качестве конкретного и убедительного примера (то есть, как принято говорить в диссертации — полевого материала) я сослался на известный мне прискорбный случай. Один из колхозных зерноскладов после уборки урожая до самой крыши был засыпан первосортной пшеницей. Спустя три месяца пришли на склад члены ревизионной комиссии, чтобы проверить наличие зерна и как оно хранится. И что же вы думаете? Только колхозные ревизоры заглянули внутрь склада, они тут же ахнули. Им, конечно, было от чего ахнуть. Дело в том, что за все это время со склада по колхозной разнарядке не было опущено ни одного килограмма зерна, но его, как ни странно, осталось меньше половины. Видя крайнее изумление ревизоров, завскладом, недолго думая, проворно засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Тотчас же испуганная стайка воробьев дружно поднялась с груды зерна и поспешно скрылась между пыльными балками потолка.

— Видите?! — обрадованно воскликнул завскладом, указывая рукой на воробьиную стаю. — Все они сожрали, проклятые!..

После того, как удивленные и расстроенные ревизоры, словно на поминках, молча, без застольных тостов, не чокаясь, распили вместе с завскладом несколько бутылок вина и основательно закусили, был составлен акт, в котором указывалось, что причиной крупной недостачи зерна, обнаруженной при ревизии, являются, порази их чума, воробьи...

Подтвердив таким образом, на живом факте, сколь вреден воробей для наших хлебных запасов, я в своем научном труде выдвинул блестящую идею: заставить воробья переключиться со злаков и ягод на мух, будь они городские или сельские, и, как говорится, убить сразу одним выстрелом двух зайцев.

Я не только подал идею, но и подсказал, как ее следует воплотить в жизнь. Предложил произвести скрещивание ласточки с воробьем, основываясь на том, что ласточка, в отличие от воробья, питается насекомыми, и главным образом — мухой. Она развивает скорость до ста двадцати километров в час и обладает большой маневренностью. Я рекомендовал путем неоднократных скрещиваний и всевозможных экспериментов эти полезные для нас качества ласточки передать воробью и, таким образом, вывести новую породу — гибрид ласточки и воробья («ластовороб» или «воробласт»), занимающуюся исключительно вылавливанием и истреблением мух..

Пока я писал диссертацию, жена была очень внимательна ко мне, как в первые счастливые годы нашей супружеской жизни. Ходила осторожно, на цыпочках, кашляла в кулак. Если кто-нибудь из детей начинал шуметь, озорничать, она тут же одергивала его и грозно покрикивала:

— Тише, дети! Папа пишет диссертацию!

Когда я закончил свой труд, первым долгом прочитал его жене. Она, никогда не хвалившая ни одного моего произведения, прослушав диссертацию, пришла от нее в дикий восторг, одним словом, осталась очень довольна..

Не откладывая дела в долгий ящик, я на следующий же день отправил свою диссертацию на кафедру биологии в один из крупных университетов страны... Но вот беда: до сих пор оттуда ни духу, ни слуху, хотя с того времени прошел уже целый год. Я, понятно, очень волнуюсь, всякое приходит в голову. Но моя жена, в отличие от меня, совершенно спокойна, не теряет надежды. Она все ссылается на своего глупого и бестолкового родственника..

«ЖЕНИХ» БАБУШКИ ФАТЬМЫ

Ах, была не была, расскажу вам, что приключилось со мной, старухой, недавно. Валлах, помрете со смеху. Правда, я клялась, божилась никому не рассказывать об этом, но что делать, шайтан, — да чтоб он сгинул, — так и тянет меня за язык: хоть убей, не могу молчать.

А приключилось со мной вот что. Вчера вечером, когда я выходила из дома, двое дюжих молодцов разом налетели на меня, как коршуны на голубку, быстро завернули в бурку и, от радости не чуя ног под собой, во весь дух умчали куда-то. Но это еще что! Самый главный похититель стоял на коленях передо мной, как перед богиней, объяснял мне в любви, слезно умолял, чтобы я не отвергала его любовь, иначе, мол, он, как несчастный. Меджнун из-

за прекрасной Лейли, сойдет с ума и белый свет ему будет не мил. Вот как!

Но что вы скажете, мои хорошие, если я сообщу вам по секрету: сама я хотела, чтобы парни меня похитили? Ага-а! У вас, наверно, так и чешется язык: «Ах, ты, мол, дура старая! С ума, что ли, спятила? Или кровь взыграла на старости лет?» Вы, пожалуйста, не зная, что к чему не беритесь судить, хорошо я поступила или дурно. Знаете поговорку: «Не доходя до речки, штаны не скидывают». А то, что я старая, это мне не в укор, а в честь, недаром свой век прожила. Один мой сын — боевой офицер, день и ночь границу нашу охраняет, другой мой молодец — знатный чабан, его портреты в газетах печатали, а дочь моя, дай бог ей много сил и здоровья, десятого ребенка носит под сердцем, скоро матерью-героиней будет. То-то!

Если хотите знать, в свое время я была собой пригожа не меньше, чем самая красивая молодуха сейчас во всей округе. Дай бог памяти, не помню точно, когда это было: то ли пятьдесят, то ли семьдесят лет назад к нам в аул приезжал один ашуг, веселый, голосистый такой, как соловей в весеннюю пору. Так он в своей чудесной песне сравнивал мои щеки с румяным яблоком, уста — со сладчайшим медом, а зубы — с аравийским жемчугом. Правда, от этого «жемчуга» у меня теперь остался во рту один только передний зуб. И стоит мне засмеяться, как мой годовалый внучонок тут же поднимает крик, боится, паршивец, думает, я хочу укусить его или нарочно пугаю.

Да, я немного отвлеклась и уже забыла, с чего начала.. Вот, вспомнила!.. Сижу, значит, я вчера одна у себя в сакле, качая люльку, а сама слегка дремлю. Вдруг слышу: кто-то открыл дверь и тихо вошел в комнату. С трудом открываю глаза, смотрю — это Микаил пришел, соседский парень. Лицо у него приметное: чересчур смуглое, скуластое, брови черные, лохматые, и улыбка — до ушей. Я его за версту увижу — и сразу узнаю. Он славный юноша: такой скромный, почтительный и работник хороший.

Микаил остановился посреди комнаты, смотрит на меня и ничего не говорит, только чешет затылок и смущенно улыбается.

«Ну, Микаил, с какими добрыми вестями к нам пожаловал?» — зевая во весь рот, спрашиваю его.

Микаил подошел поближе и присел на корточки возле меня. «Знаете, бабушка Фатьма, — говорит он мне доверительным тоном, — у меня к вам очень важное дело...»

Я, правду сказать, гляжу на него еще сонная и недоумеваю: какое у него может быть ко мне, старухе, важное дело? Я что ли хаким-начальник какой или этот самый депутат совета?

«Ну говори, что у тебя за дело ко мне», — неохотно отвечаю ему.

А Михаил, прежде чем сказать, внимательно огляделся по сторонам и потом чуть слышно заговорщически прошептал: «Только, бабушка Фатьма, чур! То, что я вам скажу сейчас — большая, очень большая тайна. Ни одна живая душа, кроме нас с вами, не должна знать об этом, обещаете?».

«Эге, — думаю, — коли он так серьезно предупреждает, стало быть, дело и впрямь нешуточное». Я сразу повеселела. Сонливость мою как рукой сняло, любопытство начало разбирать меня. А я ужас какая любопытная! Мой покойный муж, мир его праху, бывало, частенько ругал меня за эту мою слабость. «Тебя, Фатьма, хлебом не корми, — не раз выговаривал мне блаженной памяти мой муж, — только дай волю ходить по аулу и собирать всякие хабары, а потом, подобно сороке в лесу, весь день трещать о них без умолку».

«Ну, ладно, не тани, рассказывай!» — тороплю я Михаила, чуть толкая его в плечо.

Михаил, придвинувшись еще ближе, шепотом говорит мне: «Мы сегодня вечером, бабушка Фатьма, хотим украсть одну девушку. » Вай! Как только я услышала это, кровь бросилась мне в голову. Схватив тотчас же с пола длинную палку (я ее всегда держу при себе, чтобы можно было не вставая с места прогонять кур и цыплят, которые забираются в саклю), в гневе замахнулась на Михаила. «Сейчас же разобью твою дурацкую башку этой палкой, харамзаде-негодник! — кричу на него не своим голосом. — Как это так украсть чужую девушку?!. Я-то думала, ты хороший парень, а ты, оказывается, вон какой разбойник!..»

Ребенок от моего крика проснулся в люльке и так завопил, будто его сто чертей напугали во сне. Да и Михаил, вижу, тоже испугался не на шутку. Схватив мою руку, он начал умолять меня: «Бабушка Фатьма, ради бога успокойтесь. Я совсем не то хотел сказать.. Послушайте же дальше!..»

Я неохотно положила палку на место и, сердито косясь на Михаила, принялась опять качать люльку «Пес тебя знает, Михаил, — ругаю его. — То говоришь, что хочешь украсть девушку, а как увидел у меня в руках палку, запел совсем другое. Поди разберись...»

Короче говоря, из слов Михаила я поняла, что у него есть загадочный друг Ильяс. Этого Ильяс-балбеса я тоже знаю. Он так видный из себя парень, но пьяница и бездельник, нигде не работает, сидит у бедной вдовы-матери на шее. Словом, один из тех негодников, о которых говорят: «Вечером пьяница — утром лентяй». Он, оказывается, по уши влюблен в девушку Рукият. Легкомысленный, а знает, шельма, в кого влюбиться. Она такая стройная, миловидная, притом, знаете, самая лучшая доярка на ферме. В прошлом году, говорят, она заработала ни мало ни много шестьсот

трудодней! Вот какая молодчина! На двух больших машинах перевозили ей зерно и разное добро из колхозного амбара. Если верить Микаилу, этот бездельник ей тоже нравится, но выйти за него замуж боится. И правильно делает. Кому нужен муж-пьяница. Кто пьяницу полюбит — свою жизнь загубит.

И вот этот самый Ильяс решил похитить нашу милую Рукият, а Микаила просит, как друга, помочь ему в этом нечистом деле. А Микаил, словно между двух огней: отказать другу — духу не хватает, позорить девушку — совесть не позволяет. Но самое главное, что Микаил хотел сказать мне (о чем узнаете потом), он прошептал мне на ухо. Я, недолго думая, с хитрой улыбкой кивнула ему в знак согласия.

И вот поздно вечером, когда все легли спать, я быстро накинула на голову платок, вышла из дому, незаметно и бесшумно пробралась во двор, где живет Рукият. Ночь была безлунная, очень темная, хоть глаз выколи. Как только я там очутилась, кто-то человек, видно, очень сильный и ловкий) внезапно набросил на меня тяжелую бурку, проворно завернул в нее, как младенца в пеленку, и, тут же взвалив меня на плечи, понесся куда-то со всех ног. Все это произошло так быстро, что я даже пикнуть не успела.

«Куда ее теперь?» — слышу я сдавленный голос Микаила. «Забыв, что ли? — рыгая, строго отвечает Ильяс. — Неси, как мы условились, в «Пещеру любви», да поскорее, пока нас никто не увидел».

«Пещера любви», огромная и темная, находится в высокой скале, за версту от нашего аула. Весною и осенью во время перегона овец чабаны укрываются в ней от дождя и гроз. Почему ее называют «Пещерой любви»? Говорят, когда-то один из слуг хана похитил красивую невольницу из его гарема, которую очень любил. Скрываясь от ханского возмездия, они здесь нашли приют для своей любви.

«Ты, пожалуйста, осторожно, — раздается предупреждающий голос Ильаса, когда мы отошли на почтительное расстояние от аула, как я поняла по отдаленному лаю собак. — Ты слушаем, не задушил ее? Я же знаю, какой ты медведь! Видишь, она даже звука не издает, а тебе хоть бы хны!..» «Да ты не волнуйся, Ильяс, — успокаивает друга Микаил, который несет меня на своих широких плечах, как купец свой драгоценный клад. — Она, видно, с перепугу просто лишилась голоса. Пустяки!.. А что касается «Пещеры любви», я туда с закрытыми глазами пройду». «Иди, пожалуйста, с закрытыми глазами куда хочешь, только не туда, куда мы сейчас направляемся с таким, можно сказать, бесценным грузом, — придирается Ильяс к словам Микаила. — Тут и с открытыми глазами не знаешь куда ступить ногой, чтобы не споткнуться, не упасть, а он, видишь ли, с «закрытыми глазами»..»

Микаил начинает сердиться. «Я не виноват, — говорит он ему, — что ты опять напился и тебя шатает. Мог хотя бы по этому случаю воздержаться от вина, тем более знаешь: она не хочет за тебя выходить замуж только потому, что ты всегда под мухой» «Ни-и-и-чего-о! Теперь хочешь-не хочешь вый-й-дет, как миленькая, — самоуверенно произносит Ильяс. — Поэтому я и решил похитить ее».

Прислушиваясь к разговору двух друзей, моих похитителей и, представляя себе, что будет, когда Ильяс узнает, кого они похитили, меня начинает разбирать смех, но я креплюсь, стараюсь не издать ни звука.

И вот, как только мы оказались в пещере, Микаил, пыхтя и отдуваясь, осторожно, будто хрупкий сосуд, кладет меня на землю, тихо прислонив спиной к стенке.

«Зажги фонарь!» — слышу я опять нетерпеливый голос Ильяса.

Как только фонарь осветил закопченные дымом чабанских костров голые стены пещеры, влюбленный Ильяс с жаром кинулся ко мне, упал на колени.

«О, моя дорогая! О, моя ненаглядная! — прижимая обе руки к груди и обдавая меня винным духом, громко и взволнованно восклицает Ильяс, как все равно в театре. — Прости мне мой дерзкий поступок, я без тебя жить не могу, стань моей женой!..»

Я нарочно подождала, пока Ильяс кончит изливать душу, а потом разом скинула с себя бурку и с усмешкой уставилась на него.

«Ладно, разбойник, пусть будет по-твоему, — отвечаю ему. —

Если ты и вправду так любишь меня и не можешь жить без меня, так и быть, я согласна — выхожу за тебя замуж!»

Вижу у Ильаса глаза на лоб полезли и язык отнялся. Он вскочил с испуга и минуту стоял как вкопанный. «Ах, это вы, бабушка Фатма! — упавшим голосом вымолвил он наконец. А потом вдруг рассвирепев, кинулся на бедного Михаила: — Кого же ты прихватил, идиот?! Где были твои глаза?!...»

«Вай аман! — шлепнул себя по вспотевшему лбу Михаил, притворяясь удивленным и расстроенным. — Волновался очень, да и темно было... Что теперь будет!?»

Ильяс, видя, что дело плохо, хотел было удрать, но я в один миг вскочила с места и удержала его за пестрый галстук, точно непокорного бычка за веревочку. «Я не позволю, — говорю, — со мной шутки шутить! Раз похитил, объяснился мне в любви при живом свидетеле, так изволь жениться. Иначе я сейчас пойду в сельсовет жаловаться. Тюрьмы и позора тебе не миновать, так и знай!» А Михаил, пряча хитрую улыбку, весело подмигивает мне: дескать, молодец, бабушка Фатма, страшай его, негодника, вгоняй в пот, выбей дурь из головы!

Я наступаю на Ильаса, а он пятится назад, выставляет вперед руки — боится, паразит, как бы я не заключила его, «милого женишка», в свои нежные объятия.

«Что вы, что вы, бабушка Фатма! — со страхом говорит Ильяс, бледнея. — Произошла ошибка... не по моей вине. Пусть в таком случае Михаил женится на вас! Это он, он виноват!...»

А я стою на своем, требую: «Ты, говорю, хвостом не виляй! Объяснялся мне в любви не Михаил, а ты! И ты должен на мне жениться!...»

Но Ильяс не сдается, размахивает руками, кричит, как оглашенный: «Как я могу на вас жениться — вы старше моей бабушки?! Я же сказал вам: произошла ошибка, ошибка произошла!...»

А я будто сейчас только его поняла, говорю ему: «А-а! Вон оно что! Выходит, что ты, рожа пьяная, сегодня в темноте подстерегал как волк овечку, невинную девушку, чтобы похитить ее, опозорить, а по ошибке сцапал меня, старуху? Если бы так похитили твою мать или сестру, как бы тебе это понравилось?..»

Я продолжаю задавать ему жару, а Михаил то и дело толкает его в бок и говорит ему тихо, но так, чтобы я слышала: «Падай сейчас же в ноги бабушке Фатме, проси прощения, иначе — пропади мы!»

Одним словом, чтобы вам долго не морочить голову, кончилась эта история тем, что напуганный до смерти Ильяс встал опять на колени передо мной, на этот раз, чтобы просить у меня прощения. А самое главное — он дал мне клятву бросить пить, не быть ярмом на шее бедной матери, работать как все нормальные здоровые лю-

ди. А я за это обещала никому о моем похищении не рассказывать и, если он исправится, помочь ему жениться на любимой девушке.

Как видите, первое свое обещание, разрази меня, я нарушила — не удержалась, рассказала вам про свое похищение. Но, клянусь вам, я обязательно выполню свое второе обещание. Дело только за Ильясом, забодай его козел!..

ХАБАР И ХИНКАЛ

Дедушка Азиз вышел из сакли, остановился посреди двора и огляделся вокруг. Землю уже окутывали теплые летние сумерки, в которых постепенно расплывались очертания высоких гор, окружавших его родной аул. На небе зажглись первые звезды, а во многих окнах засветились огоньки.

«Пора идти», — подумал старик. И только сделал первый шаг, как навстречу ему из коровника вышла жена, долговязая старуха с большими натруженными руками и постным лицом. В правой руке она держала медную, блестящую в сумерках бадью с парным молоком. На минуту они остановились друг против друга: она — высокая, костистая, он — маленький, сухонький и чуть сутулый.

«Вот аллах послал мне женушку, то ли в наказание за мои грехи, то ли в награду за мою доброту, — мысленно усмехнулся Азиз, косо оглядывая жену и задумчиво поглаживая рукой коротко стриженную белоснежную бородку. — Как я на ней женился — ума не приложу?!»

Несмотря на свое врожденное добродушие, дедушка Азиз не выносил, когда жена становилась вот так перед ним и смотрела на него сверху вниз. Ему казалось, что это унижает его мужское достоинство.

Первой нарушила молчание жена.

— Ва, Азиз, ты опять куда идешь?

— Куда хочу, туда и иду, еще буду тебя спрашивать! — сердито проговорил он, передернув узкими худыми плечами и тут же, горделиво подняв голову, прошел мимо жены. Старуха не нашлась сразу, что сказать своему своенравному и чудаковатому мужу, лишь после некоторого молчания она крикнула ему вслед:

— Вот-вот дети должны вернуться с поля, хинкал уже сварился. Остался бы дома, натолок чесноку, поужинали бы вместе!..

Азиз, не задерживаясь, шел дальше, не обращая внимания на ее слова. Потом вдруг, словно вспомнив что-то, остановился, повернулся в ту сторону, где все еще стояла жена с бадьей в руке.

— Эй жена! — громко произнес Азиз, чуть приподнимаясь на дыпочки. В голосе его звучали сейчас решимость и в то же время насмешка над ее словами. — Хоть и говорят: «Хинкал лучше ха-

бара», а по мне, добрый хабар лучше твоего худого хинкала, хе-хе. Я иду слушать хабар!..

Сказав это, дедушка Азиз ускорил шаг. Он мысленно выругал жену: из-за ее глупой болтовни как бы не опоздать в клуб, куда он спешил сейчас. Сегодня аульский радиоузел трижды оповестил джамаат о том, что приехал ученый-лектор из города читать лекцию для верующих «О происхождении жизни и человека».

...Из восьмидесяти лет своей долгой жизни шестьдесят пять лет дедушка Азиз ходил за отарой. Два года тому назад его чествовали всем аулом и с почетом проводили на заслуженный отдых. С тех пор не было ни одной лекции или вечера, на которых он бы не присутствовал.

Правда, говорят, что лектор, который приехал сегодня из города, очень молод, совсем юноша. Многим верующим, которые будут слушать его сейчас, он не только во внуки, но и в правнуки годится. Ну что же из этого? Есть пословица: «Ум не в возрасте, а в голове». Иной человек долго живет, а бестолку, только небо коптит. На другого посмотришь: молод-зелен, а умом всех превзошел..

Рассуждая так, старик не заметил, как очутился у дверей клуба. Азиз осторожно заглянул в зал. Он был полон народу — почти одни старики и старухи. На трибуне стоял бледнолицый юноша в пестром галстуке и с гладко расчесанными блестящими черными

волосами. Все скамейки были уже заполнены, только в первом ряду, у самой трибуны, оставалось несколько свободных мест. Азиз тихо протиснулся и чинно уселся.

— Товарищи! Прежде чем рассказать вам, как произошла жизнь на земле и как появился человек, — уверенно начал молодой лектор, — я коротко объясню вам, что такое жизнь..

Дедушка Азиз нетерпеливо заерзал на месте и подставил свою маленькую морщинистую ладень к уху: очень любопытно, что на этот счет он собирается говорить им, старикам, прожившим жизнь.

— Жизнь есть способ существования белковых тел, — тем же уверенным тоном продолжал гость. — Сущность жизненного процесса заключается в непрерывной и одновременной ассимиляции и диссимиляции живого..

Дедушка Азиз зажмурил глаза и энергично покрутил головой, точно желая встряхнуть свои старые мозги и, подавшись вперед всем телом, еще больше напряг несколько ослабленный с возрастом слух. Но и после этого все, что говорил оратор, не доходило до его сознания, оставаясь для него, как говорится, книгой за семью печатями. А лектор, словно забыв перед кем он выступает и будто нарочно шеголяя своей эрудицией, сыпал в зал научные, совершенно непонятные Азизу и другим присутствующим термины: агностицизм, детерминизм, мистицизм, идеализм, дуализм, анимизм, пантеизм, панпсихизм, делая ссылки на Платона, Демокрита, Аристотеля, Спинозу, Гегеля, Фейербаха, Дарвина..

«Что за имена, как горох из торбы, сыплет этот юноша? — искренно недоумевал дедушка Азиз. — Какие люди носят эти имена, мужчины или женщины, христиане, иудеи или язычники, здравствующие или давно умершие?.. Может, у этого юноши жар и ему нездоровится?.. А в жару человек может сказать не только все, что взбредет на язык, но и выкинуть самую неожиданную штуку. Ведь был же с ним, Азизом, случай, когда он заболел однажды двусторонним воспалением легких и в бреду принял собственную старуху, которая старалась напоить его теплым молоком, за самого Азраила — ангела смерти, пришедшего по велению бога за его душой. Он тогда, недолго думая, вскочил с постели, сорвал со стены кинжал и в одном исподнем с решимой яростью погнался за женой. Хорошо, что на ее крик вовремя подоспели люди, силой увели его в дом, уложили обратно в постель, иначе не миновать бы греха..

От этих размышлений отвлек дедушку Азиза богатырский храп, раздававшийся прямо за его затылком. Он невольно обернулся и увидел, что кузнец Сафар спит, сложив свои темные здоровенные ручки на животе, опустив кудлатую голову на широкую грудь, которая, как мехи в его кузнице, вздымалась и опускалась в такт храпу. Соседи его сидели тоже с безучастными, скучающими лицами. Это окончательно вывело дедушку Азиза из терпения.

— Можно?! — громко произнес Азиз, обращаясь к лектору.

— Нельзя! — тот час же громовым басом воскликнул кузнец, который сквозь сон принял этот вопрос в свой адрес. — Я еще твоего ишака не подковал, подожди попозже!..

Но в тот же миг, проснувшись, кузнец беспокойно огляделся, растерянно моргая сонными глазами. Этот неуместный возглас, растерянный и сконфуженный вид кузнеца на некоторое время вызвали оживление и дружный хохот в зале. Посыпались шутки, остроты. Наконец, когда все стихло, лектор, скрывая досаду, спросил Азиза:

— У вас вопрос ко мне? Но я еще не кончил. — Потом, немного подумав, добавил: — А впрочем, что вы хотели?

— Твоего здоровья, сынок, прежде всего, — любезно, но со скрытыми нотками недовольства и насмешки произнес он, привычно трогая седую бородку. — Ты, сынок, прости меня, старика, что немного помешал твоей лекции. Ночь еще впереди, успеешь наговориться, — начал издаലെка старый Азиз. — Если наступил момент снести курочке яичко, ты хоть пугай ее тапанчой, не остановишь. Так и у меня. Если меня беспокоит какая-нибудь мысль, вопрос или сомнение, я их обязательно должен высказать, нравится ли это кому или не нравится, такой уж у меня характер...

— Вы, дедушка, пожалуйста, говорите по существу! — бросил с трибуны гость, жалея, что дал этому, как ему показалось, «вздорному старику» слово.

Но дедушка Азиз, пропустив мимо ушей его замечание, продолжал спокойно:

— Ты, наверное, сынок, не знаешь горскую поговорку: «Конь узнается по ходу, человек — по слову». К чему я это веду? Вот ты сейчас сказал, что жизнь есть вроде «халам-балам», «хапур-чапур»* Услышав это, сынок, я невольно подумал, что ты еще не знаешь настоящей жизни, раз о ней так думаешь...

— Да я ничего подобного не говорил! — возразил удивленный лектор.

— Говорил, говорил! — с места подтвердили несколько человек. Лектор, смеясь, недовольно покачал головой.

— Я говорил «ассимиляция и диссимиляция», а не «халам-балам». — настаивал на своем лектор.

— Это одно и то же: «Что Хужа-Али, что Али-Хужа»!** — уверенно выкрикнул кто-то с задней скамейки.

— Видишь? — торжествуя, взглянув на лектора, весело произнес старый Азиз. — Не зря говорится: «Сорвалось с языка — досталось всему миру». Знаешь, сынок, неглупые люди выдумали

* Халам-балам, хапур-чапур — всякая всячина, чехупа, вздор.

** Поговорка.

пословицу: «Жизнь — что соленая вода, чем больше пьешь, тем больше жажда». Вот что такое жизнь. На своем веку я видел много хорошего и много плохого. Теперь я стар. Как бы сердцу не молодиться, а телу не обновиться. А хочется, сынок, как хочется, чтобы оно обновилось. Жизнь-то нынче совсем не та, что была при моей молодости. Где ты сейчас увидишь, чтобы дети горцев с голыми пупами шлялись по аулу, а взрослые мужчины из-за куска хлеба скитались по чужим краям, сахаром лакомились только на свадьбах? Ты бы лучше сказал нам, как сделать жизнь еще краше, чтобы человек жил долго и бодро. Вот до тебя здесь читал лекцию доктор, дай аллах ему здоровья. Много хороших слов он говорил, а хорошее слово — пища для души. Говорил, почему вредно пить водку, особенно молодому. Молодой и без вина пьян, а напьется, так совсем голову потеряет, натворит беду. Потому-то и говорили блаженной памяти наши деды-прадеды: «Если бык опасен спереди, осел сзади, то пьяный человек опасен со всех сторон...»

— Хватит, дедушка! — страдальчески сморщив лицо, резко перебил Азиза лектор. — То, что вы говорите, к теме моей лекции не относится. Садитесь и не мешайте, пожалуйста, слушать другим!

Дедушка Азиз хотел дать ему еще несколько мудрых советов, но, с досадой махнув рукой, сел на место. Он решил до конца лекции больше не проронить ни слова, какой бы вздор не нес этот юноша.

Но, когда лектор коротко «ознакомил» присутствующих с эволюционным учением Дарвина о происхождении видов и тут же, без всякого перехода заявил, что наши далекие предки произошли не от так называемых прародителей Адама и Евы, как утверждается в Библии и Коране, а от человекоподобных обезьян, дедушка Азиз, как и другие старики, был поражен в самое сердце. И многие из них с сердитым восклицанием «аставпирулла!» беспокойно задвигались на своих местах.

— Один из видов этих обезьян, — продолжал молодой лектор, не обращая внимание на реакцию зала, — является орангутанг, что означает в переводе «лесной человек». Орангутанг, как и человек, не имеет хвоста, а на конечностях у него, как и у нас, пять пальцев, а во рту тридцать два зуба. Всем человекообразным обезьянам — горилле, орангутангу, шимпанзе, гиббону — свойственны чувства радости и гнева, печали и любопытства и в отличие от хвостатых марьяшкообразных обезьян, не говоря о других представителях животного мира, они смеются, плачут.

Дедушка Азиз, вопреки своему решению, опять собрался вступить в полемику с приезжим лектором, но его опередила одна старуха, сидевшая рядом с кузнецом Сафаром. Она, видно, сочла слова об обезьяне за осквернение памяти своих усопших предков, по-

этому крайне возмущенная этим, вскочила с места и, как рассерженная гусыня, вытянув жилистую шею, прошамкала беззубым ртом:

— Шам ты обежяна, сын обежяны! Каркаешь тут што попало!

И продолжая ворчать и браниться, старуха демонстративно покинула зал.

После лекции Азиз сразу поспешил домой. Все уже спали, кроме старухи, которая терпеливо ждала возвращения мужа, чтобы подать ему ужин. Увидев жену, Азиз, против обыкновения, приветливо и ласково улыбнулся ей.

— Валлах, жена, зря я на этот раз не послушался тебя, — с сожалением проговорил он и, строго нахмурив брови, добавил: — Чем такой хабар, который мы только что слушали в клубе, твой хинкал в тысячу раз лучше. Подавай его! Бисмиллах!

СЫН

Доброй памяти моего русского друга-однopolчанина А. В. Потапова посвящаю.

Я шел по неоглядной степи, освещенной закатными лучами апрельского солнца. По ней, с хрустом щипая молодую ярко-зеленую траву, медленно, врассыпную двигалась отара в направлении кошары. Было прохладно и ветрено.

Мимо меня, подрагивая непомерно вздутым животом, бежала из последних сил, словно спасаясь от погони, лохматая овца с грязной клочковатой темно-коричневой шерстью. Вдруг она остановилась, как вкопанная, возле приземистого кустика и тут же с тревожным, прерывистым блеянием, точно сраженная пулей, рухнула на землю. Ноги ее начала сводить судорога, и сама она затряслась как в лихорадке. Несколько раз животное с жалобным криком пыталось поднять голову, но тут же беспомощно роняло ее опять на землю.

Прибежал чабан, пожилой человек среднего роста, в папахе такого же темно-коричневого цвета, как и шерсть на его овце, в истоптанных и облепленных глиной кирзовых сапогах. Бросив ярлыгу, он быстро опустился на корточки и принялся осторожно давить заскорузлой ладонью живот овцы.

Я тихо подошел и остановился около старика. Заметив меня, он не отрываясь от дела, чуть поднял голову и, повернувшись лицом в мою сторону, кивнул мне со сдержанной улыбкой. Не прошло и пяти минут, как он бережно подхватил трепещущего новорожденного ягненка и также бережно положил его перед носом матери. Ягненок был беленький, с мокрым тощим тельцем и черным пятнышком на лбу. Овца, совсем обессиленная родовыми муками, про-

должала еще дрожать всем телом, но уже успокоенная, принялась с горячей нежностью обнюхивать и облизывать своего детеныша. Старик опять взял ягненка в руки и, ласково глядя на него, с добродушной усмешкой на смуглом, с крупными, но редкими морщинами худощавом лице, с нарочитой громкостью произнес:

— Ну, «богатырь», узнал, кто твоя мать, а теперь попробуй материнское молочко!

С этими словами он приставил ягненка к вымени овцы. Ягненок тотчас же принялся живо сосать мать, словно он это проделывал уже тысячу раз. Чабан поднялся и, отерев мокрые руки о свою старую темную ватную стеганку, поздоровался со мной за руку и тут же, показав взглядом на овцу и ее младенца, доверительно, точно старому знакомому, промолвил:

— Сейчас ходи да гляди в оба: что ни день, то десять-пятнадцать овец ягнятся у меня в отаре. Сегодня это уже четырнадцатая.

Чабан на мгновение умолк, потом, с неожиданным любопытством посмотрев на мои корреспондентские атрибуты — фотоаппарат и полевую сумку, спросил:

— В командировку?

— Да. Я из республиканской газеты.

Старик понимающе кивнул головой, дружелюбно улыбаясь одними глазами. Они у него были карие, приветливые, с твердым, но немного грустным взглядом. В это время подошел другой чабан, молодой совсем парнишка, лет семнадцати, видно, его помощник. Честно говоря, если бы он не держал в руке ярлыгу и не носил на плече котомку, я бы ни за что не подумал, что он тоже чабан.

Парень был одет, как некоторые наши тогдашние аульские щеголи. На нем были ладные хромовые сапоги, новые габардиновые галифе и гимнастерка, перехваченная в талии широким блестящим офицерским ремнем, светло-серая каракулевая папаха, заломленная набекрень. Мое удивление еще больше возросло, когда он назвал пожилого чабана «отцом».

Внешностью своей парень хоть сколько-нибудь не был похож не только на своего отца, но вообще на южанина. Курносое добродушное лицо со светлой кожей, задорно-веселые голубые глаза, мягкие льняные волосы — все как будто выдавало в нем уроженца северных областей России. «Может, кто из предков старого чабана или его жены был русским? — невольно подумал я про себя. — Ведь во времена долгих шамилевских войн было немало случаев, когда николаевский солдат, очутившись у горцев, принимал их веру, обычаи, рождался с ними, женившись на горянке. А в потомках, как известно, очень часто оживает облик близких или далеких предков...»

Молодой чабан низко наклонился над овцой, погладил ее по впавшему после родов боку, затем ласково дернул за куций, ше-

велящийся хвостик ягненка, поглощенного своим занятием. Потом, выпрямившись, повел рукой по мягкому с ямочкой подбородку и, прищурив задорно-веселые голубые глаза, сказал старику:

— Отец, я отнесу ягненка в кошару, в тепляк.

Старый чабан молча кивнул головой.

Парень извлек из котомки серую тряпку, старательно завернул в нее ягненка, чтобы он не простудился на ветру, и двинулся к кошаре, желтые камышковые заборы которой отчетливо виднелись отсюда на фоне вечернего неба. Овца раза два беспокойно заерзала на месте, потом тяжело, с трудом поднявшись, поспешно засеменила неровной походкой за своим детенышем.

Когда я глядел вслед уходящему молодому чабану, мне вдруг показалось, что я где-то видел его и не раз. Я видел это лицо, эти голубые с прищуром задорно-веселые глаза, этот мягкий с ямочкой подбородок, видел этот привычный жест, слышал этот голос, но где?.. И почему-то думалось, что видел я его, когда служил в армии.

И я тут же стал перебирать в памяти людей, которых знал или хорошо запомнил за годы своей сравнительно долгой почти пятнадцатилетней военной службы. Она для меня началась в первый же день вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну и кончилась только три года назад. Но так и не вспомнив, где встречался с этим парнем, я вдруг со всей ясностью понял, что не мог его видеть среди своих сослуживцев ни во время войны, ни после нее. Ведь парнишке-то от роду не более семнадцати?.. Я даже поразился: как такая нелепая мысль могла прийти мне в голову?..

За степной далью уже погасло зарево. Начало темнеть. Старик, покрикивая на овец, то и дело размахивая длинной ярлыгой, стал торопить их к кошаре. Ему в этом помогали огромные лохматые чабанские псы-волкодавы с коротко отрезанными ушами и благодушно-свирепыми мордами. Они, бесшумно подойдя вплотную к отстающим овцам, подгоняли их своим сердитым рычанием и угрожающим отрывистым лаем: чего, мол, мешкаете, не слышали команду?!

Почувяв приближение отары, маленькие ягнята в кошаре, выпущенные, видимо, из тепляка, дружно и разноголосо заблеяли. И тут же, убыстрив шаг, им начали вторить овцы.

Когда отец и сын пропустили всю отару в кошару, в ней на некоторое время началась острая суматоха, настоящее столпотворение. Пока матки и ягнята искали друг друга, они истошно орали, кричали на разные голоса, страшно суетились, бегали, как очумелые, оттесняя, отталкивая друг друга. Казалось, вся вечерняя степь от края до края наполнена сейчас их невообразимым криком, шумом и топотом.

До единственной в этой местности небольшой захолустной железнодорожной станции, куда я сейчас держал путь, оставался еще добрый десяток километров. Надвигалась ночь, темная, ветреная. В такую ночь в незнакомой степи запросто можно сбиться с дороги, заблудиться. Поэтому, когда гостеприимный чабан предложил мне остаться у них ночевать, я охотно согласился.

Через час мы со стариком, точно два давних знакомых, сидели в чабанке — маленькой глинобитной хатенке с глиняным полом. В углу на черном ворсистом войлоке лежала аккуратно свернутая постель. У правой стенки возле низенького окна стоял небольшой стол с приемником, на котором лежала большая кипа книг с тетрадями. В самодельном очаге, дымя, тихо, без треска горел кизяк. Из стоявшей на нем закопченной кастрюли без крышки исходил аромат вареного мяса. Огонь отбрасывал красноватый свет, который делал невзрачную чабанку как-то уютнее и приветливее.

Парня не было с нами. Когда мы со стариком направлялись в чабанку, он, о чем-то поговорив с отцом, сел на лошадь и усакал куда-то.

В кошаре наконец как будто воцарилась тишина. Только иногда доносилось сонное отрывистое блеяние ягнят. Но среди этих редких толосов все время, беспрерывно раздавалось надсадное, громкое блеяние какой-то овцы. Она буквально разрывалась. Я невольно стал прислушиваться: что с ней?..

— Да это овца, у которой два дня назад после родов пал ягненок, — почувствовав мое недоумение, объяснил чабан. — Мы с сыном решили завтра загнать ее в специальную клетку, запереть ее там на два-три дня и приставить к ней чужого ягненка, мать которого принесла двойню.. Ничего, привыкнет к нему, полюбит как своего, — уверенно заключил мой собеседник.

И хозяин стал рассказывать мне, как эта самая овца вчера ночью, прорвав плотный камышовый забор, бежала в открытую степь. Вернулась она на рассвете, вся помятая, испачканная грязью, с откушенным курдюком — волк отхватил. Видно, серый был один, притом сыт или очень стар, иначе бы ей, бедняге, не унести мог. Сразу же по возвращении в кошару, овца, не найдя своего детеныша, пыталась опять бежать назад, но ее с трудом поймали, насильно водворили в кошару и привязали.

— Не ест, не пьет, все время кричит вот так, — с грустью проговорил чабан.

Когда мы поужинали и начали курить, я спросил старика, куда поехал его сын на ночь глядя.

— На центральный кутан колхоза, — ответил он. — Две недели от матери нет письма, и вот волнуется. Задно и свежие газеты прихватит.

Но когда я сказал ему, что мне сначала показалось, что маль-

чик не его сын, а какой-то русский парнишка, старик неожиданно вздрогнул и смутился, сигарета, которую он держал между пальцами, так и застыла возле рта. Заметив это, я сам вдруг почувствовал себя очень неловко. «Неужели он понял меня по-дурному?..» — неприятно мелькнуло в голове.

Наш непринужденный дружеский разговор на какое-то время оменился неловким, тягостным молчанием. Но первым нарушил его сам хозяин.

— Ты, кунак, верно заметил, — вопреки моему ожиданию заговорил он спокойным и почти дружелюбным тоном, стараясь не выдать своего волнения, которое все же чувствовалось по его слегка дрожавшему голосу. — Иса у меня не родной сын, а приемыш...

Он бросил недокуренную папиросу в потухающий очаг и, с минуту задумчиво уставившись на него, заговорил вновь:

— У меня, кунак, нет своих детей, — тихо, точно рассуждая сам с собой вслух, начал он свой рассказ, который я слушал, не перебивая. — Дети у меня были, но все они умерли, когда еще были маленькими. И что только я не делал, чтобы спасти их: и лекарства разные добывал, и энахарей приглашал заговаривать болезнь, не жалел последние деньги на садага* — и все попусту. За что меня бог так карал — не знаю. Я боялся, что так и останемся с женой на всю жизнь бездетными. А на что человеку жизнь без детей?..

Из девяти моих детей выжил только один, Магома его звали. И когда он болел — а дети, кунак, чем только не болеют, — мы с женой сами чуть не умирали от горя и тревоги. А когда он чувствовал себя здоровым, резвился, смеялся, казалось, счастливее нас не было на свете людей.

Зато какой парень он стал, когда вырос, если бы видели его: сильный, красивый, смелый. Словно судьба, которая всегда была неласкова к нам, наконец, сжалившись вознаградила нас с женой за все наши потери и страдания... Мы собирались женить его, подыскали ему невесту, думали скоро, дай бог, будем нянчить внуков, но тут к несчастью, грянула война...

В первый же день войны мой сын ушел на фронт. Надо ли говорить, как тяжело было нам отправлять единственного сына на войну, где каждый день тысячами гибнут люди? Но что делать: когда враг грозит тебе, с оружием ломится в твою саклю, об этом не приходится думать. Да и сам он, мой сын, как я заметил, был доволен и даже горд, что едет сражаться с ненавистным врагом, как подобает мужчине в такой грозный для Родины час.

Я работал чабаном, день и ночь находился при отаре, но сердце, все мое существо были там, на фронте. Каждый день думали,

* Садага — приношение, подавание, пожертвование в религиозных, благотворительных целях.

гадали с женой: где сейчас наш сын, жив ли, а может, ранен или, не дай бог, убит? Если бы не письма, что он посылал нам регулярно, мы бы совсем извелись.

И вот однажды вместо письма от сына нам принесли какое-то извещение. Сказали от райвоенкомата. Ах, кунак, не знаю как вам это передать... Мне, скажу вам, было бы легче, в тысячу раз легче принять пулю в грудь или кинжал в бок, чем услышать то, с чем писалось в этой черной бумажке...

Голос у него дрогнул и смолк. Старик опустил глаза, на лицо, точно траур, легла скорбная тень. Молчал и я. Но через минутудве, справившись с волнением, он продолжил свое горестное повествование.

— С того дня будто свет померк для меня, — тяжело вздыхая, произнес он. — Я сразу постарел лет на десять. Я — то еще кое-как крепился, брал себя в руки, но жена моя прямо-таки гибла на глазах. Ночью, когда ни проснусь, она сидит, сиротливо обняв колени, тихо поет и качается, как от неутрахающей боли. «Эй, жена, — говорю ей, — ради бога, перестань изводить себя! Не один твой сын погиб на войне. И у других, которые погибли, тоже ведь есть матери!..» А она будто и не слышит меня..

Однажды весной 1943 года, месяца три спустя после гибели нашего сына, я как-то узнал, что в город Хасавюрт привезли целый эшелон маленьких детей-сирот из блокадного Ленинграда. Мы в то время, как и сейчас, находились на зимних пастбищах. Оставив отару на попечение младшего чабана, я немедленно отправился в город на попутной машине. И сразу — в детдом, где разместили эвакуированных ребятишек. В те дни многие приходили сюда, чтобы взять осиротевших детей, поэтому моему приходу никто не удивился. Был как раз послеобеденный час. Малыши все спали на маленьких кроватках. Все они были ужасно худые, изможденные и такие жалкие, смотришь — и комок к горлу подступает.

Вместе с директором детского дома, полной пожилой женщиной с добрым лицом, мы осторожно пробирались мимо кроватей спящих детей. Когда я подошел к кроватке одного из малышей, такого же заморыша, как почти все остальные, спавшего, склонив на бок белую, будто седую головку, он вдруг открыл глазки, уставился на меня и, к моему удивлению, начал улыбаться так, будто хорошо знает меня или я родной ему. В то же время было что-то очень жалкое, скорбное и беспомощное в этой его улыбке. Она приковала меня к месту..

Словом, что тут долго говорить, вот с этого дня этот малыш вошел в нашу жизнь, точно солнышко озарил ее, стал нашим сыном. И вы же видели, каким он молодцом выглядит сейчас. Работает со мной в отаре и учится заочно в ветеринарном техникуме.

Старик умолк, взволнованный воспоминаниями. Он стал шарить рукой, точно слепой, возле себя, ища сигареты. Я быстро достал свои, и мы опять закурили. Я подождал немного, а потом, как бы между прочим, спросил его, чтобы разрешить внезапно возникшую у меня догадку, какой была фамилия у Исы, когда он усыновил его.

Задумчивое лицо моего хозяина постепенно стало расплываться в улыбке, а потом он вдруг негромко рассмеялся, поперхнувшись дымом.

— Знаете, смешная такая—Петухов.,—кашляя, воскликнул он.

И тут меня точно обожгло. Я вспомнил, где я видел не Ису, а человека, который так поразительно похож на него. То был мой однополчанин, молодой солдат—кавалерист Владимир Петухов. Мне он запомнился больше, чем некоторые другие бойцы в нашем эскадроне, может, потому, что кроме него и меня все у нас были донские казаки. Хотя Петухов был ленинградцем, они почему-то в шутку дразнили его, называя «тамбовским казаком». Откровенно говоря, я до сих пор не знаю, что кроется за этой шуткой. Но хорошо помню то, что и «тамбовский казак» тоже не оставался в долгу. Вставая в нарочито горделивую позу и привычным жестом касаясь ладонью мягкого с ямочкой подбородка, он «презрительно» шурил на них задорно-голубые глаза и громко, насмешливо выпаливал: «Да! Ваши отцы были казаками, а вы... казачий!» А те дружно покатывались со смеху.

Я знал о Петухове еще и то, что у него жена умерла от голода в блокадном Ленинграде, а его полуторогодовалого сына эвакуировали, но куда—он не знал. И это его очень тревожило.

В январе 1943 года во время нашего наступления на Кубани осколком фашистского снаряда ему оторвало кисть левой руки. И с тех пор мы с ним не виделись. Но у меня дома сохранилась его фотография с адресом.

Я был крайне взволнован этим неожиданным для меня открытием. И чтобы не обнаружить перед старым чабаном своего состояния, встал и поспешно вышел во двор.

Ветер уже совсем стих. На небе мигали неяркие звезды. Ночная степь, окутанная густой тьмой, безмолвствовала. Только из кошары по-прежнему доносился охрипший голос безутешной овцы, лишившейся своего детеныша. Я смотрел в ночную мглу и видел перед собой печальное лицо своего далекого друга. Дробный топот скачущей лошади вывел меня из тяжелого раздумья, которым я был охвачен. Иса, у самой чабанки осадив лошадь, не сходя с нее, радостно крикнул отцу:

— Ге-е-ей! От мамы письмо!.. Письмо от мамы!

..С тех пор во мне постоянно борются друг с другом два человека. И каждый из них требует, чтобы я слушал только его. Один приказывает: «Напиши Владимиру, что нашелся его сын!..» Другой грозно шепчет: «Не делай этого, не лишай стариков их последней радости!..» И я не знаю, кого из них послушаться.

Так проходят недели, месяцы, годы. Я каждый год посылаю Владимиру поздравительную открытку с Днем Победы, но о том, что видел его сына, знаю, где он, написать все же не решаюсь. Вот уже десять лет я ношу эту тайну в себе. Одному мне известно, как я мучаюсь, страдаю от этого.

Сейчас я нахожусь в Ленинграде, в городе, где живет мой русский друг. Седьмой день, как я здесь, лежу в военном госпитале для ветеранов войны. Завтра мне будут делать операцию, очень сложную. Не знаю: выдержу ли. Я испытываю большое беспокойство: а вдруг сегодняшний день — последний в моей жизни? И эта тайна, которую я храню столько лет, навсегда уйдет со мной. Нет! Хватит откладывать, надо спешить, пока еще есть время!.. Вот сейчас достану из тумбочки бумагу, ручку и напишу Владимиру письмо, напишу, где я нахожусь, где его сын, напишу, почему я до сих пор, страдая и мучаясь, молчал об этом..

КАК Я ВОСКРЕС

Я умер, но умер не наяву, а во сне, и поэтому видел, чувствовал все, что происходило со мной и вокруг меня.

Едва неумолимый ангел смерти Азраил вместе с последним вздохом отнял мою душу, меня тотчас же раздели догола и убрали с кровати (покойнику, мол, незачем валяться в постели). Тело мое еще не остыло, когда его положили на голый пол (теперь, дескать, все равно никакая хворь к нему не пристанет). Угол, где я лежал, занавесили белой простыней (неприлично ведь взрослому мужчине, если он даже покойник, растянуться нагишом на виду у всех). Потом меня с ног до головы тщательно обмыли горячей водой, завернули в белый чистый саван (видимо, на тот свет без предварительной «сансработки» не принимают).

После этих и других процедур, предусмотренных обрядом (знаете, иногда живому легче попасть к начальнику-бюрократу, чем бедному покойнику в свою яму), меня положили на погребальные носилки и быстро, точно желая поскорее избавиться от меня, понесли на кладбище.

Впереди процессии шли мои сестры, тетки. Жена с детьми осталась дома (от горя она сама была едва живая).

Все мои родственницы, прыгая рядом с носилками, как это водится у нас, царапали себе лицо, хором кричали «ай-вай, изар!» и фвали на себе волосы. Выше всех прыгала, несмотря на свой преклонный возраст, и громче всех причитала моя теща: пусть, мол, люди знают, как тяжело переживает она смерть своего зятя. Глядя на нее, я невольно с горечью вспомнил, как она постоянно совала свой нос в нашу личную жизнь, ела меня поедом. Теща не могла простить мне что я, молчаливый, застенчивый и невзрачный человек (совсем не из того сорта «доблестных» мужчин, которые на ходу подметки рвут, создают все условия для жены, чтобы она жила барыней), стал мужем ее дочери, достойной якобы лучшей доли.

Я смотрел на все происходящее совершенно невозмутимо, с полным безразличием, как полагается покойнику. Но когда со своих носилок, мерло покачивающихся на плечах дружно шагающих друзей, я бросил прощальный взгляд на родной город, освещенный лучами предзакатного солнца, меня охватила невыразимая тоска. Он был мне бесконечно дорог и мил. Здесь я вырос, познал волнение первой любви. Город на моих глазах из года в год рос и хорошел. Многие здания в нем были выстроены при моем участии (при жизни я будто был бригадиром строительной бригады), и я омотрел на них, как смотрит старый садовник на цветущие деревья, посаженные его заботливыми руками.

Горькая, как полынь, жгучая, как молния, мысль о том, что я навеки вечные расстанусь со своим городом, детьми, женой и друзьями и что умираю в расцвете сил, перевернула мне душу, все во мне восстало. И мне пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы взять себя в руки и подавить эти земные, суетные мысли, чувства, покориться своей участи, памятуя, что покойник должен вести себя тише воды, ниже травы.

Наконец похоронная процессия вступила на кладбище. Носилки с моими бренными останками поставили у свежевырытой могилы, откуда несло сыростью и тленом. Кругом возвышались безмолвные надгробные камни и безымянные холмики. Их вид навевал на меня тягостные думы, надрывая мне сердце. Невольно приходили на память печальные строки величайшего из поэтов — Омара Хайяма:

Друг, не тужи о том, чего уже нет.

Нам светит дня сегодняшнего свет.

Всем завтра предстоит нам путь безвестный.

Вослед ушедшим за семь тысяч лет.*

Я ждал: вот-вот снимут меня с носилок, положат в яму, и мир

* Перевод Б. Державина.

с голубым небом, горячим солнцем и мерцающими звездами навсегда захлопнется передо мной. Но в это время чей-то голос объявил об открытии траурного митинга. От имени коллектива и профсоюзной организации дали слово бригадиру второй строительной бригады, с которой мы соревновались, старому Дада Бадаеву.

Боль моя немного смягчилась, когда я услышал об этом. Я не сомневался в том, что этот седой человек с задушевным голосом и добрыми глазами скажет обо мне людям, которые провожают меня в последний путь, несколько сердечных, трогательных слов.

Но какой же я получил удар, когда почтенный Дада Бадаев, деловито покашляв в кулачок, медленно вытащил из кармана напечатанный на машинке листок и, запинаясь, начал читать, впиваясь близорукими глазами в текст:

— То-ва-а-рищи! За последние годы у нас широким фронтом развернулось жилищно-бытовое строительство.. Наш боевой девиз — строить быстро, дешево и высококачественно, с честью выполнять взятые обязательства, не допускать простоев и штурмовщины, спячки и горячки.

Дальше оратор сообщил о производственных показателях нашей строительной организации, доложил, где и что она строила за последние годы, упомянул нескольких передовиков производства, в том числе и меня. Обо мне сказал, что я, «ловко орудуя» мастерком и свободной левой рукой, в одну смену перекрывал по две с лишним нормы...»

Старик и сам, видно, чувствовал, что говорит совсем не то. Он поминутно дергал с досады головой, хмурился, неловко кряхтел, но продолжал читать речь, видимо, написанную для него каким-то административным сухарем. Заканчивая свое выступление, он на мгновение посмотрел в мою сторону, но боясь обиться с текста, продолжал читать тем же монотонным голосом:

— Дорогой и уважаемый товарищ Хизгил! Пусть четырехэтажный сорокаквартирный дом со всеми коммунальными удобствами, который мы построили в тупике Шайтан-базар и который мы вскоре должны сдать в эксплуатацию после устранения дефектов, обнаруженных приемной комиссией, будет памятником тебе за твой ударный труд в нашем коллективе. Спи спокойно, дорогой товарищ, и до свидания!

Я незаметно обвел взглядом лица столпившихся на кладбище людей. Нарушая приличествующую моменту скорбь, они — о ужас! — весело улыбались. А один большеголовый, пучеглазый толстяк без всякого стеснения хихикал так, будто его щекотали. Глядя на все это, я чуть не перевернулся на своих носилках от досады и возмущения. «Ну зачем, зачем доброму Дада Бадаеву нужно было выступать на моих похоронах с этим производственным отчетным

докладом?! — сокрушался я. — Неужели в дни большой радости или большого горя у каждого из нас не найдется несколько сердечных слов? Неужели я только и делал в жизни, что «ловко орудовал мастерком и свободной левой рукой?..» Разве я не был любящим мужем, хорошим отцом, верным другом?.. Разве не было у меня радостей и горестей, мечтаний и стремлений?!. Почему об этом не сказали ни слова?!.»

Толстяк, придерживая обеими руками свой тугой живот, точно боясь уронить его, уже не хихикал, а, запрокинув голову, без зазрения совести гоготал всюю, точно жизнерадостный малыш в цирке во время выступления клоуна.

Вдруг, как это ни странно, и мне самому тоже стало смешно. Сперва тихо, а потом все громче я начал хохотать. Тело мое так и содрогалось от разбиравшего меня смеха. Как я ни старался сдержаться, вести себя прилично, как подобает покойнику, ничего не выходило. Я боялся, как бы мои друзья, собравшиеся на кладбище, не дай бог, не подумали, что покойник смеется над ними, живыми. От века веков такого еще не было!..

От моего громкого смеха черное покрывало стало колыхаться, как листья от дуновения ветра. К изумлению всех, я вдруг ожил и, нетерпеливо сбросив с себя мрачное покрывало, вскочил на ноги. Я слышал, что смех излечивает от многих болезней, а на этот раз смех избавил меня от самой страшной штуки — смерти.

Проснувшись в то утро, я очень обрадовался, что жив, но вспомнив свои похороны, на всякий случай предупредил жену:

— Знаешь, дорогая, если я умру раньше тебя, не позволяй устраивать митинги у моей могилы. — Но потом, подумав немного, добавил: — Хотя, может, это даже хорошо: вдруг я воскресну, как это было со мной во сне. Как говорится, чем черт не шутит!.

ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ

— Э-э-эх, бабка, бабка, будь ты трижды неладна!.. А еще говорят: «Уваж-ж-жай, мол, их, стариков, почита-а-ай, склоняй свою голову перед ними!..»

— А что она сделала тебе плохого, эта бабка?

— Что сделала?! Хуже, чем разбойник с большой дороги! Без ножа зарезала, без ружья убила. И кого? Родного же внука, притом единственного! Вот что она сделала!

Понимаете, наша контора «Заготрогатскот», где я работаю заведующим ветеринарной службой, построила на берегу моря десятиквартирный дом со всеми удобствами. И в каждой квартире по два больших балкона: один выходит на море, другой — в парк, где по вечерам играет оркестр. Словом, не дом, а мечта. Скоро его

должны заселить. Но как бы я ни мечтал попасть в этот дом, у меня было столько же шансов, сколько у грешника войти в рай. У меня есть квартира из двух комнат, правда, без удобств. Да и семья у меня — я да жена. Детей у нас, слава богу, нет и не предвидится. Живем для себя. Положа руку на сердце, скажу: на кой ляд современному человеку дети? Они только мешают ему жить в своем удовольствии. Живем-то один раз на свете! Но как подумаю, что не я, а кто-то другой будет жить в доме, — меня сразу бросает в жар. Если уж на то пошло, что мне до тех наших работников, которые вовсе не имеют жилья? Всякая рука к себе загребает. Как говорится: «И пророк за свою голову молится».

Я долго думал, мучился: что бы такое предпринять, чтобы влезть в этот дом. Но как я ни ломал голову, ничего путного не мог придумать. Как-никак хоть и называется наша контора «Заготрогатскот», но руководят ею не быки и коровы, а люди, понимающие, что к чему. Я уже готов был взвыть волком, когда жена, разделившая вместе со мной все мои переживания и тревоги, неожиданно подкинула самую верную мысль.

— Слушай, — говорит она мне, — чего ты терзаешься? У тебя, кажется, в селении живет столетняя бабка?..

— Правда, живет! — радостно вскрикнул я и бросился обнимать жену. — Умница! Вот это идея!..

Честное слово, не вру: как только я вспомнил про свою бабушку, меня вдруг охватило такое волнение, такая нежность и такая тоска по ней, что вижу: без нее я, как рыба без воды, и часу прожить не смогу. Не смогу — и все! Вот что значит родная кровь! Я даже чуть не заплакал от жалости, представив себе горькую участь моей бабушки. Ведь она, бедная, как круглая сирота, одна-одинешенька: ни мужа, ни сыновей, ни дочерей у нее нету, один я. И живет моя бабушка, можно сказать, у чужих — у сестры, тогда как у нее есть прямой потомок — я, родной внук, черт меня подери!

Недолго думая, я в тот же день помчался в село, чтобы привезти бабушку в город жить с нами в новой квартире. Пусть, думаю, теперь руководители нашей конторы «Заготрогатскот» посмеют не дать мне квартиру в новом доме. Таких старожилов Земли, как моя столетняя бабушка, ученые на учет берут, носятся с ними, как курица с яйцом. Они, словно исторические памятники далекого прошлого, находятся под особой охраной государства. Кроме того, бабушка — мать погибшего на войне партизана, то есть моего родного дяди.

Как бы там ни было, я был уверен: если бабуля будет со мной, ордер на новую, четырехкомнатную квартиру с балконами на море, и в парк, где по вечерам весело гремит оркестр, у меня в кармане. Но теперь меня беспокоило другое: жива ли бабушка? Не скрою: я давно, лет, наверное, десять, а может и больше, не видел ее и ни-

чего о ней не слышал. Среди городской суеты и будничных забот я, грешным делом, все время забывал о ней, не справлялся о ее здоровье.

Но опасение мое, к счастью, оказалось напрасным. К своей несказанной радости, я застал бабуся живой и здоровой. Да и она, моя бедная старушка, была рада-радехонька встрече со мной — своим единственным внуком. Это вполне понятно.

За эти годы, что я ее не видел, она, представьте себе, нисколько не изменилась. Такая же маленькая, сухонькая и шустрая. И все тот же у нее кальян с аршинным чубуком, который она редко выпускает изо рта. Несмотря на свой древний возраст, она, как это не удивительно, сохранила острое зрение и хороший слух. Единственная перемена, которую я в ней заметил, это то, что бабушка, как мне показалось, стала еще меньше ростом, как бы сократилась в размере.

Сначала она и слышать не хотела о переезде в город, чем меня, можете себе представить, здорово напугала. Потом, когда я ласково обнял бабуся за плчи и шутливо пригрозил, что если она добровольно не захочет поехать со мной, то я ее непременно похищу, как в свое время поступил мой дед, она расчувствовалась, прослезилась и в конце-концов согласилась.

На другой день я на машине привез ее в город. Мы с женой сразу начали кружиться вокруг бабки, как мотыльки вокруг свечи, от которой исходит свет и тепло. Мы из кожи лезли, чтобы создать праздничную атмосферу в доме, угодить ей во всем. Чтобы сделать ей приятное, я даже в день приезда вечером повел ее в театр. Купил два билета в первом ряду, чтобы ей хорошо было видно и слышно. Но сейчас я каюсь, ох, как каюсь, наверно, всю жизнь буду локти кусать, что допустил такую оплошность! Кто знал, что моя столетняя бабка в театре выкинет такой безобразный номер! Кто знал!

В тот вечер в театре показывали какую-то пьесу о советских партизанах, в годы Отечественной войны сражавшихся в тылу врага. Бабушка, задрав худой морщинистый подбородок, чинно сидела на своем месте и внимательно следила за ходом спектакля. Видно, ей было интересно. Все вроде было хорошо, пока два вооруженных фашиста не втащили в свой штаб одного пленного партизана с забинтованной головой и связанными за спиной руками. Сначала бабушка беспокойно ерзала на стуле и вслух ругала фашистов на чем свет стоит. Но когда немецкий офицер, разъяренный упорным молчанием пленного, приставил к его груди пистолет, бабушку мою будто вихрем с места сорвало. В одно мгновение на сцену полетела резиновая калоша, облепленная грязью, и угодила прямо в гладко выбритую надменную и свирепую физиономию фашиста.

— Не смей, душман проклятый! — топая в ярости ногами, сры-

вающимся голосом крикнула на весь зал бабушка. — Иначе я тебя, свинью поганую!.. — И разойдясь воясю, бабушка дрожащей от волнения и возмущения рукой тут же потянулась за второй калошей. Вид у моей бабки, если бы вы видели, был такой грозный, что, окажись у нее под рукой в этот момент вместо калоши бомба, она, не колеблясь, швырнула бы ее в немецкого офицера.

Все это произошло так неожиданно и быстро, что я не успел вовремя спохватиться и удержать разбушевавшуюся старуху. Под недовольные возгласы одних, требовавших «наказать хулигана и дебошира!», веселый хохот и пронзительные свисты других, я, не мешкая, схватил бабушку за руку и силой поволок ее к выходу с одной калошей на ноге. Но она еще продолжала бушевать, кричать, угрожающе размахивать сжатым кулачком, всячески пытаясь вырваться у меня из рук. Только на улице она вдруг смолкла, утихомирилась, но шла как в воду опущенная.

Мне, конечно, как человеку культурному и порядочному, было очень стыдно за бабкину дикую, скандальную выходку. Я был возмущен и принялся безжалостно распекать ее, стыдить. Что делать! Хоть и старый человек, но надо воспитывать, выколачивать, как говорится, дурь из головы, как пыль из старого сумаха. Она слушала меня, низко опустив голову, всю дорогу угрюмо молчала и тихо всхлипывала, краем платка украдкой вытирая слезы: видно, мои слова пробрали ее как следует.

На следующий же день я сочинил большое заявление на имя администрации и профсоюзной организации «Заготрогатскот». Ссылаясь на то, что со мной живет моя столетняя бабка, мать партизана, замученного фашистами, я требовал, чтобы мне в первую очередь предоставили четырехкомнатную секцию в новом доме.

Вернулся я в тот день с работы как все равно со свадьбы в самом веселом настроении. Я уже представлял нашу жизнь с женой в новой квартире, видел, как под звуки играющего в парке оркестра, обнявшись и прильнув щекой к щеке, мы с ней танцуем вальс на нашем просторном балконе. Но, придя домой, я был очень удивлен, застав жену в сильном расстройстве, с красными, воспаленными глазами. Стекая с накрашенных ресниц, по щекам ее катились черные слезы. Я вначале подумал, что жена плачет из-за бабки. Ее пребывание у нас ей, конечно, неприятно, прямо скажем — в тягость, доставляет лишние хлопоты. А я, как порядочный человек и настоящий муж, жалею свою жену. И это естественно. Как женщина она мне нравится, кроме того, жена моя приносит домой денег больше, чем я: она заведует дамским салоном в большой парикмахерской.

Я, конечно, сделал вид, что все это пустяки. Ласково улыбнувшись жене, я тихо, чтобы бабка в другой комнате не слышала нас (я не сомневался в том, что она там или дремлет, как курица на

насесте, или сосет свой кальян, наполняя комнату едким табачным дымом), прошептал ей на ушко, украшенное бриллиантовой серьгой:

— Моя дорогая, потерпи еще немножечко, вселимся в добрый час в новую квартиру, а потом, а по-о-том, вежливоенько выпроводим бабушку обратно в село, к сестре. Ведь та все-таки ближе ей, чем ты — чужой человек, тем более, как я вижу, ей трудно привыкнуть к нашему городскому образу жизни.

А жена с внезапно прорвавшимся громким рыданием отвечает:

— В том-то и дело — уехала-а-а!

— Как уехала? — Мне показалось, что почва ускользает у меня из-под ног и я неудержимо качусь в пропасть. — И ты не смогла удержать ее?!

Жена, глотая черные слезы (о, как они меня сейчас раздражали!), с убитым видом покачала головой:

— Нет, не смогла. Я ее и так и эдак просила, умоляла, чтобы она немножко осталась, пожила у нас, иначе не видать нам четырехкомнатной квартиры в новом доме...

— А она что? Что она ответила?!

— Валлах, говорит, раз такое дело, я тем более, говорит, не останусь у вас ни одного дня. Мне, говорит, у вас не нравится, как будто в заключении нахожусь, и очень жалею, говорит, что приехала... Если, говорит, вам с мужем при вашей бездетности обязательно хочется четырехкомнатную квартиру, приезжайте жить к нам в селение. Там его отцовский дом пустует. А хороший сын, говорит, не должен дать погаснуть огню в отцовском очаге.

Одним словом, наша надежда получить новую квартиру с балконами на море и в парк, где по вечерам играет музыка, лопнула, как мыльный пузырь. И все это из-за глупого каприза моей сумасбродной бабушки, пропади она пропадом! А еще говорят: «Уважай, мол их, стариков! Почита-а-ай!..»

ТЕЛЕФОН

Черт меня дернул поставить у себя дома телефон. Зачем я вбил себе в голову, что он мне необходим? Ведь обходился же я, слава богу, без него все эти годы. И ничего. А вот с тех пор, как появился телефон, пошли одни неприятности, я вконец извелся, потерял покой, меня чуть не хватил удар.

А впрочем, так мне и надо. Говорили же добрые люди из конторы связи. Особенно один там пожилой, круглый, с удивительно спокойным и приятным голосом, видно, самый главный:

— Зачем вам, дорогой писатель, телефон? Ваше дело писать и

писать, а не растрачивать свое драгоценное время на всякие телефонные звонки, хабары-разговоры.

Честное слово, говорил. А я уперся: «Поставьте мне телефон — и никаких гвоздей! Дом телефонизирован, у моих соседей есть телефон, а почему мне нельзя?»

Мой довод, видимо, сразил самого главного, и мне наконец поставили телефон, такой модный, красивый, блестящий, хоть погладь рукой, как живого. Одно лишь огорчало меня: телефон не подавал никаких признаков жизни. Через неделю я взял трубку (в квартире соседа, разумеется), позвонил самому главному и робко пожаловался.

— Телефон вам не патефон, чтобы он «запел» сразу... — ласково упрекнул меня в ответ обладатель невозмутимого приятного голоса.

— Ведь целая неделя, как его поставили, а он молчит.

— Ну и пусть молчит, хлеба он у вас не просит.

— Это верно, но..

— Простите, дорогой товарищ.. У нас нет пока свободных номеров! — и положил трубку.

Спустя три месяца я опять позвонил самому главному (опять из квартиры соседа).

— Телефон молчит...

— Пусть молчит, хлеба он у вас не просит.

— Зачем тогда мне поставили телефон?

— Вы сами просили...

— Правильно, просил, но мне нужен телефон, который говорит, а не... В конце-концов, фельетон что ли о вас писать?! — разозлился я.

С минуту в трубке слышалось напряженное сопение, потом многозначительное предупреждение:

— Как вам угодно! Но фельетон — это не телефон!

И разговор оборвался. На второй день у меня на столе вдруг затрещал телефон. Я с радостью взял трубку, предвкушая удовольствие от разговора по «собственному телефону» с другом, товарищем или просто знакомой женщиной.

— Алло! Алло! Как там самочувствие моей жены? — слышу чей-то мужской голос из трубки.

— Что-что?!

— Я спрашиваю, как самочувствие моей жены? — настойчиво повторил мужчина.

— Откуда я знаю! — воскликнул я, крайне удивленный его вопросом. — И какое отношение я имею к вашей жене или она ко мне?.. Вообще, почему вы звоните мне?..

— Простите, это разве не родильный дом? Я разве не с дежур-

ным врачом разговариваю? — извиняющимся тоном спрашивает незнакомец.

— Нет, квартира.

— Ах, тогда, пожалуйста, извините!

Я положил трубку, вновь взялся за перо, но через минуту опять раздался звонок, а в трубке — тот же голос:

— Скажите, пожалуйста, как самочувствие моей жены?

Я, не произнося ни слова, в сердцах бросил трубку. Немного погодя — опять звонок, опять тот же голос и опять тот же самый вопрос. Я схватился за сердце и глубоко страдающим тоном взмолился:

— Слушай, дорогой мой, я же сказал вам, что это не родильный дом, а квартира, ква-а-ртира-ча-а! Не туда звоните!

— А какой номер вашего телефона?

Я назвал. Но незнакомец вдруг словно взбесился, услышав номер.

— Как вам не стыдно?! Зачем врете?! — громко заорал он в трубку. — Я и вчера и позавчера звонил по этому самому номеру, и мне все время отвечали, как положено.. Вы просто нахал!

Я швырнул трубку, взял ручку, но уже не мог сосредоточиться. Мысли мои разлетелись в разные стороны, как потревоженные пчелы из улья. Дрожащими пальцами я вынул из открытой пачки сигарету, закурил, но тут мой телефон вновь заверещал. Я поднял трубку.

— Скажите, пожалуйста, кто у меня родился: мальчик или девочка? — спрашивал уже другой, ласковый, но тоже нетерпеливый голос. — Я целую неделю был на кутане, ничего не знаю..

Я понял, что опять звонят в родильный дом.

— А кого бы вы хотели? — усталым голосом спросил я.

— Мне все равно, — услышал я короткий смех, — но желательно, конечно, мальчика. У меня две девочки-двойняшки.

— У вас мальчик, — произнес я и тут же положил трубку: по крайней мере теперь не скоро позвонит.

Не прошло и пяти минут — о боже! — опять звонок. На этот раз звонила какая-то старушка. Спрашивает:

— Доктор, не скажете: как там моя невестка, разрешилась? Сидим как на иголках, волнуемся. Первый раз она..

Свекровь назвала фамилию невестки.

Я с полминуты молчал, размышляя: если сказать, что «не разрешилась», будет опять звонить и звонить, поэтому ответил, что родила благополучно, чувствует себя хорошо, передает привет, целует всех и прочее.

— Ай спасибо, сынок, спасибо! — слышу я радостный, взволнованный голос старухи. — Не скажете: кто у нас родился?

— А кого бы вы хотели? — с деланной веселостью спрашиваю я.

— Хочу внучку, милый, мечтаю. У меня одни мужики..

— Ваша мечта сбылась — у вас родилась внучка, поздравляю — и сразу повесил трубку.

Я взял с кровати подушку, накрыл ею телефон и больше к нему не подходил. Но самая большая неприятность, как оказалось, ждала меня впереди.

На следующий день, несмотря на то, что у меня есть звонок, кто-то вдруг с такой яростью начал бить ногой в мою дверь, что она чуть не сорвалась с петель. Я, удивленный и возмущенный, сразу кинулся к двери, быстро открыл ее. У порога на лестничной клетке стоял совершенно незнакомый мне мужчина с тремя белыми свертками на руках. Два свертка он держал на правой руке, а один — на левой. Незнакомец был коренастым мужчиной средних лет с суровым, обветренным лицом, черными усами, лихо закрученными кончиками вверх, одетым в пиджак, брюки галифе с широкими клиньями и блестящие хромовые сапоги. Голову незнакомца украшала серебристая каракулевая лапаха с широким бархатным верхом.

— Я узнал, это вы, оказывается, вчера ответили мне по телефону, что у меня родился сын! — бросил он меня недобрым, почти враждебным взглядом.

Я сразу догадался, что это тот самый, который говорил, что был целую неделю на кутане и у него две девочки-двойняшки...

— Да, я...

— А почему вы мне наврали?! Ведь у меня родилась тройня — и все три девочки! Вот они у меня на руках.

— Пусть так, но причем тут я? Разве я виноват?..

— Конечно, виноват! — резко оборвал он меня. — Почему сообщили неправду... Кто вас заставлял?

Я чувствовал свою вину и решил благоразумно промолчать. Но тот, крича и бранясь, начал ставить мне в вину и то, чего у меня и в мыслях не было.

— Вы хотели разыграть меня, посмеяться?! Где ваша совесть?! — Он шумно вздохнул и, бережно поправив на руках свертки, смерил меня с ног до головы злым, ненавидящим взглядом. — Подшутив надо мной, вы тем самым нанесли оскорбление не только мне, как отцу, но и моим новорожденным девочкам, всему женскому полу в их лице, если хотите знать.

— Поверьте, я совсем не имел такого намерения, — попытался я успокоить его, но незнакомец, не слушая и не давая мне договорить, еще больше распаляясь, продолжал осыпать меня упреками.

— У меня на руках три маленькие горянки! — Он гордо вскинул голову. — Сейчас горянка — инженер, ученый, министр, о горянках книги пишут, а женщинам, родившим десять детей, если даже все они девочки, вешают на грудь звезду матери-героини. Вот что! А

вы, скажу вам, просто-напросто отсталый тип и пустой насмешник. Вижу: телефон завели, мебель заграничная, а мозги — с плесенью!..

Пока отец новорожденных девочек поносил меня на чем свет стоит, я вдруг с ужасом заметил незнакомую старуху, которая, пыхтя и отдуваясь, с трудом поднималась по нашей лестнице. Лицо ее показалось мне таким сердитым и злющим, что могло смутить и напугать даже самого Азраила. «Может, эта та самая старуха, которую я вчера поздравил с рождением внучки, а у нее родился внук? А может, не дай бог, с ее невесткой случилось что-то неладное или с ее ребенком?..» — с беспокойством и тревогой подумал я. Быстро закрыв за собой дверь, крайне взволнованный и расстроенный, я подошел к телефону и позвонил в контору связи самому главному.

— Слушайте, почему мне все время звонят и спрашивают родильный дом?

— А-а-а! — услышал я веселое восклицание и сдержанный смех. — Это очень просто: мы дали вам номер телефона, принадлежавший роддому. У них несколько телефонов. Ничего, обойдутся без одного. А вы не волнуйтесь.

— Как не волноваться! Люди не знают об этом, звонят без конца. У меня из-за этого большие неприятности, голова горит.

— Да, вполне возможно, — согласился самый главный, — будут и еще звонить, — «успокоил» он меня.

— До каких пор? — с тревогой спросил я.

— Пока не издадут новую абонементную книжку и не укажут точно, у кого какой номер..

— А скоро ли ее издадут?

— Наверно, нет, судя по тому, что последняя абонементная книжка по нашему городу была издана пять лет назад.

Услышав это, я в отчаянии схватился за голову, взмолился:

— Тогда, дайте мне, ради бога, другой номер.

— Не можем!

Я вышел из себя, стал грозить, что перережу провод, выброшу телефон в мусорный ящик.. На это самый главный ответил мне своим обычным невозмутимым, приятным голосом:

— Ка-а-ак вам угодно! Но писать о нас фельетон из-за того, что вам не установили телефон, у вас нет оснований. Мое почтение!.

СТАРИКИ

Их всегда видели вместе, когда они выходили на прогулку. Шагали они тихо, медленно, ссутулившись, словно сгибаясь под бременем прожитых лет. Старик, костистый, длинный, с большими растопыренными седыми усами на смуглом лице, изрезанном

крупными морщинами, бережно вел старушку под руку. Когда ему случалось встретиться взглядом с прохожими, он смущался и неловко улыбался. А она, маленькая, хрупкая, с шаткой, неуверенной походкой, доверчиво опираясь на руку своего «кавалера», все время глядела вниз, словно боясь споткнуться.

Встречные с сочувствием и умилением смотрели на них: вот, мол, какая милая пара!.. А он, чувствуя это, еще шире улыбался, стараясь скрыть этим свое смущение.

Раньше он никогда, даже в молодые годы, не ходил с женой под руку. У горцев это считается неприличным, как и любое другое проявление чувств, привязанности и любви к жене, любимой женщине при посторонних. Но когда ей стало трудно передвигаться одной, без помощи мужа, старик пренебрег обычаем, однако побороть чувства неловкости при встрече с людьми все же не мог.

Еще не так давно старики очень редко появлялись вместе на улице. Жили они на четвертом этаже большого коммунального дома. Ей, страдающей астмой, суставным ревматизмом, с трясущимися от слабости коленями, было очень трудно спускаться и подниматься по лестницам. Месяц назад старик обменял свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную на первом этаже в том же подъезде. И теперь супруги почти каждый день выходили на прогулку. Придя в сквер, расположенный на берегу моря, они садились на «свою» скамейку. Старик с каким-то веселым любопытством и доброй усмешкой в прищуренных глазах глядел на гуляющие парочки, на шумно забавляющихся детей, на все, что происходило вокруг. А старуха, напротив, почти все время сидела, опустив голову, в неподвижной позе, безучастная ко всему.

Надышавшись воздухом и устав от продолжительного сидения на жесткой скамье, через час-другой они возвращались домой, купив по дороге чего-нибудь съестного. Дома обычно первой начинала разговор молчаливая старуха.

— Ай, Гази, напрасно, валлах, напрасно ты это сделал, не послушался меня, поменял квартиру, — произносила она, с укором поглядывая на мужа. — Дай аллах, придет сын, мы его поженем, пойдут внучата, а комната-то теперь у нас одна, повернуться негде будет.

Гази отвечал не сразу. Он знал, что разговор об обмене — только повод, чтобы, как всегда, поговорить о сыне: а то ведь можно подумать, будто они начали забывать о нем или, еще того хуже, не дай бог, что его нет в живых. Прежде чем ответить жене, он вынимал из лежавшей на столе открытой пачки сигарету, медленно разминал ее скрюченными узловатыми пальцами, закуривал.

— Зачем, Шахру, говоришь — «напрасно»? Нам пока так удобно. Вернется наш сын, мы найдем другую квартиру. Была бы голова — папаха найдется, — оправдывался муж.

— Найдем, найдем, — хмурясь, сердито передразнила старуха, — как будто это так легко — найти другую квартиру. А он, свет моих очей, вот увидишь, скоро, очень скоро придет — сердце мне подсказывает. А материнское сердце не обманывает...

Гази давно привык к разговорам жены о сыне, хотя и нелегко ему слушать их. Но, чтобы не обижать и не расстраивать жену, он всегда делает вид, будто согласен с ней. Но так, как сегодня, она никогда не говорила о сыне. Что с ней?..

— Откуда, мать, у тебя такая уверенность? — осторожно, со скрытой болью в голосе спросил он жену, гася в пепельнице недокурную папиросу.

— Откуда? Сон видела вчера ночью, — загадочно улыбнулась старуха, и лицо ее, все в мелких морщинках, засветилось великой материнской радостью. — Вижу во сне, мы лежим, и вдруг — стук-стук в дверь: «Мама! Мама! Это я, открой!..»

Губы ее вздрагивают, она умолкает, не в силах больше говорить. Краем легкого шерстяного платка вытирает непослушные слезы, а глаза продолжают улыбаться. Гази хмурится, молча склоняет голову, чтобы не выдать своего волнения. Он не верит снам и еще больше тому, что их единственный сын жив-здоров и когда-нибудь вернется к ним. Но как сказать об этом старухе, которая до сих пор, хотя прошел не один десяток лет после окончания войны, не может примириться с мыслью, что сына нет в живых, а сейчас вбила себе в голову, будто он скоро должен вернуться?

Гази поднимает голову и задумчиво смотрит на жену.

— Знаешь, Шахру, — говорит он не то, что думает в эту минуту, — иногда сны сбываются. Может, и твой сон сбудется...

Старуха молча улыбается ему сквозь слезы, благодарно кивает головой: это хорошо, очень хорошо, что и он верит в скорое возвращение их сына.

...Ночь. За окном темно и тихо. Город спит, погруженный в глубокое безмолвие. Старик, уткнувшись лицом в подушку, еле слышно стонет во сне. А старухе не спится. Перед глазами встает вся ее жизнь с того самого памятного дня, когда она, восемнадцатилетняя девушка, сбежала с любимым из родного аула в город. Родители хотели выдать ее за своего родственника, за нареченного. Но она любила Гази, любила всеми силами юной пламенной души, поэтому отважилась на такой шаг. Чтобы не вызвать подозрения у родителей, которые и слышать не хотели о ее нежелании выйти за нареченного и уже готовились к свадьбе, она в тот день, как обычно, рано утром вышла из отцовской сакли, направляясь в ущелье, к роднику. Недалеко от источника, между высокими кустарниками в темной широкой бурке, накинутой на плечи, ее уже поджидал Гази, держа на поводу оседланного скакуна.

Он мог бы за свою дерзость поплатиться головой, но, к счастью,

ничего страшного не произошло. Родители Шахру, узнав, что похищение было совершено с ведома и согласия дочери, не стали мстить своему нежеланному зятю. Однако, возмущенные и оскорбленные поступком дочери, они отвернулись от нее.

Первое время беглецам приходилось очень трудно в чужом городе, без родных, без собственного угла. Но они были молоды, любили друг друга, и это помогало им переносить все тяготы и лишения бесприютной жизни. Потом Гази удалось устроиться учеником бондаря на заводе, Шахру поступила на прядильную фабрику.

Вскоре в стране произошли великие перемены: революция, за ней гражданская война, которая повсеместно закончилась полной победой молодой Советской власти. В жизнь молодых супругов, простых рабочих людей, вошло что-то новое, светлое, хотя до конца еще не осознанное ими. Казалось, они никогда не чувствовали себя такими счастливыми и уверенными в себе, в своем будущем, как сейчас. Но разве счастье когда-нибудь бывает полным и безоблачным? Годы шли, а детей у них не было. Шахру видела, что муж недоволен, и тревога закралась в сердце молодой женщины: вдруг Гази бросит ее и женится на другой, забудет, как она, любя его, убежала из отцовского гнезда, лишила себя родительского благословения, как он сам рисковал жизнью ради любви к ней?

Шахру мучительно переживала, думая, что рано или поздно наступит этот страшный день, если у них не будет ребенка. Но судьба оказалась благосклонной к ней. На восьмом году их совместной жизни осенью тысяча девятьсот двадцать пятого года у них родился сын. Шахру назвала его Юсуфом в честь своего отца, который все еще продолжал хранить «кровную обиду» на дочь. Когда старик узнал, что у дочери родился долгожданный ребенок — сын и ему дали имя в его честь, родительское сердце не выдержало — растаяло. Он взял с собой жену и, накупив подарков, приехал мириться с дочерью и зятем.

Шахру помнит первую улыбку на нежном личике сына-малютки. Навсегда, на всю жизнь сияющей радугой врезался в ее память тот день, то мгновение, когда ее малыш, радуясь и пугаясь, в то же время как бы сам удивляясь своей смелости, неустойчивыми дрожащими ножками сделал первые самостоятельные шаги, протягивая к матери пухлые ручонки. Помнит Шахру, словно это было не много лет назад, а совсем недавно, и то, как она, гордая, счастливая к матери пухлые ручонки. Помнит Шахру, словно это было в первый класс...

Муж хотел, чтобы у Юсуфа были брат или сестренка. Но что делать, если в жизни очень часто получается не так, как хочется, как мечтаешь. Юсуф у них был первым и последним ребенком.

Когда началась война, их сыну шел только шестнадцатый год. Прошло еще два года, а война все еще бушевала неупыхающим

пожаром на огромных пространствах родной земли. Многие матери за это время лишились сыновей, жены — мужей, миллионы детей остались сиротами, а войне не было ни конца, ни краю. Пришло время и сыну Шахру надеть военную форму и отправиться на фронт. Он ушел добровольцем, не дожидаясь, когда его призовут. Могла ли она удерживать его, хоть он и единственный сын?

Провожая сына на фронт, Шахру верила, что он вернется живым и невредимым. Но весной тысяча девятьсот сорок пятого года, когда наши войска громили фашистов на их собственной земле, откуда они кровавой разбойничьей ордой двинулись на нас, из части, где служил Юсуф, пришло письмо о том, что он пропал без вести. Письмо оставляло матери какую-то надежду, что ее сын, быть может, жив, вернется домой. Разве не было таких случаев?.. И она все эти годы жила надеждой. Если до сих пор, спустя много лет, сын еще не вернулся, думала Шахру, то, видно, враги держат ее Юсуфа в плену, как злые дэвы свои жертвы в заколдованных замках. Но не таков ее орел, чтобы вечно томиться в неволе. И ей, особенно после вчерашнего сна, верится, что ему удалось наконец вырваться на свободу, и сейчас он мчится, как на крыльях, в родную сторону, к своей пострадавшей матери, которая выплакала по нему все глаза.

Взволнованная воспоминаниями и думами о сыне, старая мать долго не может уснуть. Но усталость наконец берет свое — она начинает засыпать. И вдруг сквозь тяжелую дрему до нее доносятся чьи-то тяжелые шаги, которые внезапно затихают у дверей их квартиры. Она сразу открывает глаза и, приподнявшись на постели, напряженно вслушивается в ожидании. Но проходит минута, две, три, а в подъезде по-прежнему ни единого звука. И когда Шахру уже начинает казаться, что это ей просто почудилось, кто-то тихо, осторожно, словно стараясь не испугать спящих, трижды постучал в дверь. И вслед за этим точь-в-точь, как было во сне, она слышит молодой и бесконечно родной голос сына: «Мама! Мама! Это я! Приехал!..»

— Сын мо-о-ой! — задыхаясь от внезапно охватившего ее сильного волнения, почти неслышно кричит старуха, сразу потеряв голос.

Охваченная безумной радостью, она с необычной для нее живостью миглом вскакивает с постели. В длинной ночной сорочке, с растрепанными седыми волосами, протягивая вперед дрожащие руки, шатаясь, как пьяная, с бешено бьющимся сердцем устремляется к двери.

Но не дойдя до нее двух шагов, как подкошенная, падает на голый деревянный пол.

— Мама! Мамочка! Что с тобой?! Отец!.. — слышится за дверью громкий тревожный голос молодого мужчины.

Потрясенный Гази стремительно подбегает к двери, непослушной от сильного волнения трясущейся рукой распахивает ее и тут же останавливается в оцепенении: в тишине полусощенного подъезда у порога стоял стройный, подтянутый юноша в солдатской форме, с чемоданчиком в руке. Это был сын прежнего хозяина квартиры, приехавший на побывку домой. Он, видно, не знал еще, что его семья уже не живет здесь.

...С тех пор старик ходит один, с палочкой. Теперь, встречаясь взглядом с прохожими, он не улыбается, как прежде, когда шел под руку со своей старой подругой.

Недавно я шел по скверу и увидел старика на той же скамье, где они обычно сидели вместе. Весна была в полном разгаре. Деревья в зеленом уборе, шелковистая трава вокруг кустов, яркие цветы на клумбах — все празднично сверкало под лучами солнца. Как и в последний раз, когда Гази был здесь с женой, по утоптанной дорожке, посыпанной желтым песочком, проходили парочки, раздавался веселый детский смех. А старик, сложив на палке широкие ладони со скрюченными узловатыми пальцами и оперев на них острый, заросший седой щетиной подбородок, с отрешенным видом смотрел усталыми, печальными глазами куда-то в неясную даль...

МАСТЕР КРАСОТЫ

— Знаете, каждому хочется быть красивым, — поднося бритву с блестящим лезвием к моему намыленному горлу, убежденно произнес парикмахер.

У него мощная круглая бритая голова, отливающая синевой, неторопливые, но уверенные движения, плотная коренастая фигура. На широком смуглом энергичном лице торчат, словно лучки прутьев, длинные прямые черные усы. Когда он говорит, его левый ус то и дело шевелится и вздрагивает, а большие темно-карие глаза смотрят на клиента с какой-то затанной печалью, которая, казалось бы, совсем не вяжется с его бодрым и суровым видом.

— Так оно и должно быть, — не отрываясь от дела, продолжает добровольно просвещать меня уста*, — на то он и есть человек, как говорится, венец природы, чтобы любить и ценить красоту. Это, извините за выражение, козлу или верблюду все равно, как они выглядят: красивыми или безобразными. Вот взять, к примеру, того же верблюда. От того, что у него шея кривая или горб торчит на спине, он, думаете, хоть сколько-нибудь чувствует себя несчастным, обиженным? Наоборот. Если вы заметили, верблюд

* Мастер, умелец.

держится даже очень высокомерно, как чванливый лорд или высокородный бек. Если хотите знать: верблюд настолько безразличен к тому, что в его фигуре все криво и косо, что на этот счет существует даже пословица. Вы, наверно, тоже слышали. Спросили у верблюда: «Почему у тебя шея кривая?» Он: «А что у меня прямое, чтобы шея была ровная?» А вот у моей супруги, к слову сказать, — в голосе парикмахера сразу прозвучали грустные нотки, — на мою беду на кончике носа выскочила маленькая бородавка, ну величиною с «божью коровку». Теперь из-за этой ничтожной штучки у нас нет спокойствия: жена вечно хнычет, ворчит, по пустякам раздражается, хоть беги из дому. Видите ли, эта злополучная бородавка портит ей красоту.

На минуту парикмахер перестал двигать бритвой, задумчиво опустил глаза и шумно вздохнул, а на лицо его легла тень. Должно быть, ему в эту минуту представился женин нос. Я от души пожалел его.

— Не нужна красота еще знаете кому? — продолжал философствовать мой уста, но без прежней грусти в голосе: — Не про нас с вами будь сказано, красота не нужна еще покойнику, как не нужны ему освещение, отопление, водоснабжение, канализация и прочие, так сказать, коммунальные удобства.

Меня начал разбирать смех. Уста, резко отодвинув бритву от моего лица и нахмутив лохматые брови, недовольно поморщился, шевельнув усами.

— Смеяться, гражданин, во время бритья категорически воспрещается, — строго произнес он, сердито поглядывая на меня. — Пока вы сидите у меня в кресле, я отвечаю за вашу жизнь, как хирург за жизнь своего пациента на операционном столе... Кроме того, гражданин, — мастер укоризненно покачал бритой круглой головой, — ничего, по-моему, смешного нет в том, что я сейчас рассказываю вам, наоборот, совсем наоборот!..

Справа от нас на широком низком подоконнике стояла маленькая зеленая елка, украшенная разноцветными игрушками. В ярком свете электрических ламп они таинственно блестели, вспыхивая всеми цветами радуги. За окном в зимних сумерках редкими крупными пушистыми хлопьями лениво падал снег, спешили нагруженные покупками прохожие — был канун Нового года.

Когда я с трудом подавил смех, парикмахер, после минутного молчания, как ни в чем не бывало, заговорил вновь:

— Вот к нам ходят клиенты: мужчины, женщины, молодые, пожилые. А почему они ходят? Конечно, чтобы выглядеть красивыми. А как же иначе! Вот, попробуй, к примеру, вас не брить, не стричь три-четыре месяца, родная жена и та, извините, испугается. Тем более, как я гляжу на вас, не в обиду вам будет сказано, красотой вы не блещете.. Правильно я говорю?

Парикмахер отодвинулся на полшага и в ожидании ответа вопросительно уставился на меня. Я опять чуть не разразился смехом, но сдержал себя и в знак согласия с ним, молча кивнул головой. Уста, видимо, довольный, слегка улыбнулся.

— То-то! — весело воскликнул он и тут же с нескрываемой гордостью за свою профессию добавил: — Но красота вещь тонкая. Ее надо наводить умеючи. Знаете, сделать человеку хорошую прическу, аккуратно подстричь, поправить ему волосы, это вам, извините, не траву в поле косить или шерсть с барана снять. Вот расскажу вам про такой случай из моей практики. Приходит ко мне одна пожилая и очень полная дама и просит, чтобы я оделал ей прическу «офицеры, за мной», а на лбу — кокетливые завитушки. Я прекрасно вижу, что такая прическа не для ее возраста и комплекции. Мне, конечно, ничего не стоило взять да исполнить ее желание. Но брать деньги с человека да еще уродовать его, я, как честный гражданин и член профсоюза коммунальных работников, не могу и не имею права. Это, знаете, брак, хуже, чем брак на производстве. Я имею дело с живыми людьми, а не, извините, с болванками и сковородами. «Мадам, — вежливо говорю ей, галантно приложив руку к сердцу, — такая прическа, которую вы хотите, подойдет только молоденьким...» Но дама не дала мне договорить, с жаром схватила меня за руку и говорит: «Вот, вот, сделайте меня, пожалуйста, молоденькой!..»

Парикмахер вздохнул и грустно улыбнулся.

— Не без труда, гражданин, я убедил ее, что такая прическа будет ей не к лицу, и предложил другую, подходящую для ее возраста. Она, правда, не очень охотно, но все же согласилась.

Парикмахер прервал свою речь и, слегка прихрамывая, исчез за серой полотняной перегородкой. Через минуту он вынырнул оттуда с мокрой, горячей салфеткой, от которой валил густой пар, и сделал мне компресс. Покончив с этой процедурой, он, вооружившись ножницами и металлическим гребешком, начал подправлять мои усы.

— Вы, наверно, слушаете меня, а про себя думаете: зачем, мол, я все это рассказываю? — словно угадав мои мысли, многозначительно улыбнулся уста. — Я это говорю к тому, что и среди нас, парикмахеров, тоже есть свои, так сказать, «маяки», которые с любовью, творчески подходят к работе. Но почему-то нашего брата никто надлежащим образом не ценит.

— Как не ценит? — спросил я. — Разве вам плохо платят за ваш труд?

Парикмахер поморщился так, словно проглотил кислую алычу.

— Да разве все дело только в оплате, дорогой товарищ? — с укоризной произнес он. — Есть пословица: «Не нужен мне твой плов, нужно твое внимание». Доброе слово нередко ценнее доро-

гой монеты... А вот я сейчас задам вам один вопрос: вы хоть раз слышали, чтобы кто-нибудь из наших писателей сделал героем своего рассказа, поэмы или романа нашего брата-парикмахера? Конечно, нет. А ведь никто из них без наших услуг не обходится. Разве не обидно?..

Рассказчик на минуту умолк и, продолжая стрекотать ножницами перед своим носом, подправляя усы. Потом тем же обиженным тоном продолжил:

— Вот я знаю одного писателя, он земляком мне приходится, мы с ним из одного села. Он часто пишет о колхозниках, о сельской жизни, а сам в сельском хозяйстве разбирается так же, как я, например, в китайской грамоте.

— Не может этого быть, — попытался я заступиться за незнакомого мне собрата по перу.

— Вы послушайте дальше, — привычно дергая левым усом, проговорил уста. — Этот самый писатель, мой земляк, о котором я вам говорю, почти ребенком выехал из села и все время живет в каком-то большом городе. Ездит в свое село от случая к случаю, раз в пять-шесть лет, и то на свадьбу или поминки. Мне кажется, что он сейчас с трудом отличает камыш от кукурузы, осоку от риса. Если он что-то еще помнит, знает о сельском хозяйстве, то — это то, что огурцы, дыни, тыквы и арбузы в отличие от черешни и груши растут не на деревьях, а на земле, на грядках и ботвах. Этот мой земляк, надо полагать, как и все мужчины, по меньшей мере хотя бы раз в неделю или месяц ходит к парикмахеру? А вот писать о нем ничего не пишет. Я давно его не видел, но попадись он мне под руку, даю слово, я ему такое устрою, такое... — в его голосе прозвучали сердитые нотки, и он злорадно ухмыльнулся.

Я беспокойно заерзал в кресле.

— А что бы вы ему сделали?

— Что бы я ему сделал? То же самое, что сделал цирюльник с Моллой Насреддином, — с мстительной улыбкой произнес он.

Я как-то слышал про эту историю. Говорят, однажды Молла Насреддин пришел к цирюльнику брить голову. У того бритва оказалась очень тупой. Едва он проложил первую «борозду» на голове Моллы, тот весь стал корчиться от боли, а на глазах выступили слезы. Цирюльник, желая развлечь разговором своего клиента, вежливо осведомился: «Сколько у вас братьев, Молла?» — спросил он. «Было пятеро, дорогой уста, — от нестерпимой боли и жалости к себе всхлипнул Молла, — но с той роковой минуты, как моя несчастная голова попала под твою бритву, считай, что осталось четверо...»

Я невольно стал разглядывать в зеркале усатое лицо своего собеседника и вдруг.. похолодел от ужаса. Это был мой земляк. Это он обо мне говорил.

Салфетка, обернутая вокруг шеи, стала душить меня, точно петля. Я резким движением сорвал ее, разом вскочил с кресла и поспешно кинулся к вешалке. Схватив пальто и шапку я, от волнения едва не сбив с ног ошеломленного парикмахера, выбежал на улицу...

А ночью мне снились кошмары. Усатый парикмахер, размахивая большой, точно ножом мясника, тупой бритвой и прихрамывая, долго преследовал меня по открытому полю, залитому горячим летним солнцем. Вдруг, к своей несказанной радости, я увидел перед собой кукурузу, густую, словно дремучий лес. Принадлежала она колхозу, который не раз ругали в газете за получение низкого урожая этой культуры. Я, недолго думая, решил укрыться здесь от своего преследователя, который хотел насильно сбрить мне бороду тупой бритвой. Но, немного придя в себя, я обнаружил, что это вовсе не кукуруза, а камыш. Мстительный парикмахер искал меня в камыше. По соседству с камышевыми зарослями раскинулась ярко-зеленая рисовая плантация. Я незаметно бегом перебрался в нее. Но лишь изрядно поранив себе лицо и руки, я сообразил, что это вовсе не рис, а осока...

С трудом оторвавшись от гнавшего за мной парикмахера, потный, усталый, запыхавшийся, я очутился у высокого орехового дерева и с наслаждением растянулся в его густой прохладной тени, широко раскинув руки в стороны. Где-то в чаще дерева заливался неугомонный соловей. Забыв об опасности, которой мне только что удалось избежать, растянув губы в широкую улыбку, я стал с удовольствием слушать вдохновенного певца. Но в эту минуту один орех, упав с дерева, угодил мне прямо в лоб. Прижав ушибленное место, я сразу проснулся и тут же ощутил у себя на подушке игрушечный орех, который сорвался с новогодней елки, стоявшей у изголовья моей кровати. Я сразу вспомнил про свой сон и вчерашний случай в парикмахерской и решил сейчас же, не откладывая в долгий ящик, написать рассказ о парикмахере и отдать этим дань глубокого уважения и признательности его древней, скромной, но очень нужной людям профессии, которая делает нас красивыми..

ФАНФАРОН

Скажу, положи руку на сердце, нет на свете справедливости. Нету! Я это на своем горьком опыте знаю. Вот я — фигура! Притом — номенклатурная. Моей глупой жене радоваться бы и гордиться, что у нее муж не какая-то мелкая сошка, а важное лицо — начальник! А она. Эх-х, честное слово даю вам, и сказать стыдно, что она обо мне думает и говорит.

— У тебя, — говорит, — кроме фигуры-то ничего и нету..

Вот видите?!. Конечно, по части фигуры я выразился, можно сказать, иносказательно, хотя, скажу без ложной скромности, фигура у меня действительно внушает. Не то, что иные мужчины — хурда-мурда*, смотреть не на что.

Но фигура фигурой, а я, как и всякий человек с соображением, понимаю: в наш век научно-технической революции, когда человек быстрее пули летит в космос, не хуже чем любая рыбина спускается на дно океана, шагает по Луне, как все равно я, к примеру, по своей загородной даче, чтобы занимать руководящую должность одной внушительной фигуры мало. Надо к этой фигуре иметь непременно и диплом. Я, к счастью, имею и то и другое. А попробуй все это втолковать моей бестолковой жене — обыкновенной домохозяйке, которая только знает стряпать и через каждый год, точно по заведенному графику, рожать детей и, главным образом, женского пола. При этом она совершенно не понимает, что современная культурная и уважающая себя женщина не разводит детей, как кроликов. И еще позволяет делать номенклатурной фигуре с дипломом всякие глупые замечания, учить уму-разуму.

— Подумаешь, — говорит, — диплом! На кой он, твой диплом, — говорит, — если у тебя одна блажь в голове. Фанфарон ты, — говорит, — и больше никто.

Некультурная женщина, а слово-то какое выискала — «фанфарон»! Я человек с дипломом и то сроду не встречал нигде этого слова. Я сперва думал, что оно так просто взбрело ей на язык, сама его придумала, а что оно означает для нее, шут ее знает. А потом, когда жена и в шутку и в гневе стала все чаще обзывать меня «фанфароном», я нарочно пошел к знакомому учителю русского языка, чтобы узнать: есть ли такое слово вообще и что оно означает. Оказывается, такое слово действительно существует, не она его выдумала. Фанфарон — это человек, который выставляет напоказ свои мнимые достоинства, вроде того, как говорится в нашей пословице: «Сам ворон, а изображает из себя орла».

Меня, конечно, это глубоко возмутило. До сих пор сам себе удивляюсь: как я, человек с характером, привыкший командовать другими, мог столько лет терпеть эту вздорную и упрямую женщину, хоть она и жена мне, мать моего единственного сына и восьмерых дочерей?!. Мне и без того достаётся от моих вышестоящих начальников, да еще и от нее нет покоя.

Жена сердится на меня за то, что я, имея диплом в кармане, не могу долго удержаться на одном месте. Пусть так. А тебе, скажи, что за беда, если последние пять лет я побывал на должности заведующего городской овощной базой (по диплому я — агроном-

* Хурда-мурда — мелкота.

овощевод), директора городской мельницы, хлебопекарни, и. о. начальника городской пожарной охраны, и что отовсюду меня, грубо говоря, вытуряли с выговорами и строгаками? Ты, пожалуйста, знай свое дело: рожай и дальше себе на здоровье дочерей, вари свой хинкал, а в мои мужские дела не суй нос. Хотя мы с тобой по закону и равноправны, но не забывай, что ты все-таки женщина, папаху ношу на голове я, а не ты!. Кроме того, пока я числюсь в списке номенклатурных лиц, тебе нечего беспокоиться за меня, за наше благополучие: снимут с одной номенклатурной должности, назначат на другую.

Но я с огорчением должен сказать, что снимают меня отовсюду по одной и той же глупой мотивировке: превышение власти, грубое обращение с подчиненными, нарушение, так сказать, принципов демократии!.. Не согласен я с этим — хоть режь меня! Только с должности и. о. начальника пожарной охраны — я признаюсь в этом — отстранили за дело. В тот день, когда на окраине города на совхозной свиноферме случился пожар и окрест распространялся аппетитный шашлычный запах, одна пожарная машина с брандспойтом поливала мой огород на даче. Я тоже, конечно, был там. Положа руку на сердце, еще раз говорю: на этот раз я был виноват, наказали меня за дело. Народ на противопожарной службе хороший, мужественный, чувствует себя все время в постоянной боевой готовности, в случае пожара нередко рискует и здоровьем и жизнью. А я в тот день в отличие от моих людей, «тушил» пожарной машиной «огонь» на грядках с помидорами и огурцами на своей даче.

Но речь сейчас не об этом. Посудите сами: какой же я начальник, если подчиненные не будут беспрекословно исполнять мои приказы, нравятся они им или не нравятся. К сожалению, не все это понимают. Взять хотя бы эту нашумевшую по всему нашему маленькому городу историю с поцелуем.

Дело было так. После отстранения от последней должности и. о. начальника пожарной охраны меня назначили директором межколхозного театра. Откровенно говоря, я никогда не питал почтения ни к театру, ни к актерской братии. Актерское занятие всегда казалось мне несерьезным, шутовским делом, а сами актеры — легкомысленным и ветреным народом, но зато я опять-таки не рядовой, а — директор, начальник!

Аккурат приближался праздник уборки урожая, и театр в спешном порядке готовил новый спектакль — комедию местного драматурга на современную колхозно-бытовую тему. За несколько дней до премьеры я распорядился, чтобы повсюду были расклеены плакаты, выставлены афиши, передали объявление по местному радио и в газете. Реклама — великое дело.

И вот, когда в переполненном зале шла премьера, вдруг ко

мне в кабинет с шумом вбегает мой режиссер. Испуганно вытаращив глаза и обхватив руками свою пышную шевелюру, которую он, казалось, в отчаянии собрался рвать, как несчастная вдова волосы на похоронах своего мужа, принялся кричать:

— Горим!. Горим, товарищ, директор!..

Я сам, признаться, не на шутку испугался, думаю: боже упаси, как бы с нашим театром не произошло то же самое, что с совхозной свинофермой. И тут же кинулся к телефону, чтобы немедленно позвонить по известному номеру, но режиссер, страдальчески сморщив лицо и энергично замахав на меня руками, закричал еще громче:

— Да не-е-ет! Не от огня горим, а...

У меня, знаете, сразу отлегло от сердца. Раз, думаю, горим не от пожара, можно особенно не волноваться. Из дальнейшего разговора я понял, что один из актеров внезапно заболел расстройством желудка, заперся в туалете и ни за что не желает выходить на сцену, ты хоть на него наставляй пистолет. И режиссер просит, умоляет меня, чтобы в спешном порядке я заменил заболевшего актера.

Правда, эта роль в спектакле маленькая, эпизодическая и совсем несложная. Чудаковатый старый холостяк, колхозный пастух, пригнав к вечеру на ферму колхозных коров, заглядывает в коровник и к своей несказанной радости застаёт там молодую незамужнюю доярку, к которой он давно неравнодушен. Пастух от радости, что встретил ее, поет и пляшет вокруг доярки, просит, чтобы она хоть разок «для утешения души» позволила ему поцеловать ее. И он трижды повторяет свою просьбу. Но она не соглашается, пытается отстранить его рукой — вот и вся роль. Я несколько раз был на репетиции, хорошо помнил все, что должен был говорить и делать безнадежно влюбленный старый бобыль. И я согласился — не срывать же из-за этого спектакль.

Только одно смущало меня: я совершенно не умею петь. Природа, наделив меня завидной фигурой, совершенно обделила голосом. И когда я начинаю петь, то мой голос даже самому мне напоминает утиное кряканье: га-га-га!..

О своих сомнениях и опасении я, конечно, сказал режиссеру. Но тот, весьма обрадованный моим согласием, тут же поспешил успокоить меня:

— Что вы, что вы! Это даже хорошо, — начал уверять он меня. — Внесет больше комизма в игру. Это же — комедия!..

Немедленно принесли мне в кабинет чабанскую папаху, бурку, длинную увесистую палку с загнутым концом, приклеили пышные накладные усы. Прежде чем выйти на сцену, я полез в ящик своего рабочего стола, вынул спрятанную там на всякий случай «пятязвездочную». Налив полный стакан коньяка, я залпом выпил его,

так сказать, для храбрости: как никак первый раз выступаю на сцене да еще без предварительной подготовки и, конечно, волнуясь, боюсь, хотя я человек не из робкого десятка.

И вот под разноголосое мычание «коров» и «телят», только что пригнанных в село, я захожу в «коровник». Увидев свою «симпатию», я, понятно, как положено мне по роли, сияю, как медный самовар, лихо, самодовольно поглаживаю накладные усы. Затем от охватившегося меня волнения начинаю юлой кружиться вокруг доярки, петь, вернее, крякать по-утиному.

Смотрю, в зале зрители смеются, хохочут. Довольны, стало быть. И я доволен: спас спектакль от неминуемого срыва и моя игра нравится публике. Я вошел в раж и продолжаю свой номер. Кончив петь, куролесить, я в самом прекрасном расположении духа подхожу к предмету моего поклонения, прошу, чтобы она, пока нелегкая не привела сюда кого-нибудь из ее подруг, позволила мне хоть разок поцеловать ее в румяную щечку. А доярка, смущенная моим приставанием, мягко отстраняет меня рукой и стыдливо прячет зардевшееся лицо. Но я, как следует мне по роли, не отстаю от нее, прошу, молю об одном единственном поцелуе, и—все напрасно.

И вот тут, убей меня — не помню, не могу объяснить, как это получилось: то ли коньяк вдруг ударил мне в мозги, то ли самолюбие начальника во мне взыграло. Я разом скинул с плеч бурку, отбросил в сторону палку, сорвал с головы папаху, а с лица — фальшивые усы и кричу ей:

— Набо-о-от! (Набот — это ее настоящее имя, а в пьесе — другое, забыл как). Я же — твой начальник! Как ты смеешь не слушаться меня, подрывать мой «абортитет» в глазах моих подчиненных?!

И я тут же сгреб ее в охапку и с силой поцеловал в ярко накрашенные губы. Но не успел я опомниться, как вместе с проклятиями разгневанной «дойarki» на мою голову с грохотом обрушилось пустое ведро. И хорошо, еще, что оно было пустое. Вслед за этим я почувствовал, как кто-то другой изо всей силы так огрел меня между лопатками той самой палкой, которую я только что держал в руке, что от боли света божьего неувидел. Это, оказывается, был ее настоящий муж, тот самый актер, который не мог выйти на сцену из-за расстройства желудка...

Короче говоря, спектакль сорвался в самой середине действия, и эта веселая комедия обернулась лично для меня трагедией: то есть меня сняли с должности директора...

Беда, как вы знаете, не приходит одна. Жена тоже выгнала меня из дому, несмотря на то, что я — отец ее единственного сына и восьмерых дочерей. Когда я в тот вечер пришел домой с ноющей спиной и больной голозой и жена увидела на моих губах, щеке следы женской губной помады и крема, которые я от расстройства

и волнения забыл стереть, что от меня несет спиртным духом, накинута словно разъяренный зверь и выставила вон за дверь.

— Иди, — говорит, — вон туда, где пил захриман и с кем там целовался-миловался. Мне такой муж не нужен!

И все это, как видите, из-за одного злополучного поцелуя. Положа руку на сердце, разве можно после этого говорить: есть на свете справедливость?..

С О В Б О Л

Время было уже за полночь, когда Боби медленно, понурый, опираясь на палку и слегка прихрамывая, шел со свадьбы, но вид у него был мрачный и подавленный.

— Ах Гавхар, Гавхар, да чтоб сгорел твой отец! — с сердцем выругал он жену вслух, горестно покачав головой. — Опозорила, осрамила ты меня на весь свет.

Ему вдруг представилась жена, которая сейчас спит без задних ног и не ведает, как он из-за нее оскандалился, опозорился перед людьми — хоть провались сквозь землю. Думая об этом, он громко застонал как от внезапной нестерпимой боли. В его взбудораженной памяти промелькнули все события сегодняшнего вечера.

— Ты знаешь, Боби, — сказала ему жена, когда он пришел с работы и сел пить чай, — сегодня нас пригласили на свадьбу.

Боби, неторопливо опустив стакан на блюдце, вопросительно посмотрел на жену, полнокую женщину лет сорока пяти с черными, тронутой сединой густыми волосами.

— Чья свадьба?

— Рахмон, друг твоей юности, женит сына, — с видимой неохотой ответила жена.

— Очень хорошо! — бодро воскликнул Боби. — Раз пригласили — надо идти.

Гавхар ничего не ответила. Она отвела глаза и молча опустила голову. Боби, угадав ее настроение, недовольно уставился на жену.

— Ты чего так?! — сердито спросил он. — Не идти что ли?!

— Не знаю, — пожимая плечами, тихо проговорила жена. — С деньгами туго у нас... Да и...

— Что «да и?» Что?! — резким движением отодвинув от себя стакан с недопитым чаем, запальчиво произнес Боби, краснея. — Надоело мне это твое бесконечное хныканье! Вечно плачешься: «Денег не хватает. Денег не хватает!..» Хоть домой не приходи!

Боби, не вставая с места, с шумом повернул стул, на котором сидел, и, демонстративно повернувшись спиной к жене, молчал. Молчала и Гавхар, с укором глядя на мужа, незаслуженный упрек которого больно кольнул ее в самое сердце. «Как ему только не стыдно говорить такое?!..» — думала она про себя, готовая расплакаться от возмущения и обиды.

Хотя ее муж и хороший маляр, зарабатывает неплохо, но все же не столько, чтобы хватало на все. Тем более он пока единственный работник в доме. И ей, Гавхар, приходится нелегко, очень нелегко на одну его зарплату накормить целую семью из пяти человек, одеть, обусть.. А он, вместо того, чтобы войти в положение жены, пожалеть ее, быть ей благодарным, еще позволяет себе упрекать... В городе у них много знакомых, близких и дальних родственников. Не проходит месяца, а то и недели, чтобы у кого-нибудь из них не женился сын или не вышла дочь замуж — не справляли свадьбу. Пусть справляют на радость, разве она против? Пусть ослепнет тот, кто не желает счастья ближнему. Но ей уже невозможно терпеть то, что ее муж уносит на каждую свадьбу чуть ли не одну пятую часть своей зарплаты: рублей двадцать пять-тридцать на собол для родителей невесты или жениха и рублей пять-десять на шобош музыкантам. На эти деньги при ее умении и бережливости она может целую неделю кормить семью. А многие ради того, чтобы собрать большой собол, созывают на свадьбу не только близких и дальних родственников, но и случайных знакомых, по пятьсот, а то и по тысячу человек. А ее муж, собираясь на свадьбу, куда его приглашают, то уговорами, то угрозами, а то и силой забирает у нее деньги, иногда последние. Почему она должна лишать детей этих денег, чтобы ее неразумный муж с легким сердцем кидал их на чужих свадьбах?..

Через несколько минут Боби, продолжая сидеть в той же недовольной позе, чуть повернув голову, украдкой посмотрел на жену, на этот раз не столько сердито, сколько испытующе. Он, конечно, догадывался, о чем сейчас думает жена. В глубине души Боби понимал, что Гавхар права, но несмотря на это, он все же дулся на нее: где это видано, чтобы на свадьбу у нас ходили без денег на собол и шобош? Не он же, Боби, выдумал этот обычай и не ему его отменять. Не пойдешь — обидятся, скажут: не почтил, мол, нас, может, не по душе ему наша радость или пожалел денег, скряжничают, пятое-десятое... А он не хочет, чтобы о нем так думали, говорили. Ему его мужской намус дороже этих денег, если даже из-за этого его семье придется сидеть на одном хлебе и воде.

Между тем время шло. На дворе становилось темно. Боби, еще раз взглянув на расстроенное, мрачное и сердитое лицо жены, с сожалением понял, что на сей раз и палкой не выколотишь из нее денег.

Боби молча встал, подошел к вешалке, надел на голову кепку и, захватив свою палку, вышел из дому. «Ладно, пойду поздравлю Рахмона со свадьбой сына и, сославшись на плохое здоровье, тут же вернусь обратно домой», — подумал он про себя.

...На дворе, где играли свадьбу, широким полукругом были расставлены длинные скамьи, множество столов, еще не накрытых,

но за которыми уже сидели празднично одетые гости. Под звуки тары, кеманчи и бубна парень и девушка отплясывали лезгинку. В отдаленном полуосвещенном углу двора в опромных закопченных котлах варились вкусный свадебный суп, соус, жарилось мясо, насыщающая воздух аппетитными запахами.

Боби, войдя во двор, стал искать глазами Рахмона. Но в это время серпони, худощавый подвижный молодой человек с усиками, в чью обязанность входило развлекать и обслуживать гостей, заметив Боби, приплясывая на ходу, подошел к нему.

— О Боби-джан, душа моя! — с преувеличенным радушием и восторгом воскликнул он, церемонно отведывая ему низкие поклоны, словно падишаху. — Очень и очень рады вас видеть. Дай бог и вашим детям, внукам и правнукам такую же свадьбу! — И он, сделав широкий приглашающий жест, добавил: — А теперь, пожалуйста за стол с гостями!..

Серпони, продолжая осыпать Боби благими пожеланиями, фамильярно обнял его за плечи и, пропуская мимо ушей какие-то робкие объяснения Боби, потащил его к гостям. А сказать ему, что у него нет денег на собол и шобаш, что он пришел только затем, чтобы поздравить Рахмона со свадьбой сына и сразу же вернуться домой, Боби постеснялся. Поэтому вопреки своему твердому намерению, он был вынужден подчиниться серпони и занять место среди приглашенных.

С трудом скрывая смущение и чувство неловкости, Боби старался держаться незаметным среди гостей, не вступая ни с кем в разговор. Но как назло соседом его за столом оказался очень шумный и беспокойный человек, на которого все поневоле обращали внимание. Это был смуглолицый коротыш с круглыми, точно надутыми щеками и большими черными глазами на выкате, работавший снабженцем на каком-то крупном предприятии. Несмотря на свою чрезмерную полноту и тугий живот, стянутый узким ремнем, точно бочка обручем, снабженец по-мальчишески был шустр и вертляв. Как только на майдан выходила танцевать очередная пара, он мигом, словно заводной, вскакивал на свои короткие ноги, неистово хлопая в пухлые ладоши, азартно кричал:

— Харцо-о-о! Харц! Харц!

Время от времени толстяк энергично запуская руку в карман широких брюк, доставал десятирублевые бумажки, выбегал на майдан, совал их в руки танцующим для шобоша музыкантам и, выпучив глаза, тут же громко с натугой радостно выкрикивал:

— Ай шобаш! Ай шобаш!..

Время подходило к полуночи. Танцующие бросали деньги на стол музыкантам в широкий поднос, теперь перед ними образовалась целая горка смятых, замусоленных ассигнаций. Люди уже устали, не хотели танцевать, а серпони бодро ходил по кругу, обводя

своими веселыми, нагловатыми глазами гостей, громко восклицал:

— Больше жизни!. Не давайте скучать ни себе, ни музыкантам!.

Иногда серпони, извиваясь и приплясывая, подходил к кому-нибудь из гостей, чуть ли не силком вытаскивал его в круг. И танцующий не только сам кидал на поднос музыкантам деньги, но вкладывал еще их в руку танцующей с ним женщины или девушки, которая перед выходом из круга отдавала им же.

Один раз улыбающийся во весь рот серпони таким же манером подошел и к Боби, но тот так энергично покачал головой, показывая при этом на свою палку: не могу, мол, хромаю, что он больше не стал его беспокоить. Но когда наконец накрыли столы, расставили на них напитки и разнообразные закуски, а проголодавшиеся люди жадно накинулись на еду, Боби, после того как пропустил пару стопок водки, сам позвал серпони и неожиданно для него велел ему заказать музыкантам танец «Наз-назы». К своей несказанной радости Боби только что вспомнил, что у него в кармане еще со вчерашнего дня лежат две трешки, которые он утаил от жены и о которых просто-напросто забыл. Он сразу воспрянул духом. И как только музыканты по его заказу начали играть, Боби встал, распрямил плечи, поправил на себе пиджак и, слегка прихрамывая, без палки, не спеша, с достоинством вышел на майдан. Тотчас же услужливый серпони вывел танцевать с ним бойкую милотидную девушку с живыми черными глазами. «Вот бы моему сыну такую невесту», — с удовольствием подумал про себя совсем расхрабрившийся и развеселившийся Боби, с нескрываемой симпатией разглядывая ее стройную фигуру.

Неутомимому серпони удалось раскачать уставших гостей. По его примеру они тоже начали дружно хлопать. Сосед Боби по столу опять вскочил с места и, усердно хлопая в ладоши, уже несколько охрипшим голосом принялся кричать:

— Харцо-о-о! Харц! Харц!..

Ноги сами легко понесли Боби по майдану, как в молодые годы. Возбужденный вином, музыкой, общим весельем, возможностью пожертвовать как и другие музыкантам на шобош, он сразу почувствовал прилив сил и юношескую гибкость в теле. Во время танца Боби, гордо запустил руку в правый карман брюк, где по его предположению должны были находиться деньги, чтобы одну из этих трехрублевок кинуть музыкантам, а другую вложить в руку своей юной напарницы. Но в тоже мгновение другая его рука очутилась в левом кармане. Продолжая кружиться в танце и держать руки в кармане, он принялся судорожно обшаривать их. Но, — о ужас! — в них почему-то было пусто. На лице его сразу появилось выражение крайнего испуга и тревоги, ноги подкашивались, спина стала мокрой от пота. Боби пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не выдать своего состояния, не сбиться с ритма.

Музыка, дружное хлопанье гостей, которые только что воодушевляли, бодрили его, сейчас нагоняли на него панический страх и ужас. А гости, как нарочно, вошли в азарт, начали, как ему показалось, еще сильнее хлопать, подзадоривая танцующих. Пузатый снабженец продолжал кричать свое неизменное «Харцо-о-о! Харц! Харц!». А музыканты в надежде на шобош, потные от усердия и усталости, играли, играли и играли.

Куда же девались эти проклятые деньги?. О горе! Что подумают о нем люди? Вот скажут: «Без гроша в кармане, как все равно уличный мальчишка-сорванец, ворвался в круг, еще танцевать вздумал...» Догадаются, обязательно догадаются, что он пришел на свадьбу, не захватив с собой денег не только на шобош, но и на совбол. Осрамлены его мужская честь и достоинство..

От сильного волнения и расстройства забыв, где он находится, Боби внезапно остановился посреди круга, как вкопанный, и машинально вывернул пустые карманы наизнанку. Тот час же раздался дружный, оглушительный хохот. Его напарница со смущенной улыбкой стремительно выбежала из круга. Пьяный толстяк, схватившись руками за живот, визжал, покатываясь со смеху. Музыканты, вопреки традиции, не дожидаясь выхода танцора из майдана, прекратили играть. А бубнист, опуская бубен на колени, пронзил жалкую растерянную фигуру Боби недобрым, уничтожающим взглядом.

Под насмешливые взгляды и улыбки собравшихся Боби, пряча глаза, весь покрытый потом, разбитый, удрученный, хромя сильнее обычного, сразу покинул свадьбу. Какой-то мальчишка догнал его, когда он уже был на улице, и вручил палку, которую он забыл от волнения, а может, после всего случившегося ему просто не хотелось встречаться с гостями лицом к лицу.

И вот он идет сейчас по пустынным и безмолвным улицам мирно спящего города, глубоко переживая свой позор и мысленно ругая жену, музыкантов, серпои, особенно тех, кто выдумал эти злополучные шобош и совбол...

СОСЕД МОЙ — ВРАГ МОЙ

Ассалам алейкум, товарищ редактор!

Прошу Вас, напечатайте о моем соседе Сары-Самеде*, который проживает в селении Узун-Бурни**, напротив водяной мельницы (чтоб он угодил своей рыжей головой под ее тяжелые жернова!), один острый «фильегун». Хоть и говорят, что близкий сосед лучше далекого брата, а вот мой сосед, этот негодник Сары-Самед, — злой враг мне. Он до того извел, измучил меня, что, клянусь все-

* Сары — рыжий.

** Узун-Бурни — Длинный Нос.

ми святыми, если можно было бы уложить все свое хозяйство: дом, двор, сад, скотину вместе с женой в одну большую торбу, ни одной минуты не остался бы жить рядом с ним. Взяли бы все свое добро на спину и, несмотря на свои пятьдесят восемь лет, бежал бы от него без оглядки, как от шайтана (чтоб шайтан изуродовал его, окаянного).

Жить с ним по соседству, поверьте мне, нисколько не лучше, чем очутиться на дне глубокой ямы один на один со змеей-шахматом (чтоб шахмат ужалил его злой язык).

Я слышал, что раз пишешь в газету — давай факты. А фактов у меня против Сары-Самеда хватило бы не только на один «фильетун», но и на всю Вашу газету. Я приведу несколько из них, веревка хороша длинная, а речь — короткая.

Начну хотя бы с того, что он, мой сосед, ходит по селу и распространяет обо мне всякие хабары-небылицы, будто я нарочно огородил свой двор и сад высоким каменным забором, потому что ревную молодую жену, прячу ее от любопытных взоров, как купец свою мощну.

Как поворачивается у него язык сказать обо мне такое, если моя жена почти каждый день на виду у тысячи людей торгует в городе на рынке ягодами, фруктами и овощами из моего сада, огорода. А когда она не успевает за день продать все привезенное, даже остается ночевать там у какого-то своего дальнего родственника, которого я знаю столько же, сколько Вас или Вы меня, то есть хочу сказать, что совсем не знаю, даже в глаза ни разу не видел.

Со своей старой женой я был вынужден развестись, потому что от нее не было ни толку, ни проку ни мне лично, ни моему хозяйству. Женщина она хилая, слабая, к тому же бесплодная. Кроме того, заставить ее отправиться в город на рынок было так же невозможно, как сдвинуть с места каменную скалу, несмотря на то, что от нашего Узун-Бурни до города рукой подать.

Не отрицаю, я действительно огородил свой сад и двор высокой стеной. Но это я сделал, чтобы не вводить в соблазн посторонних, как говорится: «Глаз не увидит — сердце не захочет». Но жена моя, скажу Вам, тут совсем непричем. У меня, чтобы не сглазить, самый красивый и самый богатый сад в селе. Поэтому все, кому вздумается, тащился ко мне в сад полюбоваться на него, а главное, поесть всласть фрукты, насорить, как будто это общественный или колхозный сад. А ведь, как капля к капле образует ручеек, так и ягодка к ягодке образует кучку. А жена моя за каждую такую кучку берет на рынке с покупателя рублик, а то и подороже. Да и от мальчишек-сорванцов, охотников совершать разбойные вылазки в чужие сады, эти стены — надежное препятствие.

Потом, если разобраться, женщину в тридцать лет разве можно считать молодой? В былые времена, говорят, многие женщины в нашем селении в возрасте моей жены ходили в бабушках. А ему, Сары-Самеду, лишь бы почесать язык, посплетничать обо мне.

Наберитесь, пожалуйста, терпения, послушайте дальше. Недавно мой сосед, кем только меня не обозвал: и сорняком, и жадинкой, и злостным нарушителем трудовой дисциплины, притом при всей бригаде. Из-за чего, спрашивается, он так «бублично» оскорбил меня, невинного человека?

Во время работы на прополке овощей ребята устроили перекур. Сам я не балуюсь табаком: курить — это не только прожигать здоровье, но и деньги... И вот, пока ребята курили, хабарничали, меня начало клонить ко сну. Чтобы не помешать им, я потихоньку отполз подальше, забрался в куст, росший около дороги, у прохладного арыка и под его монотонное журчанье заснул, видимо, крепко. Проснулся, когда солнце уже садилось за лесом, вернее, не я проснулся, а меня разбудил Сары-Самед, мой сосед. Оказывается, в это время стадо возвращалось в селение, а быки и коровы, приближаясь к кусту, где я похрапывал, с громким мычанием и ревом шарахались в сторону, сбивая друг друга с ног или пугливо обходили его. Этим они привлекли внимание Сары-Самеда, который в это время возвращался домой с саженью на плечах (он у нас работает учетчиком).

Говорят: «На хромого козла и скала рушится». Обычно животные боятся, если в кустах (не про нас с вами будь сказано) лежит покойник или зверь. А с чего они, эти глупые создания, испугались меня, здорового, мирно спящего человека, понять не могу.

И вот на следующий день мой сосед в присутствии всей бригады, смешивая быль с небылицей, правду с ложью, стал чернить меня. Он говорил, что я будто весь день проспал в кустах, когда другие не жалели себя в работе, что это не первый случай с моей стороны. По его словам, меня будто не однажды находили спящим в разгар рабочего дня в Донгуз-Камыше, а другой раз под стогом сена, что я днем на колхозной работе отсыпаюсь, чтобы потом всю ночь корпеть в своем саду.

Почти на все его клеветнические наветы у меня есть опровержения. Во-первых, я проспал в кустах не весь день, а три четверти дня, то есть после первого перекура, — надо быть точным. Если сосед недолгоблизает соседа — это вовсе не значит, что ему дозволено говорить про него все, что взбредет на язык. Во-вторых, я в зарослях Донгуз-Камыша никогда не спал, зная, что это излюбленное место свирепых диких кабанов. Не такой я глупый, чтобы по своей охоте подставлять свою голову под их острые клыки. Пусть это делает сам Сары-Самед, если ему надоело носить на плечах

свою дурную голову, — хоть раз в жизни сделал бы приятное своему соседу, мне то есть.

То, что я по ночам, а иногда до самого рассвета подолгу работаю на своем приусадебном участке, а потом днем отсыпаясь на колхозной работе — это верно. Правда, это случается не каждый день, но случается, врать не стану. Но и на это у меня есть оправдание... В колхозном хозяйстве, дай бог берекег, много трудоспособных членов, а в моем хозяйстве я один. Жена моя, как уже сказал, днями торгует на рынке в городе (а продавать со своего приусадебного хозяйства, как вы знаете, никому не запрещено), нередко остается там ночевать у какого-то своего дальнего родственника, которого я не знаю.

Теперь коротко о вчерашнем случае, который больше всего побудил меня написать Вам это письмо. Вчера мой сосед чуть не подтолкнул меня на смертоубийство и не свел с ума. И вот как это было.

Поздно вечером я возвращался со свадьбы, а жены опять не было дома — осталась ночевать у своего дальнего родственника. Когда я открыл калитку, смотрю... что за черт! У меня в саду под черешней стоит какой-то незнакомый человек, видно, не из нашего селения. Был бы он мальчик-сорванец, еще куда ни шло, а то — солидный мужчина в соломенной шляпе и с почтенной бородкой. Он тянет к себе тяжелую ветку с ягодами да еще без всякого стеснения смеется мне в лицо. Где это видано!.. Я, конечно, очень возмутился, кричу ему, предупреждаю, чтобы живо убирался из моего сада. А он, представьте себе, и в ус не дует: хоть ты лопни. Кровь ударила мне в голову, тем более был я под хмелем. Забежав в дом, я вынес заряженное ружье и пульнул в нахала. И как только я выстрелил, незнакомец упал как подкошенный, не издав даже звука. Сперва я даже обрадовался, что одним выстрелом вышиб из него дух. Но потом, как только опомнился, сообразил, что натворил под горячую руку, мне стало страшно, весь холодным потом покрылся. Бросив ружье, я кинулся бежать к калитке, но со слепу ударился лбом о озой каменный забор и расшиб себе лоб. Вначале мне показалось, что это он, вернее призрак убитого, догнал меня и хватил камнем по лбу. Потеряв совсем голову, я бросился в дом и закрыл за собой дверь на засов. О, сколько страха я перенес за вчерашнюю ночь — не дай бог врагу Вашему.

Еще хорошо, что на мой выстрел никто не прибежал. Это потому, что вчера вечером стрелял из ружья не я один. В нашем селе издавна существует обычай: когда жених впервые переступает порог комнаты, где его ждет невеста, наши односельчане выходят на окраину села или в свой двор и стреляют вверх из ружья, приветствуя этим зарождение, так сказать, новой семьи. Поэтому, наверно, на мой выстрел никто не обратил внимание, даже мой сосед.

Рано утром, едва дождавшись рассвета, я измученный, истерзанный, еле живой, дрожа весь от страха подошел к тому месту, где вчера ночью стоял незнакомец, убитый мною, и.. остолбенел от изумления: под черешневым деревом на мокрой от предутренней росы взрыхленной земле лежал не человек, а... чучело, обыкновенное чучело с козлиной головой без рогов. Губы сверху и снизу были подрезаны, и от этого казалось, коза, вернее ее голова, смеется во весь рот, обнажив зубы...

Меня охватила такая бурная радость, которую я не могу выразить Вам словами. Я плакал и смеялся одновременно. Меня легко понять — такое дело! Но очень скоро моя радость сменилась яростным гневом на моего недоброго соседа Сары-Самеда, порази его чума! И вот почему. Я вспомнил, как он совсем недавно упрекал меня при всех: «Ты, Атажон, — пережиток прошлого, жадный собственник. Ты можешь из-за пары ягод даже человека убить...» Я сразу понял, что эта дьявольская шутка—дело его рук. Да и клетчатый пиджак, что был на чучеле, и соломенную шляпу я не раз видел на нем.

Завернув шляпу и козлиную голову в пиджак, я сегодня же отправился в райцентр к «пулкурору» с жалобой на Сары-Самеда. Но вот, что обидно, возмутительно, товарищ редактор: «пулкурор» отнесся с полным невниманием к моей жалобе, да еще посмотрел на меня так неласково, так неприветливо, скорее всего с неприязнью, будто во всем случившемся виноват не мой сосед, а я, невинно пострадавший человек.

Будьте справедливы, посудите сами: разве после всех тех пакостей, которые причинил мне мой сосед, он не заслуживает того, чтобы Вы о нем написали один острый «фильетун», да чтоб фил* раздавил его вместе с нашим «пулкурором».

ЖЕНСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Я шел на ферму, поднимаясь по крутому склону высокой горы. Внизу, в глубоком ущелье, прохотала бурная река. Стремительные потоки воды, пенясь и клокоча, с неукротимой силой накидывались на гигантские валуны, словно стараясь отшвырнуть их со своего пути.

Не доходя до вершины склона, я вдруг увидел метрах в двадцати-тридцати, на самом ее краю, маленькую девочку лет пяти-шести с непокрытой взлохмаченной головкой, в ярком цветастом платье. Заметив меня, она сразу повернулась назад, вскинула

* Ф и л — слон.

ручонки вверх и дважды крикнула тонким пронзительным детским голосом:

— Ой, па-па! Убега-а-ай! Дядя идет! Па-а-па!

И тут же внезапно исчезла из виду, как и появилась. В голосе ее, когда она кричала, мне почему-то почудилось не то рыдание, не то смех. Сначала неожиданная выходка девочки показалась мне довольно странной. Но, подумав, что это, видимо, просто-напросто детская причуда, я быстро забыл о ней.

Когда я взобрался наверх, передо мной открылась ровная, как скатерть, широкая зеленая поляна с высокой сочной травой, испещренной полевыми цветами. Ее со всех сторон окружали горы, своими вершинами упиравшиеся в бездонное синее небо. Посреди поляны, согнанные в кучу, покорно стояли сытые, с вздутыми лоснящимися боками разномастные коровы. Доярки в белых халатах доили животных. Яркие лучи предзакатного солнца золотили шелковистую траву, освещали багряным светом загорелые лица и оголенные руки доярок, окрашивали в прозрачно-розовый цвет тугие струи молока, с шелестом падавшие в цинковые ведра.

Шла обычная вечерняя дойка. Несколько коров, которые уже были выдоены, слегка бодая и толкая друг друга, отделились от остальной группы. И в это время в нескольких шагах от себя я увидел широкую мужскую спину и заросшую коричневую шею. Мужчина, как и все доярки, надев белый халат и присев на корточки, доил корову.

Не скрою, то, что я увидел, меня очень удивило. Доить коров испокон веков считалось и считается у нас женским занятием, чем-

то предосудительным для мужчины. Мне за свою жизнь ни разу не приходилось видеть человека, носящего на голове папаху и доящего корову, а тем более работающего дояром. Это был совсем необычный, можно сказать, из ряда вон выходящий случай.

Я хотел было отойти, чтобы он не стеснялся моего присутствия, но здруг дояр, обернувшись, увидел меня, и мы сразу узнали друг друга. Не скажу, что я был рад этой встрече, а он, наверно, тем более.

Год назад тоже я был здесь. Тогда Хабибулла (так звали дояра) работал заведующим фермой. Но против моего ожидания, при виде меня, энергичное, сравнительно еще молодое усатое лицо моего знакомого расплылось в спокойной приветливой улыбке. Он сразу прекратил дойку, порывисто поднялся и как ни в чем не бывало подошел ко мне, поздоровавшись, крепко пожал руку. Но заметив мое недоумение, потупив глаза, слегка покраснел и смущенно улыбнулся.

— Теперь заведующий не я, а.. моя жена. Я только дояр, — все так же улыбаясь, тихо, виновато произнес он.

Чтобы он не чувствовал себя неловко в моем присутствии и не отвлекался от дела, я извинившись, отошел подальше. Устало опустившись на мягкую траву, я стал искать глазами девочку в пестреньком платье. «Почему все-таки она крикнула, увидев меня?—невольно спросил я себя после встречи с Хабибуллой.—Неужели ее предупреждение было обращено к нему? Ведь кроме него здесь никого нет из мужчин?..» Но девочки нигде не было видно. Какой-то суматошный рыжий теленок, по-собачьи высоко задрав хвост, ошалело бегал недалеко от меня.

Встреча с Хабибуллой вызвала у меня в памяти воспоминания о моем первом знакомстве с ним. Как и сейчас, год назад я приезжал сюда от своей газеты, где я работаю. Когда я пришел на ферму, был полдень, а кругом тихо и пустынно. Ни на поляне, ни в коровнике не видно было ни коров, ни доярок. Видимо, пастух угнал коров куда-то далеко от фермы, а у доярок, наверно, сейчас обеденный перерыв. Лишь два новорожденных теленка с черными влажными носами, свернувшись калачиком, дремали в траве. Вдруг чьи-то громкие голоса, похожие на крики, доносившиеся из каменного домика, стоявшего рядом с коровником, привлекли мое внимание. И я сразу направился туда.

В нехитром помещении красного уголка с низким потолком, маленькими окнами и давно небеленными обшарпанными стенами, беспорядочно увешанными разными плакатами, двенадцать женщин в белых халатах сидели на длинных некрашенных и грубо сколоченных узких скамейках. Перед ними, небрежно засунув руки в карманы брюк и по-петушиному выпятив широкую грудь, стоял с важным видом крепкий коренастый усатый мужчина лет сорока в вы-

сокой жаракулевой папахе, горделиво сдвинутой на бок. Он, видно, был сейчас под хмельком. Его слегка качало, но он, время от времени рыгая, старался держаться твердо. Женщины спорили с ним, ругались. Двенадцать пар женских глаз глядели на мужчину в упор с откровенным недовольством и неприязнью, словно буравили его самонадеянную фигуру. А он держался совершенно невозмутимо и в ответ на их крики и брань самодовольно и насмешливо улыбался, отпуская шуточки в адрес доярок, словно нарочно дразнил их.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я уселся позади в углу и стал прислушиваться к шумному спору двенадцати женщин с одним мужчиной. Через несколько минут я уже в общем понял, чем вызвана эта перепалка. Мужчина с усами, оказывается, является заведующим фермой. Она третий год соревнуется с другой животноводческой фермой этого же колхоза и все это время хронически отстает по надоям и другим показателям. Сам заведующий мало интересуется делами фермы, целыми днями пропадает в ауле или в районном центре в обществе своих друзей, таких же любителей, как он, проводить время за стаканом вина и праздной болтовней. Для животных не только не заготовлены сочные корма, но и сено доставляется на ферму с перебоями. А ему хоть бы хны.

Сегодня на собрании доярок были подведены итоги работы фермы за второй квартал, которые, как и следовало ожидать, были весьма неутешительными. Это, видно, переполнило чашу терпения доярок, и они взбунтовались. Доярки наперебой кричали:

- Не надо нам такого заведующего!
- Пусть убирается вон ко всем чертям!
- Он развалил работу на ферме!..

Одна из доярок, молодая, смуглолицая и черноглазая, с большими круглыми цыганскими серьгами, видно, самая бойкая и языкастая из всех, а может главная зачинщица сегодняшнего «бунта», вскочила с места и возбужденно заговорила:

— Я не знаю, почему нами—женщинами на ферме все время руководят они—мужчины,—тыча пальцем в сторону самоуверенно ухмыляющегося Хабибуллы, произнесла она.

— Тут, моя милая, хе, и знать нечего,—рыгнув, насмешливо бросил мужчина, поглаживая ус.

— Вот вспомните, подруги,—не обращая внимания на реплику заведующего, еще запальчивее проговорила доярка,—сколько заведующих сменилось у нас на ферме за эти пять-шесть лет?!—и она начала загибать один палец за другим:—Самед, Мамед, Рахматулла, Асадулла, и вот он, чтобы пес его укусил, Хабибулла. Кого пошло навязывают нам в заведующие, лишь бы на голове у него торчала папаха. Был же у нас Асадулла. От старости еле ноги передвигал, только и знал, что или молился, или дремал на топчане.

Выходит: старому, больному Асадулле и этому бездельнику и выпивохе Хабибулле можно быть заведующими, а таким нашим хорошим, добросовестным труженицам, как Айшат, Сакинат и Халимат, нельзя?!

— Верно говоришь, сестра! Молодчина!—рездался чей-то ободрающий голос за спиной «оратора».

Хабибулла тихо, молча давился от смеха. Потом он предупреждающе поднял руку и незлобиво крикнул на женщину с цыганскими серьгами:

— Эй, хватит тебе трещать, как сорока в лесу! Меня в заведующие назначили не вы, а правление, а оно, скажу я вам, в ваших бабьих советах не нуждается, знает, что делает. Это раз. Во-вторых, ты говоришь, почему нас, мужчин, назначают заведывать фермой, а не тебя или кого-нибудь из вашей сестры?—Хабибулла сделал многозначительную паузу и, самодовольно ухмыляясь, добавил:—Да потому, мои хорошие, что у вас, у женщин, нету этой самой... руководящей жилки, не-е-ету! Теперь тебе понятно, трещотка?

Эти слова Хабибуллы вызвали новый взрыв возмущения у женщин, и они загалдели в один голос:

— Чушь говоришь! Где у тебя находится эта «руководящая жилка», на пятке или на затылке?—И под общий дружный смех одна добавила:—А может в другом месте, о котором не принято говорить вслух?

— Если на то пошло, у нас больше жил, чем у вас, у мужчин!

— Наши горянки секретарями райкомов работают, министрами, а он, бессовестный, глядите, что о нас болтает!

— Не быть ему заведующим! Пусть с нами коров доит!..

Последняя фраза, брошенная кем-то из доярок, видно, сильно задела за живое Хабибуллу. Он, кажется, даже протрезвел сразу и перестал рыгать, а лицо утратило самонадеянное и беспечно-веселое выражение.

— Вы соображаете, глупые создания, что говорите?! — стуча кулаком по лбу и побагровев от внезапно охватившей его ярости, крикнул он на разошедшихся доярок. — Больше ничего не хотите?! А может еще потребуете, чтобы я сменил свою гордую папаху на ваш бабий платок, а?!

Я тогда еще не знал да и не мог представить себе, что одна из тех доярок, которые в тот день так сильно ополчились против Хабибуллы, была его жена.

С тех пор прошло немногим более года. Не знаю, чем кончилась тогда эта история, но по возвращении в Махачкалу я написал критическую статью о положении дел на этой ферме, не преминул упомянуть в ней о разыгравшейся сцене в красном уголке, свидетелем которой я был.

..Вечером мы с Хабибуллой сидели вдвоем у него дома. Жены его не было. Она уехала в аул, в правление колхоза по делам фермы.

— Помните, в тот день в красном уголке какой шум, «ай-уй» подняли наши доярки?—Он усмехнулся, покрутил головой.— Мне показалось тогда, что их всех будто муха укусила. Ведь раньше они и до меня и при мне держались всегда тише воды, ниже травы. А тут вдруг бунт подняли.

— Вы до сих пор не можете простить им этого, сердитесь на них?—в шутливом тоне спросил я Хабибуллу.

— Сержусь? Раньше—да, еще как сердился, из себя выходил, ругал их на чем свет стоит. А сейчас нет,—чистосердечно признался Хабибулла.

Из рассказа Хабибуллы я понял, что после обсуждения его поведения на собрании работниками фермы и появлении статьи в газете, правление колхоза отстранило его от должности завфермой, а на его место, по настоятельной просьбе самих доярок, назначили его жену—лучшую доярку. Хабибулле предложили работать в полеводческой бригаде, но для этого надо было вместе с семьей перекочевать с фермы в аул. А жена и слышать не хотела об этом. Она любила свою работу, на ферме все ее уважали, и никакие угрозы и даже угрозы мужа не смогли заставить ее расстаться с ней. И мужу в конце-концов пришлось против воли, скрепя сердце, поступить согласно ее желанию. Так как другой работы здесь для него не было, он стал дояром.

— Не скрою, первое время я чувствовал себя на этой работе так, будто на меня наложили позорное клеймо,—произнес мой собеседник.—Я был все время зол, как черт. С женой постоянно ругался, в глубине души желал ей провала. А если кто-нибудь из мужчин появлялся на ферме и заставлял меня за этим «милым» занятием—дойкой коров, я от стыда готов был провалиться, ходил после этого сам не свой. Чтобы в дальнейшем избежать подобных встреч, велел своей маленькой дочурке, как только я приступлю к дойке, стоять на краю поляны и наблюдать за тропинкой, ведущей к ферме. И как только она заметит появление кого-нибудь из мужчин, должна была предупреждать меня об этом. Не раз я, услышав ее сигнал, сразу прекращал дойку. Оставляя ведро с молоком под коровой, убегал, сломя голову, как от страшной опасности, под язвительные шутки и дружный хохот доярок, на ходу сбрасывая с себя ненавистный мне тогда белый халат..

На минуту Хабибулла прервал свой рассказ, засмеялся, но глаза у него, как я заметил, были серьезные, даже грустные. Чувствовалось, что воспоминание об этом времени не из приятных для него. Но через минуту мой собеседник, прервав молчание, заговорил вновь.

— Но однажды дочурка сильно подвела меня. Погнавшись за бабочкой, она оставила свой «пост». И вот в это самое время никем не замеченный появился на ферме наш аульчанин Мухтар. Когда я был заведующим фермой, частенько с ним выпивал, кейфовал, любил прихвастнуть.. Вот этот самый Мухтар застал меня, как говорится, во всей форме: одетый в белый халат и опустившись на корточки, я доил корову и даже напевал ей песенку. Есть у меня такая коровка по кличке «Солистка». Когда я пою, она ведет себя смиренно и лучше отдает молоко, не капризничает. У каждой свой норов, характер... Что я в душе испытал, когда Мухтар увидел меня за дойкой коров, не могу вам передать. Я все-таки нашел в себе силы подняться, протянуть ему руку—куда деваться! Говорю ему: «С приездом, дорогой Мухтар, рад тебя видеть...» А сам про себя думаю совсем другое: «черт тебя принес сюда, лучше бы ты на дороге ногу себе вывихнул... Разнесет теперь, как ворон, недобрый хабар обо мне по всей округе, скажет, обязательно скажет, людям: «До чего, мол, дошел Хабибулла: был завфермой, а теперь, хе-хе, доярком работает. И не стыдно ему носить на голове папаху?...»

Весь день я ходил встревоженный и расстроенный. Вечером, проводив гостя, сильно выпивший и злой, я сорвал сердце на дочурке: крепко побил ее. Потом всю ночь мучился. Девочка то и дело вздрагивала во сне, охала, плакала. Я не находил себе места, переживал за нее. При чем тут ребенок?

На следующий день я освободил дочку от этой нелепой обязанности, и сам с этого дня перестал обращать внимание на появление посторонних людей, будь то мужчины или женщины, делал спокойно свою работу. В конце-концов что тут постыдного: работа есть работа, если она даже и «женская»... Самое главное — совесть у человека должна быть чиста.

Когда я так твердо решил про себя, знаете, у меня даже на душе стало легче, будто камень с нее свалился, и с женой перестал ругаться по поводу и без повода. Да и женщины прекратили смеяться надо мной, отпускать в мой адрес всякие шутки, уважать стали. Не то что когда я был заведующим. Да и дела на ферме теперь намного лучше, чем были при мне и до меня. То что правда, то правда. Ну что ж, я рад этому...

Этими словами закончил Хабибулла свою исповедь. Но мне показалось, что, рассказывая эту историю, он кое-что приврал. Я же видел его дочурку—это точно она—и слышал своими ушами, как девочка, увидев меня, поднимающегося по тропинке, дважды громко крикнула, предупреждая отца о моем появлении. Но я не хотел упрекать, а тем более уличать его в этом. Не скрою, при всем моем критическом, отрицательном подходе к до сих пор бытующим у нас предрассудкам, понятиям о «чисто женской» и «чисто муж-

ской» работе, я в душе даже немного пожалел хозяина дома, посочувствовал ему.

Как только Хабибулла закончил свой рассказ, из внутренней комнаты, ступая босыми ножками по голому полу, к нам вошла та самая маленькая девочка, которую я видел сегодня на краю поляны. Она была сейчас в ночной рубашонке. Девочка подошла к отцу и, капризно надув губки, пожаловалась:

— Папа, мне одной скучно, хочь с тобой!

Отец поднял дочурку, посадил себе на колени и нежно поцеловал в лоб. Радостная улыбка осветила ее круглое миленькое личико с остреньким подбородком. Потом она, взглянув в мою сторону и точно радуясь, сказала, указывая отцу на меня:

— Я видела сегодня вот этого дядьку, кричала тебе, хи-хи...

— Почему?—сразу нахмурился Хабибулла, краснея.—Я же давно освободил тебя от этого дела.

Девочка шаловливо откинула черную кудрявую головку на широкую грудь отца и залилась довольным смехом, обнажив редкие, маленькие зубки, а потом, дергая босыми ножками, сказала:

— Это я так, нарочно.

— Как это—«нарочно»?—спросил я у нее.

В ответ девочка опять засмеялась, а потом, повернув головку к отцу и ткнув пальчиком в его щетинистую щеку, весело произнесла: — Дразнила его, черта усатого!

«БРИЛЛИАНТОВЫЙ МУЖЧИНА»

Почему каждый человек наделен собственным именем? Наверное, чтобы не путали, допустим, Гасана с Гусейном, Шарпа с Шурпом или Ашура с Башуром. Но как быть, если в таком маленьком с воробыный нос селении, как наше, где всего-то дворов несколько десятков, этих Ашуров, чтоб не сглазить, чертова дюжина? Как узнать, о каком Ашуре спрашивают или ведут речь, если в разговоре у нас не принято называть человека по фамилии и даже по отчеству?

Может, поэтому у нас в селе каждый из этих Ашуров, кроме собственного имени, имеет еще и собственное прозвище. Одного из них из-за ярко-рыжей бороды прозвали Ашуром-Огненной Бородой, другого за его любовь к яичнице—Ашуром-Яичницей, третьего за пристрастие к спиртному—Ашуром-Пьяницей. Есть у нас и Ашур-Ударник, и Ашур-Сельсовет, и Ашур-Хаджи-Леглег*.

Единственный среди ныне здравствующих Ашуров один завмаг не имел прозвища. И того, говорят, мои односельчане, хоть с боль-

* Хаджи-Леглег — одна из разновидностей журавлей.

шим опозданием, но все же окрестили подходящим прозвищем. Теперь его зовут «Ашур-Бриллиантовый Мужчина».

Почему его окрестили так, мне рассказал во время своего недавнего приезда в город мой односельчанин Ашур-Соловей, прозванный так за свою неутомимую словоохотливость и дипломатическое красноречие.

— Только все, что я расскажу тебе, — просительно взглянув на меня, произнес Ашур-Соловей, — должно остаться между нами.

— Если не доверяешь, можешь не рассказывать, — притворился я обиженным.

Мой собеседник смущенно поскреб затылок и, как бы оправдываясь, доверительно промолвил:

— Видишь ли, земляк, в чем дело.. Ашур-Бриллиантовый Мужчина — мой приятель. Когда в магазин поступает дефицитный товар или вроде этого, он всегда находит меня и тайком от других шепчет на ухо: загляни, мол, ко мне в магазин в такое-то время, есть кое-что подходящее, припрятал..

Не скажу, что он мне делает такое одолжение ради одной нашей дружбы. Переплачивать все равно приходится. Другое дело, мой тезка за этот самый дефицит с другого дерет в два-три раза больше, чем с меня. А вот, не предупреди тебя, э-э-э! — Он многозначительно щелкнул языком и, хитро улыбаясь, недоверчиво покосился на меня. — Вы же журналисты, писатели — народ известный: у вас что на уме, то на... бумаге, возьмешь и накатаешь про это самое дело какой-нибудь фельетончик или смешную историю, а потом нашей дружбе с Ашуром-Бриллиантовым Мужчиной, считай, конец. То-то!

Ашур-Соловей на минуту умолк, чуть опустив голову, затем взглянув на меня, добавил со смущенной улыбкой:

— Не поэтому только, земляк, я не хочу, чтобы ты о нем написал... Почему именно я первым должен сказать во всеуслышание, что Ашур-Бриллиантовый Мужчина — хапуга, вор и все такое прочее, а другие молчат, точно воды в рот набравши. Кроме того, разве один он такой?.

Несколько минут мы оба молчали. Но по выражению хитроватого лица моего гостя, по тому, как он беспокойно ерзал на стуле, то и дело бросая на меня выжидательные взгляды, я понял, что он томится желанием рассказать мне эту новость, но не решается. И когда я дал ему слово ничего об этом не писать, Ашур-Соловей, сразу повеселев, начал свой рассказ так:

— Я, земляк, хорошо помню, когда наш односельчанин Ашур-завмаг был видным, можно сказать, из себя мужчиной: стройным, с густой шевелюрой на голове, белозубым. Но это было давно. Теперь, если бы ты его видел... Он совсем лысый, вместо зубов —

рот полон золота, живот точно бурдюк с вином. Ничего не поделаешь—годы. Они вытворяют с человеком шутки и похуже. Но речь сейчас не об этом. Вздумал, дурень, на старости лет выкинуть номер—обзавестись второй женой. Есть у нас в селении молодая красивая вдова Беневше. Ты ее знаешь. И вот он не дает ей проходу, юлит вокруг нее, как лиса вокруг мышиной норки. «Давай,—говорит,—раз ты есть молодая вдова, в полном расцвете женщина, а я, хоть и староват, но еще мужчина, притом не просто так себе, а бриллиантовый, поженимся...» Ты, конечно, догадываешься, на что намекает старый ловелас, называя себя «бриллиантовым»..

— А как Беневше?—перебил я собеседника.

— Беневше? Никак! Ее, скажу тебе, тошнит от любовных излишней плешивого поклонника. Однажды она даже пригрозила, что пойдет жаловаться на него Ашуру-Сельсовету, если он не оставит ее в покое. А мой тетка, говорят, услышав это, в ответ соорудил такое несчастное, страдальческое лицо и запел своим дребезжающим, как старая телега, голосом на печальный мотив о том, что он из-за Беневше готов перетерпеть какие угодно страдания, как пламенный Меджнун из-за прекрасной Лейли... Хе-хе! Ничего себе, старый толстопузый завмаг в роли юноши Меджнуна, — съязвил Ашур-Соловей и тут же продолжил свой рассказ.

— В селе, тем более маленьком, как наше, любой хабар расходуется быстрее телеграфа. Дошел этот хабар и до ушей старой Пери — жены нашего завмага. И стала она мрачнее тучи, злее сатаны. «У твоего сына,—говорит,—на голове седина пробивается, а ты, такой-сякой, на старости лет беситься вздумал, хочешь мне соперницу завести? И не стыдно тебе?!..» А Ашуру слова жены, что слону дробинки. Он их в одно ухо впускает, а из другого выпускает.

Случилось это в ночь на восьмое марта. В тот день в магазине шла бойкая торговля. Понятное дело: мужчины хотят поднести подарки нашим дорогим женщинам на праздник, сделать им приятное. И вот поздно вечером, перед тем, как закрыть магазин, Ашур, сосчитав выручку, положил ее в карман своей новенькой накинута на плечи дубленки, взял тонкий шерстяной платок с яркими розами, завернул в него дорогой шелковый отрез, разные сладости, золотые подвески, пару бутылок шампанского и, завязав все это в узелок, вышел во двор. И куда бы ты думал, направил старый петух свои стопы? Домой, к старой жене? Чего захотел! К молодой вдове. Пришла ему, дурню, блажная мысль: может сегодня в праздничный вечер повезет ему: ласковым словом, дорогими подарками, обещанием золотых гор удастся завоевать неприступное сердце красавицы.

Идет наш Ашур, а кругом тишина, на небе звездочки перемигиваются. В воздухе уже пахнет весной. Беневше, знаешь, живет

на противоположном берегу реки, что пересекает наше селение посередине. Мурлыкая песенку и на ходу поправляя то и дело сползающую с плеч дубленку, Ашур бодренько спустился с высокой горки вниз к мосту, перекинутому через реку. Но надо было случится такому. В тот самый момент, когда завмаг ступил на мост и уже видел себя мысленно в объятиях молодой вдовы, откуда ни возьмись, с противоположной горки неожиданно выскочила чья-то легковая машина. Ослепляя Ашура светом своих фар, она падающим метеором мчалась на него, словно «небесная кара» спешила настичь гроховодника. Растерявшийся завмаг, опасаясь за свою жазнь, испуганно шарахнулся в сторону и тут же, сорвавшись с моста (он у нас узкий и без перил), с шумом плюхнулся вниз головой в холодную воду.

Дальше Ашур-Соловей, давясь от разбиравшего его смеха, не мог членораздельно говорить. Все же, кое-как пересилив себя, он довел свой рассказ до «благополучного конца». Оказывается, дубленку с вырубкой, узел с подарками вмиг унес бурливый поток. Очутившись в ледяной воде, перепуганный насмерть завмаг, как за якорь спасения, ухватился обеими руками за один из деревянных столбов, поддерживающих мост, и кричал так, что в ту праздничную ночь на все селение были слышны его отчаянные вопли.

Пока наши односельчане успели прибежать на помощь, люди, ехавшие на машине, с большим трудом извлекли из воды еле живого, посиневшего и трясущегося, как в лихорадке, завмага.

На следующий день все селение только и говорило об этом ночном происшествии, и с тех пор односельчане стали «величать» завмага Ашуром-Бриллиантовым Мужчиной.

Рассказав мне эту историю и вдоволь нахохотавшись над оскандалившимся приятелем, Ашур-Соловей, довольный и веселый, встал и на прощание пожал мне руку. Но прежде чем уйти, он, точно в раздумье, на минуту остановился у дверей, а потом с внезапно вспыхнувшими в его темно-карих глазах озорными огоньками, махнул рукой и решительно произнес:

— Знаешь, земляк, черт с ним, с этим дефицитом и с самим завмагом. Напиши о нем, разрази его, фельетон или что-нибудь в этом роде. И назови свой фельетон или хабар—тебе виднее—«Ашур-Бриллиантовый Мужчина». Поделом ему!

СЕДАЯ ДЕВУШКА

Хизри обычно просыпался раньше всех в доме. Но сегодня он проснулся, когда за окном только что начинало рассветать. Возле его кровати на маленькой коричневой тумбочке стоял большой букет ярких роз в пузатой глиняной вазе, распространяя по комнате,

в которой еще царил полумрак, душистые запахи. Рядом с кроватью, на спинке стула, как на вешалке, висел темный, побывавший недавно в химчистке и казавшийся почти новым пиджак, на котором празднично сверкали фронтовые награды.

Каждый раз в День Победы Хизри, захватив такой букет, опираясь на суковатую палку, при всех своих регалиях, строгий и торжественный, рано утром шел на кладбище, где похоронены воины-фронтовики. В доме все, даже старшие внуки знали, почему он всегда в этот день раньше всех спешит на кладбище и дольше всех задерживается там.

Еще вчера перед праздником Хизри жил ожиданием завтрашнего дня, которое наполняло его каким-то неизъяснимым щемяще-светлым чувством. Но сегодня, проснувшись, старый солдат страшно расстроился, почувствовав, что не может подняться. Болела голова, сильно ломило в пояснице, ныла спина, грудь, и во всем теле была такая тяжесть, точно оно налилось свинцом. В другое время это не так напугало бы его: в последние два-три года такое с ним случается не впервые, но сегодня...

«Старость!.. Будь ты не ладна!—с досадой выругался он, тяжело вздыхая, а потом, тут же возражая самому себе, подумал:—От старости ли это?..» По горским понятиям, человек в шестьдесят пять лет не такой старый. Нет, совсем не от старости временами у него деревенеет нога и он перестает ее чувствовать, словно она чужая. Не от старости рвет, «кусает» под левой лопаткой напротив сердца, будто в нее вонзают нож. И вовсе не от старости он просыпается рано поутру от невыносимого шума в ушах, словно в них чирикает целая стая неугомонных воробьев. Война, контузия, старые солдатские раны виною тому. Но сейчас он должен заставить себя подняться, не дожидаясь, когда ему станет легче!.. Должен! И он сделал над собой усилие, чтобы встать, но сейчас же, сморщившись от пронзившей его острой боли, с глухим стоном упал на кровать.

Через несколько часов с улицы стали доноситься громкие звуки оркестров, гул людских голосов—это нескончаемым живым потоком шли и шли к кладбищу павших воинов мужчины и женщины, старики и дети, со знаменами, цветами, в строю, группами и в одиночку. А Хизри, страдая, все еще лежал, точно прикованный к постели. Лишь после полудня ему полегчало, и он, хотя и с трудом, смог подняться и выйти из дому.

Ясный весенний день клонился к закату, когда Хизри добрался до кладбища. У входа на кладбище он на минуту остановился, замер, окинув его долгим печальным взглядом. На каменном постаменте во весь свой богатырский рост стояла знакомая бронзовая фигура советского воина с автоматом в руках, которую со всех сторон плотно окружали целая гора зеленых сосновых венков с

алыми лентами, букеты разнообразных цветов. Цветы и венки украшали и многочисленные могилы павших воинов, выстроившиеся ровными рядами возле бронзового солдата, охранявшего их вечный покой.

Опираясь на палку и слегка прихрамывая, Хизри шагнул вперед, бережно неся перед собой увесистый букет. Он ступал осторожно, медленно двигаясь между рядами солдатских могил, вокруг которых сочно зеленела примятая трава, и машинально читал на надгробных памятниках знакомые ему надписи, фамилии: «Иванов...», «Юрченко...», «Кузьмич...», «Пагосян...», «Беридзе...», «Неизвестный», «Магомедов...», «Алимжанов...», «Давидов», вновь и вновь «Неизвестный»... Многие из этих могил появились в суровую и тревожную осень 1942 года, когда на полях Кубани и на Северном Кавказе, в непосредственной близости от родины Хизри шли ожесточенные бои с наступающими фашистскими захватчиками, рвавшими к грозненской и бакинской нефти.

Сейчас на кладбище уже почти никого не было. Остались только те, которые приехали из дальних мест, чтобы провести этот день у могилы своих близких, похороненных здесь.

Хизри с волнением остановился у одной из могил с невысоким каменным надгробием. На нем с круглой цветной фотографии под толстым стеклом смотрела молодая улыбающаяся девушка в чуть сдвинутой набок шапке-ушанке и серой солдатской шинели, с большими широко открытыми глазами под тонкими, как бы в удивлении поднятыми бровями.

— Здравствуй, Оля! Здравствуй, дорогая!—негромким, внезапно охрипшим голосом произнес он, обращаясь к фотографии девушки, словно к живому человеку.—С Днем Победы тебя!.

Хизри умолк, низко опустив голову на грудь, потом, выпустив из рук палку, наклонился над белой гладкой надгробной плитой и с выражением бесконечной скорби и нежности на худом, изрезанном морщинами лице положил на нее принесенные цветы. Затем, не разгибая спины, устало опустился на мягкую, пригретую солнцем траву и, не сводя печальных глаз с фотографии девушки, погрузился в свои думы. В памяти его ожили картины давно минувших дней.

Как сейчас помнит Хизри свою первую встречу с русской девушкой из далекого Новгорода, Ольгой Березовой, в одной из казачьих станиц на Дону в январе 1942 года. Недели назад он, молодой лейтенант, выпускник Сталинградского военного училища прибыл в эту станицу, где тогда стоял кавалерийский полк, сформированный из местных казаков-ополченцев, для дальнейшего прохождения службы.

Вдыхая полной грудью непривычный для него морозный степной воздух, Хизри бодро, в приподнятом настроении возвращался в тот

день из штаба полка в свой эскадрон, в который был назначен командиром сабельного взвода.

Недалеко от штаба, у самой дороги, в большом деревянном доме на высоком фундаменте, утопающем в снежных сугробах, помещался полковой медпункт. На его узком крыльце с резным навесом стояла с веником в руке голубоглазая девушка лет девятнадцати-двадцати и с каким-то веселым любопытством посматривала в сторону проходившего мимо молодого смуглолицего лейтенанта. Она была в новенькой, чуть голубоватой шапке-ушанке, серой солдатской шинели, которая неловко сидела на ее угловатой, как у подростка, фигуре, туго перетянутой в талии узким ремнем, в кирзовых сапогах, густо облепленных, как и изрядно потрепанный веник в ее руке, пушистым снегом.

Хизри, заметив на себе ее взгляд и точно обрадовавшись этому, остановился у крыльца. С широкой улыбкой оглядывая девушку, он, шелкнув каблуками и молодцевато поднося руку к папахе, громко и озорно прокричал:

— Здравия желаю, товарищ сестра милосердия!

Девушка сдержанно улыбнулась. Бросив веник, она торопливо, но осторожно спустилась по расчищенным от снега скользким узким деревянным ступенькам, встала перед ним по команде «смирно». С напускной серьезностью на круглом, с мелкими веснушками лице, косясь одним глазом на широкие малиновые лампасы лейтенанта на новеньких, с иголочки темно-синих брюках, видневшихся из-под короткой теплой меховой куртки, девушка тонким голосом прокричала ему в тон:

— Здравия желаю, товарищ хе-не-рал! — И громко расхохоталась.

Хизри смутился, покраснел. Он опустил глаза и невольно посмотрел на свои брюки, чем еще больше рассмешил девушку. Она, конечно, не могла не знать, что у них в казачьей части не только командиры, но и рядовые носят брюки с «генеральскими» лампасами. Поэтому лейтенант понял, что медсестра решила просто поддеть его, «отомстить» за его несколько самоуверенный, шутливо-небрежный тон, каким он приветствовал незнакомку. Но она, словно пожалев, что вогнала парня в краску, спросила мягко и дружелюбно:

— Скажите, пожалуйста, товарищ лейтенант, вы не с Кавказа? Хизри вместо ответа молча кивнул головой.

— Ой как интересно! — по-детски хлопнув в ладоши, весело воскликнула девушка. — Первый раз в жизни вижу живого кавказца.

Она хотела еще что-то спросить, но в это время подошел какой-то казак с забинтованной рукой, которую он держал на перевязи, и медсестра, пропустив его вперед, поднялась вслед за ним на крыль-

цо. Но прежде чем девушка успела скрыться за дверью, Хизри, забеспокоившись, торопливо крикнул ей с места: можно ли ему навестить ее?

— Если придете — не прогоним! — шутливо бросила она, не оборачиваясь.

Но увиделись они вновь не скоро. Через два дня Олю перевели в медсанбат при штабе дивизии. Он находился в отдаленной станции, расположенной в десяти-двенадцати часах езды верхом. Возможно, они никогда бы больше не встретились и забыли бы навсегда это мимолетное знакомство, если бы не следующий случай.

В середине лета 1942 года полк, в котором служил Хизри, в составе казачьего кавалерийского корпуса вел бои на Кубани с наступавшими фашистскими войсками. Бои шли упорные, кровопролитные. Враг был еще очень силен, вооружен до зубов и фанатично верил в свою победу. Каждая схватка с ним требовала нечеловеческих усилий и больших жертв. Но и за каждый завоеванный метр советской земли ему приходилось расплачиваться огромными потерями в живой силе и технике.

В последних числах августа казачье соединение вело оборонительные бои в предгорье, в двадцати пяти-тридцати километрах западнее черноморского города Туапсе, часто предпринимая смелые контратаки. Хотя местность здесь была холмистая, покрытая преимущественно мелкоколесьем, и на ней не было ни высоких гор с упирающимися вершинами в самое небо, ни глубоких ущелий, ни бурливых рек, с детства привычных глазу горца, тем не менее она напомнила лейтенанту дорогой его сердцу родной край, волнуя и еще больше разжигая в душе ненависть к фашистским захватчикам.

Однажды в туманную ночь перед рассветом эскадрон был поднят по боевой тревоге. Ему был дан приказ: в пешем порядке внезапно атаковать позицию немцев на одном из холмов, который возвышался над окружающей местностью, выбить оттуда противника и закрепиться на этой стратегической высоте.

Все вокруг еще было погружено в сонное безмолвие, когда усталые, не совсем еще очнувшиеся ото сна, но уже возбужденные опасностью предстоящего боя бойцы начали бесшумно продвигаться в заданном направлении. Фашисты, видно, не ожидали этой контратаки и спохватились лишь тогда, когда наши приблизились к их позициям на расстояние прицельного огня и, развернувшись в цепь, с ходу бросились в атаку, взорвав чуткую предрассветную тишину дружным криком «ура», винтовочными и автоматными выстрелами. Всполюшившиеся фрицы тотчас же открыли беспорядочный, но яростный огонь по атакующей цепи наших бойцов.

Хизри бежал впереди своего взвода, стреляя на ходу из автомата. Вдруг недалеко от него с оглушительным грохотом разорвался немецкий снаряд, взметнув черный столб земли и со свистом

разбрасывая вокруг горячие смертоносные осколки. В то же мгновение он почувствовал неимоверной силы удар в грудь, от которого у него сразу перехватило дыхание, и острая боль пронзила все его тело. Земля вздыбилась под ногами и тут же провалилась куда-то. Выронив из рук автомат, Хизри упал на жесткую каменистую почву, и тотчас же все померкло перед глазами.

Лейтенант начал приходить в сознание от того, что кто-то из всей силы трепал его, нещадно бил по лицу, по щекам. «Неужели фашист?!—тревожно промелькнуло в затуманенном мозгу.—Э-эх, сволочь!..» Он с трудом разлепил свинцовые веки и, к удивлению своему, увидел склоненное над ним лицо... Оли. Хизри попытался улыбнуться спекшимися губами, но улыбка не получилась. Кругом стояла полнейшая тишина, но у лейтенанта сильно гудело в голове, в ушах, на висках вздулись жилы, казалось, они воот-вот лопнут от натуги, нос и рот были полны крови, дышалось с трудом. А самое страшное — в груди нестерпимо жгло, рвало, словно кто-то железными клещами разрывал ему грудную клетку.

Хизри видел все как в тумане, хотя было уже совсем светло. Словно с другого неведомого берега шумной реки глухо доносился просящий и тревожный голос Оли:

— Лейтенант! Не закрывайте глаза! Не закрывайте, а то не проснетесь! Лейтенант, вы меня слышите?!.

Но голова у Хизри медленно склонилась на бок. Несмотря на крики и мольбы девушки, глаза раненого помимо его воли закрывались, как у смертельно усталого человека, который не в состоянии одолеть навалившуюся на него сонную одурь. И он опять впал в забытие.

Второй раз уже окончательно лейтенант очнулся и—увидел себя не на земле, а на какой-то бричке. Она стояла без лошадей и без ездового под раскидистой кроной огромного старого дуба с широченным коричневым морщинистым стволом. Он рос на краю небольшой, с порыжелой травой, полянки, за которой сплошной стеной темнел лес. На бричке лежали снаряды. Сверху они были накрыты сеном и толстым брезентом. Оля сидела у изголовья раненого и молча водила ладонью по его сильно осунувшемуся и почерневшему лицу, с тревогой вслушиваясь в его тяжелое дыхание. Он все еще испытывал сильные боли в голове и во всем теле, хотелось стонать, кричать, но присутствие девушки удерживало его. И лейтенант, стиснув зубы, через силу молчал.

Несмотря на свое мучительное состояние, Хизри, глядя на Олю, не переставал думать, удивляться: как она оказалась здесь? А девушка, будто читая его мысли, просто и кратко рассказала.

Вчера ее перевели из медсанбата в эскадрон Хизри вместо недавно убитого в бою санинструктора. И сегодня рано утром ей пришлось догонять подразделение, когда оно уже штурмовало вы-

соту. Командир эскадрона, узнав о тяжелом ранении лейтенанта, приказал ей не оставлять Хизри до тех пор, пока его вместе с другими ранеными не отвезут в тыл, в госпиталь.

— Рана у тебя под левой лопаткой большая, но не смертельная, — тихо, с внешним спокойствием продолжала девушка. Затем, поправляя на голове густые, коротко остриженные и темные, как у южанки, волосы, с мягкой ободряющей улыбкой добавила: — Ничего, до свадьбы заживет... А высоту наши взяли.

Но о том, что лейтенант был серьезно контужен, она решила умолчать.

Было около полудня. На синем, чистом, без единого облачка бездонном небе ярко светило солнце. Откуда-то доносилось глухое уханье пушки. Раненый ничего не ел с утра. Оля уже в который раз пыталась накормить его с ложки, но безуспешно. Его тут же вырывало. Обеспокоенная тем, что без пищи он потеряет последние силы, Оля, захватив каску, пошла нарвать для него диких плодов, которые в это время года в изобилии росли здесь почти повсюду.

Но не прошло и четверти часа после ухода Оли, как с грозным ревом налетели три «юнкерса» с черными крестами на крыльях. Они, точно хищные птицы, высматривающие добычу, начали кружить над лесом. Делая один разворот за другим, звено немецких бомбардировщиков принялось бомбить ту часть леса, где часом раньше находились в укрытии лошади и обозы. Но бомбы, иногда отклоняясь от цели, падали и на поляну, где под вековым дубом стояла в густой тени бричка со снарядами и раненым лейтенантом. Все вокруг наполнилось страшным грохотом, свистом, заволокло дымом, гарью, земля стала содрогаться, точно от сильных подземных толчков во время землетрясения.

Вблизи в эти минуты не было никого, кто бы помог снять лейтенанта и отвести его в безопасное место. В разгар бомбежки прибежала взволнованная Оля, без каски, бледная, с трудом дыша, с раширенными от ужаса глазами. Она быстро взобралась на бричку, безуспешно пытаясь стащить с нее раненого. Но в это время бричку вдруг сильно встряхнуло: осколками бомбы снесло дышло и сильно повредило заднее колесо, а сверху вместе с комьями земли дождем посыпались на них с дерева листья и обломанные ветки. Оля упала на раненого, прикрывая его собой, и истошно закричала сквозь рыдания:

— Гады! Изверги! Будьте вы прокляты!..

Вскоре, отбомбившись, самолеты повернули назад. Наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь сердитым урчаньем быстро удаляющихся фашистских стервятников. Оля поднялась, отряхнулась и, все еще бледная, встревоженная, посмотрела мокрыми растерянными глазами на лейтенанта и вокруг себя, словно еще не веря, что опасность миновала. А Хизри, взглянув на девушку, обмер,

с трудом сдерживая готовый сорваться крик: волосы на ее голове были белые, как снег. За эти несколько страшных минут, что они вместе пережили под бомбежкой на этой «пороховой бочке», она сразу точно постарела на много лет. И хотя лицо ее по-прежнему оставалось юным, под шапкой седых растрепанных волос оно показалось Хизри каким-то незнакомым и непривычно строгим. Вдруг ничего не подозревавшая Оля, охваченная безумной радостью, смеясь и плача, стала обнимать, целовать лейтенанта, крича во весь голос:

— Мы живы! Живы, лейтенант! Назло фашистской гадине!

А через пять месяцев, в январе 1943 года во время нашего наступления на Северном Кавказе под непрерывным вражеским огнем Оля была смертельно ранена, вынося с поля боя очередного раненого. Сам лейтенант в это время еще находился на излечении. О смерти Оли ему написали однополчане. Хизри глубоко переживал ее гибель и долго не мог смириться с мыслью, что ее больше нет в живых. Позже он узнал, что Оля похоронена на воинском кладбище в том самом городе, куда он приехал жить после войны, которую окончил у стен рейхстага в Берлине.

С тех пор старый Хизри каждый раз в День Победы приходит с цветами на могилу Оли. Не будет его, дети, внуки—он твердо уверен в этом—придут сюда вместо него, свято сохраняя память о седой девушке, спасшей жизнь их отца и деда.

ОПАСНЫЙ ГОСТЬ

Рано утром старый бауэр Ганс Гаммер вышел во двор. Только что выглянувшее из-за ближнего леса большое румяное солнце весело брызнуло ему в лицо золотистыми лучами. Ганс зажмурил глаза, и едва заметная улыбка тронула его губы, почти спрятанные под обвислыми моржовыми прокуренными усами. Он был доволен, что погода с утра выдалась ясной, солнечной, что не часто бывает в такую осеннюю пору. А ему надо отвезти в город с десятком откормленных кроликов для продажи их знакомому мяснику.

Но прежде чем погрузить на телегу ящики с кроликами, вывести лошадь из хлева, где она содержалась вместе с двумя пятнистыми коровами голландской породы, старик медленно прошел на середину двора. Остановившись у длинного толстого бревна, возле которого копошились куры во главе с огненным петухом, он медленно опустился на него. Слева, у дверей коровника, стояла пустая телега с большой охалкой сена. Напротив в дальнем углу двора, высунув из конуры коричневую острую морду и положив ее на передние лапы, тихо скулила овчарка, преданно и умильно глядя

на своего старого хозяина. В прохладном воздухе стояли родные запахи сырой земли, сена и навоза...

Ганс неторопливо достал из кармана серого полотняного пиджака трубку и плоскую жестяную коробочку с табаком. Набив трубку, он с наслаждением закурил и рассеянно огляделся. Двор его находился на пологом зеленом холме, недалеко от небольшого озера с густыми камышовыми зарослями на берегу, на самом краю хутора, в котором было всего пять домов под красными черепичными крышами. Несмотря на то, что дома стояли на почтительном расстоянии друг от друга, весь хутор был виден отсюда, как на ладони. Вокруг него, насколько хватало глаз, простирались зеленые поляны и густые леса, от которых веяло дремучей тишиной и покоем. У человека, впервые побывавшего здесь, невольно возникало такое ощущение, будто он находится в самой глухой и самой отдаленной части света, или за этими безмятежными полями и безмолвными лесами, простирающимися вокруг, ничего больше не существует. Даже старому Гаммеру временами казалось странным, что это место—один из уголков его беспокойной родины—Германии, который уже год сотрясающей мир.

Старик лениво смотрит, как дым из трубки синими легкими завитушками поднимается кверху и тут же тает. И думает, думает о войне, о том, когда же она кончится. Если сказать правду, ему не жалко ни англичан, ни американцев, а тем более русских, с которыми воюют немцы. Англичане захватили полмира и превратили его в свою вотчину. Говорят, у американцев столько золота, хоть ковшом гребь. А у русских много, очень много земли, чего не хватает немцам для их существования... Так говорит фюрер. Гитлер-то, наверное, лучше знает, чем он, старый Ганс Гаммер, простой крестьянин из глухого, забытого богом хутора. Когда Германия победит, у немцев всего-всего будет вдоволь...

Но сомнение, как червь, давно грызет душу Гаммера. Война, как игра ва-банк, не знаешь, чем она для тебя кончится. В прошлую войну он был солдатом. Германия тоже одерживала тогда одну громкую победу за другой. Но что получилось потом?.. Проиграли, потерпели поражение. Не случится ли то же самое, прости господи, и в этой войне?.

Гаммер старается отогнать от себя эти неприятные и тревожные думы. Но как отгонишь их, если они, как кошмар, преследуют тебя и не дают покоя? Ведь минувшей зимой немцы проиграли битву под Сталинградом. Погибла целая армия, да и какая—самая прославленная! Русские гонят теперь «доблестных воинов фюрера» на запад, приближаются к границам Рейха. Если они, не приведи господи, вторгнутся в Германию, что будет тогда с ней и с самими немцами? Может быть, не надо было с самого начала зачислять эту заваруху?

Кроме того, Гаммер на своем горьком опыте знает: неудачи на фронте автоматически влекут за собой неудачи и в его личной жизни. С него теперь берут больше налогов, чем год-два назад. После того, как единственный сын Гаммера разделил «славу» воинов Паулюса, жена его, человек с большим сердцем, очень скоро отправилась к ангелам. Остался он один, как одинокое дерево в открытом поле. И что еще ждет его впереди — один бог знает.

Старик сокрушенно вздыхает, горестно качает седой головой и делает одну глубокую затяжку за другой. Но неожиданное появление незнакомого странного смуглолицего мальчонки прерывает горькие размышления старого Бауэра. Мальчик, опустив голову, медленно подошел и молча остановился перед ним. Гаммер бросил на него изумленный взгляд. На вид ему было года четыре или пять. Всклобоченные, давно немытые темные волосы на голове непослушно торчали в разные стороны, лицо бледное, бескровное, с набухшими мешочками под большими черными глазами, босые грязные ножки со следами свежих царапин. Из-под рваной рубашонки выглядывает тощее тело — кожа да кости.

Смешанное чувство удивления, неприязни и почти страха охватило старого Гаммера при виде этого заморыша. Быстро засунув в карман горячую, но уже потухшую трубку, он машинально встал. Двумя пальцами брезгливо взяв за волосы мальчика, он приподнял его голову и пристально посмотрел в худое серое лицо ребенка, в его черные, затуманенные, как у сонного или умирающего человека, глаза. Кто он, этот неизвестный малыш? Цыган? Еврей! А может, какой-нибудь черномазенький азиат?..

— Ты кто? — дергая его за волосы, грубо спросил Гаммер.

На лице мальчика не отразилось никаких чувств. Он будто и не услышал вопроса и еле стоял на ногах. Как только Гаммер отпустил его голову, ребенок сел и тут же растянулся на голой, холодной земле. Бауэр кинул недоуменный взгляд в сторону собаки. Его удивило то, что она ничем не проявила своего отношения к появлению незнакомца, не издала ни звука, точно не хотела помешать ему подойти к ее хозяину. Старик подумал, что мальчик, наверно, с чьей-то помощью сбежал из лагеря. Может, его уже ищут?..

Гаммер прекрасно знал отношение властей к заключенным в лагерях пленным, интернированным, особенно к цыганам, евреям, русским. Ему невольно вспомнилось, как недели две назад жители хутора были разбужены среди ночи беспорядочной стрельбой, неистовым лаем овчарок, криками людей. Когда к утру все стихло, в хутор на мотоциклах примчались эсэсовцы. Собрав взрослых жителей, они приказали им захватить лопаты и следовать в лес за озеро, чтобы вырыть яму и закопать убитых ими в лесу бежавших из лагеря русских военнопленных.

До сих пор как кошмарный сон стоит перед глазами Гаммера

то, что он увидел там, в лесу. Убитые пленные были собраны вместе и свалены в кучу. На них нельзя было смотреть без содрогания: истерзанные тела, проломленные черепа, перебитые ребра, обезображенные лица. У некоторых вместо глаз зияли кровавые впадины, словно глаза выклевали хищные птицы. Воспоминание об этом не на шутку встревожило бауэра. Какой черт принес к нему этого непрошенного гостя?! Надо сейчас же посадить его в телегу, как можно скорее отвезти в город и сдать в полицию.

От волнения Гаммер даже забыл, зачем он собирался ехать в город. Он окинул мрачным взглядом маленького опасного гостя, распластавшегося у его ног. Мухи ползли по его голым, черным от грязи пяткам, копошились у рта, жужжали над ухом, но мальчик даже не пошевелил рукой. Старик нагнулся, дотронулся до него: не умер ли? Но ребенок, не открывая глаз, тихо, едва слышно застонал. Может, прежде чем отвезти его в город, сначала лучше накормить? Он еле жив. Все-таки живого легче везти, чем умирающего.

Гаммер настороженно оглянулся: не видит ли его кто-нибудь из хуторян? Но вокруг не было ни души. Он легко поднял на руки мальчика, быстро отнес его в дом и посадил за стол. На столе еще со вчерашнего вечера лежала раскрытая Библия, которую старый бауэр читал на сон грядущий.

Гаммер принес мальчику стакан молока, большой кусок черного хлеба и положил перед ним. Голодный ребенок при виде еды сразу ожил, беспокойно задвигался на стуле, но не протянул руку к пище, с тревогой и надеждой глядя на Гаммера широко открытыми глазами. Тогда старик, ближе придвинув к нему стакан, неласково буркнул:

— Пей!

Мальчик схватил стакан и дрожащими руками поднес ко рту. После первого же глотка глаза его странно заблестели, округлились. Стуча зубами о стекло, он принялся жадно пить, прерывисто дыша. Едва покончив с молоком, ребенок в одно мгновение схватил грязной ручкой хлеб и, словно боясь, что отнимут, обеими руками прижал к тощей груди, недоверчиво и почти враждебно косясь на хозяина. Гаммер, нахмутив брови, отнял у него хлеб, пока тот не успел поднести его ко рту.

— Нельзя!—строго произнес Гаммер.

От грубого прикосновения и сердитого голоса хозяина ребенок испуганно вздрогнул, но не заплакал. Видимо, его внимание было слишком поглощено хлебом, который бауэр держал в своей большой, огрубевшей и потемневшей от повседневного тяжелого крестьянского труда руке. Гаммер, задумчиво повертев хлеб, нерешительно отломил половинку и протянул малышу.

— Хватит тебе и этого,—стараясь не смотреть ему в глаза, угрюмо сказал он. — Тебе сразу много есть нельзя, понимаешь, нельзя. Умрешь!..

Старый бауэр знал, что не только дни, но и часы маленького беглеца сочтены. Он все равно умрет голодной или насильственной смертью. Но старик не хотел, чтобы мальчик умер на его глазах, тем более от его честно заработанного хлеба. Гость не понял ни слова из того, что сказал ему хозяин дома, но протянутый хлеб взял и стал есть с торопливой жадностью, почти не прожевывая.

Увидев, как мальчишка «молниеносно» справился с хлебом, Гаммер со сдержанной улыбкой подхватил его выше локтей и снял со стула.

— А теперь поехали!—почти весело произнес он и направился к двери, уверенный, что мальчик тут же последует за ним.

Но ребенок, не глядя на хозяина, тяжело сопя, шатающейся походкой направился прямо в угол комнаты, где в беспорядке валялись пустые мешки из-под муки и отрубей, и лег на них.

Старику не понравилось поведение несмышленного гостя. Он подошел к нему с намерением поднять и увезти его, но мальчик уже спал без задних ног.

«Бог с ним, пусть спит, а завтра отвезу,—неожиданно смягчившись, подумал про себя Гаммер,—ведь сюда почти никто не заглядывает».

А наутро, к большой досаде старика, пошел дождь, сильный, частый. Не было никакого признака того, что он прекратится скоро. Небо сплошь в сером тумане. В другой раз в такую ненастную погоду Гаммер ни за что не выехал бы из дому. Но во избежание неприятных последствий он должен сегодня, сейчас же отвезти мальчика.

Решив так, Гаммер вывел лошадь из хлева и, погладив ее рыжую гриву, надел на нее хомут. Дождь с шумом заливал его брезентовый плащ, хлестал по лицу. Гаммер злился на погоду, на себя, особенно на этого чужого грязного мальчишку, который доставил ему такие хлопоты. А мальчик в этот хмурый утренний час лежал в своей убогой «постели» и сквозь тяжелую дрему беспорядочно, но отчетливо видел свою короткую жизнь.

Вот он шагает по широкой и длинной-длинной улице. На ней такие огромные высокие дома, что даже мама, такая большая, кажется на их фоне совсем маленькой. Улица эта полна людей, шума, движения. Вот и их квартира. Папа сидит за швейной машинкой, шьет, что-то тихо напевая себе под нос. Эту машинку он не представляет без папы, а папу без нее. Папа часто сидит за ней. Потом папа куда-то собирается уходить, и, видимо, надолго. У него за спиной маленький, туго набитый мешок. Когда это было, он не знает, но зато хорошо помнит, как мать долго-долго плакала в тот

день. С улицы доносится песня: «Вставай, страна, огромная!..» Поют ее большие дяди, он это видит из окна. Говорят, они идут на войну бить каких-то фашистов... Оказывается, есть такие злые, недобрые дяди. Но что такое страна, которую все в один голос просят, чтобы она встала и пошла с ними, он еще не знает, забыл спросить у мамы. Наверно, страна—что-то живое, большое-пребольшое, вроде великана, о котором в сказке рассказывают. А может быть, она даже больше, сильнее, чем великан, раз дяди без нее не могут идти в бой бить фашистов?..

Но вот однажды к ним в дом с шумом, грохотом и бранью ворвались эти самые злые дяди с глубоко нахлобученными на головы железными котелками и автоматами на шее. Они, схватив его с мамой, потащили куда-то. Потом они с мамой долго-долго ехали в вагоне. В нем было много людей, тесно и очень душно, а колеса под вагоном все время стучат и стучат. И почему-то в вагоне все время была ночь. Он несколько раз засыпал, потом опять просыпался, а утро все не наступало! А совсем-совсем недавно тоже ночью, колеса вдруг перестали стучать, и вагон остановился. И все дяди и тети, находившиеся в вагоне, разом хлынули во внезапно открывшуюся вагонную дверь. Очутившись на земле, они, как стая испуганных воробьев, разбежались в разные стороны. Мама, схватив его, тоже побежала через какое-то открытое поле к черному лесу. Небо густо усыпано звездами. Он никогда не видел столько звезд и такой яркой луны. Где-то позади раздаются громкие устрашающие звуки. При каждом звуке мама испуганно вздрагивает, еще крепче прижимая его к груди. Она с трудом дышит, но бежит и бежит без оглядки. Он догадывается, что это те самые недобрые дяди в железных котелках — фашисты гонятся за мамой, за ним, хотят уничтожить их, а за что—он не знает, наверно, потому что эти дяди — злые, как волки, которые обижают зайчиков, других маленьких зверей. А может, они и не люди вовсе, а волки, принявшие обличье людей!

И вот одна за другой начали гаснуть на небе уже неяркие звезды. А когда они с мамой вышли на опушку леса к зеленому полю, далеко-далеко на горизонте расцвела заря, точно румянец на яблоке. В деревьях и кустах весело зачирикали птицы, радуясь новому наступающему дню. Им-то хорошо: за ними не гонятся злые дяди—волки в человеческом облике..

Скоре все вокруг заблестело, засверкало в лучах восходящего солнца. Первый раз в жизни видит он, как на смену ночи приходит утро, рождается день. Но трава, где он ступает босыми ногами, мокрая, холодная, как лед, и от этого у него стынут ноги. Недалеко на холме из-за деревьев выглядывает кирпичный дом с красной крышей. Мама то плачет, то улыбается ему, то прижимает его к сердцу, неистово целует в лоб, в глаза, в щеки, то неосторожно

толкая в спину, говорит: «Беги, беги, сынок, вон к тому дому, может, кто тебя пожалеет. » И показывает рукой в сторону дома, что виднеется на холме.

Как ей, маме, не стыдно?! Разве она не знает, что он очень голоден, ужас, как хочется есть и спать тоже, да и куда он пойдет без нее, без мамы? Соображает ли она, что говорит? Нет, видимо, не совсем соображает, потому что мама ведет себя очень странно. У нее сейчас такие глаза, такой голос, что он начинает побаиваться ее. Но он все равно никуда не уйдет...

Мама опять толкнула его в спину, на этот раз сильно, чтобы он пошел к дому. От этого толчка он упал ничком. Вот-вот готовый расплакаться, он встал, резко повернулся к матери, чтобы сказать ей что-то обидное, злое, но ее уже не было. Она исчезла, точно испарилась. Сердечко его тревожно забилося в страхе, как у пойманной птички. Как только матери не стало рядом, ему показалось, что все-все, что окружает его, сразу приняло пугающий и угрожающий вид. Оно грозно надвигается на него со всех сторон, чтобы раздавить, проглотить его, маленького, слабого, беззащитного, покинутого всеми. И не в силах сдерживаться, он падает на землю и, в страхе закрыв лицо ладонками, отчаянно кричит:

— Ма-ма! Ма-мочка, где ты, я боюсь!. Я боюсь!.. Где ты?!

...Гаммер нагнулся над спящим ребенком, чтобы поднять и понести его к телеге. Но, услышав громкий плач и крики мальчика, он растерялся и тотчас же мокрой ладонью прикрыл ему рот.

— Перестань кричать, перестань!.

Но мальчик, который все еще находился под впечатлением только что пережитого во сне, беспокойно заметался в своей убогой холодной постели. Содрогаясь всем телом, он надрывно, с мольбой продолжал звать свою маму..

Горький плач ребенка смутил душу старого бауэра, обезоружил его, заставил отойти в сторону. Он понял, кого с таким криком, отчаянием и тоской зовет мальчик. Малыш поднялся, присел. Осмотревшись, он, видно, сразу сообразил, где находится, и тотчас же притих, но продолжал беззвучно всхлипывать, повторяя бесконечно дорогое ему слово..

— Боже мой, боже мой, что мне с ним делать! — в отчаянье забормотал старик, не отводя растерянного взгляда от плачущего ребенка. — Откуда он взялся на мою голову!..

Вдруг ему стало совестно, стыдно за свое жестокое намерение отвезти и отдать в руки полиции этого беззащитного мальчика. Что он сделал плохого для его родины, какую угрозу он представляет для немецкого народа? Неужели от того, умрет этот ребенок или останется в живых, зависят судьба Германии, ее победа или поражение, величие или падение, слава или позор? Дети есть дети. У них нет ни к кому ни злобы, ни зависти. Они одинаково беззащит-

ны и доверчивы. Даже невинных ангелов рисуют в образе детей. Да и где, в какой главе, стихе Евангелия сказано, что бог велит уничтожить или поработить всех тех, кто не является немцем, арийцем, будь то мужчина или женщина, старик или ребенок? Есть ли вообще этот бог, всемогущий и всеблагий? Если есть, почему он детям человеческим, происшедшим от одного праотца и одной праматери, позволил разделиться на разные соперничающие и враждующие между собой народы? Почему всеблагий единый бог, который все может, не объединил всех людей на Земле, которую он сотворил для них, в единый дружный народ и с единой верой в него? Почему не искоренит войны, зло и несправедливость, дабы на Земле торжествовали мир, добро и правда? Иначе чего стоит его заповедь, обращенная к людям—его созданным: «плодитесь и размножайтесь»?...

Старый Гаммер удивился этим мыслям, испугался их, хотя они с некоторых пор смутно дремали в его душе. Пусть эти мысли и заключали в себе простые и бесспорные истины, но он, выросший с детства в божьем страхе, сознательно приглушал их, загоняя вглубь. А сейчас они неожиданно для него, можно сказать, против его воли, прорвались наружу, точно семя, долго томившееся в земле и дождавшееся, наконец, своего часа, чтобы пробиться к свету.

Но мысли Гаммера опять и опять возвращаются к маленькому беглецу. Он чувствует, что душа его раздвоена и не знает, как ему быть. С одной стороны, его мучает совесть: как можно передать в руки полиции, обрекая тем самым на скорую и неминуемую смерть этого несчастного, больного и затравленного малыша, доверившего ему свою жизнь. А с другой, если он пойдет на риск, скрывая у себя этого мальчика, и об этом разнюхают в гестапо (сами же соседи могут донести), его непременно сочтут предателем, упекут в концлагерь. Тогда он потеряет свое добро, нажитое долгим, тяжелым крестьянским трудом, а возможно, лишится и жизни. Кроме того, ему, одинокому, старому, усталому человеку и так нелегко справляться со всеми делами в хозяйстве, а с этим ребенком и вовсе голова пойдет кругом. Да и мальчик, как на грех, ни слова, ни бумбум по-немецки.

Терзаемый такими противоречивыми чувствами, старый Гаммер вышел во двор и долго стоял там в тяжелом раздумье, не обращая внимания на дождь, непогоду. Потом вдруг с видом человека, решившегося на что-то очень значительное, смелое и отчаянное, встряхнул головой, точно сбрасывая с себя оцепенение, решительно направился к телеге и принялся распрягать лошадь...

Германия, 1945 г.

КАК МУЗА СТАЛА МАРУСЕЙ

У меня есть друг. Зовут его.. А впрочем, не буду называть его имени. Сами потом увидите, что я поступил правильно. Назову его просто Шарапилом—какая вам разница?

Мой друг Шарапил—поэт. Несмотря на это, человек он степенный, уравновешенный, как две чаши весов у честного продавца. Но тем не менее в душе он немного восторженный и, конечно, влюбленный, хотя ему уже за пятьдесят (поэт все-таки).

И вот недавно Шарапил решил провести свой творческий отпуск в одном из маленьких и отдаленных высокогорных аулов, который стоит ближе к небу, чем к земле.

Прекрасное место выбрал он для этого. Я сам несколько лет тому назад был в этом ауле. В ясный безоблачный день отсюда, как на ладони, видна бескрайняя величественная панорама родных гор, покрытых легкой сиреновой дымкой и напоминающих издали неприступные волшебные замки сказочных дивов-великанов.. Гордые орлы парят у самых ног. А ночью звезды до того яркие и небо так близко, что, кажется, стоит протянуть тебе руку, и ты без труда достанешь с неба звезду. Словом, все здесь способствует полету фантазии.

К тому же в этом ауле мой друг мог подкрепить свое здоровье в Доме отдыха, построенном жителями на собственные средства рядом с целебным источником на живописном склоне сосновой горы.

За несколько дней до того, как Шарапил, полный творческих замыслов, радужных надежд, полетел на самолете в этот аул, я отправил туда письмо на имя председателя сельского Совета. У меня и в мыслях не было, что письмо может сыграть злую шутку с моим другом. Оно было простое, безобидное, написано в шутливом тоне. Я хотел только одного: чтобы моему другу оказали должное внимание, создали для него все условия для отдыха и работы. И ничего больше.

В письме, как я уже сказал, составленном в тоне добродушной шутки, я писал главе местного совета о том, что мой друг Шарапил, пожалуйста только он этого, мог провести свой творческий отпуск на знаменитом Рижском взморье или на золотых песках Ялты, в живописных Гаграх, где витает дух прекрасной царицы Тамары, или на заграничном всемирно известном курорте Карловы Вары, но захотел провести именно у них.

В заключение я просил председателя сельского совета оказать моему другу хороший прием, выделить ему отдельную комнату в Доме отдыха и, если, конечно, это его не затруднит, поинтересоваться иногда: «посещает ли его Муза—это капризная, своенравная,

но прекрасная особа. Если посещает, то в какое время дня и ночи она является к нему, чтобы зажечь в нем огонь любви и вдохновения».

Я, разумеется, никакого ответа не ждал на свое послание, на второй же день забыл о нем. Поэтому я был немного удивлен и смущен, когда через несколько дней получил длинное, пространное письмо от председателя местного совета того самого аула, куда поехал Шарапил. Но еще больше удивило и смутило меня содержание письма, которое я полностью привожу здесь.

«Ассалам алейкум, тов. (следует моя фамилия)! Вы, пожалуйста, не обижайтесь, если сообщу вам о том, что никакого такого приема или почестей я вашему поэту не оказал, поскольку расходы на такие мероприятия по бюджету сельского Совета не предусмотрены. Но вы, тов. (опять следует моя фамилия), не беспокойтесь за своего друга. Поверьте мне, ему будет житься у нас не хуже, чем на курорте царицы Тамары или господина Карла-Варла. Ему выделена отдельная комната. Он обеспечен питанием по первой категории.

А что касается этой самой женщины по имени Муза, я сразу же по получении вашего письма хотел ответить вам, что женщина с таким именем у нас в ауле не проживает. Но поскольку сигнал серьезный, можно прямо сказать, тревожный (я вас понимаю—под угрозой находится целостность и сохранность советской семьи), думаю одним таким формально-бюрократическим ответом нельзя, да и не имею права отмахиваться. И я решил во что бы то ни стало найти, выследить эту вертихвостку. Но при всем моем желании исполнить вашу просьбу, я все же готов был сказать вам свое твердое слово, что такой женщины у нас никогда не было и нет, как вдруг тов. (опять следует моя фамилия), меня осенило: ведь это же Маруся! Да! Да! Есть у нас такая, действительно, как вы пишете, своенравная и взбалмошная, но на вид приятная девушка-фармацевтка. Ее из Махачкалы к нам прислали, зав. сельской аптекой работает. Правда, девушки между собой называют ее немного иначе, не Музой, как вы пишете, а Мусей. Но это не имеет никакого значения. У нас говорят: «Что Али-Хужа, что Хужа-Али — один черт». Сам потом удивлялся: как мне сразу не пришло это в голову? О том, что женщина, о которой вы упоминаете в своем письме—это именно и есть наша Маруся, у меня никакого сомнения не вызывает. Иначе, с чего бы она больше всех хлопотала, чтобы мы организовали встречу с твоим другом-поэтом, и первая, кажется, разнюхала о его приезде.

Или взять другой факт из ее поведения, который утверждает меня в этой мысли. Недавно у нас в клубе показывали заграничный фильм. Молодой мужчина и полураздетая женщина так целовались, так целовались, казалось, вот-вот они, как две щуки прог-

лота́т друг дру́га. Когда́ это было́, чтобы́ у нас мужчи́на и женщи́на так безобразно целовались. Я сразу́ вскочил с места́ и дал команду́: немедленно́ прекра́тить эту непристойно́сть! А как же иначе́! Разве́ можно́ на виду́ у всего́ аула́ вытворять такие́ штуки. После́ таких фильмо́в даже́ меня́, челове́ка уже́ небольшо́го, у которого́ внуки́ ходят в жени́хах, а вну́чки—в невеста́х, по ноча́м посещаю́т легкомысленные сны́. А что́ говорить́ о лю́дях помо́ложе..

Многие́ нача́ли шуметь, выра́жать недово́льство: вроде́, как, мол, это́ так, де́ньги запла́тили, а досматрива́ть карти́ну до конца́ не разре́шают. Больше́ всех и громче́ всех возмуща́лась и протестова́ла э́та са́мая Муся-Мару́ся. А че́рез три дня́ смотре́ю и глаза́м своим́ не верю́: в райо́нной газе́те напеча́тана заме́тка «Унте́р-офице́р Пришибае́в в ро́ли председа́теля се́льсовета». Э́то крити́ковали меня́ за́, то, что́ я сорва́л то́т са́мый безобразный́ филь́м, так сказа́ть, «культу́рное мероприя́тие». А под заме́ткой сто́яла подпи́сь э́той са́мой Мару́си, бу́дь она́ нелада́.

Реда́ктор, конечно́, тоже́ хоро́ш—не́чего сказа́ть. Вме́сто того́, чтобы́ поддержа́ть мои́ прави́льные дей́ствия, напра́вленные проти́в безнравственно́сти, позво́лил э́той глупо́й и бессове́стной де́вчо́нке сравни́вать меня́ с ка́ким-то Пришибае́вым, о кото́ром я слы́хом не слы́хивал, и подрыва́ть мо́й авторите́т в глаза́х джама́ата. Мо́жет вы, товари́щ (опя́ть сле́дует мо́я фами́лия), слы́шали про э́того са́мого Пришибае́ва? Кто́ он та́кой? На́сколько я зна́ю, у нас да́же чи́на тако́го или́ зва́ния не́т. Но не́ хочу́ задержа́ть ва́ше внима́ние на э́том возмущите́льном факте́, послу́шайте да́льше о ва́шем дру́ге. Я не́сколько раз за́ходил, бу́дто невзнача́й, к нему́. Но, к сожа́лению, не за́стал у него́ Мару́си. А по́завче́ра я на́рочно за́шел к ва́шему дру́гу о́чень по́здно, когда́ в ау́ле уже́ прокри́чали пе́рвые петухи́. Он си́дел и не́ то что́-то по́писыва́л, не́ то сочи́нял. Но на́ этот раз мо́й при́ход его́ о́чень уди́вил и, как мне́ показа́лось, да́же напуга́л не́много. Э́то меня́, конечно́, е́ще боль́ше наста́орожи́ло.

— Ви́жу, у ва́с свет го́рит, дай-ка́, ду́маю, за́йду на о́гонек,—опуска́ясь на его́ койку́ и о́гляды́вая у́глы ко́мнаты, сказа́л я ему́, оправды́вая та́ким обра́зом сво́й по́здний ви́зит. По́том наги́баюсь, вроде́ чтобы́ попра́вить го́ленище́ сво́его са́пога, а са́м о́дним гла́зом за́гляды́ваю по́д койку́. Но и та́м—ни́чего подо́зрите́льного. На́ этом я, конечно́, не́ успоко́ился. Вста́л, про́шел к ша́фу и рывко́м откры́л де́рзцы.

— Что́ вы та́м ищи́те?—спроси́л у меня́ ва́ш обеспо́коенный дру́г.

— Не́чего о́собенно́го,—отвеча́ю я, пря́ча улы́бку. — Смотре́ю, не́ водятся́ ли у ва́с здесь́ в ша́фу мы́ши, кло́пы и про́чие парази́ты.

— Не́т, не́ водятся́,—гово́рит он, а са́м на́ меня́ смотре́ит та́к, бу́дто хо́чет узна́ть, дога́дыва́юсь я или́ не́т о его́ се́рдечных о́тноше́ниях с аптека́ршей,—хи́трый ка́кой!

Но вы, тов. (опя́ть сле́дует мо́я фами́лия), не́ беспоко́йтесь: я за́

эти два—три дня обязательно все выясню. Я человек настойчивый, дотошный. Если мне удастся застать их вместе, то я, будьте покойны, предприиму все меры и не допущу, чтобы по вине какой-то Муси-Маруси разрушилась хорошая советская семья...»

Письмо председателя сельского совета меня больше рассмешило, чем озадачило. Я, конечно, не придавал никакого значения его угрозам, думая, что поскольку Муза—это не юная фармацевтка, насалившая председателю сельсовета, а мифологическая личность, богиня поэзии и искусства, обитающая, согласно преданию, на вершине священной горы Олимпа, которая находится за тысячи километров от того горного аула, где работает милая и строптивая Маруся, поэтому, что бы ни предпринял рьяный глава местной власти, — все окажется пустой затеей.

Но, оказывается, я жестоко ошибся. На четвертый день после получения письма от председателя сельского совета я совершенно неожиданно столкнулся на улице носом к носу со своим другом Шарапилом. Он шел медленно, низко опустив голову и, всплескивая руками, вслух разговаривал сам с собой, чего раньше я никогда не наблюдал за ним. Мой друг был явно чем-то удручен, между пальцами у него дымила сигарета, хотя уже три года, как он бросил курить по совету врача.

Я, тепло поздоровавшись с ним, спросил:

— Ты чего, Шарапил, такой мрачный? Ходишь—сам с собой разговариваешь? Ты же ездил на месяц, а побыл каких-нибудь две недели?..

Шарапил резким движением бросил недокуренную сигарету на землю и, сплюнув, в сердцах раздавил ее туфлей.

— Ты знаешь,—громко и запальчиво начал он, забыв, видимо, что находится на улице и его могут услышать прохожие,—какой-то идиот сообщил моей жене, будто я специально поехал в тот аул, чтобы завести шашни с какой-то Марусей. И жена сразу приехала за мной, учинила грандиозный скандал, заставила уложить чемоданы и немедленно вернуться домой. А мне надо срочно сдать рукопись.. Вот какая неприятная история!

Мне теперь все стало ясно. Как мне ни было досадно и грустно за друга, я невольно засмеялся.

— Может, все-таки был у тебя какой-то мимолетний «курортный роман» с этой самой Марусей?—нарочно спросил я, еле сдерживая предательский смех.

— И ты что ли с ума сошел?! — не на шутку обиделся мой друг. И тут же с горячностью добавил:— Я не только не знаю ее, клянусь тебе, даже в глаза ни разу не видел. А жена не верит!..

Вот теперь вы, наверно, поняли, почему я решил держать имя моего друга в секрете.

ПОТЕРЯННЫЙ «РАЙ»

Когда колхозный арбачи Табиб Табибов узнал, что заведующего колхозной птицефермой старого Асадулла стукнула кондрашка и что он не в состоянии не только издавать членораздельные звуки, но и шевельнуть ногой, его охватило глубокое волнение. Несколько ночей подряд после этого с ним творилось что-то невообразимое: то он во сне долго и сладко чмокал и заливался довольным радостным смешком, то так громко и протяжно охал и стонал, что его бедная жена, мать пятерых детей, от беспокойства и тревоги теряла голову. Она, как сиделка у изголовья больного, мечущегося в бреду, ночи напролет проводила у его постели, не смыкая глаз.

Но никто, кроме самого Табиба, не знал, почему болезнь старика вызвала у него такое странное состояние.

..Табибу-арбачи очень нравилась ферма, где заведующим работал старик Асадулла, а птичницей его дочь, молодая красивая незамужняя женщина. Да и местность здесь была восхитительная. Широкую зеленую поляну со всех сторон окружал густой лес. Мимо фермы, напевая свою извечную песню, с веселым журчанием протекала быстрая светлая речушка с зелеными бархатными бережками. На краю поляны сверкало белизной аккуратное помещение птицефермы с красной черепицей. Табиб по долгу работы часто приезжал сюда: привозил на арбе корм для птиц, а с фермы вывозил в районный центр яйца и кур для сдачи на заготовительный пункт.

Перед тем, как выехать на ферму, Табиб-арбачи наряжался, как жених перед свадьбой, тщательно скоблил свои смуглые щеки, смазывал курдючным салом черные усы, чтобы они блестели, закручивал их кончиками вверх. А приезжая на ферму, Табиб старался все время вертеться на глазах у молодой женщины, то и дело бросая на нее взгляды, полные скрытой мольбы и нежности. Старый Асадулла, хмурый и молчаливый человек, недолюбливал женатого поклонника своей дочери. Он всегда встречал его холодно и недоверчиво, ревниво и подозрительно следил за каждым его шагом. И чтобы Табиб-арбачи долго не маячил перед глазами, старик старался поскорее выпроводить его с фермы.

Но несмотря на откровенно неприязненное отношение к нему со стороны Асадуллы, Табиб каждый раз ехал сюда, как на праздник, и этот живописный уголок представлялся ему частицей эдема, а сама птичница — прекрасной гурией. В душе он давно мечтал занять место старика, и, конечно, чтобы его дочь оставалась работать при нем. Теперь, когда болезнь свалила Асадулла с ног, Табиб окончательно потерял душевное равновесие, опасаясь, что правление колхоза назначит на место старика другого человека, и его меч-

та о «рае» и «райских блаженствах», которыми он грезил, лопнет, как мыльный пузырь. Денно и ночью Табиб с тревогой и надеждой только и думал как подступить к председателю колхоза, чтобы добиться назначения на эту должность.

Решение пришло к Табибу-арбачи неожиданно, и, как показалось ему, самое верное. Он вспомнил, что несколько дней тому назад жена председателя колхоза в добрый час родила ему двойню, и поговаривали, что у нее не хватает молока. А когда у кормящей матери не достает молока, у них в селении дают детям козье молоко, слегка разбавленное кипяченой водой. Вспомнив об этом, Табиб-арбачи сразу воспрянул духом, решив, что сама судьба послала ему удобный случай оказать услугу председательской чете, чтобы завладеть «райским уголком», а потом, бог даст, и сердцем «райской красавицы».

На следующее утро Табиб-арбачи раньше обычного вывел из хлева свою недоенную козу, за буйный нрав и драчливый характер прозванную Буян. Как только она с важной медлительностью прошествовала через калитку, Табиб-арбачи тут же схватил ее за длинный и изогнутый, как кривая сабля, острый рог и потащил за собой.

Погода стояла пасмурная, серая, не переставая моросил мелкий осенний дождь. Табиб торопился скорее доставить козу во двор председателя, чтобы теща или жена его успели выдоить у нее утреннее молоко до того, как пастух погонит стадо на пастбище. Он, конечно, постарается уговорить их оставить у себя козу, если не навсегда, то хотя бы до того времени, пока малюткам будет нужно ее молоко.

Буян сначала шла покорно, даже несколько бодро, ласково и доверчиво потираясь шерстистым боком о ноги хозяина. Потом, видимо почувствовав, что ведут не в стадо, а неизвестно куда, стала упираться. Недовольно мотая головой, она пыталась сначала слабо, потом все настойчивее вырваться из цепких рук Табиба. Но видя, что хозяин упорно не хочет освободить ее, коза не на шутку взбунтовалась. Упершись всеми четырьмя ногами в землю, и держа головой, она принялась громко и сердито блеять. Табиб, выведенный из себя упрямством козы, обеими руками схватил ее за рога и, скользя ногами по грязи, с силой поволок орущее во все горло животное.

Когда Табиб, пытая и отдуваясь, с трудом втащил козу в просторный председательский двор, он застал здесь радостную суету. Перед самым председательским домом стояла большая грузовая машина с опущенными бортами. Несколько человек торопливо выгружали из нее новенький импортный спальный гарнитур. Председатель и его теща, худая, жилистая старуха с крючковатым носом, взлохмаченными седыми волосами, сновали вокруг машины, давая

рабочим какие-то распоряжения. У обоих лица были важные, возбужденные и деловитые.

Сперва рабочие осторожно сняли с машины бельевой шкаф с большим, почти в рост человека, блестящим, но немного мокрым от дождя зеркалом. И прежде чем занести его в дом, по указанию старухи поставили под навес, где находилась председательская «Волга». Как раз в это время и подоспел Табиб со своей козой.

Изобразив на лице угодливую улыбку и радостно поздравив председателя и его тещу с новорожденными, заодно и с новым гарнитуром, Табиб-арбахи только было собрался скромно намекнуть на цель своего прихода, как Буян внезапно вырвалась у него из рук. Пробежав несколько шагов, животное вдруг остановилось в изумлении, увидев перед собой незнакомую козу, стоявшую под навесом. Буян, гордо задрав бородатую морду, сразу приняла воинственную позу. То же самое сделала и незнакомая коза, не уступая ни в чем, словно дразня и провоцируя ее на драку. Потом обе, сильно разозлившись, нагнули головы до самой земли. Сердито вытаращив глаза и угрожающе выставив острые рога, они, точно сорвавшись с цепи, с яростью кинулись друг на друга и стукнулись лбами. Пока Табиб и все остальные опомнились, раздался звонкий треск, и осколки разбитого зеркала, точно брызги морской волны, разлетелись во все стороны. Табиб сразу побелел и, задыхаясь от гнева, подбежал к Буяну, чтобы схватить ее и тут же расправиться с ней, как с предателем. Но в ту же минуту слух Табиба резанул истошный крик старухи, да такой крик, что бедному арбахи почудилось, что наступил день страшного суда и уже гремит трубный глас.. Старая теща председателя, как и все суеверные женщины, верила в недобрую примету: если разбилось зеркало, то быть в доме несчастью. Теперь надо было по вине этого проклятого арбахи (черт знает, зачем и для чего притащился к ним во двор с раннего утра со своей злополучной козой) или избавиться от этой мебели, или оставить ее и жить под страхом ожидания большой беды.

На какую-то долю минуты, отвлеченный криком старухи, вконец растерявшийся Табиб не заметил, как его злонравная коза, в которой, видимо, еще не улегся воинственный азарт, неожиданно оказалась за его спиной и с разбегу изо всех сил внезапно боднула его рогами в самый зад, будто догадываясь, с какими нечистыми намерениями привел ее хозяин в председательский двор. Почва моментально ускользнула из-под ног Табиба, и он, беспомощно раскинув руки, упал ничком в гущу грязи. Несколько минут он лежал так, ничего не соображая, словно оглушенный громом. Только отдаляющееся прерывистое блеяние чертовой козы, точно торжествующий смех дьявола, напомнило ему о том, что произошло...

СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ

Татская легенда

В тридцати-тридцати пяти километрах к югу от древнего Дербента, среди задумчивых лесов, зеленых полей и глухих оврагов, объятых чуткой тишиной, приютилось мое родное селение Нюгди. Название села происходит от сочетания двух татских слов — «Нуге дигь», что означает — «Новое селение». Кто и когда основал его, почему селение получило такое название, об этом рассказывал мне отец, когда я еще был мальчиком, да и не раз потом я слышал от убеленных сединой многих односельчан об этой трагической и вместе с тем прекрасной истории.

БЕРОЛОМНЫЙ ХАН

С незапамятных времен предки наших односельчан — нюгдинцев жили в одном из табасаранских аулов.

Прекрасны горы Табасарана. Если в раю есть горы, должно быть, они похожи на табасаранские. Склоны их, покрытые изумрудной травой, пестреющие разноцветными полевыми цветами, напоминают чудесные ковры, вытканые руками искусных табасаранских ковровщиц. А леса там в весеннюю пору трудно отличить от цветущих садов, столько в них плодовых деревьев. Не потому ли здесь так звонко раздаются соловьиные трели с восхода зари и до поздней ночи и так много вдохновенных певцов и ашугов?

Говорят, когда бог создал первых людей — Адама и Хеву, — райский сад находился не на небе, а на земле. Кто знает, может это были сады, раскинувшиеся в живописных долинах Табасарана?

И душа народа подстать прекрасной природе родной земли. Она щедра, как плодоносное дерево, чиста, как бесчисленные родники, которыми богат этот край. А необыкновенное гостеприимство табасаранцев вошло в поговорку. Самое страшное проклятие на устах их: «Да чтобы гость не постучался в дверь твоего дома!»

Хотя предки наших односельчан-нюгдинцев и жившие с ними в одном ауле табасаранцы были людьми разной народности, судьба у них была одинаковая. Одно омрачало жизнь и тех и других, бросало тень, точно темное погребальное покрывало на чудесную природу родной земли, — жестокое иго ханов, полновластно повелевавших жизнью и смертью своих райятов-подданных.

Случилось это давно, много столетий назад. У одного из табасаранских ханов был приближенный тат по имени Довуд. Он был человеком начитанным и мудрым, немало странствовал по свету и немало испытал на своем веку. Знал много историй из жизни

разных народов и минувших поколений, многое мог рассказать о чужих краях, обычаях и нравах их населения. А сколько Довуд помнил сказок и песен, легенд и притч — никто сосчитать не мог.

По вечерам Довуд развлекал властелина занимательными повествованиями, улаждал его слух песнями и игрой на сазе. Он владел еще искусством врачевания, знал, из какой травы какое лекарство изготовить, чтобы исцелить рану, изгнать из тела болезнь. Да и внешность он имел благородную: высокий, статный, с открытым лицом и добрыми чуть грустными глазами, с пышной великолепной бородой патриарха, учтивыми манерами. За эти достоинства и приблизил его хан к себе. В народе Довуда знали и любили, называли «везирем», хотя на самом деле он им не был.

Однажды хан, красный, веселый от выпитого вина, лежал на топчане с золотыми ножками, покрытом ярким ковром и, облокотившись на мягкую подушку, слушал сказку, которую рассказывал Довуд.

Время было уже позднее, когда Довуд кончил. Попросив позволения у хана, он встал. Отвесив ему глубокий поклон и пожелав спокойной ночи, Довуд направился к двери, но хан вдруг окликнул его.

— Стой, Довуд! — сказал хан. — Я слышал, что ты хочешь сыграть свадьбу своей дочери? Я еще слышал, что она у тебя, иншалла, прекрасна, как Лейли?.. Правда ли это?

Да, это была правда. Единственная дочь Довуда была так красива и нежна, что от нее невозможно было оторвать глаз. Все в глаза и за глаза называли девушку гури — райской красавицей. Но и жених ее Джумшуд был под стать своей невесте: красив лицом и строен, как молодой тополь, отличный наездник и смелый джигит. Он не был ни одноульчанином, ни единоплеменником Довуда, а был рожден табасаранской женщиной. Но Довуд любил его, как родного сына. Родители Джумшуда умерли во время какой-то свирепствовавшей в горах повальной болезни, когда он был почти ребенком. Отец его был близким кунаком и другом Довуда. А у нас чего только не сделает человек ради близкого кунака и друга! Отец Джумшуда, умирая, завещал Довуду заботиться о его мальчике-сироте, как о родном сыне. И с тех пор Джумшуд жил в доме друга своего отца вместе с его маленькой дочерью — Шушен.

В детстве они относились друг к другу, как брат и сестра. Как и Шушен, Джумшуд называл Довуда отцом. А когда они стали взрослыми, узнали, что они не брат и сестра, их дружба и привязанность постепенно переросли в нежную и пламенную любовь.

Хотя Джумшуд и Шушен пытались скрыть от Довуда свою лю-

бовь, но не таков был он, чтобы не заметить, что творится в душах его детей. И вот однажды вечером Довуд позвал к себе Джумшуда и Шушен, подвел их к очагу, в котором горел огонь.

— Дети мои!— сказал он с волнением в голосе.— Я вижу, что вы любите друг друга. Из всех божьих милостей, дарованных человеку, любовь — самый высший дар. Могу ли я пойти наперекор чувству, внушенному вам самим богом.— И тут же, показывая рукой на пылающий огонь в очаге, добавил:— С этой минуты перед этим священным огнем* я объявляю вас женихом и невестой.

И вот теперь, когда Шушен собиралась стать женой своего избранника, хан неожиданно спросил о ней.

— Да, мой хан, если на то будет воля бога, я собираюсь сыграть свадьбу моим детям этой осенью,— учтиво произнес Довуд.

— Самое хорошее время для свадьбы: мука от нового урожая в кенду**, а молодое вино в хюмах***, — одобрительно отозвался хан и, внимательно оглядывая стоящую в смиренной позе высокую фигуру своего приближенного, добавил:— Но не забывай, мой Довуд, бог, о котором ты только что упомянул, творит свою волю на небесах, а я, твой хан и господин,— на земле.

Смутная тревога, точно лед, коснулась сердца Довуда. Но он, стараясь ничем не выдать ее, спросил хана со сдержанной почтительностью:

— Да простит мне мой хан: годы, видно, притупили мой ум. Я не совсем понял, что ты имеешь в виду, напоминая сейчас о своей ханской воле?

Хана будто позабавили слова приближенного. Недоверчиво косясь на него, он засмеялся громким пьяным смехом. Потом, помолчав, строго и испытующе глядя на Довуда, сказал:

— Говорят, умному — намек, глупому — объяснение. Но ты же умный! А что я имел в виду? Я хочу, иншалла, твоей дочери-красавице оказать честь... Пусть первую ночь она проведет на моем ложе..

Довуд сразу изменился в лице. Пол дрогнул и покачнулся под его ногами, а в глазах померк свет. Но огромным усилием воли он устоял на ногах. Гордый, честный и смелый, Довуд никогда ни перед кем не преклонял голову, кроме как перед ханом, своим повелителем. А на коленях не стоял даже и перед ним. Сейчас потрясенный, испуганный и взволнованный услышанным, он тут

* В поверьях татов огонь считается священным, божеством.

** Кенду — глиняные бочки для хранения муки дома.

*** Хюм — огромный глиняный сосуд для хранения вина, воды.

же упал на колени перед ханом, и схватив рукой седеющую бороду, горячо взмолился:

— Мой хан, прошу тебя, пощади мои седины, не покрывай их позором, хотя бы ради того, что я столько лет служил тебе. Дочь моя предпочтет броситься с высокой скалы в пропасть, чем пережить такой позор. А Джумшуд, который дорог мне, как родной сын, тоже скорее погибнет, чем согласиться на поругание своей невесты.

Хан, который не привык, чтобы ему перечили, если он даже намеренно творит злое дело, вскипел гневом.

— Другому я сейчас же велел бы отрубить голову за такие дерзостные слова и непокорность,— вскочив с топчана и возбужденно шагая по комнате, громко произнес он с налитыми кровью глазами.— А тебе я дарю жизнь, но помни: желание мое должно быть исполнено!..

Довуд вернулся домой сильно встревоженный и бледный, как смерть. Джумшуд первый раз видел его таким.

— Отец, скажи, что с тобой? Почему у тебя такой вид?— с тревогой спросил он Довуда.— Случилось что-нибудь? А может ты просто болен?

— Ах сын мой,— громко, как от боли, простонал Довуд, хватаясь рукой за грудь и медленно опускаясь на подушку.— Лучше бы я трижды заболел и трижды умер. У этих ханов и падишахов, развращенных и ослепленных властью, нет ни сердца, ни жалости...

— О чем ты говоришь, отец?!— с тревогой в голосе обратился он к нему, опускаясь перед ним на корточки и хватая его за рукав черкески.

Довуд немного помедлил, а потом, закрыв глаза, чтобы не смотреть в лицо Джумшуду, прошептал как в бреду:

— Хан хочет твою невесту...

То, что сейчас услышал Джумшуд, огнем обожгло его душу. Он вскочил на ноги и, выхватив кинжал из ножен, крикнул в ярости:

— Отец! Я ворвусь во дворец хана и убью своей рукой этого злодея! Один из нас в эту ночь должен погибнуть!..

Довуд, крайне встревоженный намерением Джумшуда, тоже вскочил с места и удержал его за руку.

— Стой!— закричал он на бушующего, как пламя во время пожара, юношу.— Ты молод, горяч, не думаешь о последствиях своего поступка. Никогда не делай сразу того, что в горячности тебе диктует сердце: оно слепо. Допустим, ты этой ночью убьешь хана, а завтра его место займет его сын или брат. Все останется по-прежнему. А ты и твоя невеста погибнете...

— Не уговаривай меня, отец!— прервав Довуда, с мольбой

и отчаянием вскрикнул Джумшуд, корчась, словно от нестерпимой боли.— Я скорее положу голову на плаху, чем смирюсь с таким бесчестьем!.

Да, Довуд знал это. Будь он на месте Джумшуда, поступил бы так же. Но с трудом удерживая Джумшуда от непоправимой ошибки, поклялся что не даст на поругание развратному хану его невесту и что тому не видать Шушен, как летучей мыши ясного неба.

КУПЕЦ И ПТИЦА

Прошло три дня после того памятного вечера. Хан прислал своего нукера за Довудом. Сев на лошадь, Довуд немедленно отправился к хану.

Войдя в ханские покои, Довуд отвесил хану глубокий поклон и, словно ничего не было между ними, приветствовал владыку. Тот, кивком головы ответив на приветствие приближенного и испытующе глядя на него, спросил с притворной любезностью:

— Наверно, мой Довуд все еще продолжает хранить обиду на своего повелителя?

— О нет, мой хан,— принужденно улыбаясь и склоняясь в поклоне, произнес Довуд.— Смею ли я, твой подданный и раб, обижаться на тебя, если желание господина — закон для раба.

— Ай машаллах, Довуд, машаллах!— похвалил его хан, довольный его ответом.— А теперь, иншалла, давай посидим, выпьем вина и ты расскажешь мне какую-нибудь интересную историю.

Хан, поев и выпив много вина, в самом веселом расположении духа растянулся на тахте, приготовившись слушать своего приближенного.

— Слушай, о повелитель! Жил-был один богатый именитый купец,— начал Довуд свой рассказ.— Он часто отлучался из дому на два-три года, водил свои караваны, груженные богатыми товарами, в разные страны.

Однажды прежде чем отправиться в долгое путешествие, купец подошел к своим четырем женам и многочисленным домочадцам, чтобы узнать у каждого, кому какой подарок привезти из чужедальных стран.

В спальне купца висела золотая клетка, а в ней жила красивая пестрая индийская птица-попугай, которая умела петь и говорить по-человечьи. Он и ее спросил, какой подарок привезти ей.

Птица жалобно посмотрела на своего хозяина, потом негромко промолвила:

— Благодарю тебя, о господин, мне подарок не нужен. Если хочешь исполнить мое желание, прошу тебя об одном: в Индостане среди моря есть маленький островок. Называется он «Остров роз». Это — моя родина. Там живет мой брат. Передай ему от меня поклон и скажи, что я жива, здорова, живу в золотой клетке.

— Хорошо, птишка,— сказал купец,— если доберусь туда, непременно исполню твое желание.

С того дня прошло более двух лет. Вернулся купец благополучно, выгодно продав свои товары, раздал всем обещанные подарки, а птице не сказал ничего. Она молчала день, другой, наконец, не выдержала, спросила купца:

— О господин, который уже день, как ты вернулся из странствования, а меня почему-то стараешься избегать, ничего не говоришь мне? Был ли ты на том острове? Удалось ли тебе увидеть там моего брата?

— Не хотел я огорчать тебя, моя павунья, — скорбно вздохнул купец.— Был я на «Острове роз», видел твоего брата, но как только я передал ему то, что ты просила, он тут же замертво упал с дерева.

Услышав это, птица в клетке издала жалобный крик и тоже испустила дух. Удивленный и опечаленный купец открыл клетку. Увидев, что птица мертва, он пожалел ее, но делать нечего— выбросил в сад.

А сад у купца был прекрасный. Как только он выбросил птицу, на его глазах произошло чудо: птица вдруг ожила и, взмахнув крыльями, взлетела на самую высокую ветку ближайшего дерева.

— О птица, что все это значит?— недоуменно воскликнул изумленный купец.— Зачем ты так поступила? Вернись обратно в свою клетку. Я привык на заре и в полночь слушать твое веселое пение. Без тебя я буду скучать.

А птица ему сказала в ответ:

— Я знала, что ты меня не выпустишь из клетки. А для птицы живая ветка дороже и милее золотой клетки. Оттого, что тюрьму выстроишь из золота и серебра, она разве перестанет быть тюрьмой? Мне природа дала крылья, чтобы я могла летать на свободе под ясным небом, купаться в лучах солнца; сердце, чтобы наслаждаться жизнью, любовью. Но разве тебе есть дело до всего этого? Для тебя я только игрушка, забава — не больше. А ведь я, хоть и маленькая птица, но тоже живое существо, рождена для радости, счастья... Брат мой, которого ты видел на острове, не умер. Он только притворился мертвым, чтобы ты потом об этом рассказал мне. Я поняла его и тоже притворилась мертвой, чтобы ты выбросил меня. Теперь прощай, но знай, что птица, вку-

сившая сладость свободы, никогда не захочет вернуться в неволю.

С этими словами она расправила крылья и, счастливо запев, улетела.

Хану очень понравилась сказка. Он долго смеялся над одуроченным купцом.

— А смотри-ка, махонькая птичка-невеличка околпачила много видевшего и много знающего купца, — весело хохоча, проговорил хан. Затем, обращаясь к своему приближенному, сказал:— А тебе, мой Довуд, за такую чудную сказку я завтра прикажу выдать новую черкеску с золотыми газырями.

СОН

Отяжелев от обильного ужина и выпитого вина, хан, как только ушел Довуд, сразу уснул.

Под утро ему приснился странный сон.

В ауле свадьба. Слышны веселые пронзительные звуки зурны и барабана. Хан один в своей опочивальне. Кто-то снаружи толкает дверь, и к нему впускают Шушен в подвенечном платье. Хан, обуреваемый страстью, подходит к ней, дрожащими руками сбрасывает вуаль с ее лица и, пораженный необыкновенной красотой девушки, говорит с волнением:

— Твоя красота выше всяких похвал, моя пери! Отныне ты будешь для меня самой желанной из всех моих жен и наложниц в гареме.

Хан, точно в лихорадке, срывает с девушки одежду и порывисто обнимает ее, обнаженную, прекрасную. Но на глазах изумленного хана девушка вдруг превращается в яркую пеструю птицу, которая с шумом выпархивает из его объятий. Она подлетает к окну, сильным ударом крыла открывает его и стрелой устремляется в небо навстречу утренней заре.

Хан просыпается весь в поту, сам не свой. Едва придя в себя, он отправляет в аул двух нукеров, чтобы немедленно доставили к нему Шушен.

Дворец хана, окруженный высокой стеной с башнями и бойницами, стоял на вершине утеса. От него до аула, где жил Довуд с семьей, было полчаса езды верхом. Но не прошло и часу, как нукеры примчались назад без девушки, растерянные и взволнованные.

— О повелитель!— падая ниц перед ханом, закричали они.— В ауле нет ни одной живой души, точно всех его жителей от мала до велика проглотила земля!

Тревожная догадка, как огненная стрела, прожгла сердце хана. Он сейчас с неумолимой ясностью понял, к чему его приближенный вчера рассказывал историю про купца и его птицу. Да еще он, глупец, смеялся от души над одураченным купцом, обещал за сказку, которая ему так понравилась, подарить этой хитрой лисе новую черкеску с золотыми газырями..

— Ты обманул меня, старый пес, как та птица в клетке своего хозяина-купца, и ушел из-под моей власти!— закричал он в бешенстве.— Но я найду вас всех, даже под землей, и месть моя будет страшна. Ты — не птица, Довуд, а я — не купец!.

СОВЕТ АКСАКАЛОВ

На другой день после того, как Довуд поклялся избавить Джумшуда и его невесту от грозящего им бесчестия и гибели, он тайне от хана и его нукеров созвал в своем доме совет аксакалов, среди которых были таты и табасаранцы.

— Почтенные аксакалы!— обратился к ним Довуд.— Мы жители этого аула, люди разных народностей, но представляем один джамаат. Веками живем вместе, ходим по одной земле, под одним небом, дышим одним воздухом. У нас одни и те же обычаи, одни и те же радости и горести. И прах наших предков покоится в одной земле, и дети наши растут и мужают вместе. Одно и то же иго давит нас. Хан-злодей угнетает и грабит нас одинаково жестоко и безжалостно. До каких пор мы будем терпеть это и молчать?..

— Все то, что ты говоришь, о везир, верно,— сказали в один голос старейшины аула,— но власть хана сильна, у него вооруженные нукеры, злые, как цепные псы. Попробуй пойти наперекор его воле — они сразу расправятся с нами. Против хана и его нукеров мы бессильны.

— Нам надо уйти отсюда туда, где не простирается власть хана, где не достанут нас его нукеры, — горячо убеждал Довуд.— Далеко отсюда, на равнине, в поймах рек Самура и Григоринчая, среди девственных лесов лежит немало хороших и свободных земель. Уйдем тайком от хана и его кровожадных нукеров. Начнем новую жизнь..

Нелегко было жителям аула согласиться на то, что предлагал им Довуд: оставить свои дома, насиженные места, поля, политые их потом. Но еще труднее, невыносимее было для них ханское иго.

И вот в тот вечер, когда Довуд развлекал пьяного хана сказкой о купце и птице, население аула, погрузив все свои вещи на арбы, завязав морды животным, в строгой тишине покинуло аул.

Когда Довуд вышел от хана, стояла глубокая ночь. Небо было ясным, чистым, синим. Оттуда, точно бесконечное множество глаз, изумленно глядели на землю, где живут неразумные люди, далекие звезды.

Раньше Довуд, возвращаясь за полночь от хана, любил прислушиваться к бойкой переключке петухов, раздававшейся с разных концов погруженного в глубокий сон аула, встревоженному лаю собак, тонкому плачу проснувшегося в люльке ребенка. А сейчас его аул, где он родился, вырос и состарился, где покоится прах его предков, где каждая тропинка, каждый камень до боли знакомы и дороги его сердцу,— был пуст, как разоренное гнездо. Над ним, словно над кладбищем, висит гнетущая могильная тишина.

Склонив голову на грудь, со слезами на глазах в последний раз медленно ехал Довуд по узким, кривым и пустынным улицам родного аула, мысленно прощаясь с ним. Потом, очнувшись от своих тяжелых дум, пришпорил коня и во весь опор помчался вслед за беглецами.

БОЙ ВО ВРЕМЯ СВАДЬБЫ

Долго шли люди в поисках новой свободной земли, подальше от ханской неволи, пробираясь в густых диких, незнакомых лесах. Никто не роптал, не жаловался на тяготы и лишения. Неистребимое желание жить свободными, без ханского гнета и его злых нукеров придавало им бодрость и силу.

Наконец, они нашли среди обширных лесов на берегу реки Григоринчая подходящее место для поселения. Земля здесь была щедрая, леса богаты дичью, река изобиловала рыбой. Люди основали селение, обнесли его защитной стеной и назвали «Довудкалой» в честь своего предводителя.

Прошел год, как беглецы обосновались на новом месте. Был снят с полей первый урожай. Вскоре после этого в селе справили первую свадьбу—свадьбу Джумшуда и Шушен. Это было одновременно и общим праздником всех односельчан — годовщиной освобождения от ханского ига. Три дня и три ночи вольные люди на всьольной земле, мужчины и женщины, парни и девушки под звуки зурны и барабана веселились, пели, танцевали, бурно выражали свою радость. Но на третий, последний день всеобщего торжества, в разгар веселья, словно гром среди ясного неба, на селение обрушилась ханская дружина, вооруженная копьями и мечами. Целый год люди хана искали беглецов и, наконец, попали на их след.

— Братья!— крикнул Довуд, обращаясь к односельчанам.— Если мы не прогоним ханских нукеров, нас вновь ожидают позор

и страдание в ханской неволе, а многих — смерть! Будем драться до последнего вздоха! Другого пути у нас нет..

Веселые звуки музыки, задушевные песни любви, радостные голоса сменили звон мечей, плач детей, крики раненых, тревожное ржание испуганных лошадей, слова проклятий. Все от мала до велика, вооруженные чем попало: кинжалами, копьями, топорами, вилами, колами, выдернутыми из заборов,— вступили в бой с ханской дружиной.

Силы были неравны. Многие сельчане сложили головы в жестоким бою. Пал с рассеченной грудью Джумшуд, который дрался, как разъяренный лев. Весь обгаренный кровью, он упал на руки своей невесты, успев только крикнуть Довуду, сражавшемуся во главе своих односельчан:

— Отец! Бейтесь на смерть! Берегите Шушен!..

Немало и ханских нукеров было убито в ожесточенной схватке. Но они все еще были сильны. Хорошо вооруженные, обученные военному ремеслу, привыкшие к насилию, грабежу и жестокости, нукеры точно свирепая стая бешеных волков бросались с мечами и копьями на беглецов, стойко и мужественно защищавших свою свободу, честь и жизнь. И вот, когда победа стала клониться на сторону ханских карателей, обессиленные и обескровленные жители едва могли сопротивляться, вдруг между сражавшимися пронеслась, словно видение, девушка в черном платье с развевающимися черными волосами, верхом на черном коне. Лицо ее было гневно и прекрасно. В руках молнией сверкал меч. То была невеста Джумшуда — Шушен. Великая любовь и беспредельная ненависть придали ей невиданную храбрость и бесстрашие. Она неслась навстречу врагам, подобно грозовой туче, гонимой ураганом, выкрикивая имя своего возлюбленного:

— Джу-у-ум-шу-у-уд!!!

Крик ее могучим эхом прокатился по лесам и полям, со сто-кратной силой повторяя его.

Увидев девушку, оглушенные ее нечеловеческим криком, суеверные ханские нукеры остолбенели от ужаса. Она показалась им черным ангелом смерти — Азранлом, сошедшим с неба в образе прекрасной девушки, чтобы покарать их за кровь и слезы невинных людей. Обессиленные, потерявшие было надежду на спасение, беглецы вновь воспрянули духом, с новой яростью и отвагой вступили в бой и прогнали ненавистных ханских псов...

Шушен недолго пережила смерть своего жениха. Дни и ночи она проводила на его могиле. Горе и слезы скоро иссушили ее, превратили в каменную статую безутешно скорбящей девушки на могиле своего возлюбленного. Говорят, много-много лет, пока могила не сравнялась с землей и не заросла травой и кустарником, стояла эта каменная девушка. Такой видели ее днем. А в тревож-

ные грозовые ночи перед рассветом каменная девушка возвращалась к своему первоначальному образу. Одета в черное платье, с развевающимися длинными черными волосами, с лицом гневным и прекрасным, сжимая в руке меч, как вихрь, она неслась на черном коне, выкрикивая имя своего возлюбленного, повторяемое эхом. Да и сейчас, спустя столетия, все еще встречаются люди, которые говорят, что видели своими глазами, как ночью перед рассветом, словно стрела, спущенная с тетивы, неслась девушка на черном коне среди старых развалин, где происходило жестокое сражение, в котором погиб ее жених.

Вскоре после позорного бегства ханских нукеров оставшиеся в живых люди во главе с Довудом, опасаясь нового нашествия ханской дружины, перешли реку, спустились дальше вниз и основали среди дремучих лесов и глухих оврагов новое селение и назвали его «Нуьге дигь»

Вот так возникло наше селение.

«ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ИСТОРИЯ...»

Встретил я недавно своего друга Салара, механика авторемонтного завода. Последний раз я его видел месяц с лишним назад перед моим отъездом в санаторий. На днях я узнал, что он получил секцию из трех комнат со всеми удобствами в новом доме и сразу же представил себе радость друга и его семьи, которая долгое время ютилась в одной комнате... Но против моего ожидания Салар почему-то выглядел весьма озабоченным и мрачным, он весь был какой-то взвинченный. Мне показалось, что за время, что я его не видел, он даже несколько постарел, похудел. На мое приветствие и поздравление с новосельем, Салар ответил вяло, без всякого воодушевления, словно ему это было не по душе. Я невольно насторожился.

— Салар, дорогой, скажи честно: что-нибудь случилось?

— Нет, все в порядке, — угрюмо буркнул Салар в ответ.

Но я чувствовал: его что-то гнетет, а он скрывает.

С минуту мы шли молча. Салар шел, опустив голову, задумавшись. Потом он поднял серые, грустные глаза и, взяв меня за руку, спросил:

— Ну, ладно, у тебя есть время?

— Да, я никуда не спешу.

— В таком случае, давай посидим вот тут, — указал он глазами на рядом стоявшую скамейку в сквере, — и я тебе все расскажу. Мы сели. Погода стояла осенняя, пасмурная, под стать наст-

роению моего друга. Салар вынул из кармана портсигар, угостил меня сигаретой и закурил сам, потом, словно забывшись, долго смотрел куда-то перед собой. Я осторожно тронул его за руку.

— Ах да, извини меня, пожалуйста,— встрепенулся он. И, словно оправдываясь, добавил:— Знаешь, все эти последние дни, и на работе, и дома я вот так: берусь что-нибудь делать, но тут же забываюсь, все думаю об этой проклятой истории. Никак она у меня не выходит из головы..

Салар сделал подряд несколько глубоких затяжек, потом, бросив окурочек, начал так:

— Неделю тому назад я получил новую квартиру. Мне незачем объяснять тебе, какая это радость для нас — сам знаешь... На следующий же день после того, как мы заселились — это было в субботу — кто-то робко постучался к нам в дверь. Открываю, смотрю, в подъезде стоит незнакомый мне человек, какой-то высокий, плечистый паренё. На нем замасленная кожаная тужурка, сапоги с подвернутыми голенищами, помятая кепка, сдвинутая на затылок. С виду похож на шофера. У его ног лежит большой плоский закрытый ящик, а на ящике — огромный живой откормленный индюк — я такого индюка никогда не видел,— с завязанными ногами. Рядом с ящиком стоит большой баллон с красным вином.

— Вы к кому?— спрашиваю его.

Он, приветливо поздоровавшись, почтительно улыбается.

— К вам,— уверенно отвечает он с той же почтительной улыбкой.— Мне приказали, чтобы я все это,— он с деланной небрежностью указал на привезенные вещи, как бы желая подчеркнуть, что ничего, мол, особенного здесь нет,— доставил вам.

Выслушав его, я очень удивился и стал объяснять ему, что он наверняка ошибся, спутал меня с кем-нибудь другим.

— Нет, нет, что вы!— вежливо запротестовал незнакомец.— Именно вам велели доставить.

— А ты не спросил у него, кто прислал тебе эти подарки?— перебил я Салара, заранее догадываясь, что «проклятая история», которая вывела из равновесия моего друга и о которой он собирается рассказать мне, по всей вероятности, связана с ними.

— Как не спрашивал?! Спрашивал,— словно удивленный и даже немного обиженный моим вопросом, воскликнул Салар.— Говорит: «Узнаете потом, сам «хозяин» напишет вам». Он так и сказал— «хозяин».

И не дав мне опомниться, шофер легко поднял двухпудовый ящик и без моего разрешения занес на кухню. Туда же он перенес баллон и индюшку.

Как только неизвестный мне шофер неизвестного «хозяина» ушел, на кухню с шумом вбежали мои дети. Когда я на их гла-

зах открыл ящик и они увидели аккуратно сложенные в нем виноградные кисти с чуть сморщившимися желтыми ягодками, радостно запрыгали. Я каждому из них дал по кисти винограда и отправил назад. Вскоре вернулась жена — ее не было дома, когда приходил шофер. Дети, сразу обступив мать и размахивая перед нею гроздьями, сообщили о подарках.

Жена тоже, скажу тебе, была удивлена этому не меньше, чем я. Она смотрела на меня, я на нее, как бы стараясь с помощью друг друга угадать, кто мог бы сделать нам такой неожиданный сюрприз. Мы перебирали в памяти всех наших родственников, но среди них не находили ни одного, кто мог бы в один раз послать нам в ноябре целый ящик винограда, большой баллон вина и такого откормленного индюка. Да и родственников как у меня, так и у жены, раз-два и обчелся. Ты же знаешь — мы оба сироты, детдомовцы, у меня и у жены отцы погибли на фронте, а матери умерли от голода во время войны, когда мы еще были детьми.

— Не надо было принимать подарки, коли не знаешь от кого они, кого надо благодарить за это,— говорит мне жена почти с упрехом.

По ее голосу я чувствую, что она скорее огорчена, чем обрадована. В душе я, конечно, был согласен с ней, но уже ничего не мог исправить. Чтобы как-нибудь успокоить ее, а заодно и себя, я принялся уверять жену в том, что это прислал кто-то из наших друзей, желая на новоселье сделать нам приятный сюрприз.

Жена, наконец, как будто поверила этому. А через час, между нами говоря, мы были даже довольны подарку и решили на следующий день пригласить самых близких наших друзей и устроить небольшой пир. Ты тогда находился в санатории. И хорошо, что тебя не было...

Салар глубоко вздохнул. И сердито нахмутив брови, беспокойно заерзал на скамейке и опять полез в карман за портсигаром.

— На следующий день— заговорил опять мой собеседник, держа между пальцами дымящуюся папиросу,— пришли мои гости. Жена, радостно возбужденная, приветливая, счастливая быстро накрыла на стол, налила полные графины вина, подала соус, горячий плов с жареным индюком. Только подняли первые бокалы, чтобы произнести тост, по радио, точно по нашей заявке, запели застольную песню «Налейте бокалы!..» Это еще больше подняло общее настроение за столом. Но вот в разгар песни, точно гром с ясного неба, кто-то громко и нетерпеливо стал барабанил нам в дверь, заглушая музыку. Пораженные, с застывшими бокалами в руках, все невольно повернули головы в сторону двери. Я бегом выскочил в коридор, поспешно открыл дверь. Смотрю, на пороге стоит тот самый шофер, и как будто не тот. Рожа злая, красная, вызывающая. Он окинул меня свирепым взглядом, точно

своего заклятого врага, виноватого перед ним бог знает в чем, закричал сердито и требовательно:

— Где ящик с виноградом?! Где баллон с вином?! Где индюк?!

Я обмер, ноги у меня подкосились. Не дожидаясь ни моего приглашения, ни моего ответа, он, громыхая сапогами, устремился на кухню. А я, точно во сне, поплелся за ним. Шофер, не найдя там ничего, что оставил вчера, заговорил с отчаянием и злостью в голосе.

— Понимаешь, произошла ошибка, досадная ошибка. То, что я вчера привез, наш директор совхоза велел отнести одному начальнику, который оказывает ему услуги. Но я, дурак, перепутал номер дома. Теперь хозяин съест меня с потрохами.— Он с досадой шлепнул себя по широкому плоскому лбу, а потом, бросив сердитый, возмущенный взгляд на сковороду, стоящую на плите с остатками индюшки, и, кривя губы в злой усмешке, громко добавил: — А ты, — он уже не называл меня на «вы», — а ты вместе со своими гостями, конечно, постарался поскорее сожрать, выпить все, что я привез. Ведь на чужое, дармовое аппетит всегда хороший!..

Я думал, сойду с ума. Радио перестало петь, и гости, конечно, все слышали, тем более от расстройства и растерянности таким неожиданным оборотом, я забыл закрыть дверь в комнату, где они сидели. Вне себя от негодования и возмущения, потеряв над собой власть, я вплотную приблизился к нему и потребовал, чтобы он немедленно сгинул отсюда. А этот нахал, поспешно, пятясь назад, стал еще угрожать мне:

— Ну, ну, папаша! Тихо!...— крикнул он на меня и, подняв сжатый кулак, угрожающе добавил:— Не то!..

Жена и дети с криком вбежали в коридор, а вслед за ними и гости. Шофер, с шумом захлопнув за собой дверь, удалился, и все они, видя, в каком я возбужденном состоянии, принялись меня успокаивать.

Веришь ли, я никогда не плакал, по крайней мере не помню такого случая, хотя обид и горестей выпало на мою долю столько, сколько хватило бы на десятерых. Но сейчас от незаслуженной обиды и бессильной ярости, от того, что мне так было стыдно перед моими гостями, у меня комок подкатил к горлу, и я с трудом сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Настроение у всех было испорчено. Очень скоро гости, каждый сославшись на какую-нибудь уважительную причину, ушли один за другим, почти не отведав ни вина, ни плова, ни винограда. После их ухода мы с женой долго сидели одни за пустующим накрытым столом, молчаливые, подавленные, словно после похорон. Потом я разом встал, схватил баллон, вынес его на кухню

и вылил все вино в раковину. А ящик с виноградом стнес в общежитие школы-интерната, которое находится недалеко от нашего дома. Ребятам я сказал, что виноград прислали им в подарок рабочие совхоза...

С тех пор прошло больше недели, а я, как видишь, никак не могу успокоиться, прийти в себя... — закончил такими словами свой печальный рассказ об этой... «проклятой истории» мой друг Салар.

«НЕВЕЗУЧИЙ»

Что бы там не говорили, я верю в судьбу. Правильно говорят: что у тебя написано на роду, то и будет. Иначе, как изволите объяснить то, что один цветет и пахнет, жизнь для него, что называется, разлили малина, сплошное везение, на другого посмотришь, хоть и не такой, о котором можно сказать: «родился в рубашке», — но все-таки наполовину счастлив. А вот я, прямо скажу, родился под несчастливой звездой. У меня в жизни одни обиды, неприятности и неудачи. Вот взять хотя бы недавнее происшествие со мной. А чтобы вы поняли, о чем идет речь, придется рассказать все по порядку.

..У меня, как и у многих других в нашем городе, есть дача. Пока я сажал чубуки и деревца, занимался ее оборудованием, примерно этак года три-четыре, я вел, можно сказать, более-менее спокойную жизнь. Но с тех пор, как начал собирать виноград и давить вино, дача стала для меня сущим наказанием, божьей карой. Кому-то с пьяных глаз понравилось мое вино, и пошел слух среди моих сослуживцев (работаю я помощником бухгалтера на ремонтном заводе), что у Гадаша (то есть у меня) не вино, а вроде райский напиток «зем-зем».

И это сразу обеспечило мне «популярность», привлекло повышенное внимание и интерес к моей скромной личности, особенно тех, кто понимает «толк» в хорошем вине, но кто раньше меня просто не замечал: ни тебе «салам алейкум», ни тебе «алейкум ассалам». Теперь от них, жаждущих испробовать моего «зем-зема», нет жизни, хоть караул кричи! Нередко они шумной компанией и без всякого предупреждения вторгаются ко мне домой среди ночи, порядочно нахлеставшись в ресторане или где-то.

— Эй-й-й, Гада-аш! Подавай сюда свой «зем-зем», хе-хе! — еще с порога кричат они хмельными голосами, будто пришли не в чужой дом, где все давно улеглись спать, а извините, в ночной кабак.

Я встаю (что делать!), бужу жену, велю ей подавать на стол вино и закуски. Не выгонишь же из дому!

Коли пришли, свалились как снег на голову, так и пейте уж сами, меня не трогайте. Нет, они и меня заставляют, принуждают.

А я человек нездоровый, слабый. От долголетней сидячей работы я, извините, страдаю геморроем, у меня больная печень, постоянно мучит изжога. Да и сон у меня очень чуткий, куриный. Стоит, например, моему соседу у себя через тонкую стену, разделяющие наши квартиры, громко храпнуть или чихнуть, я тут же вздрагиваю, как от выстрела, и уже не могу уснуть до утра.

— Ты, дорогой Гадаш, если рад нашему приходу, должен выпить с нами этот бокал.— Очень часто с такого провозглашения начинается тост за столом.

Чтобы мои гости, не дай бог, не подумали, что я не рад их приходу, я с принужденной улыбкой «бодро» чокаюсь с их дружно протянутыми в мою сторону бокалами. За тостом, как это водится, следуют другие.

— Ты, дорогой Гадаш, настоящий мужчина! А настоящие мужчины пьют до дна!

Я человек с намусом, горжусь своей принадлежностью к мужскому полу. Не хочу да и не позволю, чтобы обо мне говорили, что я — не настоящий мужчина. Пусть лучше лопнет моя больная печень, изжога, как огонь, прожжет все мои внутренности, чем я дам повод кому-нибудь подумать обо мне такое. Но говорить гостям: «Друзья, любезные, если достоинство мужчины определялось бы его способностью поглощать винно-водочные изделия, то самый заядлый пьяница и забулдыга сошел бы за самого «настоящего мужчину», — неудобно да и бесполезно. Поэтому я пью и этот бокал.

— Ну, дорогой Гадаш, пусть в твоём доме будет столько горя, слез, болезней и смертей, сколько капель вина останется в твоём и наших бокалах!.

Не скрою, я немного суеверен. Это осталось у меня ещё с детства. Покойные мои родители были людьми верующими и суеверными. Когда, например, по дороге мне встречаются две женщины, я никогда не решаюсь пройти между ними — вроде это дурная примета. Я обхожу их стороной, как норовистого коня со стороны хвоста, чтобы он вдруг не лягнул. И чтобы моя семья, мои дети, упаси бог, миновали все эти беды, напасти, которые призывает на их головы мой пьяный сослуживец, я, собравшись с духом, до последней капли втягиваю в себя все содержимое бокала.

— Дорогой Гадаш, пусть не пьёт с нами тот, кто не любит нас!..

И человек, который произносит этот тост, здоровенный детина, наш крановщик, повелительно и почти угрожающе, точно сердитый, буйный бык, косится глазом на мой стакан.

И я пью, в который раз, чтобы не подумали, что я не люблю их. Но эта «любовь» очень часто после ухода таких гостей кончается для меня катастрофой. А не на шутку перепуганной и

взволнованной жене приходится будить кого-нибудь из соседей, у кого есть телефон, и со слезами в голосе просить, чтобы срочно вызвали «скорую».

— Продай дачу!— пристаёт ко мне каждый раз жена, как только я начинаю приходить немного в себя после очередного приступа печени. — Ни к чему она нам. Загубишь себя, изведешь меня, дети наши останутся сиротами...

А знакомый, старый, но добрый и чудоковатый врач из «скорой помощи», вытаскивая шприц из моего бедра, тоже каждый раз в свою очередь грозит мне:

— Сколько раз я предупреждал вас, уважаемый Гадаш, воздержитесь от чрезмерного употребления алкоголя, возьмите себя в руки, иначе будем вынуждены насильно водворить вас в больницу, как, извините, неисправимого пьяницу.

Конечно, в моем положении лучше бы расстаться с дачей, но.. не могу. Дача стала для меня вроде как несчастная любовь, которую проклинаешь, но с которой не можешь расстаться. Да и шутка ли сказать: каждое деревце, каждый кустик здесь высажен и взлелеян моими руками. И когда я бываю на даче, моя душа молодеет, радуется. Я испытываю такое удивительное чувство, которое трудно передать словами: будто каждое дерево, каждый кустик знает и любит меня как родного и, словно малые дети, ждут ласкового прикосновения моих рук, моего внимания, ведут со мной немой разговор, понятный только нам. Но поскольку жена этого не понимает, мое упорное нежелание распрощаться с дачей начинает истолковывать по-своему.

Дело в том, что соседка моя по даче—одинокая добрая женщина — вдова моих лет. И как добрые соседи мы нередко встречаемся (не прятаться же нам друг от друга), иногда вместе хабарничаем, оказываем различные мелкие услуги друг другу. Жена же моя вбила себе в голову, что именно из-за нее я не хочу расстаться с дачей. И я теперь как между молотом и наковальней: с одной стороны, меня продолжают донимать назойливые поклонники моего злополучного «зем-зема», а с другой — жена своей глупой ревностью. Раньше, когда горец ревновал, точил кинжал, а когда жена ревновала, точила язык. Клянусь вам, он острее любого кинжала, если даже этот кинжал сделан из прославленной кубачинской стали. И не дай вам бог попасть под его удары — жизни рад не будешь.

И вот, во избежание семейных скандалов, я теперь не отваживаюсь идти на дачу один, без жены, если даже на даче у меня все идет прахом. Она сопровождает меня туда и обратно, как все равно конвоир безоружного пленного или арестованного. Это, конечно, меня очень возмущает, оскорбляет. Но опять: что делать?! Не разводиться же мне из-за этого с женой, будь она неладна!

Говорят, в неудачника и палка стреляет, а у невезучего и лошадь в хлеву становится ослом. Так и у меня.

И вот однажды утром приезжаю на дачу (на этот раз без жены — у нее волдырь на языке), смотрю и глазами своим не верю: группа молодых людей с лопатами в руке без зазрения совести вырывают с корнем кусты в моем винограднике. Я вне себя от ярости, кидаюсь на них с поднятыми кулаками, кричу:

— Да что вы делаете, разбойники?!

— Полегче на поворотах, гражданин! Мы не разбойники, а студенты — практиканты! — отвечает мне недовольным начальственным баском один из них, высокий, в дорогой коричневой дубленке, блестящей ондатровой шапке и, несмотря на свой юный возраст такой важный и самоуверенный, наверно, старший группы. Я глядя на него, невольно подумал, что если он не натворит чего-нибудь из ряда вон выходящего, то далеко пойдет, тем более, если у него еще за спиной стоит папаша из числа «уважаемых» людей...

— Плевать!!! — продолжая кипеть от негодования, как котел на сильном огне, ору я на них не своим голосом. — Мне какое дело, кто вы!

— Мы должны узнать, не болеют ли ваши кусты филлоксерой, — тем же недовольным сердитым тоном отвечает высокий.

— А это что за черт?! — на этот раз больше удивленный, чем возмущенный, спрашиваю у него.

— Филлоксера? Это, дядя — чума, виноградная чума, — отвечает теперь другой, какой-то белобрысый, тощий, очень скромно одетый парнишка с мигающими близорукими глазами, оттопыренными, как листья лопуха, большими ушами.

По правде говоря, до сих пор я, грешным делом, думал, что чумой могут болеть только человек или курица, хотя между ними — существенная разница. Но о том, что виноградная лоза — неодушевленный предмет может тоже схватить эту заразу, я слышал сейчас впервые, чему, конечно, был немало удивлен.

— Сынки мои, — сразу смягчив тон, с беспокойством говорю студентам-практикантам. — Если, допустим, человек заболел чумой, его, понятно, сразу изолируют от общества и положат в больницу на лечение. Заболеет чумой курица или петух — это не такая уж беда, пойдут на суп. Но что надо делать с кустами, если они заболели, как вы говорите, этой самой филлоксерой, пропади она пропадом?

Их ответ, точно гром поразил меня в самое сердце: все кусты, если хоть один из них заражен этой мерзостной болезнью, должны быть выкорчеваны и уничтожены — таков приказ. Видя, что я начинаю бледнеть, белобрысый парень принялся успокаивать меня.

— Вы, дяденька, заранее не волнуйтесь. Мы эти вырванные кусты подвергнем тщательному лабораторному анализу. Если они не заражены филлоксерой, то остальные кусты не надо трогать.

Но на мою беду, виноград на моей даче, как мне сообщили из лаборатории, оказался зараженным чумой, то есть филлоксерой. И я с тяжелым сердцем был вынужден выкорчевывать все кусты до единого. А любители моего «зем-зема» на днях выпили у меня последнее вино и, узнав, что мой виноградник вырубili под корень, на второй же день потеряли ко мне всякий интерес и уважение, вроде даже рассердились на меня, вместо того, чтобы посочувствовать моей беде. И опять, как прежде: ни тебе «салам алейкум», ни тебе «калейкум ассалам».

Раз вечером, когда я, добив последний куст, возвратился домой как с похорон, жена, встречая меня, говорит, еле ворочая языком (у нее по-прежнему волдырь на языке):

— Ты знаешь, оказывается, произошла ошибка.

Я не понял, в чем дело, спрашиваю:

— Какая ошибка? О чем ты говоришь?

— Проверяющие,— говорит,— ошиблись. Они у себя в лаборатории случайно перепутали чужие кусты с нашими. Прислали письмо, извиняются, пишут...

Что говорила дальше жена, я уже не слышал. Я только помню: как земля покачнулась подо мной и все закружилось перед глазами. Очнулся я в постели. И первое, что увидел, это — лицо знакомого доктора из «скорой помощи» и двух молодых здоровых санитаров в белых халатах, которые переносили меня с кровати на носилки.

— Куда-а?— с трудом приподняв голову, еле слышно спросил я доктора.

— Надо, так надо,— печально кивая головой, мягко произнес он и тут же с укоризной добавил: — Коли вы, любезный мой, при вашем слабом здоровье и болезни не можете воздержаться от систематического употребления алкоголя...

Я жестом остановил его, чтобы сказать: то, что он сейчас обо мне думает,— ошибка, такая же ошибка, как злополучная история с филлоксерой, как ничем неоправданная ревность моей не в меру подозрительной супруги к соседке по даче, как...

Но я ничего не успел сказать доктору. Едва я снова открыл рот, как голова моя, точно у сильно опьяненного человека, вдруг пошла ходуном, и все передо мной опять закружилось, завертелось, как в вихре.

Вот почему я говорю, что верю в судьбу, и это у меня на роду написано быть невезучим...

«ШАЙТАН»

В основу рассказа положено действительное происшествие. Автор изменил лишь некоторые детали и имена лиц, причастных к нему.

С полуночи и до самого рассвета непрерывно лил дождь как из ведра, яростно гремел гром, то и дело вспыхивали молнии. Никто в ауле не выходил после полуночи из дома. Несмотря на это, на следующее же утро все жители, едва продрав глаза, уже знали о том, что случилось минувшей ночью на окраине аула, недалеко от старой мельницы. И не где-нибудь, а на узеньком шатком деревянном мостике, перекинутом через глубокий, как пропасть, глухой овраг, где и двум встречным негде разминуться.

А случилось во! что. Молодой пастух Тагир, здоровый, улыбчивый, благодушный юноша, столкнувшись ночью со своим дядей, сторожем колхозной птицефермы Якубом на этом самом мостике, принял его... За кого бы вы думали? За шайтана.

Но почему в такое время ночи, да еще в грозу и ливень дядя и племянник очутились на мосту и что им там надо было, и как могло случиться, что, оказавшись носом к носу, родной племянник не только не узнал своего дядюшку, а принял его за самого шайтана — этого пока еще никто не знал да и не мог себе представить. Поэтому каждый то всерьез, то в шутку судил, гадал по-своему. Лишь вечером после работы, когда мужчины по обыкновению собираются на досуге на очаре поговорить, похабарничать, им уже были известны все подробности этой трагикомической истории, ставшей вскоре достоянием всей округи.

Но как это ни странно на первый взгляд, из того, что рассказывали аульчане об этом удивительном происшествии, нетрудно было понять: в том, что молодой пастух напал на своего дядю, отдубасил его, приняв за шайтана, виноват, оказывается, сам же пострадавший... И вот как это произошло.

Тагир только что пригнал стадо в аул. Взяв два мешка зерна, которое мать еще накануне старательно провела и высушила на крыше сакли, на спину осла, он уже собирался было отправиться на мельницу, когда с палкой в руке, сильно прихрамывая на левую ногу, вошел к ним во двор дядя Якуб, высокий, сравнительно еще молодой мужчина, но с большой ухоженной благообразной бородой. По его озабоченному виду, по тому, как он хмурил широкие, кустистые брови, бросая вокруг нетерпеливые сердитые взгляды, стучал концом суковатой палки о землю, точно желая проткнуть ее, юноша сразу понял, что дядя чем-то расстроен и взволнован, но из деликатности не решился спросить.

Якуб прошел в угол двора, где у темного плетеного забора лежал толстый чурбан и, шумно вздыхая, тяжело опустился на него. Держа палку между колен, он несколько минут хранил суровое молчание. Нервно теребя пальцами кончик пышной бороды, дядя глядел куда-то в сторону, нарочно не замечая сейчас ни племянника, почтительно и покорно стоявшего перед ним, ни его осла, томившегося под тяжестью набитых мешков. Наконец, устремив на юношу взгляд, полный гнева и упрека, он заговорил громко и запальчиво:

— До каких пор ты, харамзаде-негодник, будешь на потеху разных зевак петь эту дурацкую песню?! Будь жив твой покойный отец, он намял бы тебе шею за это самое дело. Не пристало тебе петь эту песню — дед твой, мир его праху, сам был муэдзином!

Только сейчас юноша понял, почему дядя в таком скверном расположении духа. Он сразу вспомнил свое вчерашнее выступление в колхозном клубе на торжественном вечере по случаю возвращения чабанов с колхозными отарами с зимних пастбищ в родные горы, на альпийские пастбища. Это событие всегда отмечалось у них в ауле как большой праздник. Тагир на этом вечере пел известную народную шуточную песню «О муэдзине и молодой вдове». Песня рассказывала о том, как однажды муэдзин, взобравшись на минарет, чтобы прокричать азан*, увидел во дворе, примыкавшем к мечети, молодую, красивую, белолицую женщину-вдовушку. Та, опустившись на корточки, высоко подбрав подол цветастого платья, доила корову. Наш муэдзин, несмотря на свои почтенные годы сохранивший еще в сердце любовный жар, решил объясниться вдове в любви и назначить ей свидание. Но, чтобы люди, слушающие его, не узнали об этом, он в конце каждого предложения, обращенного к ней, которое произносил на протяжный и печальный мотив азана, искусно вплетал два-три слова из самого азана.

Сообразительная вдова в свою очередь, чтобы соседки во дворе не догадались, с кем и о чем она говорит, принялась громко петь популярную песенку «О коровушке», которую нередко поют здесь женщины во время дойки, а на самом деле отвечала на любовные излияния своего поклонника, кричавшего «азан» с минарета.

Тагир, который состоял членом художественной самодеятельности при колхозном клубе и обладал приятным голосом, не первый раз исполнял эту песню перед аульчанами. И каждый раз юноша с удовольствием замечал, что она нравится им. Ни один концерт не проходил без этой песни. Если она почему-то не оказывалась в репертуаре очередного концерта, то публика с места тре-

* Призыв к молитве.

бовательно кричала «Муэдзина и вдову!», «Муэдзина и вдову!», а самого исполнителя ее под веселый дружный смех и горячие аплодисменты вызывали «на бис»! И каждый раз во время исполнения этой песни, особенно когда зрители шумно выражали свое одобрение, Тагир, довольный и сияющий, искал глазами среди них свою любимую девушку, искусную ковровщицу, стройную, как тополек, черноглазую Гюлназ, которая не меньше, чем он, радовалась его успеху.

Но молодому пастуху было невдомек, что песня эта кое-кому не по душе. Как любой матери, которой и в голову не придет, что ее любимый ребенок может кому-то не нравиться, так и юноша-певец не мог представить себе, что из-за этой песни в ауле кое-кто его недолюбливает. Поэтому за веселыми ободряющими улыбками он не замечал хмурых, недовольных лиц некоторых аульчан, вроде его родного дяди.

— Это шайтан соблазняет тебя, толкая на грех, чтобы ты пел эту пошлую песню! — продолжал рвать и метать дядя. — Да будет тебе известно, олуху несчастному, что все беды и заблуждения человеческие еще со времен наших прародителей Адама и Хевы от него, проклятого!

Дядя на минуту замолчал, сокрушенно качая головой, а потом принялся, но уже не так громко и запальчиво, наставлять и грозить молодому пастуху: если он, поддавшись греховному соблазну, и впредь будет петь эту песню, бросающую тень на божьих слуг, то всевышний, разгневавшись на насмешника и греховодника, сурово накажет его. В одну из грозовых ночей он подойдет к нему шайтана и тот исключит и изуродует его так, что и родная мать не узнает своего сыночка.

Свою речь дядя заключил протяжным вздохом, похожим на стенание, как бы выражая этим, что он соболезнует и скорбит душой по поводу заблуждений племянника и остро переживает печальную участь, ожидающую его.

Тагир, низко опустив голову, молча слушал внушение и угрозы Якуба со смешанным чувством: ему, вчерашнему десятикласснику, комсомольцу было и смешно и грустно слышать от дяди про шайтана, а главное — как он пытается утратить его им. А Якубу вдруг показалось, что племянник молчит, потупив взор, потому что ему, слава богу, удалось наставить и вразумить его. Думая так, он почти успокоился и повеселел, с трудом пряча в бороду довольную улыбку. Даже тогда, когда молодой пастух показал на свои большие сильные руки и шутливо сказал, что он сам, как увидит шайтана, первым набросится на него и задаст ему такую трепку, чтобы тому неповадно было нападать среди ночи, точно разбойник с большой дороги, на мирного человека, дядя

нисколько не рассердился. Он, в ответ, лишь чуть усмехнувшись, тихим, отчески-наставительным тоном заметил:

— Надобно знать, сынок: шайтан, да чтоб он сгинул, существо не только злос, но и коварное. Чтобы обмануть, усыпить тебя, он может явиться в обличье кого-нибудь из твоих знакомых или близких, ну, хотя бы в моем. И ты не успеешь опомниться, а он, глядь, уже попутал тебя или изуродовал. То-то.

Только тогда, когда юноша, которому надоели дядины рассказы и нелепые угрозы, сказал твердо и решительно, что не верит в существование шайтана и всякой чертовщины, пел и будет петь эту песню, которая нравится его аульчанам, Якуб, побагровев, точно ужаленный, вскочил с места и яростно стуча палкой перед собой, произнес грозным тоном:

— Ах так?! Тогда вот что: я обещал твоей матери пойти с ней сватать дочь моего соседа бригадира Агалара. Она тебе нравится, я знаю. Но я теперь ни за что это не сделаю. Больше того, я постараюсь, чтобы ее родители и слышать не захотели о твоём сватовстве. Так тебе, впрочем, и надо, нечистив.

Якуб вдруг от чрезмерного волнения и злости поперхнулся, прервав свою речь на полуслове. Осел, стоявший позади Тагира, то и дело перебирая усталыми ногами, точно воспользовавшись наступившей паузой, глядя в сторону давившегося от приступа нервного кашля Якуба, заорал неожиданно громким, дурным протестующим голосом, словно желая сказать ему: «Хватит шуметь тут и стучать палкой, как ретивый конь копытом! Совесть есть у тебя?! Разве не видишь, как я долго стою по твоей милости под тяжелой поклажей? Да и хозяину моему неприятен твой разговор!..»

И действительно, последние слова дяди подействовали на молодого пастуха так, будто кто-то ударил его обухом по голове. Он даже переменился в лице. Но ничего не сказав в ответ, юноша демонстративно повернулся к нему спиной, подтолкнул рукой осла, поспешил на мельницу, тем более неожиданно поднялся ветер, а над темной грядой высоких гор, окружавших их аул, начали собираться черные, как сажа, грозовые тучи, предвещая непогоду.

...Время было за полночь, а Тагир, задумчивый и печальный, сидел один на мельнице у потухшего очага, глядя перед собой невидящими глазами, думая свои думы. В неуютном закопченном помещении старой мельницы, напоминавшем грубое нехитрое жилище древнего человека, легким белым облачком висела в воздухе нагретая мучная пыль, от которой першило в горле. В ушах стоял однообразный шум воды, стремительно падавшей по вертикальному желобу на деревянные лопасти мельничного колеса, грохот вращающихся тяжелых каменных жерновов и частый мо-

нотонный стук дат-дага* Мысли одна беспокойнее другой будоражили душу, вызывая тревогу. Он подозревал, что дядя, прежде чем сегодня прийти к нему со своими наставлениями и угрозами, наверное, побывал в доме отца Гюлназ и наговорил о нем бог знает что. Иначе чем объяснить то, что ее родители неожиданно отправили свою дочь в другой аул, скрыв от него отъезд девушки. Уже больше недели ее нет в ауле. Вчера, когда он пел в клубе, все время искал глазами Гюлназ, каждую минуту с волнением ждал, думал: вот-вот она появится. Гюлназ ~~никогда~~ не пропускала ни одного выступления с участием Тагира.

Теперь между загадочным отъездом любимой девушки и угрозами дяди встревоженное воображение юноши усматривало определенную связь: наверно, родители нарочно отправили свою дочь в другой аул и, надо думать, надолго, против ее воли, чтобы он не смог видаться с ней.

Из этих тягостных раздумий вывели молодого пастуха оглушительные раскаты грома и шест внезапно обрушившегося на землю ливня. Еще вечером старик-мельник, уходя домой, предупредил Тагира о том, что погода начинает портиться, собирается гроза. Если ночью пойдет сильный дождь, то пусть Тагир обязательно поднимется вверх к каналу, приподнимет в нем задвижку, чтобы поддерживать нормальный уровень воды в желобе.

Как только Тагир вышел наружу, в лицо ему хлестнул косой дождь с ветром. По земле стекали невидимые ручейки, а вокруг была разлита такая непроницаемая мгла, что он шел почти ошупью по мокрой, скользкой тропе. В двадцати-тридцати шагах от мельницы она обрывалась у глубокого оврага, по дну которого, заглушая шуршание дождя, сейчас с шумом неслась вздувшаяся речка, а над самым оврагом висел узенький деревянный мост, прикрытый сверху тоненьким слоем земли.

Едва Тагир приблизился к мосту, как огненные всполохи, сопровождаемые грозовыми раскатами, зажгли ослепительным светом почти полнеба и на мгновение ярко осветили фигуру дяди, медленно и осторожно семенившего по мосту. Якуб, обеспокоенный усилением дождя и грозой, спускался в это время в ложину за своим осликом, которого еще вчера вечером пустил пастись на всю ночь на вольной траве.

Дядя тоже заметил идущего навстречу племянника. И он, точно между ними ничего не было, крикнул ему на ходу:

— Эй Тагир! Ты случаем моего осла не видал там, в низине?!

Тагир промолчал. Но в эту самую минуту, когда он услышал голос дяди, какой-то внезапный внутренний толчок, неподвластный его воле, заставил его убыстрить шаг и скорее ступить на

* Специальная палочка, которая регулирует подачу зерна из бункера.

мостик, пока тот не перешел его. И как только Тагир приблизился к Якубу вплотную, он в мгновение ока вырвал палку из рук дяди и в сердцах огрел его по плечу.

— Да-а что ты делаешь, разбойник?!— завопил Якуб, изумленный и возмущенный таким приемом, едва удерживаясь на ногах.— Я же твой дядя!

— Нет, ты — шайтан в обличье моего дяди!..— закричал разгневанный Тагир, подкрепив свои слова еще одним увесистым ударом.

Якуба охватил великий страх, тем более все это происходило на середине узкого шаткого мостика, поминутно вздрагивавшего под ногами и напоминавшего канат, протянутый через пропасть, где сейчас было очень легко и опасно оступиться, поскользнуться. Поэтому, несмотря на дождь, непогоду, его прошиб пот, ноги задрожали. Как Якуб ни кричал, ни уверял пастуха, что он не шайтан, а дядя его, тот, казалось, ничего не слышал, не снимал, а удары, один, чувствительнее другого, так и сыпались на него. И дядя, точно забыв зачем он шел сюда среди ночи в такую погоду, что он хром и притом без палки, избитый, оглушаемый громом, ослепляемый молнией, промокший весь до костей, бросился бежать с быстротой лани от этого страшного места, от взбесившегося племянника, которого он сейчас в душе и проклинал и жалел одновременно, думая, что бедняга и впрямь сошел с ума.

ПРУЖИНЫ ЛЮБВИ

Иоганн Курт сидел с полузакрытыми глазами, откинувшись на мягкую спинку кресла, когда в коридоре прозвенел звонок. Он сразу встал и, на ходу поправляя галстук, поспешно направился к двери. Но, увидев перед собой незнакомую худую женщину с пятнами на усталом лице и огромным животом, очень удивился. Та, с трудом переводя дыхание, посмотрела на Иоганна с мягкой, чуть грустной улыбкой и еле слышно поздоровалась. Удивление на лице Иоганна внезапно сменилось выражением глубокого сочувствия, готовностью прийти сейчас же на помощь.

— Пройдите, пожалуйста, в комнату, я сейчас...— с ласковой учтивостью торопливо проговорил он, пропуская ее вперед.

Он был уверен в том, что беременная женщина шла по своим делам, но вдруг у нее начались схватки и она зашла в первый попавшийся дом, чтобы ей срочно вызвали машину и доставили в родильный дом. Поэтому едва незнакомка успела сесть в кресло, Иоганн быстро подошел к телефону, снял трубку. Но прежде чем набрать нужный номер, он обернулся к ней, ласково проговорил:

— Не волнуйтесь, милая фрау, все будет хорошо... Я сейчас вызову машину, и она повезет вас прямо в больницу, то есть.

— Не надо! — прервав Иоганна, протестующе замахала рукой женщина. — Я не за тем пришла... — И в голосе ее почему-то послышались недовольные нотки.

Иоганн, озадаченный и сконфуженный, медленно положил трубку, подошел к гостье и, опустившись напротив нее в кресло, вежливо, но холодно спросил:

— В таком случае, не скажите ли мне, чем обязан?

Гостья, не спеша открыла сумочку, которую держала на коленях, достала из нее вчетверо сложенную газетную страницу и протянула хозяину дома.

— Это ваше объявление в газете? Я его отметила красным карандашом.

Хотя Курт знал назубок каждое слово этого короткого объявления не хуже, чем молитву «Отче наш...», которую твердил ежедневно, он еще раз пробежал его глазами. «Иоганн Курт, — говорилось в нем, — 40 лет, рост 1 м. 70 см., шатен, владелец небольшого галантерейного магазина, ищет себе подругу жизни в возрасте от 25 до 35 лет, блондинку, обладающую ровным, спокойным характером и небольшим капиталом. Ребенок — не помеха. Можно ежедневно обращаться по адресу:...»

Иоганн вернул газету женщине. Их взгляды встретились, и они теперь поняв друг друга, молча улыбнулись.

— Прошу прощения, фрау, как вас зовут?

— Эльфрида.*

— О, чудесное имя! — повеселевшим голосом негромко воскликнул он.

Поглаживая лысую макушку, Курт принялся с нескрываемым интересом разглядывать невесту.

— От вас, на самом деле, веет миром, этаким спокойствием, добротой. А я человек по натуре очень добрый, миролюбивый... — Он приятно улыбнулся и сразу же сделал признание: — Вы мне определенно подходите, не знаю, как я вам...

— О что вы, что вы, — закудаhtала обрадованная невеста, с откровенной симпатией глядя на владельца галантерейного магазина. — Вы, господин Курт, интересный мужчина.

Курт был польщен. Подвинувшись ближе к Эльфриде, он заговорил интимным голосом, бросая почтительные взгляды на ее живот и слегка касаясь рукой ее колена.

— Ребенок — радость в доме. Он укрепляет брачные узы между супругами... Если у вас родится девочка, назовем ее Эльфридой в вашу честь, если мальчик — Иоганном, дадим ему мое имя.

* Фриден — покой, мир (нем).

Лицо Эльфриды расплылось в довольной улыбке. Она подняла на Иоганна глаза, полные нежности и признательности. В приятном волнении невеста вновь щелкнула замочком сумочки, достала из нее сигарету, зажигалку и закурила.

— А теперь разрешите спросить вас, дорогая фрау, гм. — скромно произнес Курт со своей неизменной доброжелательной улыбкой.

— Пожалуйста, — с готовностью проговорила Эльфрида, выпуская изо рта и ноздрей струи сизого дыма, оглядывая потолок и стены комнаты.

— Какими капиталом вы располагаете?

Она, конечно, ожидала этот вопрос и встретила его спокойно, даже весело. Эльфрида сказала, что у нее на счету пятнадцать тысяч марок, а в груди — золотое сердце.

Галантерейщик коснулся рукой голой макушки и неопределенно хмыкнул.

— Хе-хе, из сердца, если оно даже «золотое», монеты, конечно, не отчеканишь, — сострил он.

Хотя это было произнесено в виде шутки, «невеста» уловила в голосе «жениха» нотки разочарования и иронии. Она неуклюже подалась вперед, чуть дрожащей рукой потушила недокуренную сигарету в пепельнице, затем с некоторым недоумением посмотрела на Иоганна.

— Могу наскрести еще одну тысячу, — после короткого молчания тихо, прерывистым голосом проговорила она.

Иоганн, принужденно улыбаясь, молча покрутил головой.

— Мне очень жаль, фрау, — извиняющимся тоном произнес он, беспомощно разводя руками, — но сумма, которой вы располагаете для вступления в брак, меня не устраивает. — И точно забыв о своих словах, сказанных ей несколько минут назад, добавил: — Кроме того, скажу вам откровенно, когда я указывал в своем объявлении, что ребенок для меня не помеха, я имел в виду вовсе не такого, который еще не родился, а который уже смеет ножками. — И он, заливаясь тихим смешком, стал двигать по столу двумя пальцами, изображая нетвердую походку малыша.

...Через час после ухода Эльфриды господину Курту пришлось вновь побежать к двери на звонок очередной невесты. На сей раз это была женщина лет тридцати пяти. Ее сопровождал высокий угловатый мальчик-подросток, лицом очень похожий на мать. На какую-то долю минуты они, остановившись у дверей, бросили друг на друга быстрый пыливый взгляд. Незнакомка своей внешностью произвела на жениха очень приятное впечатление. Она была выше среднего роста, стройная, лицо нежное с мягкими чертами, большие ясные голубые глаза с длинными ресницами смотрели привет-

ливо и ласково, кокетливо выющиеся белокурые локоны красиво обрамляли белый чистый лоб.

Хозяин гостеприимным жестом указал гостю на кресло, в котором за час до этого сидела Эльфрида. Затем с разрешения матери провел парня в другую комнату, где находилась личная библиотека хозяина дома, чтобы с глазу на глаз в непринужденной обстановке поговорить с невестой.

Когда Иоганн вернулся, женщина приветливо улыбаясь ему, первой протянула руку, назвавшись Магдалиной. Иоганн не произнес своего имени, зная, что оно хорошо известно ей по объявлению в газете, но с большим удовольствием прильнул своими губами к ее белой, пахнущей духами тонкой ручке.

— О, Магдалина — чудесное имя! — с нарочитым воодушевлением воскликнул галантерейщик. — Этакое романтическое, сладострастное, библейское. Помните Марию Магдалину — близкую подругу Христа?!:

Магдалина, кивнув белокурой головой, признательно улыбнулась.

После короткой беседы, когда выяснилось, что они симпатичны друг другу, Иоганн решил, что пора заговорить о самом главном — приданом невесты.

— Правда, я не богата, — в ответ скромно произнесла Магдалина, но тут же не без гордости добавила, — но и не бедна.

— Точнее? — сдерживая волнение и нетерпеливо ерзая в кресле; коротко спросил Иоганн.

— У меня двадцать тысяч марок.

Рука Иоганна вновь потянулась к лысой макушке. Он поднялся с кресла и несколько раз молча, с озабоченным видом прошелся взад-вперед по комнате. Затем, остановившись перед ней и неловко улыбаясь, сказал:

— К сожалению, я не могу жениться на вас, фрау, хотя, не скрою, вы мне очень нравитесь. Дело в том, что когда я указывал в своем объявлении, что ребенок для меня не помеха, то я имел в виду не такого, как ваш сын.

— Чем же плох мой сын? — с недоумением и почти обидой спросила Магдалина. — Если мы поженимся, от него никаких забот и хлопот нам не будет. Он уже взрослый парень, ему пошел семнадцатый год.

Иоганн, улыбаясь, покрутил головой в знак того, что он на этот счет с ней не согласен.

— Это вы так думаете, фрау Магдалина, — вежливо, но сухо возразил Иоганн. — А я думаю совсем наоборот. Не знаю, как там у коммунистов в Восточной Германии, а у нас здесь, в ФРГ, сейчас одна беда с такими юнцами. Многие из них ночи напролет проводят на танцульках, в сомнительных развлечениях, увлекают-

ся наркотиками, попадают в полицию.. О нет, нет, меня это очень пугает..

Иоганн был почти искренен, когда говорил, что не может жениться на Магдалине, хотя она тронула его сердце. Но помехой этому был вовсе не возраст ее сына, а нависшая над его лавкой, как домоклов меч, угроза катастрофы. Два месяца тому назад его жена, молодая, взбалмошная красотка, сбежала с одним американским офицером, с которым, видно, состояла в связи, о чем муж-рогоносец, к несчастью, ничего не знал. Вдобавок, убегая с этим Дон-Жуаном, она захватила все его деньги из сейфа— пятьдесят тысяч марок. Почти половина из этой суммы состояла из долгов, которые он взял для покупки очередной большой партии товаров для своего пустующего магазина. Теперь он с сардонизмом думал о том, что, если в самое ближайшее время у него не окажется этой суммы, то ему грозит полное разорение, а может, и тюрьма. Поэтому бедный галантерейщик чувствовал себя как на краю пропасти.

Вот уже четвертый день по его объявлению в газете ходят к нему разные «невесты-блондинки», предлагая себя в жены. Но он каждый раз вынужден находить какой-нибудь благовидный предлог, чтобы отказать им: ни у одной из невест не было нужной сейчас ему до зарезу суммы. Правда, вчера приходила одна сильно накрашенная и разряженная экстравагантная молодая особа. Едва переступив порог, она сразу налетела на него и тут же с жаром чмокнула в губы, уверяя при этом Иоганна, что влюбилась в него по уши с первого взгляда и что она «невеста с богатым приданым». Целых два часа «невеста» ела, пила у него, играла с ним в прятки, дурачила, морочила ему голову, а на проверку оказалось, что она вовсе не невеста с богатым приданым, а бедный, как карабельная крыса, безработный молодой актер, выгнанный из театра за чрезмерное пристрастие к спиртному и дебошам.

..После ухода очередной невесты галантерейщик сидел один, хмурый, озабоченный, и смотрел в окно, выходящее в маленький дворовый садик. Холодный осенний день клонился к вечеру. Порывы ветра срывали с черных оголившихся деревьев последние мерзвые листья, предвещая скорую зиму.

Поглощенный своими невеселыми думами, Иоганн не заметил, как в комнату вошла его жена-беглянка. Услышав ее голос, он сразу вздрогнул, точно человек, которого напугали во сне. А она стояла в нескольких шагах от него, держа в руке маленький блестящий комоданчик из крокодиловой кожи, и смотрела на мужа со смущенной виноватой улыбкой. Наверно, если бы его жена скончалась, а затем каким-то чудом вернулась с того света, это не так поразило бы Иоганна, как ее появление сейчас. Прошла целая минута, пока он пришел в себя, а потом, сразу вскочив с места

и показывая рукой на дверь, крикнул истошным голосом:

— Убирайся с моих глаз, дрянь, убирайся вон!..

Но она подошла ближе к нему и сказала тихо, почти шепотом:

— Иоганн, милый, прости меня! Поверь мне, мое сердце всегда было с тобой.

— Простить тебя?! — горькая, злая усмешка искривила губы Иоганна, а лицо, искаженное гневом, все побагровело. — Мало того, что ты, будучи моей законной супругой, бессовестно обманывала, изменяла мне, сбежала с чужим мужчиной, да еще ограбила меня начисто, пустила в трубу!.. Убирайся вон, пока я не вызвал полицию!..

На глазах у Курта выступили слезы.

— Иоганн, милый, — произнесла она громче, весело и ласково глядя ему в мокрые глаза, уже без тени смущения и сознания собственной вины, — не волнуйся, не сердись. Твои деньги никуда не делись, все здесь до единого пфеннига. — Она приподняла чемоданчик и слегка тряхнула им перед мужем. — Больше того..

Но то, что говорила дальше жена, Иоганн не слышал. С округлившимися глазами он мигом выхватил чемоданчик из ее руки и устремился в другую комнату, точно голодная кошка, которая держит в зубах трепещущего мышонка и спешит в угол, чтобы скорее насладиться своей добычей.

Когда Иоганн вышел к жене, медленно потирая лысину, на которой крупными росинками блестели капли пота, он был радостно возбужден, а на еле заметно вздрагивающих губах, блуждала растерянная, бесконечно счастливая улыбка.

Германия, 1946 г.

КАВЕРЗНЫЕ ШУТКИ ВОЛШЕБНИЦЫ ВЕСНЫ

Была середина апреля. Недавние грозы, сопровождаемые обильными дождями, очистили небо от туч, отполировали его до зеркального блеска и напоили землю вдоволь жизнейтельной влагой. По утрам из-за моря, весело щуря огненные ресницы, вставало огромное солнце и весь день заливало землю золотистым сиянием. Деревья вдоль тротуаров, в парках и загородных садах еще совсем недавно совершенно голые, темные, сейчас были одеты в яркий весенний наряд. Повсюду слышалось веселое щебетание птиц, и все кругом сверкало, зеленело, цвело, звенело и благоухало.

Рано утром Исрапил Худовердиев, главный бухгалтер крупного в городе магазина культтоваров, плотный плечистый мужчина, как обычно в это время, неторопливой походкой шел на работу.

Лицо у него было спокойным, но немного задумчивым и рассеянным. Из-под широких полей зеленой фетровой шляпы выглядывали жесткие курчавые густо посеребренные волосы.

Дорога к конторе лежала мимо городского парка. В весенние и летние дни Исрапил предпочитал пройти этот отрезок пути не по скучному асфальту, а по узкой извилистой тропинке в парке с зеленой сочной травой и яркими цветами, высокими деревьями с пышными развесистыми кронами.

Глядя на обновленную природу, вдыхая пьянящий весенний воздух, пронизанный теплыми лучами утреннего солнца, напоенный ароматом цветов и влажным запахом пробужденной земли, Исрапил чувствовал, как это обновление происходит и в нем самом. Какая-то сладкая истома разливается во всем теле, пробуждая в сердце горячее нежное чувство и волнуя кровь. Он испытывал сейчас состояние удивительной легкости и окрыленности.

В то утро по той же тропинке, по которой он шел, навстречу ему бодро шагала молодая светловолосая девушка с ясными, будто омытыми утренней росой, васильковыми глазами. На ее белом, круглом и очень симпатичном лице с ямочками на щеках блуждала мечтательная улыбка.

Случилось так, что когда между Исрапилом и незнакомой девушкой оставалось расстояние в каких-нибудь два-три шага и один из них должен был посторониться, чтобы дать пройти другому, они как-то одновременно взглянули друг на друга и.. весело улыбнулись. Главбух, галантно уступив ей дорогу, проводил ее долгим теплым взглядом.

То же самое, на том же месте и в то же самое время повторилось и на следующее утро. А вечером, возвратившись домой, главбух долго рассматривал себя в зеркало. Ему вдруг стало грустно от того, что у него голова почти седая и он не молод — пошел пятьдесят первый год. А казалось, совсем недавно это было, когда он был озорным мальчишкой, учился в школе, а потом в институте, влюблялся в девушек, женился, будучи еще студентом второго курса экономического факультета — как чертовски быстро летит время!..

Но когда Исрапил вспомнил о жене, лицо его сразу помрачнело, и он, окончательно расстроенный, отошел от зеркала. Закинув руки за спину, он начал ходить по комнате, все больше погружаясь в свои мысли, воспоминания. Из кухни донесся обращенный к нему, крикливый голос жены, который всегда возбуждал в нем неприятное чувство.

— Эй!.. Если хочешь кушать, иди, пока ужин не остыл! Слышишь?..

Исрапил на минуту остановился и, недовольно поморщившись,

опять стал ходить по комнате, не обращая внимания на приглашение супруги.

«Странная женщина! — горько усмехаясь, сказал он себе, сердясь на жену. — Она думает, что самая главная обязанность у жены перед мужем — это вовремя накормить его, заботиться о его желудке. А он за это должен быть ею весьма доволен и чувствовать себя счастливым.»

Исрапил давно был убежден, что ему не повезло в личной жизни и что он обманулся в своей жене. Когда он это твердо понял, было уже, как он считал, поздно, непоправимо поздно. К этому времени у него было двое взрослых детей, в которых Исрапил по натуре человек очень чадолюбивый, души не чаял и ради которых терпел постылую жену, как бы принося себя в жертву им.

Когда женился на ней, ему казалось, что прекраснее и милее ее нет девушки на свете. Но что скрывается за этой внешней красотой, он тогда не разглядел: был слишком опьянен своей любовью и очень млод к тому же, чтобы разобраться в таких тонкостях.

Не имея ни образования, ни специальности, она всю жизнь провела на кухне, за плитой, огрубела, отупела, ничем не интересовалась, кроме домашних дел, никогда не брала в руки книгу или газету. И то немного, что знала когда-то, давно позабылось, на чисто выветрилось из головы, как скудная влага в почве во время суховея. Считая себя уже «старухой», несмотря на то, что была моложе мужа на несколько лет, а его — «стариком», она очень мало заботилась о своей внешности, одевалась как попало, не проявляла интереса к делам супруга, его заботам, кроме как вовремя подать ему завтрак, обед и ужин. К тому же жена имела привычку к месту и не к месту жаловаться ему: как она устает ходить на базар каждый день, таскать на себе полные корзины, принимать гостей, друзей мужа. И что на базаре спекулянты и перекупщики, чума на их головы, опять взвинтили цены... И все в этом роде.

Он, конечно, понимал, что ей, уже немолодой, отяжелевшей с годами женщине нелегко каждый день ходить на базар, стоять в очереди, таскать тяжелые корзины: дочь замужем, у нее теперь своя семья, свои заботы, сын учится в институте в другом городе — некому помочь. Да и на рынке нет должного порядка, контроля — большое место всех домохозяек. Но почему она все это повторяет ему изо дня в день, притом именно тогда, когда он садится кушать? Другого разговора для него у нее нет, как и нет давно ни одного ласкового слова, теплого взгляда, приятной улыбки.

Но разочарованный в своей жене главбух почему-то вдруг стал особенно остро ощущать свои обиды и недовольство ею именно сейчас после второй случайной мимолевой встречи на знакомой

тропинке с красивой незнакомой девушкой, чья чудесная улыбка так глубоко запала ему в душу.

И несмотря на то, что жена опять позвала его, Исрапил нарочно, назло ей, тянул, не шел ужинать, не желая быть сейчас с ней наедине, слушать ее осточертевшие хабары, смотреть на ее вечно затрапезный и неряшливый вид.

На третий день, прежде чем выйти из дому, Худовердиев тщательно побрился, надушился, навел глянцевого блеска на туфлях, оделся в новый костюм, долго вертел в руке шляпу, внимательно и придирчиво осматривая ее со всех сторон и сдувая невидимые пушинки.

На этот раз Исрапил, поскольку сегодня против обыкновения шел ускоренным шагом, встретил девушку не на знакомой тропинке, а уже у выхода. При виде ее он сразу засиял и почтительно поклонился ей, как все равно давно и хорошо знакомой женщине, всем своим видом как бы давая понять девушке, что встреча с ней ему очень приятна. А та в ответ откинув голову и кокетливо встряхнув светлыми кудрями, подарила ему одну из своих лучезарных улыбок.

Войдя в свой кабинет, узкую и маленькую комнатку с низким зарешеченным окном, выходящим в глухой загороженный каменным забором тесный дворик с единственным деревом — цветущей яблоней посредине, Исрапил не спеша снял плащ, шляпу, повесил их на вешалку, затем сел за свой рабочий стол. Открыв лежащую перед ним внушительных размеров счетную книгу, принялся читать, но тщетно. Он видел цифры, буквы, занесенные в нее его же собственной рукой, но, как ни странно, первый раз за долгие годы службы не понимал ни их смысла, ни их назначения, точно на него нашло какое-то затмение. На страницах книги медленно, но упрямо, заслоняя все что там написано, явственно проступали, точно в волшебном зеркале, узкая извилистая тропинка в парке, очаровательное лицо и стройная фигура незнакомой молодой женщины, которая смотрела на него своими ясными обворожительными васильковыми глазами и призывно улыбалась ему.

Исрапил раза два энергично встряхнул головой, точно стараясь сбросить с себя это навождение, но видение продолжало неотвязно стоять перед глазами, мешая ему думать, сосредоточиться, выводя из равновесия.

В этот самый момент дверь в кабинет открылась, и к нему вошел бодрый уверенным шагом его старый друг Аслан Кадиев, полный, розовощекий, улыбающийся мужчина с пышными черными усами, держа в крепких, ровных и белых, как у молодой лошади зубах, дымящуюся трубку. Друзья с чувством обменялись крепким рукопожатием, преданно глядя друг другу в глаза.

В отличие от сдержанного, суховатого и немногословного Исра-

пила, Аслан был человек жизнерадостный, общительный, отчаянный шутник и большой выдумщик. Он был актером, очень известным и популярным в республике, успешно выступал в разных ролях, снимался не раз и в кино. Но лучше всего удавались ему зеселые, комические роли. Один его острый, лукавый прищуренный взгляд маленьких черных с хитринкой глаз, обращенный к публике, неподражаемая улыбка, мимика сразу вызывали у нее оживление и смех. С неподдельным мастерством, не впадая в фальшь, крайность, он копировал жесты, позы, голоса и речь разных своих знакомых из числа видных актеров, драматургов, композиторов и писателей, будь то мужчины или женщины, вызывая неудержимый хохот и громкие одобрителные аплодисменты у слушателей.

Во время короткой беседы с другом, который зашел к нему по дороге в театр, чтобы просто поведать его, расспросить о здоровье о семье, Исапил в дорыве откровенности, стараясь скрыть свое волнение, рассказал ему о незнакомой девушке, о том, что он испытывал только что перед его приходом. Аслан, свободно развалившись в кресле и не вынимая трубку из рта, слушал его с дружеской улыбкой, молча, понимая кивая головой.

Лишь спустя полчаса после ухода друга к главбуху наконец вернулось рабочее настроение, и он с головой окунулся в работу. Оставалось всего лишь четверть часа до конца службы, когда на столе у Исапила резко и требовательно затрещал телефон. Он с несхотой поднял трубку.

— Ал-ло-о-о! — услышал он певучий приятный, но немного взволнованный молодой женский голос. — Скажите, пожалуйста, это Худовердиев?

— Я! — прогудел главбух и не очень вежливо спросил; — Что хотели?

— Как вам это сказать.. Это—я, я. девушка...— голос умолк, видно, не решаясь говорить до конца.

Исапил нахмурился, бросив тоскливый, беспокойный взгляд на кучу бумаг, лежавшую перед ним на столе, которую надо было рассмотреть и подписать до ухода домой.

— Ну, говорите же, что вам надо! — недовольно, почти сердито произнес Исапил.

В трубке послышался протяжный вздох, похожий на приглушенный стон.

— Это я, девушка...— повторила она таким же робким приятным и взволнованным голосом, — та, которую встречали в парке. Пожалуйста, не подумайте обо мне плохо, если я сейчас признаюсь вам, что вы мне очень нравитесь, что интересовалась, кто вы, как ваше имя, где работаете, узнала, что вы не очень счастливы в личной жизни... Я хочу ближе познакомиться с вами, если, конечно, вы тоже этого желаете. Извините, что говорю об этом по

телефону, а сказать с глазу на глаз у меня не хватило бы храбрости.

Исрапил замер на месте и покраснел до кончиков волос. Ему вдруг стало очень жарко, а сердцу тесно, очень тесно в груди. Он быстро вскочил с места, расслабил на шее галстук и отстегнул пуговицу на воротнике.

«Это она, оказывается, она!..» — мысленно вскрикнул Исрапил, крепко сжимая в руке трубку и одним глазом враждебно косясь на дверь, боясь, как бы в эту самую минуту кто-нибудь из сотрудников или посторонних не вошел и не помешал их разговору. Но пока растерявшийся и обалдевший от неожиданно свалившегося на него счастья главбух собирался с мыслями, чтобы в подходящих словах и выражениях высказать прекрасной незнакомке свои чувства и восторг по этому поводу, на другом конце провода тот же голос мягким, сердечным, но уже несколько уверенным и капризно-повелительным тоном передал, чтобы он пришел на свидание в парк, на знакомую тропинку сегодня вечером. Сказав все это, голос умолк.

До позднего вечера ходил главбух с большим букетом ярких весенних цветов по памятной тропинке, напряженно вглядываясь в прохладный зеленый полумрак слабо освещенного ночного парка, вздрагивая и замирая при появлении каждой женской фигуры. В его ушах все время стоял удивительно нежный, чарующий голос незнакомой девушки, появление которой он, охваченный волнением и исполненный радужных надежд, ждал с трепетом каждую минуту.

Но время шло, а она почему-то не появлялась. Несмотря на то, что было уже за полночь, Исрапил все не уходил домой, все надеялся, что она вот-вот появится. Ушел он только тогда, когда давно вокруг никого не было, с тяжелым чувством бросив букет в придорожный куст.

Всю дорогу расстроенный Исрапил думал, теряясь в догадках: почему девушка не пришла на свидание? Ведь сама же просила об этом. Неужели она, заметив к себе интерес со стороны староватого, конечно, для нее мужчины, решила потехи ради подшутить над ним, разыграть его? Но возможно ли ожидать такую злую шутку от такой девушки с удивительно милым лицом и ангельски нежным голосом? Нет, нет, она это говорила всерьез, хотела прийти, а потом в последнюю минуту, наверно струсил, не решилась. Конечно, нелегко для молодой красивой девушки, если даже она полюбила его с первого взгляда, пойти на такой риск: связать себя с ним, немолодым, к тому же семейным человеком.

Прошло больше двух недель с того вечера, но Исрапил после этого ни разу не встречал девушку с васильковыми глазами, так тронувшую его сердце. Это окончательно утвердило его в мысли,

что она действительно хотела познакомиться с ним поближе, но потом передумала, отступила от своего решения. Поэтому она теперь старательно избегает даже случайной встречи с ним.

Однажды в воскресный день оба друга Исрапил Худовердиев и Аслан Кадиев сидели в загородном приморском павильоне за стаканом вина и мирно беседовали. Летний день тихо угасал, а верхушки высоких тополей, росших возле павильона, еще сверкали в огне заката. Со стороны моря, простиравшегося, как неоглядная зеленая степь до самого горизонта, тянуло свежей успокаивающей прохладой. Аслан вынул трубку из кармана, чтобы покурить, но вдруг вспомнив о чем-то и с лукавой усмешкой поглядывая на Исрапила, приложил ее к уху, как телефонную трубку.

— Ал-ло-о-о! Скажите, пожалуйста, это Худовердиев?— произнес актер певучим приятным, но несколько взволнованным голосом молодой женщины, будто разговаривающей по телефону.

— Я! Что хотели?— на этот раз точь в точь подражая грубоватому басу Исрапила, прогудел он.

Исрапил только что отправил в рот кусок жесткой холодной ветчины, но услышав до боли знакомый голос «девушки», обращенный к нему, и свой голос, свои слова в ответ ей, застыл с вытаращенными глазами.

— Это ты?!..— тыча в друга пальцем, сдавленным голосом спросил потрясенный главбух.

В ответ актер, сооротив виноватую смешную мину и, хитро улыбаясь, молча кивнул головой.

Кусок застрял в гортани бедного Исрапила, и он судорожно глотнул воздух, точно рыба, выброшенная на сухой раскаленный песчаный берег.

БЕЗ МАМЫ

Когда плачет ребенок, мне кажется,
плачет вся Вселенная.

Кайсын Кулиев

Маленькая черноглазая смуглолицая Заира, крепко обняв своего «косопалого мишку», спит тревожным сном. Мишка весь, от головы до пят, удобно разместился на подушке, уткнув свой черный бархатный носик в мягкую щечку девочки.

На дворе за окном разлита вечерняя мгла, насадно заывает и бушует ветер. Частый косой дождь хлещет качающиеся пирамидальные тополя, что смутно виднеются сквозь «плачущее» окно.

Время от времени огненные зигзаги, сопровождаемые громом

необычайной силы — будто ударили разом все пушки, — чертят небо, ярко освещая все вокруг.

Каждый раз, когда гром сотрясает воздух, ребенок неожиданно вздрагивает и, не сткрывая глаз, еще крепче прижимает к себе любимого мишку.

Посреди комнаты на круглом столе стоит раскрытая посылка, в которой в беспорядке громоздятся детские игрушки, кульки с пряниками, конфетами, детской одеждой.

Отец Заиры — Зураб, молодой худощавый человек лет двадцати пяти с острыми чертами лица, заросшими щеками, опершись локтями на колени и подперев ладонями подбородок, сидит неподвижно, плотно поджав губы, возле спящей дочурки.

Кроме отца и дочки в комнате нет никого. Зураб, печальный и расстроженный, неотрывно смотрит на дочку, а перед глазами неотступно встает картина сегодняшнего события.

Сегодня утром, когда он ввел дочурку в садик, во дворе встретился почтальон, вручивший ему извещение на посылку. Она была от жены, которая месяц назад, после крупной ссоры с ним уехала в другой город, где живут ее родители. Послезавтра день рождения дочурки ей исполняется три года. Зураб сразу понял, что жена послала посылку для Заиры ко дню рождения.

Но утром он умышленно не сказал ничего об этом дочери, хотел даже скрыть, что мать прислала ей подарок. После всего случившегося между ними, закончившегося демонстративным отъездом жены, он не особенно надеялся, что она скоро вернется к ним, а может и не вернется никогда, поэтому Зураб старался, чтобы дочка поменьше думала и вспоминала о матери, привыкала жить без нее. Он считал, что так будет лучше для самого ребенка. Сам он за этот долгий тяжкий для него и ребенка месяц ни разу не напоминал ему о матери. А как только дочь начинала капризничать, хныкать, спрашивать о ней, отец тотчас же старался отвлечь ее внимание чем-нибудь, как мог утешал, развлекал. Но когда вконец истосковавшееся и истомившееся сердечко маленькой дочурки не выдерживало продолжающейся разлуки с матерью и она, заливаясь плачем, надрывно кричала, требовала, звала свою маму, Зураб сразу принимался обнимать дочку, ласкать, утешать, растерянно и торопливо повторять:

— Заира, не плачь, мама придет, обязательно придет. Не плачь!

Девочка никак не могла понять, почему так долго нет мамы, почему она вдруг забыла о ней, не приходит?.. Где она?

Но девочка скорее чувствовала, чем понимала: папе почему-то не нравится, когда она спрашивает его о маме. Он сразу сердито хмурит брови, вздыхает, а лицо его делается строгим, суровым. И Заира боится его в такие минуты.

А отец с сокрушенным сердцем замечал, как временами его маленькая дочка, обычно такая веселая, подвижная, говорливая, вдруг замыкается в себе, не играет, не разговаривает. Забившись в угол, она целыми часами сидит без движения, устремив не детские грустный взгляд в одну точку или долго ластится к отцу, не испытывая при этом особенной радости.

Зураб видел все это, но не знал, как быть, что делать. Ребенок на глазах худел. Грусть, скука и какое-то молчаливое, безысходное отчаяние замечательлись на ее побледневшем личике. Но молодой отец старался успокоить себя мыслью о том, что такое маленькое существо, как Заира, не способно на глубокое и продолжительное переживание, у них, у детей быстро происходит смена настроений, что они подобны тому самому цветку, о котором говорят: «на заре прослезится, на закате засмеется».

Сегодня после работы Зураб по обыкновению пошел в детсад за дочуркой и вместе с ней отправился сначала на почту. Только, когда они пришли домой, Зураб, поставив посылку на пол на середину комнаты и вооружившись молотком, чтобы вскрыть ее, объявил дочке с нарочитым безразличием как о чем-то незначительном, пустяковом, что эта посылка от мамы.

— Мама! Ма-ма! — радостно вскрикнул ребенок, хлопая в ладошки, подпрыгивая и захлебываясь от неудержимого восторга.

Затем девочка быстро опустилась на корточки и, склонившись над ящиком, порывисто обняла его и, прижимаясь к нему щекой, тихо, с волнением пршептала:

— Ма-мочка! Маму-ля!..

Зураба до слез тронул этот душевный порыв истосковавшегося по матери ребенка. С ласковой, грустной улыбкой мягко отстранив девочку от ящика, он снял с него крышку и начал неторопливо извлекать содержимое. Сначала он вынул целлулоидную куклу с пухлыми розовыми щеками и рыжими кудряшками, затем голубое шерстяное платьице с широкими складками, кульки с конфетами, фруктами. Но как ни странно, девочка, продолжая сидеть на корточках, глядела на все эти подарки совершенно безразлично, даже чуть ли не с досадой, хотя родители в шутку называли ее «барахольщицей» из-за ее чрезмерной привязанности к своим вещам. Она все время с каким-то напряженным вниманием и волнением вглядывалась внутрь освобождающейся посылки, ждала чего-то другого, непонятного, непостижимого для отца.

И вот, когда ящик совсем опустел и было видно его голое дно, девочка медленно поднялась, удивленно повертела ручками, и, изобразив на лице неподдельное разочарование, спросила:

— А где же мама?!

— Какая мама? — откинув голову назад, невольно засмеялся

отец и добавил с шутливым упреком:— Эх, голова твоя садовая! Разве маму можно уместить в такой маленький ящик?

Но девочка не поняла и не хотела понимать то, что сказал ей отец. Поэтому она, страшно огорченная, потрясенная, все думала, гадала, почему среди вещей, которые положила мать для нее, в посылке не оказалось ее самой? И ребенок вдруг почувствовал себя безжалостно обманутым. И все существо маленькой сиротлившей девочки взбунтовалось против этой неслыханной жестокости. Она повернулась спиной к отцу и, прижимая сжатые кулачки к судорожно вздымающейся груди, принялась громко плакать, жалобно взывая к матери:

— Мама! Где ты?! Почему ты не идешь, ма-а-ама!

Зураба самого потрясло отчаянное горе безутешно плачущей дочери. Он быстро встал, взял ее на руки. Но она, все сильнее заливаясь плачем, стала биться в его руках, как пойманная в капкан птица.

Наконец с трудом успокоив уставшую, охрипшую девочку, он кое-как уложил ее в постель, положив рядом с ней на подушку лохматого мишку. Но девочка, даже засыпая, продолжала тихо всхлипывать и звать во сне свою маму.

Уже было около полуночи, когда Зураб подперев руками подбородок, все еще сидел у кровати спящей дочери. Занятый своими невеселыми думами, он не сразу заметил, как бледные щечки ребенка неожиданно покрылись багровой краской. Встревоженный отец с замирающим сердцем осторожно положил ладонь на ее выпуклый лобик и тут же испуганно, будто обжегшись, отвел ее. Сердце Зураба упало и глухо забилося в груди.

— А вдруг она умрет?!— со страхом и отчаянием подумал он.

Не помня себя от охватившей его тревоги и волнения, Зураб забыв, что во дворе бушует ветер, хлещет дождь, без плаща, без кепки выбежал на улицу. Казалось, только сейчас, когда жизнь его маленькой дочери неожиданно оказалась в опасности, он со всей ясностью понял, что его ребенок не может жить без матери, точно хрупкий цветок без солнечных лучей, и что нет на свете ничего, никого, кто мог бы заменить ему самое дорогое для него в жизни — мать.

Молодые супруги жили дружно, в любви и согласии. Когда Зураб возвращался с завода, где он работал слесарем, жена всегда встречала его с радостной улыбкой, а маленькая дочурка с восторженным криком, сломя голову, кидалась ему на шею.

Но за последнее время все круто переменялось в отношениях между супругами, вернее, в отношении жены к мужу, а маленькой Заиры — к отцу. Он теперь часто приходил домой поздно, пьяным, «навеселе». При виде его хмельной, развязной улыбки

и шатающейся походки лицо жены уже не озарялось, как прежде, счастливой улыбкой. Оно становилось беспокойным, угрюмым и мрачным, словно приходил не любимый муж и нежный отец, а чужой, неприятный человек, грозящий им бедой. Да и Заира, как затравленный мышонок, суетливо и испуганно бегала из угла в угол, чтобы уйти, спрятаться от непрошенной ласки пьяного отца.

Однажды рано утром жена по обыкновению приводя в порядок одежду мужа перед тем, как он вставал, завтракал и шел на работу, обнаружила в его кармане два билета в кино. Не дожидаясь, когда муж проснется, она, вспыхнув гневом, подошла к спящему Зурабу и грубо толкнула его в плечо.

Муж сразу проснулся, сел в постели и, ошалело посмотрев на жену сонными глазами, коротко воскликнул:

— А?!

— Где ты был вчѐра вечером?— спросила жена с еле сдерживаемым раздражением.

— Как где?!— произнес он, искренне удивляясь, почему жена задает ему такой странный вопрос.— В ресторане со своим приятелем.

Жена, уверенная в том, что муж лжет, с сердцем швырнула брюки на пол, а билеты ткнула ему в глаза:

— А что это?! А это что? Бесстыжие твои глаза!— дрожащим от гнева голосом закричала жена.— Мало того, что деньги пропиваешь, нас мучаешь, да еще с какой-то шлюхой водишься?!

Зураба крайне возмутил упрек жены, ее раздражительный тон, но все же, чувствуя свою вину перед ней, он принялся горячо уверять ее, клясться, что ходил в кино не с женщиной, как она думает, а с собутыльником после ресторана. Но жена не только не поверила этому, а еще больше ожесточилась против мужа.

В то памятное утро, после разыгравшейся между молодыми супругами бурной сцены, жена твердо решила уехать от него к своим родителям и немедленно. И когда она с заплаканными глазами поспешно уложила свои и дочкины вещи в чемодан, хотела зайти в другую комнату за ребенком, где он еще спал, Зураб угадав ее намерения, сразу подскочил к двери и преградил дорогу.

— Ася, я виноват!— бледнея, умоляющим голосом произнес он.— Клянусь тебе, я ходил в кино с приятелем. Я обещаю тебе никогда больше не встречаться с ним и бросить пить. У нас ребенок!.

Но Ася была глуха к тому, что говорил сейчас муж. Она в иступлении рвалась к ребенку и, пытаясь отстранить Зураба от двери, ругала, проклинала его на чем свет стоит.

Вдруг худое лицо Зураба приняло решительное, вместе с тем жестокое выражение, а глаза полыхнули молнией.

— Ладно! Если мне не веришь, не веришь моей клятве — уезжай ко всем чертям! — хрипло проговорил он, — дочку я тебе не отдам, ни за что не отдам!..

Прежде чем зайти в первую же телефонную будку, чтобы вызвать «скорую помощь», Зураб под проливным дождем, с бьющимся сердцем прибежал на почту. Быстро схватив голубой бланк со стойки, за которой сидела телеграфистка, он, шатаясь от горя и мокрый насквозь, отошел в дальний угол зала, торопливо опустился на стул. С трудом переводя дыхание, Зураб принялся дрожащей от сильного волнения рукой писать жене: «Ася, Заира сильно заболела. Жизнь ее в опасности. Если ты немедленно не приедешь, она...»

Рука Зураба вздрогнула и застыла на бланке не в силах вывести страшное слово. Встревоженному воображению молодого отца вдруг представилось, что, пока он здесь, дочь в самом деле скончалась, не выдержав непосильной для нее душевной пытки — разлуки с матерью, лежит на своей детской кровати со сложенными на бездыханной груди неподвижными прозрачными ручками...

Острый небритый подбородок Зураба дробно задрожал, из воспаленных глаз разом хлынули слезы и покатались по заросшим щекам, обжигая их. Обессиленный, он упал грудью на широкий, длинный стол, покрытый холодным стеклом, и, уронив голову на руки, громко зарыдал...

А на улице занимался рассвет, затихал ветер и переставал дождь.

«ХЬОМОЛ»

Колхозный конюх дядя Эсеф, дюжий мужчина, выделялся среди своих односельчан не только ростом в косую сажень, но и поразительно мощной бородой. Но с некоторых пор с его царственной бородой стало происходить что-то совершенно непонятное и даже, можно сказать, роковое. На глазах у изумленных односельчан она начала таять с угрожающей быстротой, как ледяная сосулька на солнце. Сперва из нее загадочно стали исчезать только серебристые нити, а потом вместе с серебристыми — и черные.

Односельчане, привыкшие видеть пышную бороду дяди Эсефа в роскошном великолепии, с явным недоумением и даже некоторой тревогой смотрели на эту трагическую перемену. Но спрашивать об этом никто почему-то не решался. Сам же он хранил на этот счет суровое молчание и даже делал вид будто с его бородой ничего особенного не происходит. Поэтому между собой односельчане Эсефа стали высказывать самые различные догадки

и редкие, жидкие относительно его катастрофически редящей бороды. Одни считали, что она пострадала от сглаза, иначе, мол, и не могло быть, — такая необыкновенная борода рано или поздно должна была стать жертвой дурного глаза. Другие, отвергая это утверждение, как нелепое суеверие, считали причиной лихой беды, постигшей буйную растительность на лице дяди Эсефа, морозную язву, бог весть откуда прицепившуюся к ней. А иные с самым серьезным видом уверяли, что жена Эсефа, давно страдающая суставным ревматизмом, будто по совету врача собирается вязать себе теплые носки из... волос, которые она ежедневно по целому вороху выдергивает из роскошной бороды мужа.

Однесельчане Эсефа так и не узнали бы тайну этой трагической перемены, происходящей с его некогда могучей бородой, окутанную мраком неизвестности, о которой они так много спорили, не случись с ним новая, — еще более тяжкая беда.

...Дядя Эсеф страшно переживал, что у него одни дочери и нет сына. Боясь, что на всю жизнь останется «хьомолом», он после рождения пятой дочери стал носить, как велит обычай, красный кушак и отрастил бороду. И вот на зависть всем бородачам за каких-нибудь полгода-год у дяди Эсефа выросла такая пышная борода, словно буйная поросль на хорошо ухоженном и щедро унавоженном поле. С тех пор однесельчане прозвали его Длинной Бородой. Эсеф был уверен, что, если даже бог очень стар и подслеповат, он все равно заметит его бросающиеся в глаза яркий кушак и аршинную бороду и дарует ему сына.

Но прошло немало лет прежде чем дядя Эсеф с горечью понял, что скорее на вершине Шалбуздага свистнет рак, а на голом камне зацветет ландыш, чем его старая жена, которой уже перевалило за пятьдесят, вновь станет матерью. Тревога вселилась в сердце Длинной Бороды. Страстно желая сына, он мысленно уверял себя и других, что хочет его вовсе не потому, чтобы тот был для него опорой на старости — он этого не ждет. Говорится же: «Один отец может прокормить десять сыновей, а десять сыновей не смогут прокормить одного отца». Да ему не нужна помощь от сына. Пусть бы он только родился на свет.. Разве мало стариков, хотя бы в его родном селении — зачем далеко ходить, — которые получают пенсию и живут, не испытывая нужды. Иные мужчины презирают дочерей, хотят обязательно мальчика, чтобы он после смерти отца молился за упокой его души, иначе, мол, отцу не видать райских блаженств. Если и говорят про кого: «У него борода длинная, а ум короткий», то только не про него, Эсефа. Он хоть и не ученый человек, а простой конюх, но, слава богу, еще не спятил с ума, чтобы поверить: его сын — будущий пионер или комсомолец, станет молиться-за то, чтобы душа Длинной Бороды легкой бабочкой порхала в райских кущах, проводила вре-

мя с райскими красавицами на берегах винных и молочных рек, слушая хор небесных ангелов. Бог свидетель, он хочет сына, чтобы снять с себя скорбное прозвище «хьомол», поддержать честь своей папахи. Только ради этого он сблизился с молодой одинокой вдовушкой Аснат и договорился с ней о тайном браке.

Правда, Аснат красоты не ахти какой, зато эта черномазая и лупоглазая молодуха с пухлыми, точно надутыми щеками обладает такой широкой грудью и воловьими бедрами, что Длинной Бороде казалось, что из нее так и посыпятся дети, как спелые яблоки с яблони, которую стоит слегка потрясти..

И вот, когда дядя Эсеф извиняющимся тоном поведал жене о своем намерении жениться на толстухе Аснат, она от потрясения долго не могла и слова вымолвить, словно у бедняги язык прилип к гортани.

— Джан Эсеф, да буду жертвой за тебя, не позорь себя и меня на старости лет,— с дрожью в голосе принялась умолять его несчастная женщина, наконец обретая дар речи.— Ты посмотри получше на себя в зеркало: борода у тебя почти седая. Что люди подумают, да и ты какими глазами будешь смотреть на детей?— Она горестно вздохнула, а потом, печально улыбнувшись, добавила:— Да и закона такого нет, чтобы сельсовет разрешил мужчинам обзавестись второй женой.

Длинную Бороду бросило в жар.

— Родила бы сына, не женился бы!— закричал он на нее.— А чтобы обзавестись второй женой, мне твой сельсовет вовсе не нужен. Дам духовному отцу десятку в зубы, он не только меня с Аснат, черта с ведьмой обвенчает.

..Вторая жена дяди Эсефа жила далеко, на самой окраине села. Длинная Борода был этому рад и не рад. Рад потому, что соперницы меньше будут попадаться друг другу на глаза, а то, чего доброго, может разразиться скандал, вцепятся друг другу в волосы. С другой стороны, Эсефу было не по душе то, что Аснат живет далеко и ему, человеку уже не молодому, во избежание пересудов и сплетен приходится ходить на свидание к молодой жене поздно вечером, когда совсем темно и на улицах никого нет. Но как говорится: «Сидя верхом на верблюде, в отаре не скроешься». Как дядя Эсеф ни старался пройти к Аснат никем не замеченным, по дороге нет-нет да и сталкивался с кем-нибудь из своих односельчан, слышал за спиной их двусмысленные шуточки и насмешки. И вот вчера поздно вечером в канун народного праздника весны, когда, казалось, все спали и видели третьи сны, Длинная Борода, прихватив заранее приготовленный тайком от старой жены узелок с подарками для Аснат, тихо выскользнул на улицу. Оставалось каких-нибудь сто шагов до ее дома, когда вдруг откуда ни возьмись, из-за угла, как шайтан из-под земли, вынырнула скорб-

ленная фигура старухи Саадат, направляющейся куда-то. При виде Саадат, известной болтуньи и сплетницы, Эсеф невольно вздрогнул и помрачнел. Длинная Борода, сразу нагнув на глаза папаху и, спрятав узелок за спину, поспешно отошел в сторону и прижался спиной к забору: авось старуха его не заметит или не узнает. Но Саадат, увидев застывшего у забора человека с низко надвинутой на глаза папачкой, сначала очень испугалась, приняв его за ночного разбойника, нарочно избегающего открытой встречи с людьми, и чуть было не подняла крик. Но через минуту, узнав в «разбойнике» своего односельчанина, сразу осмелела. Старуха подошла к Эсефу и, точно мстя ему за только что пережитый страх, вдруг, к ужасу двоюродного брата, заговорила с ним таким неестественно громким голосом, словно обращалась к глухому или ее с ним разделяла шумная река.

— Ай Эсеф! Добрые порядочные мужья, склонив свои головушки на одной подушке со своими женушками, давно спят и видят приятные сны, а ты чего шляешься ночью по селу, как неприкаянный?

«Знает же карга старая, зачем и куда я иду, но нарочно кричит, чтобы все слышали...» — с возмущением и страхом подумал Длинная Борода и поспешил убраться подальше от назойливой старухи.

Встреча с Саадат настолько испортила настроение Эсефа, что он, придя к молодой жене, без всякого воодушевления поздравил ее и тут же, после второй чарки вина, усталый и угрюмый, почти не раздевшись, улегся спать.

Как только Эсеф уснул, наполняя комнату могучим храпом, Аснат по обыкновению принялась «приводить в порядок» его бороду. Ей, молодой женщине, было не по нраву, что у мужа борода наполовину седая и это придает ему старческий вид. Всякий раз, когда он приходил к ней на свидание, Аснат, усыпляя Эсефа на своих коленях, начинала безжалостно выдергивать седые нити из его бороды. Но пышная борода мужа, хоть и таяла непрерывно благодаря ее систематической «обработке», однако, как на грех, несмотря на все старания Аснат, в ней почему-то седых волос становилось больше, чем черных. И она вконец отчаявшись «омолодить» основательно потрепанную бороду мужа, которая теперь начинала сильно раздражать ее, решила разом покончить с ней.

В ту праздничную ночь, как только усталый и захмелевший Эсеф смежил глаза, ему приснился странный сон: одна половина его бороды — белая, как белоснежное облако, а другая черная как грозовая туча. Обе его жены как клещи вцепились в нее и каждая изо всей силы тянет ее к себе. Молодая пытается вырвать с корнем белую половину, чтобы муж выглядел моложе своих лет, а старая, наоборот, старается выдернуть черную, чтобы он был по-

хож на седобородого старца. Эсеф орет благим матом, потрясая поднятыми над головой кулаками, грозит пересчитать им ребра, если они не освободят его бороду, но женщины, точно взбесившиеся, не взирая на его истошные крики и угрозы, продолжают безжалостно трепать ее. И когда одна половина вырванной бороды Эсефа оказалась в руках торжествующей молодой жены, а старая, потерпев неудачу в попытках добиться того же, всей своей тяжестью повисла на оставшейся половине, Эсеф вдруг проснулся от нестерпимой боли. Открыв глаза, он, к своему изумлению, увидел склоненную над ним полураздетую Аснат с большими ножницами в руках, точно коварную Далилу у изголовья богатыря Самсона. Тревожная догадка как молния обожгла сознание колхозного конюха. Он инстинктивно потянулся рукой к лицу и, не ощутив на нем бороды, потрясся до глубины души. В ту же минуту Эсеф с ужасом заметил у себя на груди и на подушке целый ворох черно-белых волос — то, что составляло еще совсем недавно его основательно потрепанную многострадальную бороду.

Взбешенный вероломным поступком молодой жены, Эсеф сильным ударом отбросил ее от себя и, точно ужаленный, вскочил с места. Поспешно схватив в охапку одежду вместе с кушаком, он как угорелый выбежал во двор, но тут же сгоряча врезался в стаю собак, собравшихся сюда чуть ли не со всего села на «собачью свадьбу». Всполошившиеся и рассерженные его неожиданным вторжением псы, обнажив клыки, с громким лаем набросились на Эсефа. Одной рукой прижимая одежду к себе, а другой размахивая красным кушаком, он пытался отбиваться от наседавших на него собак. Но два здоровых пса, видно, наиболее свирепые из всей стаи, мертвой хваткой вцепились зубами в кушак, как жены Эсефа во сне в несчастную бороду своего мужа. Под дружный лай остальных собак, плотным кольцом окруживших двоюженца, они, злобно рыча, изо всей силы старались вырвать у него кушак.

..На следующий день рано утром, когда старуха Саадат и другие женщины выгоняли своих коров в стадо, они, к своему немалому удивлению, увидели красный кушак Эсефа, который точно дохлая змея, валялся на земле, истерзанный, мокрый и загаженный до неузнаваемости ночными псами.

БИЖ

Быль

Миновав окрестные сады, она вступила в родное селение, бережно неся на руках своего новорожденного сына, завернутого в теплое пушистое одеяльце. Сама она, тонкая и хрупкая, с виду по-

* Б и ж — незаконнорожденный.

ходя на подростка, была одета, несмотря на прохладную осеннюю пору, в легкое серое платье из дешевого ситца, голову покрывал темный полинявший платок.

Ребенок спал. При взгляде на маленькое розовое личико безмятежно спящего сына, смуглое продолговатое лицо молодой женщины в редких оспинках, освещалось материнской нежностью и любовью. Увидев людей, стоявших в ста шагах от нее возле своих глинобитных домов с коричневыми стенами и плетеными заборами, она остановилась в нерешительности, в расширенных темнокарих глазах ее вспыхнули беспокойство и тревога. Она поняла, что в селе узнали о том, что она идет со своим новорожденным младенцем. Кто-то успел сообщить.

Среди собравшихся в основном были женщины, с пару десятков молодых мужчин и дети. Все они молча, будто в каком-то замешательстве, напряженно глядели в ее сторону.

Вдруг среди этой безмолвной тишины раздался чей-то удивленный, неприязненный и насмешливый голос:

— Ха! Гляньте! Она на самом деле идет со своим бижом!

Многие присутствующие заговорили разом:

— Боже мой, что это творится на белом свете!

— Как она, окаянная, решила вернуться в село со своим бижом и будет смотреть людям в лицо?!

— Выходит, мы должны ее бижю терпеть среди своих детей?!

Кому-то, видимо, от всего этого вдруг стало весело, и он громко, язвительно захихикал.

Юная мать не слышала их разговоры. Но она чувствовала настроение высыпавших у своих домов односельчан, догадывалась, что они сейчас думают, говорят о ней, о ее ребенке и у нее сразу упало сердце.

Простояв несколько минут в мучительном колебании, она, прикрыв лицо краем платка и плотнее прижав спящего ребенка к груди, медленно пошла вперед, низко опустив голову. И как только она прошла мимо собравшихся людей, те с шумом двинулись за ней, точно за дрессированным медведем, ведомым хозяином к месту представления. Не сворачивая никуда, она направилась прямо на противоположную часть села и остановилась на краю небольшой площадки старого тока, мимо которого протекал канал с невысокими обрывистыми берегами. Дальше за каналом лежал овраг, где в окружении высоких стройных тополей с пожелтевшей листвой виднелась мельница и откуда доносился глухой монотонный шум работающих мельничных колес.

С. слышала, что говорят за ее спиной женщины, парни, которых она легко узнавала по голосу, их упрёки, брань, насмешки. А ребята, чувствуя настроения старших, скаля зубы, подпрыгивая и поясничая вокруг нее, хором кричали: «Биж! Биж! Биж! С. роди-

ла биж! Биж! Биж!..» И она, все ниже опуская голову, продолжала стоять неподвижно с младенцем на руках, ни разу не взглянув в их сторону.

Вдруг произошло то, чего никто не ожидал и не мог даже предположить. Молодая женщина быстро, словно в беспамятстве развернула одеяльце и выбросила младенца в канал. На какую-то долю секунды перед глазами у всех промелькнула крохотная фигурка внезапно проснувшегося ребенка в белой коротенькой распашонке и голыми пухленькими ножками, раздался его жалобный плач, который тут же умолк, как только он с глухим шумом, точно брошенный камень, упал в воду.

Мать не закричала, не зарыдала, не билась в истерике, не упала в обморок, не издала ни единого звука, а продолжала стоять в той же неподвижной каменной позе, тупо, бессмысленными глазами глядя в то место, где только что холодная мутная вода поглотила ее младенца.

Ужасное зрелище произвело отрезвляющее действие на собравшихся. Сначала все, потрясенные увиденным, сразу замолкли. Даже ребята, которые кричали, дразнили: «Биж» Биж!..» остановились в каком-то оцепенении. А потом так же сразу, перекрикивая друг друга, стали раздаваться иные голоса:

— Вай! Что ты наделала, безумная!

— Хоть и биж — живая душа ведь!

— Ребенок тут причем!. Разве он виноват?!

Все дружно кинулись к обрыву. Двое парней тотчас же прыгнули в воду, вытащили ребенка, но он был уже мертв..

С. была круглой сиротой. Родители ее умерли давно, когда она была совсем маленькой. У нее был единственный брат года на три или четыре старше. Они выросли на тех крохах, которые подбрасывали им сердобольные соседи. Чудом выжили, несмотря на постоянное недоедание, голод, болезни, отсутствие родительской заботы, тепла и ласки. Голодная сиротская жизнь все же оказалась на здоровье брата. Он вырос щедедушным, к тому же был слабоумным и слабовольным.

Еще совсем не так давно в селе ожидали свадьбу шестнадцатилетней девушки-сиротки С. и парня из нашего села Ш., которого она любила. Это был невысокий, но коренастый, широкоплечий юноша, отличавшийся грубой бычьей силой и надменным, неприятным характером. Но свадьба не состоялась. По селу пополз слух, что С. не девушка. Одни винили в этом ее возлюбленного, который, не дожидаясь свадьбы, насильно овладел ею во время одного из тайных свиданий за селом, другие, особенно родственницы и родственники парня, считали, что виновата-де она сама. Родители парня, которые вообще были против женитьбы их сына на безродной сиротке, после этого наотрез отказались ввести ее в свой дом

и засватали для него другую девушку. А парень то ли не посмел ослушаться родителей, то ли С. вдруг перестала нравиться ему, подчинился их воле.

С. оказалась в положении. Тщедушный и слабовольный брат и не думал заступиться за поруганную сестру, отомстить соблазнителью и насильнику. Больше того, как только он узнал, что она ожидает ребенка, под влиянием своей жены выгнал ее из дому. Все стали сторониться С., словно прокаженной. Никто с ней не общался, не разговаривал. Даже постоять с ней рядом, подышать одним воздухом считалось чуть ли не грехом, преступлением. То, что она в своем чреве носит биа, внушал людям какой-то брезгливый ужас, суеверный страх, точно она несла в себе заразу, чуму.

Только одна наша односельчанка М., женщина богатырского сложения, которая была на целый аршин выше ростом и настолько же шире спиной своего худого, поджарого мужа, пренебрегая мнением остальных, разрешила С. жить в своем дворе под открытым навесом, где находился ее тону*, в котором она раз в неделю по пятницам выпекала хлеб.

Однажды наша соседка подозвала меня к себе и, протянув мне большой, желтый и круглый, как голова подсолнуха, свежеспеченный хлеб, сказала:

— Отнеси, сынок, этот хлеб несчастной С. да смотри, не подходи к ней близко. Брось ей хлеб и тут же беги назад.

С тех пор прошло очень много лет. Но эта картина во всех подробностях осталась в моей памяти. Когда я пришел к ней, она сидела под высоким навесом на голом земляном полу, опустив ноги в холодный тону. С. была одета в легкое платье, которое туго обтягивало ее выпяченный круглый живот, голова низко опущена на грудь. Двор был открытый, без забора. Все прохожие мимо, в том числе женщины, шедшие с кувшинами за водой к роднику, видели ее, судачили о ней.

У меня, тогда одиннадцатилетнего мальчика, было какое-то смешанное чувство, когда я с чуреком в руке подходил к С. мальчишеское любопытство, жалость и безотчетная боязнь чего-то, которая овладевала мною тем сильнее, чем я больше приближался к ней. Как предупреждала меня соседка, я, не дойдя до нее несколько шагов, прямо на ходу бросил ей хлеб и тут же без оглядки побежал назад.

Через некоторое время С., видимо, чувствуя приближение родов, незаметно исчезла из села. Она, оказывается, уехала в город, в больницу, откуда вскоре вернулась со своим новорожденным.

За это время ее бывший возлюбленный женился и вел себя так, словно совершил доблесть, поступив так подло с бедной беззащитной девушкой-сиротой.

* Тону — тондур — яма для выпечки хлеба.

Вспоминая об этой трагедии, я все время думаю: почему С. она не бросилась в воду, а совершила такой страшный, противоестественный для матери поступок? Может под влиянием всего пережитого ею, особенно того, с каким недружелюбием, осуждением и насмешкой встретили ее появление с незаконнорожденным ребенком в родном селении, она решила, что ее сыну будет трудно, невыносимо трудно жить среди своих сверстников, односельчан с позорным клеймом «бижа». Его всю жизнь за глаза и в глаза, по поводу и без повода будут упрекать, дразнить, оскорблять этим страшным словом? И что он всю жизнь будет мучиться, страдать, проклинать тот день, тот час, тот миг, когда мать зачала его в своем чреве от незаконного отца-подлеца, чувствовать себя чужим среди своих? Поэтому не лучше ли для него один ужасный конец, чем ужасы без конца в будущей жизни?

Но она не могла не знать, что и ее ждет нелегкая судьба отверженной среди подверженных диким предрассудкам односельчан и что никто из земляков ни под каким видом не пожелает жениться на ней.

Но, как говорится, семья не без «урода». Нашелся такой странный, необычный «нюгдинец», который женился на С. И вот как это произошло.

За пять лет до описываемого случая в 1922 году один из наших односельчан молодой батрак Т., приревновав красавицу-жену к сыну своего хозяина, зарубил его кинжалом. Убийцу осудили и отправили в Сибирь. С тех пор прошло ни мало, ни много девять лет. В один прекрасный день в начале лета 1931 года бывший ссыльный появился в селе в форме милиционера. Дети с восхищением смотрели на его милицмейскую форму, которая ладно сидела на его подтянутой фигуре, на его блестящие ремеш и портупею. Он побыл в селении всего несколько дней. За это время успел покоришь сердца всех наших ребятишек. Они сопровождали его повсюду. И он держался с ними просто, доступно, на равных, ходил с ребятами на прогулки за село, сам залезал на тутовник, тряс им тут.

Ребятишки заворожено слушали его рассказы о далекой таинственной и загадочной для них Сибири, ее необъятных просторах, о тайге, ее обитателях, о своей службе в милиции, давал им советы учиться, чтобы не быть темными и отсталыми, как их отцы и деды и каким он был сам.

Но за все время пребывания в селении, он ни разу не был у своей жены, которая все эти годы ждала его. А за день до отъезда он пришел в сельсовет вместе с С. и зарегистрировал свой брак с ней. А на следующий день увез ее с собой.

Жили они счастливо. Их давно нет в живых. Но живут и здравствуют три их сына, внуки.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА БЕЗ ОСТАНОВОК	5
НОВЕЛЛЫ О ХИТРОИМНОМ ШИМИ ДЕРБЕНДИ	
«Поздоровавшись с водкой, прощайся с умом»	8
«Азранл» за рулем	10
Человек и обезьяна	11
Подарок жене	12
Импортный осел	13
Модная невеста	15
Шими на службе у государя-императора... ..	16
«Похвала» Шими всевышнему	18
Как Шими был певцом на тайной свадьбе... ..	19
Радость Шими	21
Будуар для невестки Шими	23
Как Шими с женой поменялись обязанностями	25
Как осел Шими отомстил ему за критику	28
Горе Шими	30
Каждый сам себя лучше знает	30
История с телефоном	31
Баран на шашлык	33
Как Шими перевоспитывал свою невестку	35
Капитальный ремонт	36
Осел на колодках	37
Шими и великий Фирдоуси	38
Вылечился от «слепоты»	41
«Ослom поехал, ослom приехал»	41
Землетрясение	42
Корова на двух ногах	44
«Заколдованное место»	44
Любовь и борода (письмо Шими к автору)	46
Шими в больнице	50
Как Шими замещал бога	51
Кийжал и хлеб	55
Встреча с царем	56
Скромность Шими	57
Заграничный кулак Шими	58
Почти как у Насретдина	62
Могила хана	61
Дружба наполовину с водой и наполовину с уксусом	64
Чтобы плакать тоже нужно настроение	65
Шими на свадьбе	66
Как Шими оправдался перед женой	67
«Чем такая женитьба...»	69

Доминки по ослу	70
Интересная идея	74
Когда бедняк покупает курицу	75
Ум и богатство	75
Как «бог» подшутил над бедняком Шими	76
Новогодняя индюшка	78
Петух-будильник	79
Шими-охотник	80
Средство от ожирения	82
Шими в командировке	83
И она черная	84
Соломоново решение	85
Не всякую правду можно сказать жене	87
Как Шими давал «взятку»	89
Какие арбузы — такие и монеты	90
Три коварных свойства вина	91
Как Шими ехал на осле задом наперед	93
Капканы Шими	93
Сердце	94
Как Шими стал наполовину мужчиной и наполовину женщиной	95
Чужой покойник спящим кажется	96
Как Шими испытал своего сына	98
Обида	100
Счастливым конец	100
«Кот в мешке»	101
Шайтан	102
Как Шими стал жертвой собственного легкомыслия	104
«Бог велик...»	105
Как Шими приняли за сумасшедшего	106
Верь глазам, а не ушам	109
Шими на юбилее	111
«Не всякий выпачкавшийся мукой — мельник»	112
Жертвенный петух	113
Как Шими отблагодарил бога	114
Как Шими «разводился» со своей старухой (второе письмо автору)	116
Кровь жены	120
Нет лекарства от глупости	121
Как Шими купался в борще	121
Очковтиратели	122
Осел с дипломом	123
Опасное соседство	124
Взгляд на будущее	126
На брыканье осла не обижаются	127
Шими и его кунак	128
«Покойник» с лошадиным храпом	129
«Совість» на починку	132
Разбежался магазин	134
Шими на суде	135
Шими в роли «глухого» и «слепого» сторожа	138
«Один лает, другой кукарекает»	141
Ракеты и «рэкеты»	142
«Похвальное» слово взяточнику	144
Страшнее землетрясения	146
Гнев царя Ануширвана	147

РАССКАЗЫ

Встреча у родника	150
Как я писал диссертацию	157
«Жених» бабушки Фатымы	162
Хабар и хинкал	168
Сын	174
Как я воскрес	180
Черные слезы	183
Телефон	187
Старики	191
Мастер красоты	196
Фанфарон	200
Совбол	205
Сосед мой — враг мой	209
Женская профессия	213
Бриллиантовый мужчина	220
Седая девушка	223
Опасный гость	230
Как Муза стала Марусей	238
Потерянный рай	242
Сказание о любви	245
«Эта проклятая история»	255
«Невезучий»	259
«Шайтан»	264
Пружины любви	269
Каверзные шутки волшебницы-весны	274
Без мамы	280
«Хомол»	285
Биж (быль)	289

Хизгил Давыдович Авшалумов

ВСТРЕЧИ У РОДНИКА

Редактор Н. Гасанова. Художник А. Шарыпов. Художественный редактор Э. Лубьянов. Технический редактор С. Амирханова. Корректор И. Щербанева.

ИБ 2183

Сдано в набор 11.09.89. Подписано в печать 04.11.89. С 04240. Формат 60 x 84^{1/16}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 15 000. Заказ 2342. Цена 1 р. 60 к.

Дагестанское книжное издательство Государственного комитета
Дагестанской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли

367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография им. С. М. Кирова Государственного комитета Дагестанской
АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51.

1 р. 60 к.